

ВЕСТНИК СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. М.К. АММОСОВА. VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

Том 22 № 2. 2025. Валовый номер: 100.

16+

Научный журнал
Периодическое издание
Издается с 2004 года
Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова».

Журнал включен в Перечень периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по филологическим наукам

Целью научного журнала является освещение результатов научных исследований преподавателей, докторантов, аспирантов, магистрантов и соискателей ученых степеней доктора и кандидата наук, российских и зарубежных ученых в области биологических, физических и филологических наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Адрес учредителя и издателя: 677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677027, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 5, кабинет 1

Тел./факс: +7 (4112) 40-38-75

Северо-Восточный федеральный университет

<https://vestvfu.elpub.ru/jour/index>

Подписной индекс в каталоге ООО «Урал-Пресс Округ» 47182

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67401 выдано 13 октября 2016 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

© Северо-Восточный федеральный университет, 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. Н. Николаев*, д. б. н., СВФУ, Якутск, Россия.

Заместитель главного редактора: *Т. Н. Пермякова*, к. филол. н., СВФУ, Якутск, Россия.

Ответственный секретарь: *М. В. Куличкина*, СВФУ, Якутск, Россия.

Члены редакционной коллегии:

Филологические науки:

А. Е. Агманова, д. филол. н., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан;
А. Н. Варламов, д. филол. н., ИГиИПМНС СО РАН, Якутск, Россия; *Л. С. Дампилова*, д. филол. н., ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ, Россия; *Е. Н. Дмитриева*, д. филол. н., СВФУ, Якутск, Россия;
Н. И. Иванова, д. филол. н., ИГиИПМНС СО РАН, Якутск, Россия; *Е. А. Иванышина*, д. филол. н., Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия; *В. В. Красных*, д. филол. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *Н. В. Малышева*, д. филол. н., СВФУ, Якутск, Россия; *В. Ю. Михальченко*, д. филол. н., Институт языкознания РАН, Москва, Россия;
Л. Х. Мухаметзянова, д. филол. н., ИЯЛИ Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия; *Мнош Кизитус Н.*, PhD, Университет Дуала, Республика Камерун; *А. А. Петров*, д. филол. н., РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; *Л. Д. Раднаева*, д. филол. н., Бурятский государственный университет, Улан-Удэ, Россия; *П. В. Сивцева-Максимова*, д. филол. н., НИИ Кулаковского, СВФУ, Якутск, Россия; *Г. Г. Филиппов*, д. филол. н., СВФУ, Якутск, Россия; *Е. Э. Хабунцова*, д. филол. н., ИКФВ, КалмГУ, Элиста, Россия; *Л. М. Хусаинова*, д. филол. н., Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия.

Физические науки:

С. В. Алексеев, д. ф.-м. н., Институт теплофизики СО РАН, Новосибирск, Россия; *С. В. Дмитриев*, д. ф.-м. н., Уфимский ФИЦ РАН, Уфа, Россия; *Д. Г. Квашинин*, д. ф.-м. н., Институт биохимической физики им. Н.М. Эмануэля РАН, Москва, Россия; *Кол Гай Р.*, PhD, Университет Бэртау, Республика Камерун; *Г. Ф. Крымский*, д. ф.-м. н., ИКФИА СО РАН, Якутск, Россия; *Л. Т. Ксенофонтов*, д. ф.-м. н., ИКФИА СО РАН, Якутск, Россия; *А. А. Лагутин*, д. ф.-м. н., Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия; *И. М. Лебеденко*, д. б. н., НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина, Москва, Россия; *С. Н. Мамаева*, к. ф.-м. н., СВФУ, Якутск, Россия; *В. В. Мишин*, д. ф.-м. н., ИСЗФ СО РАН, Иркутск, Россия; *Н. Г. Мусакаев*, д. ф.-м. н., Тюменский филиал ИТПМ СО РАН, Тюмень, Россия; *Б. Я. Наркевич*, д. т. н., НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина, Москва, Россия; *Д. В. Николаев*, к. ф.-м. н., СВФУ, Якутск, Россия; *Д. А. Розаткин*, д. т. н., ГБУЗ МО МОНИКИ им. М.Ф. Владимирского, Москва, Россия; *И. И. Рожин*, д. т. н., ИПНГ СО РАН, Якутск, Россия; *В. В. Розанов*, д. б. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *Н. А. Саввинова*, д. ф.-м. н., СВФУ, Якутск, Россия; *А. С. Самардак*, д. ф.-м. н., Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск, Россия; *А. С. Семенов*, д. ф.-м. н., СВФУ, Мирный, Россия; *А. Е. Степанов*, д. ф.-м. н., ИКФИА СО РАН, Якутск, Россия; *Д. А. Таюрский*, д. ф.-м. н., Казанский федеральный университет, Казань, Россия; *Ай. М. Тимофеев*, д. ф.-м. н., СВФУ, Якутск, Россия; *Ан. М. Тимофеев*, д. т. н., ИФТПС ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Якутск, Россия; *А. П. Черняев*, д. ф.-м. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия.

Биологические науки:

А. И. Ануфриев, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *А. В. Артемьев*, д. б. н., Карельский научный центр РАН, Петрозаводск, Россия; *Л. Г. Вартапетов*, д. б. н., ИСиЭЖ СО РАН, Новосибирск, Россия; *В. В. Величенко*, д. б. н., НИИПЭС, СВФУ, Якутск, Россия; *Бу Сок Хванг*, PhD, Фонд биотехнологических исследований Soom, Южная Корея; *Н. И. Гермогенов*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *Н. С. Данилова*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *Т. В. Денисова*, д. б. н., Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия; *Э. Н. Елаев*, д. б. н., Бурятский государственный университет, Улан-Удэ, Россия; *А. Н. Журавская*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *Ал. П. Исаев*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *А. П. Исаев*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *М. М. Ишмуратова*, д. б. н., Башкирский государственный университет, Уфа, Россия; *В. Е. Колодезников*, к. б. н., СВФУ, Якутск, Россия; *И. М. Лебеденко*, д. б. н., НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина, Москва, Россия; *Г. В. Максимов*, д. б. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *Миссон Алан Д.*, PhD, Университет Дуала, Республика Камерун; *И. И. Мордосов*, д. б. н., СВФУ, Якутск, Россия; *Б. Я. Наркевич*, д. т. н., НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина, Москва, Россия; *Е. Г. Николин*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *В. В. Розанов*, д. б. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *Санг-Ву Ким*, PhD, Пусанский национальный университет, Южная Корея; *А. Н. Тихонов*, к. б. н., Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия; *Тозе Флавиан А.*, PhD, Университет Дуала, Республика Камерун; *А. П. Черняев*, д. ф.-м. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия; *М. М. Черосов*, д. б. н., ЯНИИСХ ЯНЦ СО РАН, Якутск, Россия.

VESTNIK
OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

Vol. 22 No. 2. 2025. Gross number: 100.

Academic periodical

Published since 2004

The frequency of publication is 4 times a year

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“M.K. Ammosov North-Eastern Federal University”

The periodical is included in the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission (HAC) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation on Philological Studies

The aim of the scientific journal is to highlight the results of scientific research of university professors, employees, doctoral students, post-graduate students, undergraduates and applicants for doctoral and Ph.D. degrees, as well as Russian and foreign scientists in the fields of biological, physical, philological sciences.

The periodical is included into the system of Russian Index of Science Citation (RISC)

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, 677000

Editorial office address: NEFU, 1 office, 5 Petrovskogo str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, 677027

Telephone/Fax: +7 (4112) 40-38-75

<https://vestvfu.elpub.ru/jour/index>

Subscription index in the “Ural-Press Okrug” catalogue 47182

Accreditation certificate ПИ № ФС77-67401 on October, 13, 2016 by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

© North-Eastern Federal University, 2025

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. N. Nikolaev*, Dr. Sci. (Biology), NEFU, Yakutsk, Russia.

Deputy Chief Editor: *T. N. Permyakova*, Cand. Sci. (Philology), NEFU, Yakutsk, Russia.

Executive Editor: *M. V. Kulichkina*, NEFU, Yakutsk, Russia.

Philological sciences:

A. E. Agmanova, Dr. S. in Philol., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; *A. N. Varlamov*, Dr. S. in Philol., IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russia; *L. S. Dampilova*, Dr. S. in Philol., IMBTS SB RAS, Ulan-Ude, Russia; *E. N. Dmitrieva*, Dr. S. in Philol., NEFU, Yakutsk, Russia; *N. I. Ivanova*, Dr. S. in Philol., IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russia; *E. A. Ivanshina*, Dr. S. in Philol., Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia; *V. V. Krasnykh*, Dr. S. in Philol., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia; *N. V. Malysheva*, Dr. S. in Philol., NEFU, Yakutsk, Russia; *V. Yu. Mikhhalchenko*, Dr. S. in Philol., Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russia; *L. Kh. Mukhametzyanova*, Dr. S. in Philol., ILLA of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia; *K. N. Mpoche*, PhD, University of Douala, Douala, Cameroon; *A. A. Petrov*, Dr. S. in Philol., Herzen State Pedagogical University, Saint-Petersburg, Russia; *L. D. Radnaeva*, Dr. S. in Philol., Buryat State University, Ulan-Ude, Russia; *P. V. Sivtseva-Maksimova*, Dr. S. in Philol., Institute of A. E. Kulakovskiy, NEFU, Yakutsk, Russia; *G. G. Philippov*, Dr. S. in Philol., NEFU, Yakutsk, Russia; *E. E. Khabunova*, Dr. S. in Philol., Institute of Kalmyk Philology and Eastern Studies B.B. Gorodovikov KSU, Elista, Russia; *L. M. Khusainova*, Dr. S. in Philol., M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia.

Physical sciences:

S.V. Alekseenko, Dr. S. in Phys. & Math., IT SB RAS, Novosibirsk, Russia; *S.V. Dmitriev*, Dr. S. in Phys. & Math., UFRCS RAS, Ufa, Russia; *D.G. Kvashnin*, Dr. S. in Phys. & Math., N.M. Emanuel IBCP RAS, Moscow, Russia; *G. R. Kol*, PhD, University of Bertoua, Bertoua, Cameroon; *G. F. Krymskiy*, Dr. S. in Phys. & Math., ShICRA SB RAS, Yakutsk, Russia; *L. T. Ksenofontov*, Dr. S. in Phys. & Math., ShICRA SB RAS, Yakutsk, Russia; *A. A. Lagutin*, Dr. S. in Phys. & Math., Altai State University, Barnaul, Russia; *I. M. Lebedenko*, Dr. S. in Biol., N.N. Blokhin NMRCO, Moscow, Russia; *S. N. Mamaeva*, Cand. Sc. Phys. & Math., NEFU, Yakutsk, Russia; *V. V. Mishin*, Dr. S. in Phys. & Math., ISTP SB RAS, Irkutsk, Russia; *N. G. Musakaev*, Dr. S. in Phys. & Math., TumD of ITAM SB RAS, Tumen, Russia; *B. Ya. Narkevich*, Dr. S. in Tech., N.N. Blokhin NMRCO, Moscow, Russia; *D. V. Nikolaev*, Cand. S. Phys. & Math., NEFU, Yakutsk, Russia; *D. A. Rogatkin*, Dr. S. in Tech., M.F. Vladimirovskiy MRRCI, Moscow, Russia; *I. I. Rozhin*, Dr. S. in Tech., IOGP SB RAS, Yakutsk, Russia; *V. V. Rozanov*, Dr. S. in Biol., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia; *N. A. Savvinova*, Dr. S. in Phys. & Math., NEFU, Yakutsk, Russia; *A. S. Samardak*, Dr. S. in Phys. & Math., Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia; *A. S. Semenov*, Dr. S. in Phys. & Math., NEFU, Mirny, Russia; *A. E. Stepanov*, Dr. S. in Phys. & Math., ShICRA SB RAS, Yakutsk, Russia; *D. A. Taiurskiy*, Dr. S. in Phys. & Math., Kazan Federal University, Kazan, Russia; *Ai. M. Timofeev*, Dr. S. in Phys. & Math., IPT NEFU, Yakutsk, Russia; *An. M. Timofeev*, Dr. S. in Tech., IPTPN SB RAS, Yakutsk, Russia; *A. P. Chernyaev*, Dr. S. in Phys. & Math., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia.

Biological sciences:

A. I. Anufriev, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *A. V. Artemyev*, Dr. S. in Biol., KarRC RAS, Petrozavodsk, Russia; *L. G. Vartapetov*, Dr. S. in Biol., ISEA SB RAS, Novosibirsk, Russia; *V. V. Velichenko*, Dr. S. in Biol., IAEN, NEFU, Yakutsk, Russia; *Woo-Suk Hwang*, PhD, SOOAM Biotech Research Foundation, Seoul, Republic of Korea; *N. I. Germogenov*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *N. S. Danilova*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *T. V. Denisova*, Dr. S. in Biol., SFU, Rostov-on-Don, Russia; *E. N. Elaev*, Dr. S. in Biol., Buryat State University, Ulan-Ude, Russia; *A. N. Zhuravskaya*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *Al. P. Isaev*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *Ark. P. Isaev*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *M. M. Ishmuratova*, Dr. S. in Biol., Bashkir State University, Ufa, Russia; *V. E. Kolodeznikov*, Cand. S. in Biol., NEFU, Yakutsk, Russia; *I. M. Lebedenko*, Dr. S. in Biol., N.N. Blokhin NMRCO, Moscow, Russia; *G. V. Maksimov*, Dr. S. in Biol., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia; *A. D. Missoup*, PhD, University of Douala, Douala, Cameroon; *I. I. Mordosov*, Dr. S. in Biol., NEFU, Yakutsk, Russia; *B. Ya. Narkevich*, Dr. S. in Tech., N.N. Blokhin NMRCO, Moscow, Russia; *E. G. Nikolin*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *V. V. Rozanov*, Dr. S. in Biol., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia; *Sang-Woo Kim*, PhD, Busan National University, Busan, Republic of Korea; *A. N. Tikhonov*, Cand. S. in Biol., Zoological Institute of the RAS, Saint-Petersburg, Russia; *F. A. Toze*, PhD, University of Douala, Douala, Cameroon; *A. P. Chernyaev*, Dr. S. in Phys. & Math., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia; *M. M. Cherosov*, Dr. S. in Biol., YSRIA YSC SB RAS, Yakutsk, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кочуров Б. И., Величенко В. В., Писарева Л. Ю., Колодезников В. Е., Горохов А. Н. Анализ воздействия объектов газонефтедобычи на охотничьих млекопитающих родовой общины малочисленных народов «Ботубуйа» Мирнинского района Якутии..... 7

Саодатова Р. З., Швецов А. Н. Охрана восточноевропейских орхидей *ex situ*..... 24

ФИЗИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бибихов Ю. В., Наумов Е. К., Семенова М. Н., Якушев И. А. Воздействие высокоэнергетического нагрева токами высокой частоты на дислокации в условиях повышения коррозионной стойкости..... 37

Лебеденко И. М. Статистика индексов гомогенности дозы в мишени при планировании облучения при различных нозологиях..... 48

Реев В. Г., Гунасекара У. Д. С. Анализ выбора хладагента для тепловых насосных установок по ключевым критериям..... 59

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Агрба Л. А., Айба Э. Г. Лингвокультурологическая специфика художественного перевода на абхазский язык стихотворения Роберта Бернса *My Heart's in the Highlands* поэтом-переводчиком Платоном Бебиа..... 68

Алибаев З. А. Поэтика современного башкирского романа..... 83

Афонская А. М. Квазисинонимические полипредикативные конструкции в якутском языке (на материале уступительных конструкций)..... 93

Васильев В. В. Термин «тональность»: интегративный подход в лингвистических исследованиях..... 102

Высоцкая М. И. Направления воображаемых путешествий в лирике Г. Иванова..... 114

Жулева А. С. Роман Юрия Рытхэу «Остров надежды»: межтекстовый диалог и образная система..... 126

Журавлев Д. М. Контрманипуляция как способ противодействия языковому манипулированию в СМИ..... 140

Иванова Р. П. Когнитивно-семиотическое моделирование лексики тактильной перцепции в якутском языке..... 151

Мархадаев Г. Б. Мотив испытания как фольклорный элемент в современной бурятской прозе..... 163

Ноева (Карманова) С. Е. Пространственный миф в якутском городском тексте: специфика и функции..... 174

Сунь Ичжэнь. Образ Китая в российских СМИ (на основе статей, опубликованных в «Известиях», «Коммерсанте» и «Российской газете» в 2024 г.)..... 188

Тохтобина Я. Е. Лексика неживой природы якутского языка с компонентом-зоонимом: структурные и семантические способы номинации..... 204

Чаунина Н. В. Рецепция личности и творчества Пушкина в лирике якутских поэтов XX–начала XXI века..... 217

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ЮБИЛЕИ

Григорьева Л. П., Васильева Т. Н., Егорова С. И. К юбилею известного ученого, литературоведа, профессора СВФУ Прасковьи Васильевны Сивцевой-Максимовой..... 227

Казанцев В. С., Кривенко Л. А., Тананаев Н. И., Кураков С. А., Баишев Н. Е., Агафонова С. А. Резолюция Всероссийской научно-практической конференции «Эмиссия метана из экосистем Севера: методы, инструменты, результаты»..... 233

Руфова Е. С., Барашкова С. Н., Пермькова Т. Н. Путь на Восток: к 25-летию юбилею кафедры восточных языков и страноведения ИЗФиР СВФУ..... 238

Тарабукина М. В., Самсонова Л. Н. Светлый образ Учителя..... 244

CONTENT

BIOLOGICAL SCIENCES

<i>Kochurov B. I., Velichenko V. V., Pisareva L. Yu., Kolodeznikov V. E., Gorokhov A. N.</i> Impact analysis of oil and gas extraction facilities on hunting mammals of the “Botuobuia” (tribal community) of indigenous minorities in the Mirninsky district of Yakutia.....	7
<i>Saodatova R. Z., Shvetsov A. N.</i> Ex situ protection of Eastern European orchids.....	24

PHYSICAL SCIENCES

<i>Bebikhov Yu. V., Naumov E. K., Semyonova M. N., Yakushev I. A.</i> The effect of high-energy heating by high-frequency currents on dislocations in conditions of increased corrosion resistance.....	37
<i>Lebedenko I. M.</i> Statistics of dose homogeneity indices in the target when planning irradiation for various nosologies.....	48
<i>Reev V. G., Gunasekara U. J. S.</i> Analysis of the choice of refrigerant for heat pumping units according to key criteria.....	59

PHILOLOGICAL STUDIES

<i>Agrba L. A., Aiba E. G.</i> Linguocultural peculiarities of the literary translation of Robert Burns’s poem My Heart’s in the Highlands into Abkhaz language by the poet-translator Platon Bebia.....	68
<i>Alibaev Z. A.</i> The poetics of contemporary Bashkir novel.....	83
<i>Afonskaya A. M.</i> Quasi-synonymous polypredicative constructions in the Yakut language: a study of concessive constructions.....	93
<i>Vasiliev V. V.</i> The term “tonality”: an integrative approach in linguistic research.....	102
<i>Vysotskaya M. I.</i> Directions of imaginary journeys in the lyric poetry of Georgy Ivanov.....	114
<i>Zhuleva A. S.</i> The novel “Island of Hope” by Yuri Rytkheu: intertextual dialogue and the imagine system.....	126
<i>Zhuravlyov D. M.</i> Countermanipulation as the way to counter language manipulation in mass media.....	140
<i>Ivanova R. P.</i> Cognitive-semiotic modeling of tactile perception vocabulary in the Sakha (Yakut) language.....	151
<i>Markhadaev G. B.</i> The trial motive as a folklore element in modern Buryat prose.....	163
<i>Noeva (Karmanova) S. E.</i> Spatial myth in the Yakut urban text: specifics and functions.....	174
<i>Sun Yizhen.</i> The image of China in Russian media (based on articles from “Izvestia”, “Kommersant” and “Rossiyskaya Gazeta” in 2024).....	188
<i>Tokhtobina Ya. E.</i> Inanimate nature vocabulary of the Yakut language with a zoonymic component: structural and semantic ways of nomination.....	204
<i>Chaunina N. V.</i> Reception of Pushkin’s personality and works in the lyrics of Yakut poets of the 20th – early 21st centuries.....	217

DATES, EVENTS, ANNIVERSARIES

<i>Grigorieva L. P., Vasilieva T. N., Egorova S. I.</i> To the anniversary of Praskovya Vasilievna Sivtseva-Maksimova, a famous scientist, literary critic, and professor of NEFU.....	227
<i>V. S. Kazantsev, L. A. Krivenok, N. I. Tananaev, Kurakov S. A., Baishev N. E., Agafonova S. A.</i> Resolution of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Methane Emission from Northern Ecosystem: Methods, Tools, and Results”.....	233
<i>Rufova E. S., Barashkova S. N., Permyakova T. N.</i> The Path to the East: Celebrating the 25th Anniversary of the Department of Oriental Languages and Regional Studies, Institute of Modern Languages and International Studies, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.....	238
<i>Tarabukina M. V., Samsonova L. N.</i> The bright image of the teacher.....	244

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 59.009;639.11

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-2-7-23>

Оригинальная научная статья

Анализ воздействия объектов газонефтедобычи на охотничьих млекопитающих родовой общины малочисленных народов «Ботубуйа» Мирнинского района Якутии

**Б. И. Кочуров¹, В. В. Величенко² ✉, Л. Ю. Писарева²,
В. Е. Колодезников², А. Н. Горохов³**

¹Институт географии РАН, Москва, Российская Федерация

²Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,

г. Якутск, Российская Федерация

✉ ipes-08@mail.ru

³Институт биологических проблем криолитозоны ФИЦ ЯНЦ СО ОРАН,

г. Якутск, Российская Федерация

Аннотация

В статье анализируются результаты проведенной оценки воздействия на этнологическую среду родовой общины малочисленных народов (РОМН) «Ботубуйа» как правообладателя территории традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера в зоне Тас-Юряхского лицензионного участка. С использованием известной методики №565 от 2009 г. определены убытки родовой общины малочисленных народов от промышленной деятельности производственного объекта ПАО «Газпром». Объектом промышленного воздействия является разведочная скважина №141-16 Тас-Юряхского НГКМ, которая размещается на территории родовой общины. Приводятся сведения по биологии охотничьих млекопитающих, а также проводится анализ динамики их численности в охотничьих угодьях Мирнинского района Якутии. Установлено, что на территории родовой общины зафиксировано существенное изменение состояния численности охотничьих млекопитающих. Основными видами промышленной деятельности, из-за которых происходят изменения, являются поиск, разведка и добыча углеводородного сырья, которые сопровождаются строительством автодорог, карьеров общераспространенных полезных ископаемых (ОПИ), вахтовых жилых комплексов, объектов инфраструктуры месторождений, существенным увеличением интенсивности движения автотранспорта и т. д. В 2010 г. в Республике Саха (Якутия) был принят закон «Об этнологической экспертизе», благодаря которому многие недропользователи уже провели этнологическую экспертизу своей деятельности для оценки воздействия объектов газонефтедобычи на традиционные промыслы родовых общин, на землях которых расположены данные объекты. По итогам этнологической экспертизы недропользователи заключают с общинами коренных малочисленных народов соглашения, в которых обязуются не только развивать инфраструктуру поселков, но и способствовать увеличению численности охотничьих млекопитающих.

Ключевые слова: воздействие, млекопитающие, коренные малочисленные народы, объекты газонефтедобычи, община, оценка, численность, месторождения, буровые

Финансирование. Статья подготовлена по материалам исследования по теме Государственного задания ИГ РАН № FNWS-2024-0007-Биотические, географогидрологические и ландшафтные оценки окружающей среды для создания основ рационального природопользования

Для цитирования: Кочуров Б. И., Величенко В. В., Писарева Л. Ю., Колодезников В. Е., Горохов А. Н. Анализ воздействия объектов газонефтедобычи на охотничьих млекопитающих родовой общины малочисленных народов «Ботубуйа» Мирнинского района Якутии. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 2. С. 7–23. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-7-23

Original article

Impact analysis of oil and gas extraction facilities on hunting mammals of the “Botuobuia” (tribal community) of indigenous minorities in the Mirninsky district of Yakutia

**Boris I. Kochurov¹, Valery V. Velichenko² ✉, Larisa Yu. Pisareva²,
Vasily E. Kolodeznikov², Alexey N. Gorokhov³**

¹Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

²M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ ipes-08@mail.ru

³Institute for Biological Problems of Cryolithozone SB RAS, Yakutsk, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the results of the conducted assessment of the impact on the ethnological environment of the tribal community of indigenous minorities “Botuobuia” as the landholder of the territory of traditional residence and traditional economic activity of the indigenous peoples of the North within the Tas-Yuryakh licensed area. Using the established methodology No. 565 from 2009, losses to the tribal community of indigenous minorities from the industrial activity of the production facility of PJSC Gazprom were determined. The industrial impact object is exploration well No. 141-16 of the Tas-Yuryakhskoye OGCF, which is located on the territory of the tribal community. The article provides information on the biology of hunting mammals, and also analyzes the dynamics of their numbers in the hunting grounds of the Mirninsky district of Yakutia. It has been established that a significant change in the state of the number of hunting mammals has been recorded on the territory of the tribal community. The main types of industrial activity due to which changes occur are the search, exploration and production of hydrocarbon raw materials, which are accompanied by the construction of highways, quarries of common minerals, shift housing complexes, infrastructure facilities of deposits, a significant increase in the intensity of traffic, etc. In 2010, the Sakha Republic (Yakutia) adopted the law “On Ethnological Expertise”, as a results to which many subsoil users have already conducted an ethnological expertise of their activities to assess the impact of gas and oil production facilities on the traditional industries of tribal communities on whose lands these facilities are located. Based on the results of the ethnological examination, subsoil users conclude agreements with communities of indigenous peoples in which they undertake not only to develop the infrastructure of the villages, but also to promote an increase in the number of hunting mammals.

Keywords: impact, mammals, indigenous minorities, oil and gas production facilities, community, assessment, population, deposits, drilling

Funding. The article was supported by funding from the State Assignment of the Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, project No. FNWS-2024-0007: “Biotic, geographic-

hydrological, and landscape assessments of the environment for creating the foundations of rational nature management”

For citation: Kochurov B. I., Velichenko V. V., Pisareva L. Yu., Kolodeznikov V. E., Gorokhov A. N. Impact analysis of oil and gas extraction facilities on game mammals of the “Botuobuia” (tribal community) of indigenous minorities in the Mirninsky district of Yakutia. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 2. Pp. 7–23. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-7-23

Введение

Статья 3 Федерального закона №7 «Об охране окружающей среды» определяет основные принципы охраны окружающей среды, среди которых прописаны презумпция экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности, а также обязательность оценки воздействия на окружающую среду при принятии решений об осуществлении хозяйственной и иной деятельности. Это в полной мере относится ко всем недропользователям, эксплуатирующим природные ресурсы.

Этим же законом определены категории объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду. Объекты, оказывающие негативное воздействие на окружающую среду, в зависимости от уровня такого воздействия подразделяются на четыре категории.

По нашему мнению, среди них особое место занимают объекты газонефтедобычи. Это объясняется тем, что перед началом эксплуатации скважин недропользователи проводят разведку, которая сопровождается не меньшим, если не большим воздействием на окружающую среду. В перечень мероприятий, связанных с разведкой месторождений, входят: строительство автодорог, прокладка трасс перетаскивания буровых установок, обустройство карьеров общераспространенных полезных ископаемых (ОПИ), строительство вахтовых жилых комплексов, объектов инфраструктуры месторождений и т. п. При этом существенно увеличивается интенсивность движения автотранспорта, на территориях проведения разведочных работ появляется большое число работников, контроль за деятельностью которых со стороны общин коренных малочисленных народов Севера весьма затруднен.

Именно к таким объектам относится разведочная скважина № 141-16 Тас-Юряхского НГКМ. Скважина расположена в границах МО «Мирнинский район», площадь охотничьих угодий которого составляет 15146,5 тыс. га, в т. ч. площадь закрепленных охотничьих угодий – 5519,6626 тыс. га, площадь общедоступных охотничьих угодий – 9626,8374 тыс. га.

За последние годы на территории Мирнинского района резко возросло количество объектов газонефтедобычи, строящихся крупными российскими компаниями: ПАО «Газпром», ПАО «Сургутнефтегаз», ПАО НК «Роснефть», АО «РНГ», ООО «Иркутская нефтяная компания». По сравнению с 2019 г. на 22,6% выросла добыча нефти, составив 5361,4 тыс. тонн. Выработка газа увеличилась на 25,8% и составила 200,7 млн кубометров. Выработка газового конденсата увеличилась на 56,6% до 39,3 тыс. тонн.

В 2010 г. в Республике Саха (Якутия) был принят закон «Об этнологической экспертизе», благодаря которому многие недропользователи уже провели подобную экспертизу для оценки воздействия своих объектов на традиционные промыслы родовых общин, на землях которых расположены данные объекты.

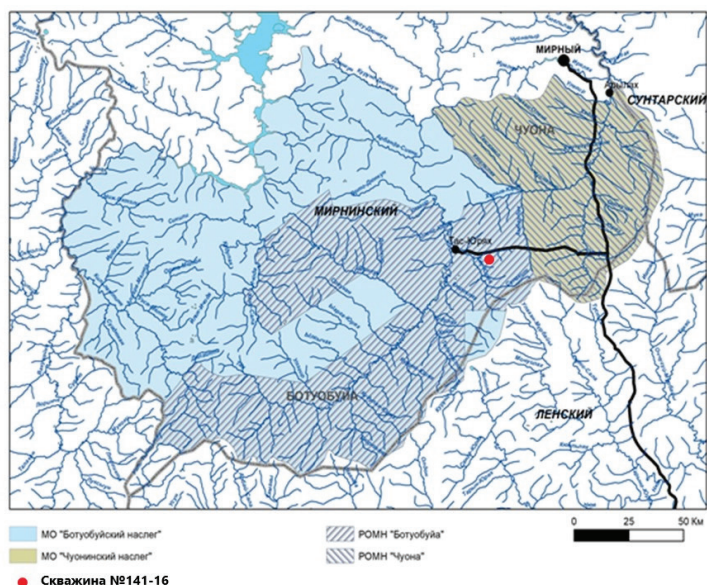

Рис. 1. Границы МО «Ботубуйинский наслег» и скважина №141-16

Fig. 1. Boundaries of the “Botuobuyinsky nasleg”
Municipal Formation and location of well No. 141-16

На этом основании нами приводятся сведения о перечне и численности охотничьих млекопитающих, обитающих в районе расположения разведочной скважины № 141-16 Тас-Юряхского НГКМ, а также порядок определения и размер убытков родовой общины коренных народов (РОМН) «Ботубуйа» от утраты части этих животных.

Материал и методы

Материалами для настоящей статьи послужила научно-исследовательская работа, выполненная учеными и преподавателями Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова «Оценка воздействия на этнологическую среду в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов севера на территории Тас-Юряхского лицензионного участка. Разведочная скважина № 141-16 Тас-Юряхского НГКМ».

Для выполнения данной работы в 2020 г. был организован выезд рабочей группы СВФУ в пос. Тас-Юрях для собеседования с представителями общины, а также изучения охотничьих угодий РОМН «Ботубуйа», что дало возможность ознакомиться с одним из видов традиционного природопользования – охотничьим хозяйством общины.

В границах Мирнинского района расположены земли Ботубуйинского наслега, административным центром которого является село Тас-Юрях, расположенное в 103 км к юго-западу от районного центра (рис. 1). В наслеге шесть родовых общин малочисленных народов (РОМН), которые ежегодно добывают и сдают пушнину заготовителям. Среди родовых общин и РОМН «Ботубуйа», угодья которой также находятся в границах МО «Ботубуйинский наслег» (рис. 1).

При написании статьи использовались эмпирические методы: изучение специальной литературы по биологии охотничьих млекопитающих, анализ отчетов

Рис. 2. Интервью с заместителем председателя общины
и обследование угодий РОМН «Ботубуйа»

Fig. 2. Interview with the Deputy Chairman of the community
and survey of lands of the “Botuobuia”

тов по оценке воздействия на этнологическую среду коренных малочисленных народов Севера России, обобщение опыта проведения оценочных работ, а также интервьюирование (рис. 2).

Результаты

Из всех млекопитающих, обитающих на территории, закрепленной за РОМН «Ботубуйа», 15 видов являются охотничье-промысловыми [1]. В перечне представлен видовой состав охотничьих млекопитающих общины.

Отряд Зайцеобразные – *Lagomorpha*

1. Заяц-беляк – *Lepus timidus* L., 1758

Отряд Грызуны – *Rodentia*

2. Азиатский бурундук – *Eutamias sibiricus* Laxmann., 1769

3. Летяга – *Pteromys volans* L., 1758

4. Обыкновенная белка – *Sciurus vulgaris* L., 1776

Отряд Хищные – *Carnivora*

5. Бурый медведь – *Ursus arctos* L., 1758

6. Волк – *Canis lupus* L., 1758 –

7. Горностай – *Mustela ermine* L. 1758

8. Ласка – *Mustela nivalis* L., 1766

9. Лисица Обыкновенная – *Vulpes vulpes* L., 1758

10. Колонок - *Mustela sibirica* Pallas, 1773

11. Соболь – *Martes zibellina* L., 1758

12. Росомаха – *Gulo gulo* L., 1758

13. Рысь - *Felis lynx* L., 1758

Отряд Парнопалые – *Artiodactyla*

14. Лось – *Alces alces* L., 1758

15. Дикий северный олень – *Rangifer tarandus* L., 1758

Ниже приведено краткое описание видов охотничьих млекопитающих, обитающих в границах Мирнинского района и РОМН «Ботубуйа».

Обыкновенная белка. На территории Якутии обитает якутский подвид обыкновенной белки – *S. v. jacutensis* C., 1929. Морфологические различия белок в разных районах Якутии не достигают подвидового уровня [2]. Ареал охватывает всю таежную полосу. В таежной зоне выделяются семь основных групп районов обитания белки: приленская, алданская, вилюйская, центральная, северо-

восточная, северо-западная и колымская – отличающихся друг от друга условиями существования, плотности и численности вида [3].

Максимальный подъем численности белки наблюдался в середине 1940-х гг., минимальный уровень – в 1965 и 1983 гг. К причинам снижения численности относят ухудшение среды обитания вследствие пожаров в конце 1940-х – начале 1950-х гг., устойчивыми неурожаями кормов, хищническим влиянием соболя [4, 5].

В последние годы по результатам ЗМУ отмечено повышение численности; в 2023 г. она составила 651,0 тыс. особей, что позволяет поддерживать высокий уровень эксплуатации ресурсов вида. В Мирнинском районе численность белки в 2023 г. составила 28,2 тыс. особей [6].

Бурый медведь. Бурый медведь Якутии по размерам меньше южносибирского и камчатского подвидов. По сведениям О. В. Егорова, длина тела большинства самцов 180–190 см, высота в холке 100–105 см, вес 140–150 кг. Половой диморфизм выражен в уменьшении размеров самок, длина тела которых соответственно 140–145 см, высота в холке 75–80 см, вес около 80–100 кг. Населяет всю таежную зону, основу питания составляют разнообразные корма растительного происхождения. Кормовое значение диких копытных невелико [4].

По данным анкет респондентов, плотность бурого медведя в Якутии колеблется от 0,01 до 0,09 ос./1000 га. Общая численность в 1990-х – начале 2000-х гг. оценивалась в 16 тыс. (Айыы Уола-Айан, 2004). По результатам анкетирования охотников, численность медведя в 2023 г. несколько повысилась до 20,1 тыс. особей. В Мирнинском районе численность медведя в 2023 г. составила 1100 особей [6].

Волк. В Якутии встречаются две цветовые формы этого хищника: лесная (более темная) и тундровая (более светлая), принимаемые за разные.

Ареал охватывает всю территорию республики, включая Новосибирские острова. В северо-таежных районах в питании хищника преобладают дикий и домашний северные олени, в центральных – заяц-беляк, в южных – лось и изюбрь. К наиболее распространенным и часто поедаемым видам корма относится заяц-беляк (80–93%) [7]. В последние десятилетия усилилось воздействие волка на домашнее оленеводство и табунное коневодство. Общий объем годовой добычи волками диких животных в Якутии ориентировочно оценивается в 3300 лосей, 11200 оленей, 680 изюбрей, 3000 косуль, 130000 зайцев [8].

По результатам ЗМУ, численность волка в Якутии в 2023 г. была равна 12,0 тыс. особей. В Мирнинском районе численность вида в 2023 г. составила 1037 особей [6].

Горностай. В пределах Якутской АССР обитает восточносибирский подвид (*M. e. arctica* Merriam, 1896). Размеры тела горностая в различных эколого-географических зонах Якутии варьируют незначительно. Длина тела самца колеблется в пределах 210–270 мм, хвоста 70–100 мм, высота уха 43–26 мм. Размеры самки несколько меньше [2]. Распространен в Якутии почти повсеместно. К наиболее населенным видом районам относится и значительная часть Лено-Оленекско-Вилуйского междуречья (3 экз. с 1000 га).

Основным кормом являются мышевидные грызуны (65,4% встречаемости в содержимом желудков). Значительно меньше поедается рыба (10%), отыскиваемая в подледных пустотах. Затем по степени поедаемости идут птицы (6%), водяная полевка (4,3%), землеройки (3,6%), насекомые (2%) и прочие животные корма, включая зайца-беляка, белку, ондатру, суслика (4,2%). В небольшом количестве потребляются ягоды голубики (2,7%) и брусники (0,4%), грибы (2,5%) [9].

С начала 2000-х гг. наблюдается значительное сокращение добычи вида. Главная причина сокращения заготовок горностая – переключение охотников на экономически значительно более выгодный промысел соболя.

По результатам ЗМУ численность горностая в Якутии в 2023 г. составила 150,9 тыс. особей. В Мирнинском районе численность вида в 2023 г. составила 5,9 тыс. особей [6].

Заяц-беляк. На территории Якутии отмечается несколько географических форм зайца-беляка, соответствующих подвидам. Еще С. И. Огнев (1940) выделил в Якутии 2 подвида: гижигинский, или охотский (*L. t. Gichiganus* J. Allen, 1903), и колымский (*L. t. kolymensis* Ognev, 1922). Первый из них, по мнению этого автора, обитал в Центральной Якутии, второй – в бассейне р. Колымы.

Последние исследования показали, что на территории Якутии обитает 4 географические формы с явными морфологическими различиями, достаточно хорошо разграниченные территориально [4].

Якутский заяц-беляк существенно отличается от гижигинского беляка и четко изолирован от него юго-восточными отрогами Верхоянского хребта. Сравнение якутских взрослых беляков даже со сборными сериями гижигинского беляка показывает, что он значительно мельче последнего. У якутского кондлобазальная длина черепа $82,5 \pm 0,2$ мм, а у гижигинского – $85,4 \pm 0,4$ мм.

Ранее в Якутии наблюдались колоссальные по амплитуде колебания численности зайца-беляка – в фазе подъема она увеличивалась в несколько сотен раз. Последние наиболее высокие подъемы численности наблюдались в 1967–1969 гг. В последующие годы динамика численности вида приобрела характер сглаженных колебаний на пониженном уровне, и его плотность уже не достигала прежних показателей. Чрезмерный пресс охоты на зайца-беляка во второй половине XX в., вплоть до полного изъятия на больших территориях, привел к утрате присущей ему способности к периодическим резким подъемам численности [10].

По результатам ЗМУ, численность зайца-беляка в Якутии в 2023 г. составила 457,9 тыс. особей. В Мирнинском районе численность вида в 2023 г. – 25,0 тыс. особей [6].

Колонка. В Якутии обитает номинальный подвид колонка (*M. s. sibiricus* Pall., 1773). Ареал охватывает бассейны рр. Вилюй, Алдан, Олекма и Средняя Лена. Характеризуется неравномерным распространением по территории. Наибольшая численность наблюдается в Центральной Якутии в пределах Намского и Кобяйского районов, наименьшая – на северных склонах Станового хребта и водораздельных пространствах рр. Вилюй и Оленек (Попов, 1980).

Основу питания колонка составляют мышевидные грызуны (52,4% встреч), водяная полевка (13,7%), заяц-беляк (17,8%) и в меньшей степени ондатра (5,0%) [11].

Ввиду отсутствия спроса на шкурки колонка он мало привлекает охотников и является их случайной или попутной добычей. В 2018 г. численность колонка составляла около 2,0 тыс. особей, что меньше, чем в предыдущие годы (10,8 и 11,6 тыс. экз. в 2010–2011 гг.). Негативное влияние соболя на распространение и численность колонка, вытеснение его из коренных мест обитания впервые отмечались как в Южной [12], так и в Центральной Якутии [13].

Обыкновенная лисица. Якутскую лисицу принято относить к самостоятельному подвиду – *V. v. jacutensis* Ognev (1922), но она мало отличается от форм, обитающих в Красноярском крае и особенно на Северо-Востоке.

Наиболее плотно лисица населяет бассейны рр. Колыма, Индигирка и Вилюй, где выход шкурок на 1000 км² достигал 8–12,5 шт. [4]. Основу питания составляют серые полевки (69,1%), на втором месте ондатра (35,7%), на третьем – заяц-беляк (9,5%) и лесные полевки (9,5%) [14, 15].

Современная численность лисицы изменяется в пределах 15–31 тыс. особей (2023 г. – 27,6 тыс.) С 2000-х гг. при значительной численности вида в заготовки поступает в среднем только около 280 шкурок в год, что является следствием низкой закупочной цены и оседания у населения.

Рысь. Рысь, обитающая в Якутии, относится к наиболее крупному восточносибирскому подвиду (Попов, 1980). Встречается повсеместно, заходит в тундру. Основу питания составляет заяц-беляк. Максимальные заготовки достигали 700 шкур, среднегодовые в середине прошлого века – 149 шт. Послепромысловая численность варьирует по годам и в 2023 г., по данным ЗМУ, составляла 3,1 тыс. экз. Основная причина низкой численности вида – депрессия численности зайца-беляка.

Росомаха. Обитает на всей территории Якутии, но распределена неравномерно и нигде не достигает высокой плотности; более обычна в лесной зоне. Основные кормовые объекты – разные виды копытных и заяц-беляк, поедает остатки жертв других хищников [16]. В промысловой пробе из 77 росомах на сеголеток приходилось 48%, на особей 1–2 лет – 36,4%, 3–8 лет – 15,6% [17].

Послепромысловая численность росомахи на территории Якутии в 2023 г. находилась на среднем уровне и составляла (6,3 тыс. особей). Добывается росомаха редко и в заготовках заметной роли не играет.

Соболь. На территории Якутии до начала акклиматизационных мероприятий обитали енисейский *M. z. jenissensis* и якутский *M. z. jakutensis* подвиды соболя. С 1948 г. начаты работы по акклиматизации витимского *M. z. vitimensis* и баргузинского *M. z. hrinceps* подвидов соболя в Южной и Северо-Восточной Якутии.

В настоящее время соболь заселил всю лесную зону Якутии, эпизодически заходит в тундру. На северо-западе Якутии обитает автохтонный енисейский соболь (*M. z. yeniseensis*) со светлой окраской меха. В южной части своего ареала, в бассейне р. Вилюй, он смешался с южнокутскими соболями-интродуцентами – потомками витимских соболей [18, 19].

Популяция соболя в Якутии обитает в условиях холодного климата и, в отличие от популяций оптимальных частей ареала, характеризуется меньшей продуктивностью и, соответственно, пониженной устойчивостью к воздействию промысла.

Репродуктивное ядро якутских популяций вида составляют самки 1–5 лет (93,2% от всех взрослых самок), с преобладанием особей 1–2 лет (77,5%). До зрелого возраста от трех до семи лет доживает 18,3% самцов и только 8,3% самок от числа сеголеток этого же пола. Потенциальная плодовитость самок увеличивается с возрастом. У самок в возрасте одного года величина плодовитости составляла $2,14 \pm 0,21$, 2-х лет – $3,18 \pm 0,15$, 3-х лет – $3,22 \pm 0,15$, 4-х лет – $3,13 \pm 0,35$, 5-ти лет – $3,71 \pm 0,42$, 6-и лет и старше – $3,73 \pm 0,29$ ($n=279$). Однако наибольшее суммарное количество желтых тел дают наиболее многочисленные самки 1–2 лет (49,6%) с невысокой плодовитостью. На самок 3-х лет приходилось 22,0%, 4-х – 9,7%, 5-и – 6,4% и 6–13 лет – 12,3% потенциального приплода. Основу зимнего питания соболя в Якутии повсеместно составляют мышевидные грызуны (61,6–86% встречаемости) [19].

По результатам ЗМУ, численность соболя в Якутии в 2023 г. составила 277,2 тыс. особей. В Мирнинском районе численность вида в 2023 г. – 29,6 тыс. особей [4].

Дикий северный олень. В 1960–1990 гг. в тундрах Якутии существовали три крупные популяции дикого северного оленя (яно-индигирская, сундрунская и лено-оленинская, игравшие важную роль в жизнеобеспечении населения и экономике северных районов.

Интенсивное хозяйственное использование ресурсов тундрового северного оленя началось в 1970-х годах. В 1980–1990 гг. промысел по выходу мясной продукции сравнивался с домашним оленеводством. Чрезмерное изъятие животных усугублялось непропорционально большим, практически избирательным, отстрелом взрослых самок, нарушающим половозрастную структуру и воспроизводство популяций [20, 21]. При последнем авиаучете в июле 2012 г. в яно-индигирской популяции зарегистрировано только 1,5–2,0 тыс. оленей [22].

Лесные олени, обитающие в западной части Якутии, по-видимому, относятся к сибирскому лесному подвиду *R. t. valentinae* Flerov, среднему по размерам, но более крупному, чем тундровый. Численность лесного северного оленя в начале 1960-х гг. составляла около 100 тыс. голов [23]. Позднее она оценивалась в 57 тыс. особей. В 1980 – начале 2000-х гг. численность лесных оленей сохранялась на уровне 50–60 тыс. голов [21].

К основным причинам снижения численности относятся лесные пожары, деятельность волков и антропогенное воздействие – развитие горнодобывающей промышленности. Промысел не оказывает особого влияния на лесных оленей, рассредоточенных мелкими группами по огромной площади таежной зоны Якутии.

По данным ЗМУ, в лесной зоне Якутии по-прежнему обитает около 100 тыс. лесных оленей. Резкие расхождения результатов авиа- и наземных учетов численности лесных оленей требует подробного авиаобследования их популяций в ближайшее время.

Лось. О. В. Егоров достаточно четко показал существенную морфологическую разницу между лосями Центральной Якутии и Верхоянья, с одной стороны, и колымо-индигирскими лосями – с другой. Автор предложил выделить колымо-индигирских лосей в особый подвид, сохранив за ним название *A. a. americanus* Clinton, а лосей, обитающих западнее хребта Черского, считать по-прежнему восточносибирским, или якутским, подвидом *A. a. pfizenmayeri* Lukowski [4].

В ареал лося входит вся лесная зона Якутии, известны его летние перемещения в тундровую зону. По результатам многолетних наблюдений с борта самолета в Северной Якутии выделены 7 территориальных группировок вида: северо-западная (средняя плотность 0,5 экз./10 км²), предверхоянская (1,6 экз., в поймах рек до 5,2–6,8 экз. на 10 км²), янская (1,2 экз.), чондонская (3,2 экз.), момо-селенняхская (до 1,6 экз.), индигирская (1,1–1,3 экз.) и колымская (0,8–1,1 экз./10 км²) [21].

В настоящее время численность вида в республике оценивается в 134,5 тыс. особей. В Мирнинском районе обитает 7564 особей [4].

Сводная таблица динамики численности основных видов охотничьих млекопитающих Мирнинского района приведена в табл. 1.

Таблица 1
Динамика численности охотничьих млекопитающих в Мирнинском районе, особей

Table 1
Population dynamics of hunting mammals (individuals) in the Mirninsky district

Вид	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Белка	23551	н/д	29742	н/д	28183
Волк	686	н/д	869	836	1037
Горностай	1752	н/д	2757	1384	5947
Заяц-беляк	15372	н/д	23061	н/д	25002
Лисица	677	1198	1117	1581	1990
Лось	8061	7973	6648	7883	7564
Росомаха	174	н/д	852	227	399
Соболь	18363	26041	22305	24364	29583

Таблица 2

Средние бонитеты охотничьих угодий РОМН «Ботубуйа»

Table 2

Average habitat suitability scores of hunting lands of the “Botuobuia”

№	Вид	Бонитет
1	Соболь	I-II (171,4%)
2	Белка	II (149,2%)
3	Горностай	I-II (168,4%)
4	Лось	I-II (166,8%)
5	Дикий северный олень	III (129,2%)
6	Заяц-беляк	I-II (168,5%)

В Мирнинском районе Якутии не обитают млекопитающие, занесенные в Красную книгу Республики Саха (Якутия) и Красную Книгу России.

На основании изучения охотничьих угодий общины специалистами ИБПК СО РАН определены средние видовые бонитеты охотничьих угодий РОМН «Ботубуйа» для основных охотничьих млекопитающих (табл. 2) [1].

Таким образом, для дикого северного оленя качество охотничьих угодий данной территории соответствует среднему качеству (III бонитет). По пушным видам и по лосю охотничьи угодья по качеству оцениваются как «хорошие» и «выше средние».

Обсуждение

В основу расчета убытков РОМН «Ботубуйа» закладывается «Методика исчисления размера убытков, причиненных объединениям коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в результате хозяйственной и иной деятельности организаций всех форм собственности и физических лиц в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации» [24].

Размер упущенной выгоды по зонам стрессового воздействия промышленного объекта исчисляется в разрезе геоботанических контуров.

Всего методикой установлено пять зон стрессового воздействия в соответствии со степенью его интенсивности:

- 1 зона – воздействие, влекущее полную непригодность угодий;
- 2 зона – сильное воздействие;
- 3 зона – значительное воздействие;
- 4 зона – умеренное воздействие;
- 5 зона – слабое воздействие.

Первая и вторая зоны стрессового воздействия не пригодны для использования в традиционной хозяйственной деятельности, поэтому при исчислении размера упущенной выгоды они включаются в площадь изъятия, постоянного или временного пользования.

Третья, четвертая и пятая зоны пригодны для ограниченного использования в качестве охотничье-промысловых угодий согласно фактической продуктивности угодий и не влияют на убытки.

Зоны интенсивности стрессового воздействия выделяются в зависимости от расстояния до источника беспокойства (промышленного объекта) в виде полос с радиусом, равным расстоянию до источника беспокойства [24]:

На основе данных по расстоянию до источников беспокойства по группам источников формируются 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я зоны интенсивности стрессового воздействия. Зоны стрессового воздействия определяются от границы временно используемого участка, занятого буровой. Источники беспокойства в методике дифференцируются по количеству работников, занятых на промышленном объекте. В нашем случае на буровой будут работать до 50 человек.

По геоботанической карте определяется площадь участков, попавших в зоны стрессового воздействия в разрезе геоботанических контуров и зон интенсивности стрессового воздействия. Площадь участков в зонах стрессового воздействия включается в площадь изъятия для расчета убытков общины.

По данным РОМН, показатели добычи в рамках выделяемых квот на добычу лицензируемых видов охотничьих ресурсов с каждым годом уменьшаются. В 2020 г. членами общины добыто: дикого северного оленя – при квоте 34 особи – 4 (56,7%); лося – при квоте 12 особей – 9 (80%); соболя – при квоте 690 особей – 593 (86,3%). В среднем за последние годы добыча пушнины и копытных сократилась на 23,1%.

Уполномоченные по закупке принимают пушнину на реализацию и вывозят на аукцион в г. Санкт-Петербург. До пандемии 2019 г. цены на соболя колебались от 5,0 до 7,0 тыс. рублей и были ориентированы на приезжих иностранных клиентов. В 2020 г. цены упали до 2,9 тыс. руб. за шкурку. При этом дополнительные расходы РОМН представлены платежами за аукцион: 5%, 10% – скупщику сырья, 6% – налоги, 0,5% – банки.

Согласно информации членов РОМН «Ботуобуйа», продажи соболя в последние годы нестабильны по ценам и объему продаваемых шкурок (табл. 3). Главной причиной этого является отказ государства от монополии на закупку и реализацию дикой пушнины.

Таблица 3

Показатели выручки РОМН «Ботуобуйа» на аукционе

Table 3

The “Botuobuia” (tribal community) at auction: revenue indicators and outcomes

Год	Сдано шкурок соболя на реализацию (штук)	Продано на аукционе (штук)	Цена за шкурку соболя (рублей)	Выручка (рублей)
2015	349	199	7 748,7	1 541 986
2016	658	402	8 483,7	3 410 483
2017	676	408	6 811,3	2 779 016
2018	479	414	4 412,4	1 826 730
2019	694	420	5 561,7	2 335 921
2020	676	639	2 984,1	1 906 831

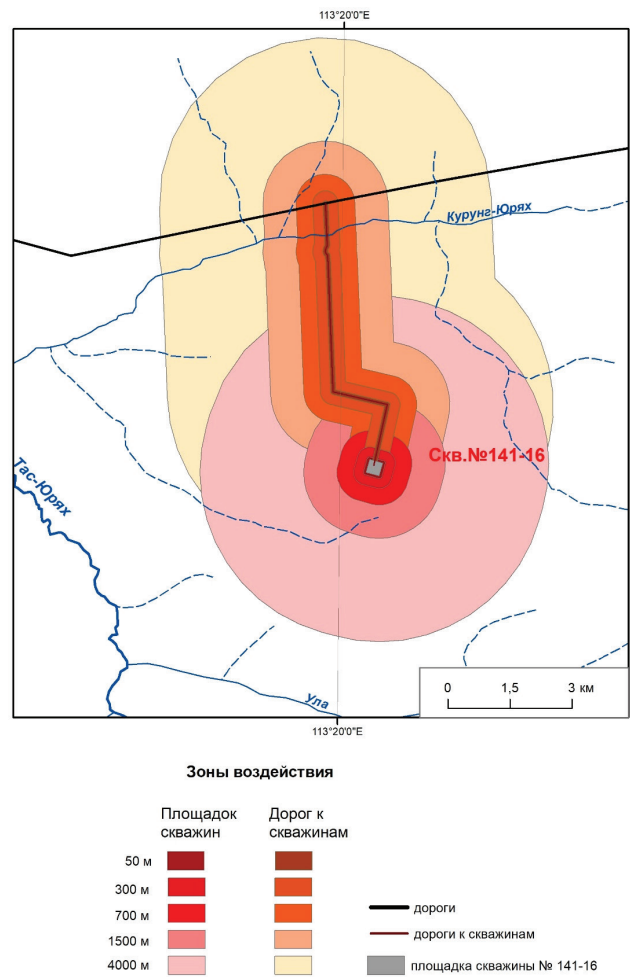

Рис. 3. Схема зон стрессового воздействия разведочной скважины №141-16 Тас-Юряхского НГКМ и дороги

Fig. 3. Stress impact zone map for exploration well No. 141-16 of the Tas-Yuryakh oil and gas condensate field and roads

Разведочная скважина №141-16 расположена на Тас-Юряхском нефтегазоконденсатном месторождении в пределах Ботубуйинского наслега. На рис. 2 показаны зоны воздействия разведочной скважины №141-16 Тас-Юряхского НГКМ.

Источником беспокойства, согласно методике №565, является работа персонала, обслуживающего буровую и автотехнику. Это оказывает на охотничьих млекопитающих стрессовое воздействие, которое приводит к снижению производительности и продуктивности охотничьих угодий.

При этом зоны стрессового воздействия определены с учетом численности персонала, занятого в реализации проекта в пределах 50 человек. Соответственно в расчете убытков использовалась соответствующая ширина зон стрессового воздействия (табл. 4, рис. 3).

Таблица 4

Ширина зон интенсивности стрессового воздействия промышленного объекта (км)

Table 4

Width of stress intensity zones from the industrial facility (km)

1-я зона Полное отчуждение	2-я зона Сильного воздействия	3-я зона Значительного воздействия	4-я зона Умеренного воздействия	5-я зона Слабого воздействия
0,05	0,30	0,70	1,50	4,00

Предлагаемые проектные решения по строительству и эксплуатации разведочной скважины № 141-16 Тас-Юряхского нефтегазоконденсатного месторождения определили выбор основных параметров для расчета убытков РОМН «Ботуобуйа».

Для определения объемов добычи охотничьих млекопитающих использовались данные по продуктивности угодий РОМН «Ботуобуйа» в среднем за 2017–2019 гг., представленные в табл. 5.

Таблица 5

**Продуктивность охотничьих угодий РОМН «Ботуобуйа»
по промысловым животным за 2017–2019 гг.**

Table 5

Productivity of hunting lands of the “Botuobuia” (tribal community), 2017-2019

Вид	Плотность особей на 1000 га	Норматив изъятия,%	Продуктивность (добыча), особей./1000 га	Объем добычи с угодий РОМН, особей	Объем добычи, в стоимостном выражении, руб.
Белка	2,49	50	0,98	845	126788,4
Волк	0,1	95	0,09	77	232402,5
Горностай	0,39	50	0,12	101	71097,9
Заяц беляк	1,38	50	0,52	45	225946,9
Лисица	0,09	95	0,08	69	172150,0
Медведь	0,10	10	0,01	8	215187,5
Соболь	2,06	35	0,72	621	4964806,4
Лось	1,00	5	0,17	149	8986230,0
ДСО	1,60	12	0,19	166	996748,8

Ежегодный валовый доход РОМН «Ботуобуйа» от промысловой охоты с учетом потерь продукции и удаленности от пункта реализации составляет в среднем 14,348 руб. с одного гектара.

Площадь временного используемого участка – 17,51 га. Период временного использования – 2 года (2021–2023 гг.). Период восстановления исходной производительности охотничьих угодий нарушенной зоны – 10 лет. Таким

образом, общий период действия факторов антропогенной группы составляет 12 лет. В пересчете на всю площадь РОМН «Ботубуйа» (860750 га) валовый доход от промысловой охоты составляет 11 584 268,57 рублей.

Учитывая площадь временно используемых угодий для строительства и эксплуатации разведочной скважины №141-16 Тас-Юряхского НГКМ и площади зон стрессового воздействия данного объекта, размер упущенной выгоды РОМН составит 2 202 562,03 рублей [25]. При этом компенсация упущенной выгоды предполагалась в порядке единовременной выплаты на счет РОМН «Ботубуйа».

Заключение

Перечень видов охотничьих млекопитающих РОМН «Ботубуйа» типичен для среднетаежной подзоны Западной Якутии. В перечне отсутствуют виды, занесенные в Красную книгу Республики Саха (Якутия).

Результаты опроса членов РОМН свидетельствуют о том, что традиционная хозяйственная деятельность является неотъемлемой составляющей жизненного уклада членов общины и всего населения МО «Ботубуйинский наслег».

Традиционный промысел обеспечивает основу рациона питания для членов родовой общины коренных народов и является источником косвенного дохода, имеет огромное культурное и досуговое значение для членов общины.

Руководители РОМН «Ботубуйа» считают, что ущерб от недропользования с каждым годом становится все ощутимее, что сокращает объемы добычи охотничьих млекопитающих по выделяемым квотам.

Одна из причин снижения цен на шкурки соболя является отказ от монополии государства на закупку и реализацию промысловой пушнины.

В качестве предложений по дальнейшему взаимодействию с общинами коренных народов по вопросам компенсации упущенной выгоды недропользователям предлагается действовать более открыто, развивать социальное партнерство, заниматься строительством жилых помещений и благоустройством села и, конечно же, восстанавливать численность охотничьих млекопитающих.

Л и т е р а т у р а

1. Схема использования и охраны охотничьих угодий родовой общины малочисленных народов «Ботубуйа» Мирнинского района Республики Саха (Якутия) (внутрихозяйственное охотустройство). Якутск: 2014:92.
2. Биология охотничье-промысловых зверей Якутии. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение; 1980:157, [3] с.: ил.
3. Бельк В.И. Об изучении динамики популяции и прогнозировании численности белки в Якутии. *Вопросы охот. хозяйства и звероводства*. Москва: Экономика. 1965:155-161.
4. Млекопитающие Якутии. Москва: Изд-во «Наука»;1971:659.
5. Грязнухин А.П. Результаты реакклиматизации соболя в Якутии. *Фауна и экология наземных позвоночных таежной Якутии*. Якутск; 1980:43-78.
6. Государственный доклад о состоянии и охране окружающей среды Республики Саха (Якутия) в 2023 году. Якутск; 2024:966.
7. Лабутин Ю.В., Вшивцев В.П. *Якутия*. Волк. Москва: Наука; 1985: 539-543.
8. Степанова В.В., Николаев Е.А. Ущерб сельскому и охотничьему хозяйству Якутии от волков. *Климат, экология, сельское хозяйство Евразии*. Секция: Охрана и рациональное использование животных и растительных ресурсов. Иркутск: Изд-во Иркутского ГАУ; 2015:182-188.
9. Бельк В.И. *Материалы по зимнему питанию якутского горностая*. Киров; 1962:19:221-229.
10. Седалищев В.Т., Ануфриев А.И. Эколого-физиологические особенности зайца-беляка (*Lepus timidus* L., 1778) в Центральной Якутии. *Вестник Сев.-Вост. науч. центра ДВО РАН*. 2013;(1):69-74.
11. Бельк В.И., Поляков А.В., Седалищев В.Т. Современное состояние и использование пушных ресурсов в Якутии. *Охотничье-промысловые ресурсы Сибири*. Новосибирск: Наука; 1986:17-23.

12. Ревин Ю.В. *Млекопитающие Южной Якутии*. Новосибирск: Наука; 1989:321.
13. Мордосов И.И. *Млекопитающие Западной Якутии*. Якутск; 1997:235.
14. Седалищев В.Т., Однокурцев В.А. К экологии обыкновенной лисицы (*Vulpes vulpes* L., 1785) в Якутии. *Изв. Самарск. науч. центра РАН*. 2012;14(1):186-191.
15. Захаров В.П. *Пушиной промысел и торговля в Якутии: конец XIX – начало XX в.* Новосибирск: Наука; 1995:137.
16. Бельк В.И. Состав и распределение охотпромысловой фауны Якутии. *Промысловая фауна и охотничье хозяйство Якутии*. Якутск; 1953;1:15-19.
17. Захаров Е.С., Сафронов В.М., Степанова А.А. и др. К методике определения возраста россомахи (*Gulo gulo*). *Зоологический журнал*. 2019;98(5):597-600.
18. Монахов В.Г. *Динамика размерной и фенетической структуры соболя в ареале*. Екатеринбург: НИСО УрО РАН, Банк культурной информации; 2006:202.
19. Захаров Е.С., Сафронов В.М. Экология соболя (*Martes zibellina* L.) в Западной Якутии. *Вестник Томского государственного университета. Биология*. 2012;17(1):85-96.
20. Сафронов В.М., Решетников И. С., Ахременко А.К. *Северный олень Якутии: экология, морфология, использование*. Новосибирск; 1999:224.
21. Сафронов В.М. *Экология и использование дикого северного оленя в Якутии*. Якутск: СО РАН; 2005:188.
22. Мордосов И.И., Кривошапкин А. А. Материалы по динамике численности яно-индигирской и сундрусской популяции дикого северного оленя Якутии. *Вестник СВФУ*. 2016;(1).
23. Егоров О.В. *Дикие копытные Якутии*. Москва: Наука; 1965:258.
24. Методика исчисления размера убытков, причиненных объединениям коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в результате хозяйственной и иной деятельности организаций всех форм собственности и физических лиц в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, утвержденная Приказом Министерства регионального развития РФ № 565 от 09.12.2009 г.
25. Отчет о НИР «Оценка воздействия на этнологическую среду (ОВЭС) в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов севера на территории Тас-Юряхского лицензионного участка» (разведочная скважина № 141-16 Тас-Юряхского НГКМ). Якутск; 2021:192.

References

1. Scheme for the use and protection of the hunting lands of the “Botuobuia” (tribe community) of indigenous minorities in Mirninsky district, Sakha Republic (Yakutia) (on-farm hunting management). Yakutsk: 2014:92 (in Russian).
2. Biology of game animals of the Yakutia. Novosibirsk: Nauka, Siberian branch; 1980:157, [3] (in Russian).
3. Belyk VI. On the study of population dynamics and forecasting the number of squirrels in Yakutia. *Questions of hunting economy and animal breeding*. Moscow: Economics; 1965:155-161 (in Russian).
4. Mammals of Yakutia. Moscow: Nauka; 1971:659 (in Russian).
5. Gryaznukhin AP. Results of reacclimatization of sable in Yakutia. In: *Fauna and ecology of terrestrial vertebrates of taiga Yakutia*. 1980:43-78 (in Russian).
6. State report on the state and protection of the environment of the Republic of Sakha (Yakutia) in 2023. 2024:966 (in Russian).
7. Labutin YuV, Vshivtsev VP. *Yakutia*. Wolf. Moscow: Nauka; 1985:539-543 (in Russian).
8. Stepanova VV, Nikolaeb EA. Damage to agriculture and hunting economy of Yakutia from wolves. *Climate, ecology, agriculture of Eurasia*. Section: protection and rational use of animal and plant resources. Irkutsk: A.A. Ezhevsky Irkutsk State Agrarian University; 2015:182-188 (in Russian).
9. Belyk VI. *Material on the winter diet of the Yakut ermine*. Kirov: 1962;19:221-229 (in Russian).

10. Sedalishchev VT, Anufriev AI. Ecological and physiological characteristics of the mountain hare (*Lepus timidus* L., 1778) in Central Yakutia. *Bulletin of the North-East Research Center FEB RAS*. 2013;(1):69-74 (in Russian).
11. Belyk VI, Polyakov AV, Sedalishchev VT. Current state and use of fur resources in Yakutia. In: *Hunting and commercial resources of Siberia*. Novosibirsk: Nauka; 1986:17-23 (in Russian).
12. Revin YuV. *Mammals of Southern Yakutia*. Novosibirsk: Nauka; 1989:321 (in Russian).
13. Mordosov II. *Mammals of Western Yakutia*. 1997:235 (in Russian).
14. Sedalishchev VT, Odnokurtsev VA. On the ecology of the red fox (*Vulpes vulpes* L., 1785) in Yakutia. *Izvestia of Samara scientific center of the RAS*. 2012;14(1):186-191 (in Russian).
15. Zakharov VP. *Fur trade and commerce in yakutia: late 19th – early XX c.* Novosibirsk: Nauka; 1995:137 (in Russian).
16. Belyk VI. Composition and distribution of the game fauna of Yakutia. *Commercial fauna and hunting economy of Yakutia*. Yakutsk: 1953;1:15-19 (in Russian).
17. Zakharov ES, Safronov VM, Stepanova AA, et al. On the method of determining the age of the wolverine (*Gulo gulo*). *Russian Journal of Zoology*. 2019;98(5):597-600 (in Russian).
18. Monakhov VG. *Dynamics of the dimensional and phenetic structure of sable in the range*. Ekaterinburg: Ural Branch of RAS Publ.; 2006 (in Russian).
19. Zakharov ES, Safronov VM. Ecology of sable (*Martes zibellina* L.) in Western Yakutia. *Tomsk State University Journal of Biology*. 2012;17(1):85-96 (in Russian).
20. Safronov VM, Reshetnikov IS, Akhremenko AK. *Reindeer of Yakutia: ecology, morphology, use*. Novosibirsk: 1999:224 (in Russian).
21. Safronov VM. *Ecology and use of wild reindeer in Yakutia*. Yakutsk: SB RAS; 2005:188 (in Russian).
22. Mordosov II, Krivoshepkin AA. Materials on the dynamics of the number of the Yana-Indigirka and Sundrun populations of wild reindeer of Yakutia. *Vestnik of NEFU*. 2016;(1) (in Russian).
23. Egorov OV. *Wild ungulates of Yakutia*. Moscow: Nauka; 1965:258 (in Russian).
24. Methodology for calculating the amount of losses caused to associations of indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation as a result of economic and other activities of organizations of all forms of ownership and individuals in places of traditional residence and traditional economic activities of indigenous minorities of the Russian Federation, approved by Order of the Ministry of Regional Development of the Russian Federation No. 565 dated 09.12.2009 (in Russian).
25. Report on research work “Assessment of the impact on the ethnological environment in places of traditional residence and traditional economic activities of indigenous minorities of the north in the territory of the Tas-Yuryakh license area” (exploration well No. 141-16 of the Tas-Yuryakh oil and gas field). Yakutsk: 2021:192 (in Russian).

Сведения об авторах

КОЧУРОВ Борис Иванович – д. г. н., проф., в. н. с., Институт географии РАН, ФГБУН «Институт географии Российской академии наук» (ИГ РАН), ORCID: 0000-0002-8351-3658, ResearcherID: 48919301, Scopus Author ID: 6603894570, SPIN: 2529-6220, e-mail: camertonmagazin@mail.ru

ВЕЛИЧЕНКО Валерий Владимирович – д. б. н., г. н. с. НИИПЭС, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», ORCID: 0000-0002-3183-1910, ResearcherID: rid102210, Scopus Author ID: 57219745884, SPIN: 8090-9412, e-mail: ipes-08@mail.ru

ПИСАРЕВА Лариса Юрьевна – к. социол. н., доц. каф. экономики и управления развитием территорий Финансово-экономического института, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», ORCID: 0000-0001-7316-6763; ResearcherID: C-6653-2019; SPIN-код: 4233-4640, AuthorID: 856309; e-mail: pisareva@inbox.ru

КОЛОДЕЗНИКОВ Василий Егорович – к. б. н., доцент ИЕН, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», ORCID: 0000-0002-9317-4776, ResearcherID: KFB-9337-2024, Scopus Author ID: Scopus Author ID: 57208241673, SPIN: 2096-7769, e-mail: vek_2002@mail.ru

ГОРОХОВ Алексей Николаевич – к. б. н., с. н. с., Институт биологических проблем криолитозоны СО РАН – обособленного подразделения ФГБУН ФИЦ «Якутский научный центр СО РАН», ORCID: 0000-0002-0701-9762, ResearcherID: NKP-4973-2025, Scopus ID: 57191631732, SPIN-код: 1861-4334, e-mail: algor64@mail.ru

About the authors

Boris I. KOCHUROV – Dr. Sci. (Geography), Professor, Leading Researcher, Institute of Geography RAS, Moscow, Russian Federation, ORCID - 0000-0002-8351-3658, Scopus Author ID: 6603894570, WOS: J-6846-2018, email: camertonmagazin@mail.ru

Valery V. VELICHENKO – Dr. Sci. (Biology), Chief Researcher, IAEN, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: 0000-0002-3183-1910, ResearcherID: rid102210, Scopus Author ID: 57219745884, SPIN-code: 8090-9412, e mail: ipes-08@mail.ru

Larisa Yu. PISAREVA – Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Department of Economic and Management of Territorial Development, Institute of Finances and Economics, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: 0000-0001-7316-6763; Researcher ID: C-6653-2019; SPIN-code: 4233-4640, AuthorID: 856309; e-mail: pisareva@inbox.ru

Vasily E. KOLODEZNIKOV – Cand. Sci. (Biology), Associate Professor, Institute of Natural Sciences, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: 0000-0002-9317-4776, ResearcherID: KFB-9337-2024, Scopus Author ID: Scopus Author ID: 57208241673, SPIN-code: 2096-7769, e-mail: vek_2002@mail.ru

Alexey N. GOROKHOV – Cand. Sci. (Biology), Senior Researcher, Institute for Biological Problems of Cryolithozone SB RAS, ORCID: 0000-0002-0701-9762, ResearcherID: NKP-4973-2025, Scopus ID: 57191631732, SPIN-code: 1861-4334, e-mail: algor64@mail.ru

Вклад авторов

Кочуров Б. И. – разработка концепции, программное обеспечение

Величенко В. В. – разработка концепции, методология, проведение исследования, создание черновика рукописи, руководство исследованием

Колодезников В. Е. – редактирование рукописи

Писарева Л. Ю. – проведение исследования, проведение статистического анализа.

Горохов А. Н. – программное обеспечение

Authors' contribution

Boris I. Kochurov – conceptualization, software

Valery V. Velichenko – conceptualization, methodology, investigation, writing - original draft, supervision

Vasily E. Kolodeznikov – writing - review & editing

Larisa Yu. Pisareva – investigation, formal analysis

Alexey N. Gorokhov – software

Конфликт интересов

Величенко В. В., Колодезников В. Е. являются членами редакционной коллегии журнала *Вестник Северо-Восточного университета имени М.К. Аммосова*

Conflict of interests

Valery V. Velichenko and Vasily E. Kolodeznikov are members of the editorial board of the *Vestnik of North-Eastern Federal University*.

Поступила в редакцию / Submitted 22.05.25

Принята к публикации / Accepted 09.06.25

УДК 57.084;574.2;502.75

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-2-24-36>

Оригинальная научная статья

Охрана восточноевропейских орхидей *ex situ*

Р. З. Саодатова ✉, А. Н. Швецов

Главный ботанический сад им. Н.В. Цицина РАН, г. Москва, Российская Федерация

✉ rsaodatova@mail.ru

Аннотация

В природе резко сокращается численность орхидных из-за нарушений местообитаний, сбора в букеты и выкопки растений для пересадки в культуру. Учитывая эти факторы, актуально сохранение генофонда орхидных *ex situ*. ГБС РАН активно участвует в решении этой задачи вот уже несколько десятилетий, накоплен довольно большой опыт выращивания орхидных. Основная цель исследования – обобщить опыт многолетней интродукции восточноевропейских орхидей в ГБС РАН за период с 1947 по 2024 гг. В связи с этим необходимо было решить следующие задачи: оценить число испытанных образцов, длительность их выращивания, полноту цикла развития и устойчивость восточноевропейских орхидей в культуре. В статье изложен многолетний опыт интродукции 18 видов семейства Orchidaceae на ботанико-географической экспозиции Восточной Европы ГБС РАН. Наибольшая доля (68%) образцов привезена из естественных местообитаний Московской области. Максимальное число испытанных образцов оказалось у *Cypripedium calceolus*. Устойчивые его образцы ежегодно проходили полный цикл развития и существовали более 10 лет. Продолжительность интродукционного испытания 4 образцов других видов достигала более 20 лет: *Dactylorhiza fuchsii*, *Listera ovata*, *Neottia nidus-avis*, *Orchis tridentata*. Слабоустойчивыми и неустойчивыми в условиях ГБС РАН оказались 13 видов (72%). Виды рода *Orchis* слабоустойчивы в культуре, а виды рода *Dactylorhiza* по устойчивости отличаются: *D. fuchsii* – устойчив, *D. incarnata* и *D. traunsteineri* – слабоустойчивы, *D. baltica* – неустойчив. Создана интродукционная популяция *D. fuchsii* из семян, полученных в культуре *in vitro*. В настоящее время в коллекции выращивается 4 вида: *Cypripedium macranthon*, *C. × ventricosum*, *Epipactis helleborine* и *Neottia nidus-avis*.

Ключевые слова: Orchidaceae, интродукция растений, *ex situ*, Восточная Европа, Москва, ГБС РАН, лаборатория природной флоры, коллекция живых растений, интродукционная устойчивость, Красная книга РФ

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания ГБС РАН «Биологическое разнообразие природной и культурной флоры: фундаментальные и прикладные вопросы изучения и сохранения» (№ 122042700002-6)

Для цитирования: Саодатова Р. З., Швецов А. Н. Охрана восточноевропейских орхидей *ex situ*. Вестник СВФУ. 2025, Т. 22, № 2. С. 24–36. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-24-36

Original article

Ex situ protection of Eastern European orchids

Rano Z. Saodatova ✉, **Aleksandr N. Shvetsov**

N.V. Tsitsin Main Botanical Garden of the Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russian Federation

✉ rsaodatova@mail.ru

Abstract

In nature the number of orchids is sharply declining due to habitat disturbance, collecting in bouquets and digging up of plants for replanting into culture. Taking into account these factors, it is important to conserve the orchid gene pool *ex situ*. The Main Botanical Garden of the Russian Academy of Sciences has been actively involved in solving this problem for several decades now and has accumulated quite a lot of experience in growing orchids. The main purpose of the study is to summarize the experience of long-term introduction of Eastern European orchids into the MBG RAS for the period from 1947 to 2024. In this regard, it was necessary to solve the following tasks: to evaluate the number of tested samples, the duration of their cultivation, the completeness of development cycle and the resistance of Eastern European orchids in culture. The experience of long-term introduction of 18 species of the Orchidaceae family on the botanical and geographical exposition of Eastern Europe of the Main Botanical Garden of the RAS is described in the article. The largest share (68%) of samples was brought from natural habitats of the Moscow region. The maximum number of samples tested was to *Cypripedium calceolus*. Its resistant samples went through a full development cycle every year and existed for more than 10 years. The duration of the introduction testing of 4 samples of other species reached more than 20 years: *Dactylorhiza fuchsii*, *Listera ovata*, *Neottia nidus-avis*, *Orchis tridentata*. 13 species (72%) turned out to be weakly resistant or unsteady under the conditions of the MBG RAS. Species of the genus *Orchis* are weakly resistant in cultivation, and species of the genus *Dactylorhiza* differ in resistance: *D. fuchsii* – resistant, *D. incarnata* and *D. traunsteineri* – weakly resistant, *D. baltica* – unstable. Introduction population of *D. fuchsii* has been created from seedlings obtained culture *in vitro*. There are currently 4 species grown in the collection: *Cypripedium macranthon*, *C. × ventricosum*, *Epipactis helleborine* and *Neottia nidus-avis*.

Keywords: Orchidaceae, plant introduction, *ex situ*, Eastern Europe, Moscow, Main Botanical Garden of the Russian Academy of Sciences, Laboratory of Natural Flora, collection of living plants, introduction resistance, Red Book of the Russian Federation

Funding. The study was carried out within the framework of state assignments of the MBG RAS “Biological diversity of natural and cultural flora: fundamental and applied issues of study and conservation” (No. 122042700002-6)

For citation: Saodatova R. Z., Shvetsov A. N. *Ex situ* protection of Eastern European orchids. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 2. Pp. 24–36. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-24-36

Введение

В Восточной Европе насчитывается около 85 видов орхидей [1], приуроченных в основном к лесной зоне [2], во флоре Средней России известно 39 видов из 20 родов [3]. Орхидеи интенсивно истребляются из-за их высокой декоратив-

ности. Редкие и сокращающие ареал виды орхидных выращиваются во многих ботанических садах России [4]. В Красную книгу РФ включены 63 вида орхидей [5], из них 36 произрастают в Восточной Европе. Всего на экспозиции флоры Восточной Европы ГБС РАН (далее – Сад) испытано 7 краснокнижных видов: *Cypripedium calceolus*, *Dactylorhiza traunsteineri*, *Neottianthe cucullata*, *Orchis militaris*, *O. morio*, *O. tridentata*, *Traunsteinera globosa*. В 1949 г. в общий список дикорастущих видов территории Сада было включено 5 видов орхидных: *Dactylorhiza fuchsii*, *D. incarnata*, *Listera ovata*, *Neottia nidus-avis*, *Platanthera bifolia* [6]. В 2020 г. в Саду обнаружены генеративные особи *Epipactis helleborine*. Цель исследования – обобщить опыт многолетней интродукции восточноевропейских орхидей в ГБС РАН за период с 1947 по 2024 гг. Задачи исследования: оценить число испытанных образцов, длительность их выращивания, полноту цикла развития и устойчивость восточноевропейских орхидей в культуре.

Материалы и методы исследования

Объект исследования – интродуцируемые виды орхидей природной флоры Восточной Европы. Главный ботанический сад им. Н.В. Цицина – пункт сохранения *ex situ*. Основная доля (68%) образцов привезена из естественных местообитаний Московской области. На каждый образец заводится карточка с указанием названия растения, регистрационного номера, от кого и когда оно получено, местонахождения образца и его местообитания, типа исходного материала (живые растения или семена), количества экземпляров, даты посева и/или посадки, фенологических наблюдений, года выпада и т. д. Названия видов приведены по М. Г. Вахрамеевой и др. [7]. Фенологические наблюдения проводились по общепринятой для ботанических садов методике [8]. Интродукционную устойчивость видов определяли по шкале Н. В. Трулевич [9]. Климатические условия произрастания растений показаны с помощью двух метеорологических показателей: среднегодовой температуры воздуха и среднегодового количества осадков.

Для формирования интродукционной популяции *Dactylorhiza fuchsii* были использованы семена, полученные в культуре *in vitro* [10]. После посадки все особи были этикетированы и закартированы для последующих наблюдений по методике, разработанной Л. В. Денисовой, С. В. Никитиной и Л. Б. Заугольной [11]. Интродукционная популяция была сформирована под пологом широколиственных деревьев (сомкнутость крон 0,4). В засушливые годы растения поливали. Регулярно пропалывали сорняки.

Результаты

Климатические условия произрастания орхидей *ex situ* представлены на рис. 1. Климат Москвы умеренно-холодный. Средняя годовая температура составляет 5,7 °С, а среднегодовая сумма осадков около 678 мм [12].

Условия выращивания орхидей выбирали или создавали с учетом экологии вида. На притененном участке (под пологом широколиственных деревьев) были высажены *Cypripedium calceolus*, *C. guttatum*, *Dactylorhiza fuchsii*, *Listera ovata*, *Neottianthe cucullata*, *Orchis militaris*, *Platanthera bifolia*, *P. chlorantha*, *Traunsteinera globosa*; под пологом хвойных деревьев – *Goodyera repens*. На сыром участке с добавлением торфа выращивали *Dactylorhiza baltica*, *D. maculata*, *Epipactis palustris*. На сыром берегу водоема был посажен *Dactylorhiza incarnata*. На карпатской горке культивировали *Orchis morio*, *O. tridentata*, *Neottia nidus-avis* [13].

На экспозиции флоры Восточной Европы за период с 1947 по 2024 гг. был испытан 31 образец 18 видов (табл. 1), относящихся к 10 родам семейства Orchidaceae.

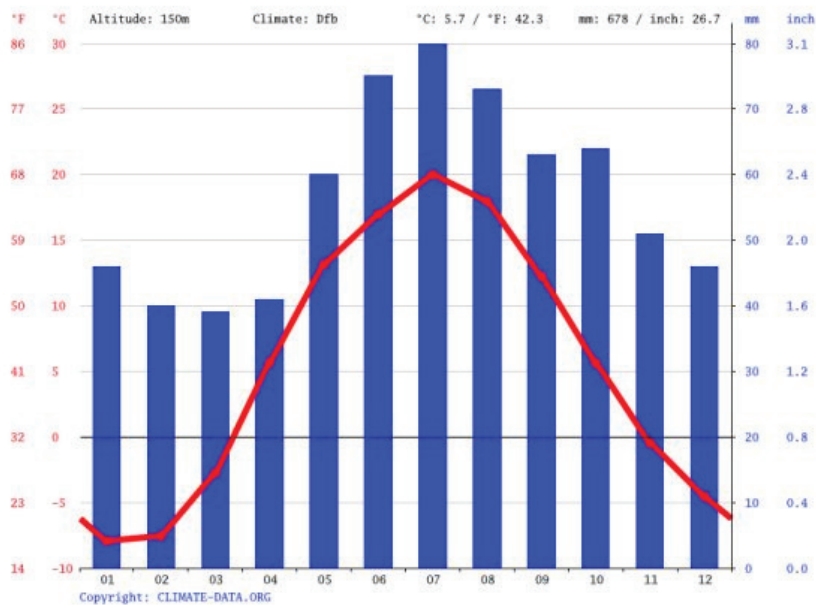

Рис. 1. Климатодиаграмма Москвы [12]
Fig. 1. Climate diagram of Moscow [12]

Таблица

**Виды семейства Orchidaceae на ботанико-географической экспозиции
Восточной Европы лаборатории природной флоры ГБС РАН**

Table

**Species of the Orchidaceae family on the botanical and geographical exposition
of Eastern Europe of the Natural Flora Laboratory of the MBG RAS**

Вид	Категория статуса	Полнота цикла развития	Число образцов	Максимальная длительность выращивания образца в культуре, лет	Устойчивость в культуре
<i>Cypripedium calceolus</i> L.	3	пл.	5	12	у
<i>Cypripedium guttatum</i> Sw.	-	цв.*	1	3	с/у
<i>Cypripedium macranthon</i> Sw.	3	вег.	1	2	н/о
<i>Cypripedium</i> × <i>ventricosum</i> Sw.	3	цв.	1	2	н/о
<i>Dactylorhiza baltica</i> (Klinge) Orlova	3	вег.	1	1	н/у

<i>Dactylorhiza fuchsii</i> (Druce) Soó	-	пл.	4	58	у
<i>Dactylorhiza incarnata</i> (L.) Soó	-	пл.*	2	4	с/у
<i>Dactylorhiza traunsteineri</i> (Saut.) Soó	3	цв.*	1	3	с/у
<i>Epipactis helleborine</i> (L.) Crantz	-	пл.	1	4	у
<i>Epipactis palustris</i> (L.) Crantz	-	цв.*	3	4	с/у
<i>Goodyera repens</i> (L.) R.Br.	-	вег.	1	1	н/у
<i>Lištera ovata</i> (L.) R.Br	-	пл.*	2	21	у
<i>Neottia nidus-avis</i> (L.) Rich.	-	пл.	1	40	у
<i>Neottianthe cucullata</i> (L.) Schlechter	3	вег.	1	1	н/у
<i>Orchis militaris</i> L.	3	пл.*	2	6	с/у
<i>Orchis morio</i> L.	3	цв.	1	11	с/у
<i>Orchis tridentata</i> Scop.	3	цв.	1	21	с/у
<i>Platanthera bifolia</i> (L.) Rich.	-	пл.*	2	4	с/у
<i>Platanthera chlorantha</i> (Cušter) Rhenb.	-	вег.	1	5	с/у
<i>Traunsteinera globosa</i> (L.) Rhenb.	2	цв.*	1	2	н/у

Примечание: вег. – растение вегетирует, но не цветет; цв. – растение цветет, но плодов не завязывает; пл. – растение плодоносит; * – единственное цветение или плодоношение; у – устойчивый; с/у – слабоустойчивый; н/у – неустойчивый, н/о – устойчивость не определена.

Note: вег. – plant is vegetative (non-flowering); цв – plant is flowering (no fruit set); пл. – plant is fruiting; * – single flowering/fruiting event; у – resistant; с/у – slightly resistant; н/у – non-resistant; н/о – resistance not determined.

Cypripedium calceolus был представлен наибольшим числом образцов. Образцы № 713 и № 1592 имели самое длительное выращивание (11–12 лет). Оба образца привезены из Московской области в 1947 (6 экз.) и 1948 гг. (18 посадочных мест) соответственно. Цветение и плодоношение отмечены на следующий год после посадки: начало цветения в третьей декаде мая, раннее цветение – 19 мая, позднее – 12 июня; продолжительность цветения 12 дней; полное созревание семян в третьей декаде сентября. В 1954 г. образцы были объединены на теневом участке, где их численность составила 11 экз. в течение трех лет.

Рис. 2. Массовое цветение *Dactylorhiza fuchsii* 20 июня 2012 г.
Fig. 2. Mass flowering of *Dactylorhiza fuchsii* on June 20, 2012

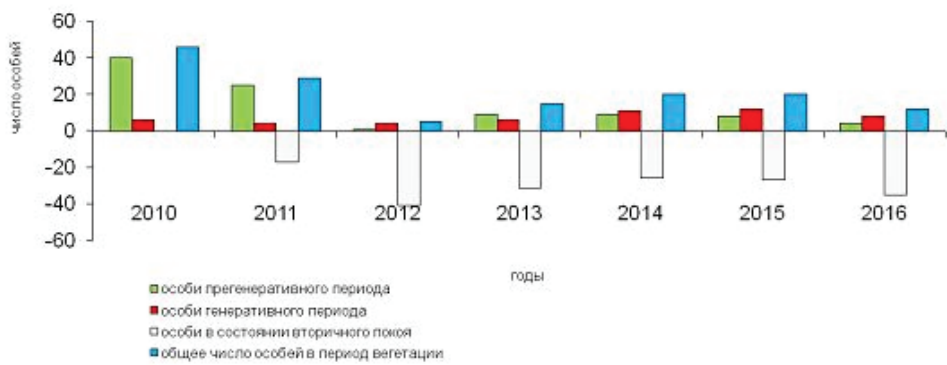

Рис. 3. Динамика численности интродукционной популяции *Dactylorhiza fuchsii* за 2010–2016 гг.

Fig. 3. The introduced population of *Dactylorhiza fuchsii* dynamics for 2010-2016.

Cypripedium guttatum – образец № 10411, 8 экз., пересажен в 1958 г. из Московской области. Единственное цветение произошло в тот же год во второй декаде июня.

Dactylorhiza fuchsii – образец № 9776, 20 экз., собран в 1958 г. из Московской области. Один экземпляр прижился, и за ним в течение одиннадцати лет велись фенологические наблюдения. Цветение наступило на третий год выращивания: начало цветения в первой декаде июня, раннее цветение – 29 мая, позднее – 20 июня; период цветения длится в среднем почти месяц; полное созревание семян во второй декаде августа. В 1971 г. численность образца увеличилась до 3-х особей, просуществовавших до 2016 г. включительно. Другой образец № 21795 – сеянцы, полученные в культуре *in vitro* [10]. В 2010 г. высажено 46 экз., из них 6 генеративных и 40 виргинильных (рис. 2). За семилетний период наблюдений нами отмечены следующие колебания численности популяции: резкое снижение, продолжающееся снижение, незначительный подъем, резкий подъем, стабилизация численности, снижение (рис. 3) [14].

Dactylorhiza incarnata – образец № 1632, 8 экз., привезен из Московской области в 1948 г. Цветение наступило в июне на второй год культивирования. Начало созревания семян в конце августа.

Dactylorhiza traunsteineri – образец № 6955, 15 экз., пересажен из Московской области в 1955 г. Цветение наступило на третий год культивирования: начало цветения во второй декаде июля.

Epipactis palustris – образец № 1601, 7 экз., привезен из Московской области в 1948 г. Цветение наступило на второй год культивирования: начало цветения в первой декаде июля; продолжительность цветения 12 дней.

С 1964 г. начали выращивать 2 вида р. *Orchis* из Закарпатской области Украины: *Orchis morio* – образец № 14608, 6 экз., и *Orchis tridentata* – образец № 14609, 6 экз. *Orchis morio* зацвел на третий год выращивания, а *Orchis tridentata* – на шестой год. Оба вида цветут в июне. Яркие соцветия часто срывались посетителями.

Neottia nidus-avis – образец № 21691 привезен в 1984 г. из Московской области. Цветение в июне, семена в августе.

Listera ovata – образец № 9773, 12 экз., привезен в 1958 г. из Московской области. Цветение произошло на третий год культивирования: начало цветения в первой половине июня, раннее цветение – 29 мая и позднее – 21 июня; продолжительность цветения более 20 дней; полное созревание семян в конце июля.

Orchis militaris – образец № 1633, 14 экз. и образец № 5342, 11 экз., пересажены из Московской области в 1948 и 1953 гг. соответственно. Только первый образец зацвел один раз на третий год культивирования: начало цветения в третьей декаде мая; продолжительность цветения до 25 дней; полное созревание семян в третьей декаде августа.

Platanthera bifolia – образец № 5363, 50 экз., собран в 1953 г. в Московской области. Единственное цветение произошло на второй год выращивания: начало цветения в первой декаде июня; семена созревают с середины августа до середины сентября.

Platanthera chlorantha – образец № 18105, 15 экз., привезен в 1974 г. из Калужской области. После пяти лет выращивания цветение не наступило.

Traunsteinera globosa – образец № 7490, 6 экз., привезен в 1955 г. из Закарпатской области Украины. Растения зацвели на второй год выращивания: начало цветения во второй декаде июня, продолжительность цветения около 20 дней.

Неудачными оказались попытки культивировать на экспозиции *Dactylorhiza baltica* (образец пересажен из Смоленской области в 1985 г.), *Goodyera repens* (образец пересажен из Архангельской области в 2009 г.), *Neottianthe cucullata* (образец пересажен из Московской области в 1950 г.).

С 2022 г. первичные интродукционные испытания проходят образцы *Cypripedium macranthum* Sw., *C. × ventricosum* Sw. (рис. 4) из частной коллекции М. М. Диева [15]. Башмачок вздутый представлен семью цветовыми формами [16].

Обсуждение

Развитие культуры орхидей в России началось на рубеже XIX–XX вв. [17, 18]. Введение в культуру многолетних представителей рода *Cypripedium* L. – задача несложная и заключается в подражании тем условиям, при которых они растут в природе [19]. В. Кессельринг в начале XX в. к самым выносливым видам в культуре средней полосы России относил *C. calceolus*, *C. macranthum*, *C. × ventricosum*. Многократные его попытки выращивания в открытом грунте *C. guttatum* оказались безрезультатными. Посаженные растения цвели, но впоследствии погибали [20]. Однако в то же время И. И. Трояновский в течение 10 лет выращивал в своем саду 20 экземпляров *C. guttatum* [21, 22]. Наши устойчивые образцы *C. calceolus* ежегодно проходили полный цикл развития и существовали более 10 лет, а у слабо-устойчивого образца *C. guttatum* цветение наблюдали лишь однажды.

Рис. 4. Массовое цветение *Cypripedium* × *ventricosum* 29 мая 2023 г.
Fig. 4. Mass flowering of *Cypripedium* × *ventricosum* on May 29, 2023

Одним из показателей устойчивости и перспективности интродукции вида является длительность существования образца в опыте интродукции [9]. Большинство орхидей в живых коллекциях в ботанических садах длительно не существуют [23]. Данные по длительности выращивания наших образцов показывают, что 4 вида орхидей сохранялись в коллекции на протяжении 20 и более лет. Слабоустойчивыми и неустойчивыми в условиях ГБС РАН оказались 13 видов (72%). Виды рода *Orchis* у нас в культуре слабоустойчивы, а виды рода *Dactylorhiza* по устойчивости отличаются: *D. fuchsii* – устойчив, *D. incarnata* и *D. traunsteineri* – слабоустойчивы, *D. baltica* – неустойчив.

Накоплен значительный опыт по интродукции орхидных. Например, 30-летний эксперимент культивирования орхидных на Урале показал [24], что:

- 1) при стандартных агротехнических мероприятиях успешно культивируются *Cypripedium macranthon*, *C. × ventricosum*;
- 2) при создании специфических условий, имитирующих естественные, длительно сохраняются в культуре *Goodyera repens*, *Neottianthe cucullata*, *Platanthera bifolia*;
- 3) непродолжительная длительность выращивания у *Dactylorhiza incarnata*, *D. fuchsii*, *Epipactis helleborine*;
- 4) неустойчивый вид в культуре – *Neottia nidus-avis*.

А. И. Широков с коллегами отмечают следующие перспективные виды орхидей для культивирования в европейской России: *Cypripedium calceolus*, *C. guttatum*, *C. macranthon*, *C. × ventricosum*, *Dactylorhiza fuchsii*, *D. incarnata*, *D. maculata* (L.) Soó, *Epipactis helleborine*, *E. palustris*, *Goodyera repens*, *Gymnadenia conopsea* (L.) R.Br., *Herminium monorchis* (L.) R.Br., *Liparis loeselii* (L.) Rich., *Listera ovata*, *Malaxis monophyllos* (L.) Sw., *Neottianthe cucullata*, *Orchis mascula* (L.) L., *O. militaris*, *Platanthera bifolia*, *P. chlorantha* [25].

По результатам 6-летнего опыта культивирования 12 редких орхидных аборигенных для Удмуртской Республики наиболее устойчивыми в культуре оказались виды рода *Dactylorhiza* [26].

Коллекция орхидных открытого грунта Ботанического сада Института биологии Коми НЦ УрО РАН формировалась в течение 10 лет и включает 27 образцов 7 родов и 9 видов местной флоры [27].

Устойчивыми в условиях открытого грунта Национального ботанического сада им. Н. Н. Гришко за период более 15 лет оказались следующие: *Cypripedium calceolus*, *Epipactis palustris*, *Gymnadenia conopsea*, *Listera ovata*, *Orchis morio*, *O. tridentata*, *Platanthera bifolia* [28].

В коллекции Ботанического сада Тверского государственного университета с 1999 г. по 2010 г. интродукционное испытание прошли 24 вида из 14 родов семейства Orchidaceae. Установлено, что наиболее устойчивы в условиях культуры виды с лесных опушек и сырых лугов: *Cephalanthera longifolia* (L.) Fritsch, *Coeloglossum viride* (L.) C. Hartm., *Cypripedium calceolus*, *Dactylorhiza fuchsii*, *D. incarnata*, *D. maculata*, *Epipactis atrorubens* (Hoffm. ex Bernh.) Bess., *E. helleborine*, *E. palustris*, *Gymnadenia conopsea*, *Herminium monorchis*, *Listera ovata*, *Orchis militaris*, *O. ustulata* L., *Platanthera bifolia*. В культуре недолговечны бриофильно-подстилочные и болотные виды – *Goodyera repens*, *Hammarbya paludosa* (L.) O. Kuntze, *Liparis loeselii*, *Listera cordata* (L.) R. Br., *Malaxis monophyllos*, *Neottia nidus-avis* [29]. Отмечена натурализация на территории сада *Listera ovata* [30].

Опыт выращивания более 20 видов орхидей Средней России в условиях открытого грунта в Подмосковье показал, что самыми устойчивыми оказались виды рода *Dactylorhiza* – *D. fuchsii*, *D. maculata*, *D. russowii* (Klinge) Holub [31]. *Liparis loeselii* является старожилом коллекции. В культуре сохраняет природный ритм развития [32].

Заключение

В коллекции восточноевропейских растений ГБС РАН с 1947 г. по 2024 г. интродукционное испытание прошли 18 видов из 10 родов семейства Orchidaceae. Установлено, что продолжительность выращивания в культуре отдельных образцов достигала более 20 лет: *Dactylorhiza fuchsii*, *Listera ovata*, *Neottia nidus-avis*, *Orchis tridentata*.

Устойчивыми орхидеями в условиях московского климата оказались: *Cypripedium calceolus*, *Dactylorhiza fuchsii*, *Epipactis helleborine*, *Listera ovata*, *Neottia nidus-avis*.

Создана устойчивая интродукционная популяция *Dactylorhiza fuchsii*.

В настоящее время экспозиция флоры Восточной Европы Главного ботанического сада РАН включает четыре вида орхидных: *Cypripedium macranthon*, *C. × ventricosum*, *Epipactis helleborine* и *Neottia nidus-avis*.

Л и т е р а т у р а

1. Tatarenko IV, Vakhrameeva MG, Varlygina TI, Kulikov PV. Orchids in Eastern Europe and their conservation. *Proceedings of the 18th World Orchid Conference*, Dijon, France, 11-20 March, 2005:479-485. URL: <https://www.cabidigitallibrary.org/doi/full/10.5555/20073119614>
2. Смольянинова Л.А. Сем. Orchidaceae Juss – Орхидные. В кн.: *Флора европейской части СССР*. Ленинград: Наука; 1976;2:10-59.
3. Маевский П.Ф. *Флора средней полосы европейской части России*. Москва: Товарищество научных изданий КМК; 2014:635.
4. Горбунов Ю.Н., Саодатова Р.З., Казанцева Е.С. *Генофонд растений красной книги Российской Федерации, сохраняемых в коллекциях ботанических садов и дендрариев*. Москва: Товарищество научных изданий КМК; 2012:220.
5. Красная книга Российской Федерации. Растения и грибы. Москва: ВНИИ «Экология»; 2024:944.
6. Евтюхова М.А. Флора и растительность территории Главного ботанического сада АН СССР. *Труды Главного ботанического сада*. Москва. 1949; 1:63-86.

7. Вахрамеева М.Г., Варлыгина Т.И., Татаренко И.В. *Орхидные России (биология, экология и охрана)*. Москва: Товарищество научных изданий КМК; 2014:437.
8. Методика фенологических наблюдений в ботанических садах СССР. *Бюллетень Главного ботанического сада*. 1979; (113):3-8.
9. Трулевич Н.В. *Эколого-фитоценологические основы интродукции растений*. Москва: Наука; 1991:216.
10. Швецов А.Н., Саодатова Р.З., Коновалова Т.Ю. и др. Интродукция *Dactylorhiza fuchsii* (Druse) Soó в Главном ботаническом саду (ГБС) РАН. *Вестник СВФУ*. 2015;3(47):52-62.
11. Денисова Л.В., Никитина С.В., Заугольнова Л.Б. *Программа и методика наблюдений за ценопопуляциями видов растений Красной книги СССР*. Москва: ВНИИприроды. 1986:34.
12. Climate-Data.org. URL: <https://ru.climate-data.org/азия/российская-федерация/москва/москва-6390/#climate-table> (дата обращения: 30.04.2025).
13. Саодатова Р.З., Швецов А.Н., Мальцева Н.К. Представители семейства Orchidaceae на экспозиции флоры Восточной Европы ГБС РАН. В кн.: *Охрана и культивирование орхидей: Материалы XII Международной научной конференции*, Москва, 07–10 июня 2022 г. Москва: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова Издательский Дом; 2022:233-239.
14. Швецов А.Н., Саодатова Р.З. Интродукционная популяция пальчатокоренника Фукса в Москве. В кн.: *Охрана и культивирование орхидей: Материалы XI Международной конференции*, Нижний Новгород, 25–28 мая 2018 г. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; 2018:85-87.
15. Диев М.М. *Башимачки в саду*. Москва: Товарищество изданий КМК; 2020:125.
16. Саодатова Р.З., Швецов А.Н. Опыт интродукции *Cypripedium × ventricosum* Sw. в Москве и Подмосковье. В кн.: *Охрана и культивирование орхидей: Материалы XIII Международной конференции*, Нижний Новгород, 24–27 мая 2024 г. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; 2024:129-131.
17. Черевченко Т.М., Иванников Р.В. История развития орхидологии в России конца XIX–начала XX в. *Интродукция растений*. 2001;(1-2):234-240.
18. Орхидология на рубеже XIX–XX столетий. Киев: НБС им. Н.Н. Гришко; 2016:256.
19. Кессельринг В. Культура грунтовых орхидей. *Прогрессивное садоводство и огородничество*. 1911а;(1):13-15.
20. Кессельринг В. Культура грунтовых орхидей. *Прогрессивное садоводство и огородничество*. 1911б;(3):81-83.
21. Трояновский И.И. Грунтовые орхидеи в саду. *Прогрессивное садоводство и огородничество*. 1912а;(15):461-462.
22. Трояновский И.И. Грунтовые орхидеи в саду. *Прогрессивное садоводство и огородничество*. 1912 а;(16):489-490.
23. Seaton PT, Hu H, Perner H, Pritchard HW. Ex situ conservation of orchids in a warming world. *The Botanical Review*. 2010;76:193-203. DOI: 10.1007/s12229-010-9048-6.
24. Мамаев С.А., Князев М.С., Куликов П.В., Филиппов Е.Г. *Орхидные Урала*. Екатеринбург: УрО РАН; 2004:124.
25. Широков А.И., Коломейцева Г.Л., Буров А.В., Каменева Е.В. *Культивирование орхидей европейской России*. Нижний Новгород; 2005: 64.
26. Николаев Н.В., Федоров А.В. Опыт культивирования редких видов орхидных в Удмуртской Республике. В кн.: *Охрана и культивирование орхидей: Материалы XII Международной научной конференции*, Москва, 07–10 июня 2022 г. Москва: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Издательский Дом; 2022:170-176.
27. Вокуева А.В., Рябинина М.Л. Семейство Orchidaceae Juss. в коллекции ботанического сада Института биологии Коми НЦ УрО РАН. В кн.: *Охрана и культивирование орхидей*.

Материалы IX Международной конференции, Санкт-Петербург, 26–30 сентября 2011 г. Москва: Товарищество научных изданий КМК; 2011:112-116.

28. Гапоненко Н.Б., Гнатюк А.Н. Орхидные природной флоры Украины в коллекции Национального ботанического сада им. Н.Н. Гришко. В кн.: *Охрана и культивирование орхидей*. Материалы IX Международной конференции, Санкт-Петербург, 26–30 сентября 2011 г. Москва: Товарищество научных изданий КМК; 2011:124-127.

29. Клюйкова И.С. Культивирование некоторых орхидных умеренной зоны в условиях ботанического сада ТвГУ. В кн.: *Охрана и культивирование орхидей*. Материалы IX Международной конференции, Санкт-Петербург, 26–30 сентября 2011 г. Москва: Товарищество научных изданий КМК; 2011:215-219.

30. Лебедев А.Н., Наумцев Ю.В. Экспонирование редких видов орхидных Тверской области как способ сохранения растений *ex situ*. В кн.: *Охрана и культивирование орхидей*: Материалы X международной научно-практической конференции, Минск, 01–05 июня 2015 г. Минск: Издатель А.Н. Вараксин; 2015:126-129.

31. Коновалова Т.Ю., Шевырева Н.А. Опыт интродукции и размножения орхидей открытого грунта в Подмосковье. В кн.: *Охрана и культивирование орхидей*: Материалы IX Международной конференции, Санкт-Петербург, 26–30 сентября 2011 г. Москва: Товарищество научных изданий КМК; 2011:235-240.

32. Коновалова Т.Ю., Шевырева Н.А. Культивирование некоторых видов рода Лосняк (*Liparis* Rich.) в Московской области. В кн.: *Охрана и культивирование орхидей*: Материалы X международной научно-практической конференции, Минск, 01–05 июня 2015 г. Минск: Издатель А.Н. Вараксин; 2015:101-104.

References

1. Tatarenko IV, Vakhrameeva MG, Varlygina TI, et al. Orchids in Eastern Europe and their conservation. *Proceedings of the 18th World Orchid Conference*, Dijon, France, 11-20 March, 2005:479-485 (in English). Available at: <https://www.cabidigitallibrary.org/doi/full/10.5555/20073119614>
2. Smolyaninova LA. Family Orchidaceae Juss. Orchidaceae. In: *Flora of the European part of the USSR*. Leningrad: Science; 1976;2:10-59 (in Russian).
3. Maevsky PF. *Flora of the middle zone of the European part of Russia*. Moscow: Scientific Press; 2014:635 (in Russian).
4. Gorbunov YuN, Saodatova RZ, Kazantseva ES. *Genofond of Russian Red Book Plants, conserved in Botanic Gardens and Arboreta Collections*. Moscow: Scientific Press; 2012:220 (in Russian).
5. The Red Book of the Russian Federation. Plants and fungi. Moscow: “Ecology”; 2024:944 (in Russian).
6. Evtukhova MA. Flora and vegetation of the territory of the Main Botanical Garden of the USSR Academy of Sciences. In: *Proceedings of the Main Botanical Garden*. Moscow: 1949;1:63-86 (in Russian).
7. Vakhrameeva MG, Varlygina TI, Tatarenko IV. *Orchids of Russia (biology, ecology and conservation)*. Moscow: Scientific Press; 2014:437 (in Russian).
8. Methodology of phenological observations in botanical gardens of the USSR. *Bulletin of the Main Botanical Garden*. 1979;(113):3-8 (in Russian).
9. Trulevich NV. *Ecological and phytocenotic principles of plant introduction*. Moscow: Nauka; 1991:216 (in Russian).
10. Shvetsov AN, Saodatova RZ, Konovalova TYu et al. Introduction of *Dactylorhiza fuchsii* (Druce) Soó in the Main Botanical Garden (MBG) of the Russian Academy of Sciences. *Vestnik of NEFU*. 2015;3(47):52-62 (in Russian).
11. Denisova LV, Nikitina SV, Zaugolnova LB. *Program and methodology for observing cenopopulations of plant species from the USSR Red Book*. Moscow: Prirody; 1986:34 (in Russian).

12. Climate-Data.org. Available at: <https://ru.climate-data.org/aziya/rossiyskaya-federatsiya/moskva/moskva-6390/#climate-table> [Accessed 30 April 2025] (in Russian).
13. Saodatova RZ, Shvetsov AN, Maltseva NK. *Representatives of the Orchidaceae family on the Eastern Europe flora exposition of MBG RAS*. In: *Orchid Conservation and Cultivation: Proceedings of the XII International Scientific Conference*, Moscow, June 7-10, 2022. Moscow: Lomonosov Moscow State University Publishing House; 2022:233-239 (in Russian).
14. Shvetsov AN, Saodatova RZ. Introduction population of *Dactylorhiza fuchsiana* in Moscow. In: *Orchid Conservation and Cultivation: Proceedings of the XI International Conference*, Nizhny Novgorod, May 25-28, 2018. Nizhny Novgorod: National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; 2018:85-87 (in Russian).
15. Diev MM. *Slippers in the Garden*. Moscow: KMK Press; 2020:125 (in Russian).
16. Saodatova RZ, Shvetsov AN. *Experience of *Cypripedium × ventricosum* Sw. introduction in Moscow and Moscow Region*. In: *Protection and Cultivation of Orchids: Proceedings of the XIII International Conference*, Nizhny Novgorod, May 24-27, 2024. Nizhny Novgorod: N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University; 2024:129-131 (in Russian).
17. Cherevchenko TM, Ivannikov RV. Orchidology history in Russia during the late 19th–early 20th centuries. *Plant Introduction*. 2001;(1-2):234-240 (in Russian).
18. *Orchidology at the turn of the XIX–XX centuries*. Kyiv: Grishko National Botanical Garden; 2016:256 (in Russian).
19. Kesselring V. Culture of ground orchids. *Progressive horticulture and vegetable gardening*. 1911a;(1):13-15 (in Russian).
20. Kesselring V. Culture of ground orchids. *Progressive horticulture and vegetable gardening*. 1911b;(3):81-83 (in Russian).
21. Troyanovsky II. Ground orchids in the garden. *Progressive horticulture and vegetable gardening*. 1912a;(15):461-462 (in Russian).
22. Troyanovsky II. Ground orchids in the garden. *Progressive horticulture and vegetable gardening*. 1912a;(16):489-490 (in Russian).
23. Seaton PT, Hu H, Perner H, Pritchard HW. Ex situ conservation of orchids in a warming world. *The Botanical Review*. 2010;76:193-203 (in English). DOI: 10.1007/s12229-010-9048-6
24. Mamaev SA, Knyazev MS, Kulikov PV, et al. *Orchids of the Urals*. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2004:124 (in Russian).
25. Shirokov AI, Kolomeitseva GL, Burov AV, et al. *Cultivation of orchids of the European Russia*. Nizhny Novgorod; 2005: 64 (in Russian).
26. Nikolaev NV, Fedorov AV. Experience of cultivating rare orchid species in the Udmurt Republic. In: *Orchid Conservation and Cultivation: Proceedings of the XII International Scientific Conference*, Moscow, June 7-10, 2022. Moscow: Lomonosov Moscow State University Publishing House; 2022:170-176 (in Russian).
27. Vokueva AV, Ryabinina ML. Orchidaceae Juss. family in collection of the Botanical Garden of the Biology Institute of Komi SC UrD RAS. In: *Orchid Conservation and Cultivation*. Proceedings of the IX International Conference, St. Petersburg, September 26-30, 2011. Moscow: KMK Scientific Press; 2011:112-116 (in Russian).
28. Gaponenko NB, Gnatyuk AN. Orchids of Ukraine natural flora in the collection of the N.N. Grishko National Botanical Garden. In: *Orchid Conservation and Cultivation*. Proceedings of the IX International Conference, St. Petersburg, September 26-30, 2011. Moscow: KMK Scientific Press; 2011:124-127 (in Russian).
29. Klyuikova IS. Cultivation of some temperate orchids in conditions of the Botanical Garden of Tver State University. In: *Orchid Conservation and Cultivation*. Proceedings of the IX International Conference, St. Petersburg, September 26-30, 2011. Moscow: KMK Scientific Press; 2011:215-219 (in Russian).
30. Lebedev AN, Naumtsev YuV. Exposure of rare species of Tver regions orchids as a method for plant conservation ex situ. In: *Orchid Conservation and Cultivation: Proceedings*

of the X International scientific and practical conference, Minsk, June 1-5, 2015. Minsk: Publisher A. N. Varaksin; 2015:126-129 (in Russian).

31. Konovalova TYu, Shevyreva NA. Some results of introduction and propagation of the hardy orchid species in Moscow region. In: *Orchid Conservation and Cultivation*: Proceedings of the X International scientific-practical conference, St. Petersburg, September 26-30, 2011. Moscow: KMK Scientific Press; 2011:235-240 (in Russian).

32. Konovalova TYu, Shevyreva NA. Cultivation of some species of *Liparis* Rich. in Moscow region. In: *Orchid Conservation and Cultivation*: Proceedings of the X international scientific and practical conference, Minsk, June 1-5, 2015. Minsk: Publisher A. N. Varaksin; 2015:101-104 (in Russian).

Сведения об авторах

САОДАТОВА Рано Зубайдуллоевна – к. б. н., с. н. с. лаборатории природной флоры, ФГБУН Главный ботанический сад им. Н.В. Цицина Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-3623-3327, Researcher ID: J-6628-2018, SPIN: 3450-9785, email: rsaodatova@mail.ru

ШВЕЦОВ Александр Николаевич – к. б. н., в. н. с. лаборатории природной флоры, ФГБУН Главный ботанический сад им. Н.В. Цицина Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-4018-8469, SPIN: 7234-5323, e-mail: floramoscow@mail.ru

About the authors

Rano Z. SAODATOVA – Cand. Sci. (Biology), Senior Researcher, Laboratory of Natural Flora, N.V. Tsitsin Main Botanical Garden of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-3623-3327, Researcher ID: J-6628-2018, SPIN: 3450-9785, e-mail: rsaodatova@mail.ru

Aleksandr N. SHVETSOV – Cand. Sci. (Biology), Leading Researcher, Laboratory of Natural Flora, N.V. Tsitsin Main Botanical Garden of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-4018-8469, SPIN: 7234-5323, e-mail: floramoscow@mail.ru

Вклад авторов

Саодатова Р. З. – разработка концепции, методология, визуализация, создание черновика рукописи

Швецов А. Н. – разработка концепции, визуализация, редактирование рукописи

Authors' contribution

Rano Z. Saodatova – conceptualization, methodology, visualization, writing - original draft

Aleksandr N. Shvetsov – conceptualization, visualization, writing - review & editing

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 20.05.25

Принята к публикации / Accepted 06.06.25

УДК 538.91

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-2-37-47>

Оригинальная научная статья

Воздействие высокоэнергетического нагрева токами высокой частоты на дислокации в условиях повышения коррозионной стойкости

Ю. В. Бебихов¹, Е. К. Наумов², М. Н. Семенова¹ ✉, И. А. Якушев¹

¹Политехнический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета
им. М.К. Аммосова, г. Мирный, Российская Федерация

²Институт физики молекул и кристаллов Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук, г. Уфа, Российская Федерация

✉ mariya_semyonova86@mail.ru

Аннотация

Взаимосвязь между дефектами микроструктуры и коррозионной стойкостью металлических сплавов уже давно является предметом изучения материаловедения и физики конденсированного состояния. В данном исследовании изучается влияние нагрева высокой энергией с помощью токов высокой частоты на динамику дислокаций в металлических материалах в условиях повышенной коррозионной стойкости. Обработка токами высокой частоты вызывает быстрый локализованный нагрев, создавая температурные градиенты и механические напряжения, которые изменяют дислокационную структуру. В ходе экспериментов исследовались два промышленных сплава: алюминиевый сплав, который подвержен точечной коррозии, и аустенитная нержавеющая сталь, склонная к межкристаллитной коррозии. Микроструктурные и коррозионные исследования проводились при помощи следующих методов: просвечивающая электронная микроскопия, рентгеновская дифракция и дифракция обратного рассеяния электронов. Результаты показывают, что высокоэнергетический нагрев значительно снижает плотность дислокаций и способствует их кластеризации, что снижает концентрацию напряжений и повышает однородность микроструктуры. Одновременно образование стабильного оксидного слоя, ускоряемое термической активацией, улучшает пассивацию и электрохимическую стабильность в агрессивных средах. Синергетический эффект модификации дислокаций и окисления поверхности приводит к заметному повышению коррозионной стойкости, особенно в материалах, подверженных точечной и межкристаллитной коррозии. Также воздействия токами высокой частоты могут применяться при изучении физических основ электропластического эффекта и при заживлении микротрещин в металлах и сплавах. Исследования подчеркивают потенциал обработки током высокой частоты как метода двойного назначения для оптимизации как механической целостности, так и коррозионных характеристик конструкционных сплавов, предлагая перспективные области применения в аэрокосмической, морской и энергетической отраслях, где долговечность в суровых условиях имеет решающее значение.

© Бебихов Ю. В., Наумов Е. К., Семенова М. Н., Якушев И. А., 2025

Ключевые слова: токи высокой частоты, высокоэнергетический нагрев, динамика дислокаций, коррозионная стойкость, улучшение микроструктуры, электрохимическая пассивация, алюминиевый сплав, нержавеющая сталь, электронная микроскопия, рентгеновская дифракция
Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 24-22-00092
Для цитирования: Бебихов Ю. В., Наумов Е. К., Семенова М. Н., Якушев И. А. Воздействие высокоэнергетического нагрева токами высокой частоты на дислокации в условиях повышения коррозионной стойкости. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 2. С. 37–47. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-37-47

Original article

The effect of high-energy heating by high-frequency currents on dislocations in conditions of increased corrosion resistance

*Yuriy V. Bebikhov¹, Evgeny K. Naumov²,
Maria N. Semyonova¹ ✉, Ilya A. Yakushev¹*

¹Mirny Polytechnic Institute (branch) of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Mirny, Russian Federation

²Institute of Molecule and Crystal Physics, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation

✉ mariya_semyonova86@mail.ru

Abstract

The relationship between microstructural defects and corrosion resistance of metallic alloys has long been a subject of study in materials science and condensed matter physics. This study investigates the effect of high-energy heating using high-frequency currents on the dynamics of dislocations in metallic materials under conditions of increased corrosion resistance. High frequency current treatment causes rapid localized heating, creating temperature gradients and mechanical stresses that alter the dislocation structure. Two commercial alloys were studied in the experiments: an aluminum alloy susceptible to pitting corrosion and an austenitic stainless steel susceptible to intergranular corrosion. Microstructural and corrosion studies were performed using transmission electron microscopy, X-ray diffraction, and electron backscatter diffraction. The results show that high-energy heating significantly reduces the dislocation density and promotes their clustering, which reduces stress concentration and improves microstructural homogeneity. At the same time, the formation of a stable oxide layer accelerated by thermal activation improves passivation and electrochemical stability in aggressive environments. The synergistic effect of dislocation modification and surface oxidation results in a significant increase in corrosion resistance, especially in materials susceptible to pitting and intercrystalline corrosion. High-frequency current treatments can also be used to study the physical basis of the electroplastic effect and to heal microcracks in metals and alloys. The studies highlight the potential of high-frequency current treatment as a dual-purpose method for optimizing both the mechanical integrity and corrosion performance of structural alloys, suggesting promising applications in the aerospace, marine and energy industries, where durability in harsh environments is critical.

Keywords: high frequency currents, high energy heating, dislocation dynamics, corrosion resistance, microstructure improvement, electrochemical passivation, aluminum alloy, stainless steel, electron microscopy, X-ray diffraction

Funding. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation Grant No. 24-22-00092

For citation: Bebikhov Yu. V., Naumov E. K., Semyonova M. N., Yakushev I. A. The effect of high-energy heating by high-frequency currents on dislocations in conditions of increased corrosion resistance. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 2. Pp. 37–47. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-37-47

Введение

Взаимосвязь между дефектами микроструктуры и коррозионной стойкостью металлических сплавов уже давно является предметом изучения материаловедения и физики конденсированного состояния [1]. Дислокации – это линейные дефекты в кристаллических решетках, действующие как концентраторы напряжений и активные очаги возникновения коррозии, особенно в агрессивных средах [2]. Традиционные методы снижения деградации, связанной с дислокациями, такие как отжиг или механическая обработка, часто снижают прочность или не позволяют устранить локализованные механизмы коррозии. Обработка поверхности высокочастотным током или ТВЧ-закалка (далее – ТВЧ) – высокоэнергетическая обработка поверхности, предлагающая новый подход, основанный на быстром локализованном нагреве для изменения динамики дислокаций при одновременном повышении электрохимической стабильности [3].

В ТВЧ используются переменные токи в диапазоне частот кГц–МГц, вызывающие вихревые токи, которые генерируют интенсивный локализованный джоулев нагрев. Этот термомеханический эффект изменяет конфигурацию дислокаций, т. е. аннигилирует, перестраивает или группирует дефекты и одновременно активирует поверхностное окисление [4]. Недавние исследования показывают, что такая обработка может синергически улучшить механические и коррозионные свойства, но основные механизмы, связывающие поведение дислокаций с пассивацией, остаются недостаточно изученными. В настоящей работе исследуются как температурные градиенты, обусловленные ТВЧ, изменяют дислокационные структуры, а также рассматривается их роль в повышении коррозионной стойкости конструкционных сплавов [5].

Под высокочастотным нагревом понимается нагрев при бесконтактной передаче энергии в нагреваемое тело с помощью электромагнитного поля [6]. Такое электромагнитное поле вызывает индукцию токов в поверхностном слое металла. Эти токи нагревают металл до температуры, при которой он переходит в аустенитное состояние. Затем происходит быстрое охлаждение, в результате которого аустенит превращается в мартенсит, т. е. твердую и прочную структуру стали [7]. В зависимости от того, какая составляющая электромагнитного поля играет основную роль, различают нагрев в магнитном поле (индукционный нагрев) и электрическом поле (дизлектрический или «емкостный» нагрев).

При реализации систем высокочастотного нагрева стоит учитывать некоторые их особенности, например, нагрев может осуществляться только на переменном токе, а понятие «высокая» или «низкая» частота является относительным и определяется соотношением размеров тел и длины электромагнитной волны в их материале. Также необходимо принимать во внимание, что в системах всегда имеется реактивная мощность (индуктивная или емкостная), причем ее величина обычно намного больше активной. И самое главное – такие системы высокочастотного нагрева являются объектами с распределенными параметрами, что усложняет измерения в них и расчеты [8].

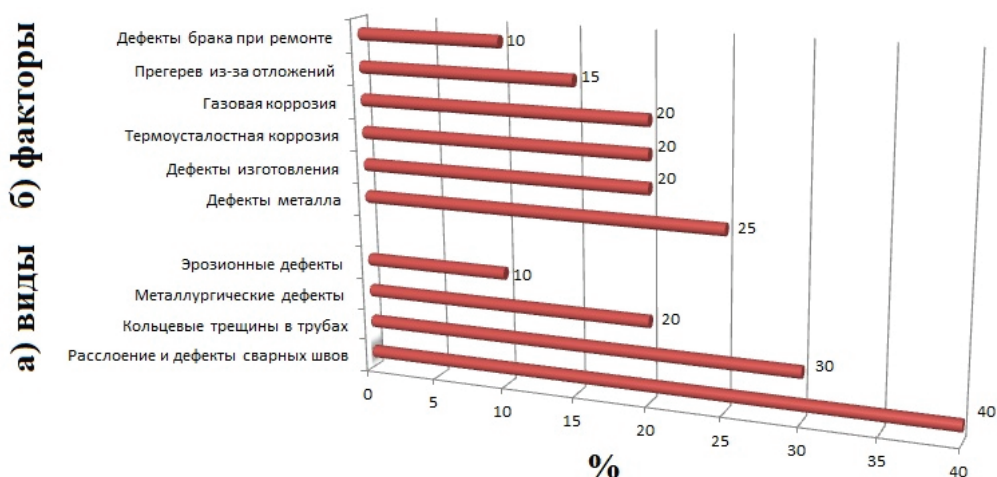

Рис. 1. Виды разрушений в микроструктуре металла энергетического оборудования (а) и эксплуатационные факторы, влияющие на разрушение поверхностей нагрева котельных агрегатов (б)

Fig. 1. Types of damage in the microstructure of the metal of power equipment (a) and operational factors affecting the destruction of heating surfaces of boiler units (b)

Также стоит отметить, что воздействия токами высокой частоты могут применяться при изучении физических основ электропластического эффекта [9–11] и при залечивании микротрещин [12, 13] в металлах и сплавах.

Коррозионное разрушение является причиной проблем надежности работы различного электротехнического оборудования, например, тепловых электрических станций (ТЭС) [14, 15]. Важной задачей при эксплуатации основного и вспомогательного оборудования ТЭС является поиск возможностей, методов и разработок по сохранению ресурса и обеспечение их надежной работы. В ближайшие годы в Ленском районе Республики Саха (Якутия) будет построена и введена в эксплуатацию крупная тепловая электростанция – Новоленская ТЭС, что обуславливает еще большую актуальность исследования для дальнейшего внедрения методов борьбы с коррозионным разрушением, которые в последующем смогут обеспечить бесперебойную работу оборудования на ТЭС [16–18].

Классификация и причины разрушений металлических поверхностей нагрева котельных агрегатов представлены на рис. 1, из которых очевидно, что совместное воздействие всех эксплуатационных факторов приводит к ухудшению оптимальных условий работы металла [8].

В результате более тщательного анализа видно, что основными причинами повреждений поверхностей нагрева котельных агрегатов являются температурные отклонения в структуре металла труб и условия их эксплуатации, которые в совокупности приводят к коррозионному разрушению теплоэнергетического оборудования.

Как известно, коррозия – самопроизвольная окислительно-восстановительная реакция, протекающая при взаимодействии металла с окружающей средой, вследствие которого происходит разрушение металла. Развитие процесса коррозионного разрушения можно представить в виде следующих последовательных стадий: а) транспортировки компонентов агрессивной среды к металлической поверхности; б) химической окислительно-восстановительной реакции ионов металла и компонентов коррозионной среды; в) отвода продуктов химической реакции (коррозии) от поверхности раздела фаз [19].

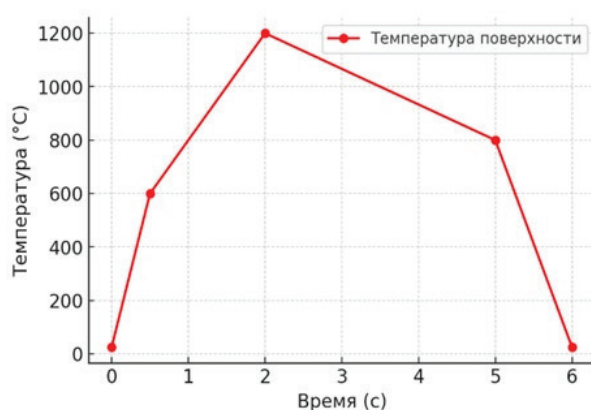

Рис. 2. Схема обработки ТВЧ

Fig. 2. HFC processing scheme

Материалы и методы

В ходе экспериментов исследовались два промышленных сплава: алюминиевый сплав AA7075, который подвержен точечной коррозии, и аустенитная нержавеющая сталь 316L, склонная к межкристаллитной коррозии. Данные материалы выбраны в силу их широкой распространенности, а также высокой чувствительности к изменениям микроструктуры, вызванным внешними воздействиями.

В качестве метода обработки применялся ТВЧ, который представляет собой процесс кратковременного воздействия мощного электромагнитного поля высокой частоты. Для этого использовался асинхронный генератор с рабочей частотой 400 кГц, обеспечивающий плотность мощности в диапазоне $15\div 25$ кВт/см². Такой режим позволял достичь высокой степени локального нагрева, контролируя термические процессы без значительного перегрева материала. Длительность нагрева варьировалась от 0,5 до 5 секунд в зависимости от экспериментальной группы, при этом температура поверхности образцов поднималась до $600\div 1200$ °C. Далее следовало быстрое охлаждение на воздухе, что обеспечивало специфические изменения микроструктуры и физических характеристик материала. Процесс нагрева и охлаждения при ТВЧ показан на рис. 2.

Применение ТВЧ приводило к интенсивной термоактивированной аннигиляции дислокаций, снижению внутренних напряжений и модификации субструктуры зерен. Для оценки этих изменений были проведены детальные микроструктурные и коррозионные исследования, включающие следующие методы:

1. Просвечивающая электронная микроскопия (ПЭМ) использовалась для анализа плотности дислокаций и эволюции субструктуры. Образцы готовились с помощью электрополировки до получения тонких пленок, после чего исследовались на микроскопе JEOL JEM-2100F. Это позволило зафиксировать снижение плотности дислокаций на $65\div 70\%$ в случае AA7075 и формирование субзерен размером $2\div 5$ мкм в стали 316L.

2. Рентгеновская дифракция (РД) применялась для количественного определения остаточных напряжений и размеров кристаллитов. Измерения проводились в геометрии Брэгга-Брентано на дифрактометре Bruker D8 Advance. Результаты подтвердили снижение остаточных напряжений на 40% после ТВЧ, что коррелировало с наблюдаемыми микроструктурными изменениями.

3. Дифракция обратного рассеяния электронов (Electron Back Scattering Diffraction, EBSD) использовалась для визуализации ориентации зерен и распределения дислокаций. Карты EBSD показали более равномерное распределе-

ние ориентаций и уменьшение плотности микрогальванических соединений, что способствует повышению коррозионной стойкости.

Результаты и обсуждение

Для изучения изменений в коррозионных свойствах после ТВЧ были проведены следующие испытания:

1. Потенциодинамическая поляризация определялась в агрессивных средах: для АА7075 использовался 3,5% раствор NaCl, а для 316L – раствор H_2SO_4 0,5 М. Исследования проводились с помощью потенциостата Gamry Interface 1010В при скорости сканирования 1 мВ/с. Результаты показали, что плотность тока коррозии (i_{pit}) у алюминиевого сплава снизилась на 50% после обработки, что свидетельствует о существенном повышении его устойчивости к точечной коррозии.

2. Спектроскопия электрохимического импеданса (Electrochemical Impedance Spectroscopy, EIS) проводилась в диапазоне частот 10^{-5} – 10^{-2} Гц с амплитудой 10 мВ. Графики Найквиста продемонстрировали увеличение сопротивления переносу заряда (R_{ct}) в три раза, что указывает на значительное улучшение защитных свойств пассивного слоя.

3. Испытание солевым туманом (ASTM B117) – образцы подвергались воздействию агрессивной среды в течение 500 часов, после чего оценивалась степень коррозионных повреждений. В стали 316L после обработки ТВЧ критическая температура точечной коррозии увеличилась на 12 °С, а глубина межкристаллитного взаимодействия уменьшилась на 60%, что свидетельствует о формировании более стабильного оксидного слоя.

Совокупность данных результатов указывает на высокий потенциал ТВЧ как метода повышения эксплуатационных характеристик металлов за счет направленного управления их микроструктурой. Перейдем к их обсуждению.

Динамика дислокаций при ТВЧ

ТВЧ вызвал значительное улучшение микроструктуры. В АА7075 ПЭМ выявила снижение плотности дислокаций на 65–70% (с $\sim 10^{15}$ до $\sim 3 \cdot 10^{14}$ м $^{-2}$) из-за термоактивированной аннигиляции дислокаций (рис. 3). Наблюдалось объединение дислокаций в низкоэнергетические конфигурации, такие как решетки Тейлора, что сводило к минимуму поля упругих деформаций. В 316L формирование субзерен (2–5 мкм) путем динамического восстановления привело к снижению концентрации межзеренных напряжений. РД подтвердила снижение остаточных напряжений на 40%, что согласуется с картами EBSD, показывающими равномерный разброс ориентации зерен.

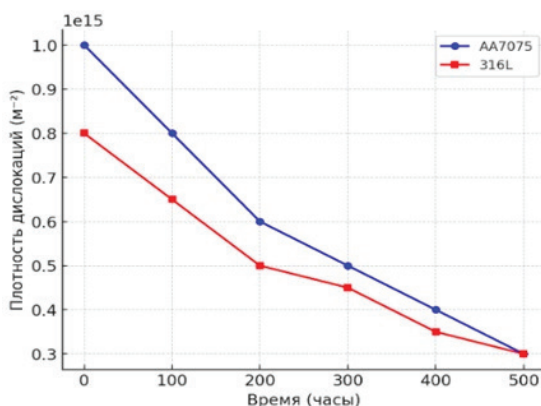

Рис. 3. Динамика плотности дислокаций

Fig. 3. Dynamics of dislocation density

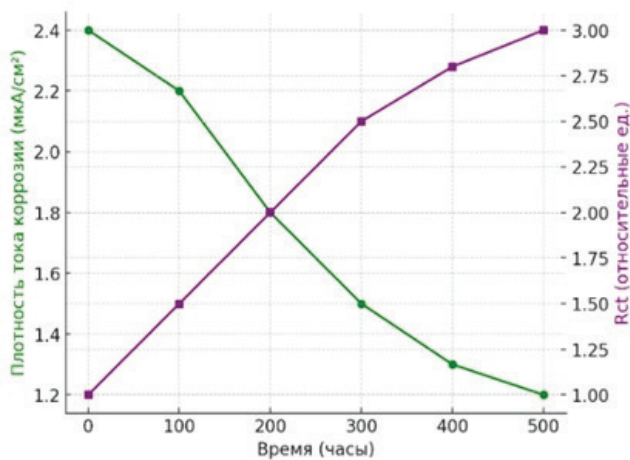

Рис. 4. Коррозионные характеристики AA7075
Fig. 4. Corrosion characteristics of AA7075

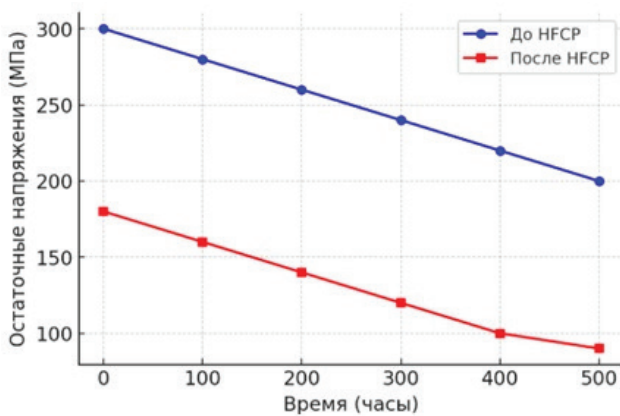

Рис. 5. Рентгенографический анализ остаточных напряжений
Fig. 5. X-ray analysis of residual stresses

Повышение коррозионной стойкости

Электрохимические испытания показали прямую зависимость между модификацией дислокаций и коррозионными свойствами. Образцы AA7075, обработанные ТВЧ, показали на 50% меньшую плотность тока коррозии (i_{pit}) по сравнению с необработанными контрольными образцами (1,2 против 2,4 мкА/см²). Графики Найквиста EIS показали увеличение сопротивления переносу заряда (R_{ct}) в 3 раза, что объясняется уменьшением количества активных центров в результате аннигиляции дислокаций (рис. 4). Для 316L критическая температура точечной коррозии увеличилась на 12 °С, а глубина межкристаллитного взаимодействия уменьшилась на 60%. Рентгенофазовый анализ выявил утолщение пассивного слоя, богатого Cr₂O₃ (6,2 нм против 2,8 нм в контрольной группе), чему способствовала термическая активация диффузии Cr с помощью ТВЧ.

Механистические аспекты

Взаимодействие между дислокационной инженерией и пассивацией поверхности имеет двойкий характер. Во-первых, кластеризация дислокаций уменьшает микрогальванические связи между напряженными и ненапряженными участками, подавляя образование ямок, что приводит к снятию напряжений (рис. 5). Во-вторых,

быстрый нагрев ускоряет растворение и повторное осаждение защитных оксидов, в то время как очищенные зерна обеспечивают быструю диффузию пассивирующих элементов (например, Cr и Al), что повышает стабильность оксидного слоя.

Заключение

ТВЧ эффективно снижает плотность дислокаций на 65÷70% в АА7075 и способствует образованию субзерен в 316L, гомогенизируя распределение микронапряжений. Результирующие дислокационные конфигурации подавляют локализованную коррозию за счет устранения активных очагов, вызванных деформацией, и повышения стабильности пассивной пленки. Улучшение электрохимических характеристик включает в себя снижение скорости коррозии алюминиевых сплавов на 50% и межкристаллитного взаимодействия нержавеющей стали на 60%. Этот двухфункциональный подход, обеспечивающий одновременную оптимизацию механических и коррозионных свойств, позиционирует ТВЧ как инновационный метод для аэрокосмических, морских и ядерных применений, где долговечность материалов в экстремальных условиях имеет первостепенное значение.

Л и т е р а т у р а

1. Abdrakhmanova ED, Khafizova ED, Polenok MV, et al. Effect of the test regimes on the corrosion resistance of the Zn-1Fe-1Mg alloy. *Materials. Technologies. Design*. 2024;6(1):80-90. DOI: 10.54708/26587572_2024_611680
2. Ivancivsky VV, Skeebe VY, Bataev IA, et al. The features of steel surface hardening with high energy heating by high frequency currents and shower cooling. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*; 2016;156:012025. DOI: 10.1088/1757-899X/156/1/012025
3. Сиделев Д.В., Воронина Е.Д., Кожина О.И. и др. Азотирование стали 40X13 в индуктивно-связанной плазме: влияние потенциала смещения образца. *Прикладная физика*. 2022;(2):16-23. DOI: 10.51368/1996-0948-2022-2-16-23
4. Skeebe VYu, Ivancivsky VV, Martyushev NV, et al. Numerical Simulation of Temperature Field in Steel under Action of Electron Beam Heating Source. *Key Engineering Materials*. 2016;712:105-111. DOI: 10.4028/www.scientific.net/KEM.712.105
5. Гудремов В.Н. *Термическая обработка металлов*. Москва: Металлургия; 2005:432.
6. Santos Maldonado CT, Zafra A, Martínez Pañeda E, et al. Influence of dislocation cells on hydrogen embrittlement in wrought and additively manufactured Inconel 718. *Communications Materials*. 2024;5:223. DOI: 10.1038/s43246-024-00654-6
7. Малинов Л.С., Малинов В.Л., Малышева И.Е., Бурова Д.В. Универсальность принципа получения в структуре сталей и чугунов метастабильного аустенита для повышения их абразивной износостойкости. *Трение и износ*. 2022;43(3):282-291. DOI: 10.32864/0202-4977-2022-43-3-282-291
8. Иванцовский В.В., Батаев В.А. Расчет параметров термических циклов, реализуемых в материалах при действии объемных источников нагрева. В кн.: *Актуальные проблемы электронного приборостроения: труды V междунар. конф.* Новосибирск: Изд-во НГТУ; 2001;3:145-150.
9. Татаринов В.П., Татаринов П.С., Бебихов Ю.В. и др. Разработка способа измерения импульсных токов большой величины. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова*. 2024;21(1):81-88. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-1-81-88
10. Моркина А.Ю., Таров Д.В., Наумова Д.М. и др. Влияние повторяющихся импульсов тока высокой плотности на пластическую деформацию медных проводов. *Известия Уфимского научного центра РАН*. 2024;(3):15-23. DOI: 10.31040/2222-8349-2024-0-3-15-23
11. Morkina AY, Tarov DV, Khalikova GR, et al. Comparison of the effect of electroplasticity in copper and aluminum. *Facta Universitatis. Series: Mechanical Engineering*. 2024;22(4):615-632. DOI: 10.22190/FUME240920049M

12. Брызгалов В.А., Моркина А.Ю., Абдуллина Д.У. и др. Обзор исследований по заживлению макротрещин в металлах под действием импульсного тока высокой плотности. *Materials. Technologies. Design*. 2024;6(2):38-58. DOI: 10.54708/26587572_2024_621738
13. Dmitriev SV, Morkina AY, Tarov DV, et al. Effect of repetitive high-density current pulses on plastic deformation of copper wires under stepwise loading. *Spectrum of Mechanical Engineering and Operational Research*. 2024;1(1):27-43. DOI: 10.31181/smeor1120243
14. Revie RW, Uhlig HH. *Corrosion and Corrosion Control*. Hoboken: Wiley; 2008:512.
15. Dai N, Zhang J, Chen Y, et al. Heat Treatment Degrading the Corrosion Resistance of Selective Laser Melted Ti-6Al-4V Alloy. *Journal of The Electrochemical Society*. 2017;164(7):C428. DOI: 10.1149/2.1481707jes
16. Дворников В.Н., Русин П.И. Импульсная закалка с высокоэнергетического нагрева ТВЧ. В кн.: *Новые металлы и технология термической обработки металлов: сборник тезисов докладов Всесоюзной научно-технической конференции*. Киев: МДНТП; 1985:38-40.
17. Бабат Г.И. *Индукционный нагрев металлов и его промышленное применение*. Москва-Ленинград: Энергия; 1965:552.
18. Слухоцкий А.Е., Рыскин С.Е. *Индукторы для индукционного нагрева*. Ленинград: Энергия; 1974:264.
19. Иванцовский В.В., Батаев В.А. Связь параметров термических циклов, реализуемых в поверхностных слоях деталей машин, с глубиной упрочнения при воздействии объемных концентрированных источников нагрева. *Известия высших учебных заведений. Черная металлургия*. 2004;(10):30-34.

References

1. Abdrakhmanova ED, Khafizova ED, Polenok MV, et al. Effect of the test regimes on the corrosion resistance of the Zn-1Fe-1Mg alloy. *Materials. Technologies. Design*. 2024;6(1):80-90 (in English). DOI: 10.54708/26587572_2024_611680
2. Ivancivsky VV, Skeebe VY, Bataev IA, et al. The features of steel surface hardening with high energy heating by high frequency currents and shower cooling. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. 2016;156:012025 (in English). DOI: 10.1088/1757-899X/156/1/012025
3. Sidelev DV, Voronina ED, Kozhina OI, et al. Nitriding of 40X13 steel in inductively coupled plasma: influence of sample bias potential. *Applied Physics*. 2022;(2):16-23 (in Russian). DOI: 10.51368/1996-0948-2022-2-16-23
4. Skeebe VYu, Ivancivsky VV, Martyushev NV, et al. Numerical Simulation of Temperature Field in Steel under Action of Electron Beam Heating Source. *Key Engineering Materials*. 2016;712:105-111 (in English). DOI: 10.4028/www.scientific.net/KEM.712.105
5. Gudremov VN. *Heat treatment of metals*. Moscow: Metallurgy; 2005:432 (in Russian).
6. Santos Maldonado CT, Zafra A, Martínez Pañeda E, et al. Influence of dislocation cells on hydrogen embrittlement in wrought and additively manufactured Inconel 718. *Communications Materials*. 2024;5:223 (in English). DOI: 10.1038/s43246-024-00654-6
7. Malinov LS, Malinov VL, Malysheva IE, Burova DV. Universality of the principle of obtaining metastable austenite in the structure of steels and cast irons to increase their abrasive wear resistance. *Friction and Wear*. 2022;43(3):282-291 (in Russian). DOI: 10.32864/0202-4977-2022-43-3-282-291
8. Ivantcivsky VV, Bataev VA. Calculation of parameters of thermal cycles realized in materials under the action of volumetric heat sources. In: *Actual problems of electronic instrument making: Proceedings of the V international. conf.* Novosibirsk: Publishing House of NSTU; 2001;3:145-150 (in Russian).
9. Tatarinov VP, Tatarinov PS, Bebikhov YuV, et al. Development of a method for measuring high-magnitude pulse currents. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2024;21(1):81-88 (in Russian). DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-1-81-88

10. Morkina AYu, Tarov DV, Naumova DM, et al. Effect of Repeated High-Density Current Pulses on Plastic Deformation of Copper Wires. *Vestnik of Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2024;(3):15-23 (in Russian). DOI: 10.31040/2222-8349-2024-0-3-15-23
11. Morkina AYu, Tarov DV, Khalikova GR, et al. Comparison of the effect of electroplasticity in copper and aluminum. *Facta Universitatis. Series: Mechanical Engineering*. 2024;22(4):615-632 (in English). DOI: 10.22190/FUME240920049M
12. Bryzgalov VA, Morkina AYu, Abdullina DU, et al. Review of research on healing macrocracks in metals under the influence of high-density pulsed current. *Materials. Technologies. Design*. 2024;6(2):38-58 (in Russian). DOI: 10.54708/26587572_2024_621738
13. Dmitriev SV, Morkina AYu, Tarov DV, et al. Effect of repetitive high-density current pulses on plastic deformation of copper wires under stepwise loading. *Spectrum of Mechanical Engineering and Operational Research*. 2024;1(1):27-43 (in English). DOI: 10.31181/smeor1120243
14. Revie RW, Uhlig HH. *Corrosion and Corrosion Control*. Hoboken: Wiley; 2008:512 (in English).
15. Dai N, Zhang J, Chen Y, et al. Heat Treatment Degrading the Corrosion Resistance of Selective Laser Melted Ti-6Al-4V Alloy. *Journal of The Electrochemical Society*. 2017;164(7):C428 (in English). DOI: 10.1149/2.1481707jes
16. Dvornikov VN, Rusin PI. Pulse hardening with high-energy heating of HFC. In: *New metals and technology of heat treatment of metals: collection of abstracts of reports of the All-Union scientific and technical conference*. Kyiv: MDNTP; 1985:38-40 (in Russian).
17. Babat GI. *Induction heating of metals and its industrial application*. Moscow-Leningrad: Energiya; 1965:552 (in Russian).
18. Slukhotsky AE, Ryskin SE. *Inductors for induction heating*. Leningrad: Energiya; 1974:264 (in Russian).
19. Ivantsivsky VV, Bataev VA. Relationship between the parameters of thermal cycles realized in the surface layers of machine parts and the depth of hardening under the influence of volumetric concentrated heat sources. *Izvestiya. Ferrous Metallurgy*. 2004;(10):30-34 (in Russian).

Сведения об авторах

БЕБИХОВ Юрий Владимирович – д. ф.-м. н., доц., зав. каф. ЭиАПП, Политехнический институт (филиал), ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», г. Мирный, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-8366-4819, ResearcherID: JCE-6803-2023, Scopus ID: 35329263600, SPIN: 1566-2739, bebihov.yura@mail.ru

НАУМОВ Евгений Константинович – аспирант, Институт физики молекул и кристаллов ФГБНУ «Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук», г. Уфа, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-0320-2797, Scopus ID: 57798022700, naumov.ev-g@net.ugatu.su

СЕМЕНОВА Мария Николаевна – к. ф.-м. н., доц. каф. ФиПМ, Политехнический институт (филиал), ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», г. Мирный, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-7298-0226, ResearcherID: AAD-2973-2020, Scopus ID: 57204979109, SPIN: 2091-9681, mariya_semyonova86@mail.ru

ЯКУШЕВ Илья Анатольевич – к. ф.-м. н., доц. каф. ФиПМ, Политехнический институт (филиал), ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», г. Мирный, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-2539-7334, ResearcherID: AAO-4495-2020, Scopus ID: 55220843700, SPIN: 7671-3618, yakushrevilya@mail.ru

About the authors

Yuriy V. BEBIKHOV – Dr. Sci. (Phys. and Math.), Associate Professor, Mirny Polytechnic Institute (branch) of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: 0000-0002-8366-4819, ResearcherID: JCE-6803-2023, Scopus ID: 35329263600, SPIN: 1566-2739, e-mail: bebikhov.yura@mail.ru

Evgeny K. NAUMOV – Graduate Student, Institute of Molecule and Crystal Physics of the Ufa Federal Research Center RAS, ORCID: 0000-0002-0320-2797, Scopus ID: 57798022700, e-mail: naumov.evg-k@net.ugatu.su

Maria N. SEMYONOVA – Cand. of Sci. (Phys. and Math.), Associate Professor, Polytechnic Institute (branch) M.K. Ammosov North-Eastern Federal University in Mirny, ORCID: 0000-0002-7298-0226, ResearcherID: AAD-2973-2020, Scopus ID: 57204979109, SPIN: 2091-9681, e-mail: mariya_semyonova86@mail.ru

Ilya A. YAKUSHEV – Cand. of Sci. (Phys. and Math.), Associate Professor, Mirny Polytechnic Institute (branch) of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: 0000-0003-2539-7334, ResearcherID: AAO-4495-2020, Scopus ID: 55220843700, SPIN: 7671-3618, e-mail: yakushrevilya@mail.ru

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests

Вклад авторов

Бebихов Ю.В. – разработка концепции, верификация данных, ресурсное обеспечение исследования

Наумов Е.К. – методология, программное обеспечение, администрирование данных

Семенова М.Н. – проведение исследования, создание черновика рукописи

Якушев И.А. – визуализация, редактирование рукописи

Authors' contribution

Yuriy V. Bebikhov – conceptualization, validation, resources

Evgeny K. Naumov – methodology, software, data curation

Maria N. Semyonova – investigation, writing - original draft

Ilya A. Yakushev – visualization, writing - review & editing

Поступила в редакцию / Submitted 20.05.25

Принята к публикации / Accepted 04.06.25

УДК 539.1.07;615.849

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-2-48-58>

Оригинальная научная статья

Статистика индексов гомогенности дозы в мишени при планировании облучения при различных нозологиях

И. М. Лебеденко

Национальный медицинский исследовательский центр онкологии им. Н.Н. Блохина

Минздрава России, г. Москва, Российская Федерация

✉ imlebedenko@mail.ru

Аннотация

Любое технологическое решение тогда имеет право быть применимым и широко распространенным, когда это оправдано с клинической точки зрения – то есть когда в результате применения данной технологии повышается выживаемость больных в сравнении с предыдущими. Цель работы заключается в систематизации накопленных в течение последних восьми лет результатов о статистике индексов гомогенности дозы в мишени при планировании облучения для нескольких нозологий. При достижении толерантных значений индекса гомогенности снижается вероятность возникновения рецидивов опухолей, что влечет за собой увеличение продолжительности жизни больных. Рассчитаны индексы гомогенности в мишени при планировании облучения больных. Получены зависимости индексов гомогенности HI дозы в пределах мишени от технологии облучения. С учетом прогностических возможностей индекса HI для безрецидивной выживаемости выбрана оптимальная технология облучения больных для каждой из нозологий. Показано, что при облучении рака шейки матки желателно применять технологии 3D конформной лучевой терапии 3D КЛТ и лучевую терапию с модуляцией по интенсивности IMRT, при раке легкого и предстательной железы – технологии лучевой терапии с модуляцией по интенсивности в ротационном режиме RapidArc. Рак молочной железы желателно облучать по технологии 3D КЛТ. Показано также, что протяженность облучаемых мишеней определенно влияет на величину индекса гомогенности и его толерантных значений. Возможна оптимизация планов облучения путем подбора технологии облучения для достижения HI в пределах толерантности. Рассматриваемые технологии конформной лучевой терапии 3D КЛТ, IMRT, RapidArc можно считать состоятельными, так как в большинстве случаев они позволяют достичь нужной гомогенности в мишени и существенно снизить вероятность возникновения рецидивов у онкологических больных.

Ключевые слова: лучевая терапия, индексы гомогенности в мишени, статистика, оценка качества планирования, современные технологии, безрецидивная выживаемость, рак молочной железы, рак предстательной железы, рак шейки и тела матки, опухоли центральной нервной системы, рак орофарингеальной зоны, рак пищевода

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Лебеденко И. М. Статистика индексов гомогенности дозы в мишени при планировании облучения при различных нозологиях. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 2. С. 48–58. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-48-58

Original article

Statistics of dose homogeneity indices in the target when planning irradiation for various nosologies

Irina M. Lebedenko

N.N. Blokhin National Medical Research Center of Oncology, Ministry of Health of Russia,
Moscow, Russian Federation

✉ imlebedenko@mail.ru

Abstract

Any technological solution then has the right to be applicable and widely distributed when it is justified from a clinical point of view. That is, when as a result of the application of the technology the survival rate of patients increases in comparison with the previous one. The purpose of the work is to systematize the results accumulated over the past eight years on the statistics of dose homogeneity indices in the target when planning irradiation for several nosologies. When reaching tolerant values of the homogeneity index, the probability of tumor recurrence decreases, which entails an increase in the life expectancy of patients. Homogeneity indices in the target were calculated when planning irradiation of patients. Dependences of the HI dose homogeneity indices within the target on the irradiation technology were obtained. Taking into account the prognostic capabilities of the HI index for relapse-free survival, the optimal technology for irradiating patients for each nosology was selected. It has been shown that when irradiating cervical cancer, it is desirable to use 3D conformal radiation therapy 3DCRT and intensity-modulated radiation therapy IMRT, and for lung and prostate cancer, intensity-modulated radiation therapy in the RapidArc rotational mode. It is desirable to irradiate breast cancer using 3D CRT technology. It is also shown that the length of the irradiated targets has a pronounced effect on the homogeneity index and its tolerance values. It is possible to optimize irradiation plans by selecting the irradiation technology to achieve HI within the tolerance limits. The considered technologies of conformal radiation therapy 3D CRT, IMRT, Rapid Arc can be considered viable, since in most cases they allow achieving the desired homogeneity in the target and, thus, significantly reduce the likelihood of relapses in cancer patients.

Keywords: radiotherapy, target homogeneity indices, statistics, planning quality assessment, modern technologies, relapse-free survival, breast cancer, prostate cancer, cervical and uterine cancer, central nervous system tumors, oropharyngeal cancer, esophageal cancer

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Lebedenko I. M. Statistics of dose homogeneity indices in the target when planning irradiation for various nosologies. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 2. Pp. 48–58. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-48-58

Введение

Главным критерием качества лечения в клинике является выживаемость больных после лечения при трех- и пятилетнем наблюдении. При отсутствии возможности длительного наблюдения за больными используются прогностические характеристики [1]. В лучевой терапии (ЛТ) таковым может быть индекс гомогенности дозы HI, который является одной из характеристик качества

планирования облучения онкологических больных. Поэтому оценка качества планирования актуальна. Цель работы заключалась в систематизации накопленных в течение последних восьми лет результатов о статистике индексов гомогенности дозы в мишени при планировании облучения для нескольких нозологий. На основании анализа литературных данных [1–5] выделены факторы, позволяющие прогнозировать безрецидивную выживаемость пациентов. В работе [1] показано, что наиболее значимым из всей совокупности факторов для прогноза и зависящим от физика при планировании облучения оказался индекс гомогенности распределения дозы HI внутри клинического (CTV) или планируемого (PTV) объемов. Чем ближе индекс к нулю при планировании облучения, тем ниже вероятность возникновения рецидивов и выше выживаемость больных. Частота рецидивирования растет при значениях индекса HI, превышающих 0,12. Существенную роль в этом вопросе играет также индекс конформности дозы в мишени CI и дозы в критических структурах. В работе будут приведены сведения только об индексах гомогенности и дозах в критических органах (модальных дозах), где это необходимо для соблюдения логики изложения материала.

Материалы и методы

Оценено качество планирования облучения больных при нескольких нозологиях: раке предстательной железы РПЖ (две группы: 30 и 40 пациентов), раке шейки матки РШМ (72 пациентки) и тела матки (94 пациентки), раке молочной железы РМЖ (разнесенные во времени две группы по 30 пациенток), при опухолях орофарингеальной зоны ОФР (30 пациентов), раке легкого РЛ (60 пациентов) и пищевода РП (23 пациента), при опухолях ЦНС (10 пациентов). Для оценки качества планов облучения больных по технологиям 3D конформной ЛТ (3D КЛТ), ЛТ с модуляцией интенсивности (IMRT), ЛТ с модуляцией интенсивности в ротационном режиме (RapidArc) использованы индексы гомогенности дозы в мишени [5]. Дистанционное облучение всех групп проведено на ускорителях электронов моделей Clinac iX (Varian, США), Halcyon (Varian, США), TrueBeam (Varian) с энергией фотонного излучения 6 МВ и многолепестковым коллиматором (МЛК). Расчет планов облучения осуществлялся на системах планирования (СП) Eclipse (Varian) различных версий при помощи алгоритма AAA (Anisotropic Analytical Algorithm), основанного на математической функции учета рассеяния.

Дозовая гомогенность HI

В соответствии с международными рекомендациями для технологий 3D КЛТ, IMRT и RapidArc HI рассчитывается по кумулятивной гистограмме доза–объем как отношение разницы дозы около максимума, охватывающей 2% мишени или критического органа $D_{2\%}$, $D_{98\%}$ – минимального значения дозы, охватывающего 98% объема мишени (или критического органа), к $D_{50\%}$, которое характеризует нормирующее значение [3–5]. В идеальном случае при HI=0 дозовое распределение полностью однородное. С учетом известных неопределенностей принята суммарная погрешность подведения дозы в опухоль в пределах от -5% до +7% от предписанной дозы, которая и отражает гомогенность распределения дозы.

Характеристика некоторых клинических групп

Облучение больных РПЖ осуществлялось в стандартном режиме фракционирования в три этапа до суммарной дозы СД = 74 Гр при РД = 2 Гр за фракцию, 5 дней в неделю.

Группа из 72 пациенток с распространенным РШМ 2–3 стадии получала СД = 50 Гр при разовой дозе РД = 2 Гр и разделена на три подгруппы. В первой группе проводилась лучевая терапия в режиме Rapid Arc, во второй – IMRT, в третьей – 3D КЛТ.

Первая группа РМЖ (30 пациенток) вошла в комплексную группу и проанализирована по индексу гомогенности при облучении по технологии 3D КЛТ на ускорителе Clinac iX (рис. 1). Вторая группа больных РМЖ из 30 пациенток с планируемой СД = 40,05 Гр при РД = 2,67 Гр разделена на две подгруппы по 15 пациенток. Проведено планирование ЛТ по технологиям IMRT и RapidArc для правой МЖ (15 пациенток) и левой МЖ (15 пациенток). Тридцать (30) пациенток из контрольной группы облучались по технологии 3D КЛТ.

Оценка планов облучения 60 пациентов раком легкого (РЛ) осуществлялась с использованием техники задержки дыхания. Первая группа включала 35 пациентов с центральным раком левого и правого легкого, вторая группа – 25 пациентов с центральным раком левого и правого легкого. Суммарная доза на мишень СД = 60 Гр, разовая доза РД = 2 Гр.

Результаты

Рак МЖ, РПЖ, рак орофарингеальной зоны

Проанализированы индексы гомогенности дозы в планируемом объеме мишени без разделения по технологиям для 30 пациентов раком молочной железы, 30 – раком предстательной железы, 30 – раком орофарингеальной зоны (рис. 1). Для более чем 90% больных РПЖ и ОФР величина HI находится в интервале до 0,12. Для 96% пациентов орофарингеальной зоны (ротоглотка) индекс гомогенности дозы находился также в пределах до 0,12. Практически для всех пациентов РМЖ индекс гомогенности превышает толерантное значение HI = 0,12 (горизонтальная линия на графике рис. 1).

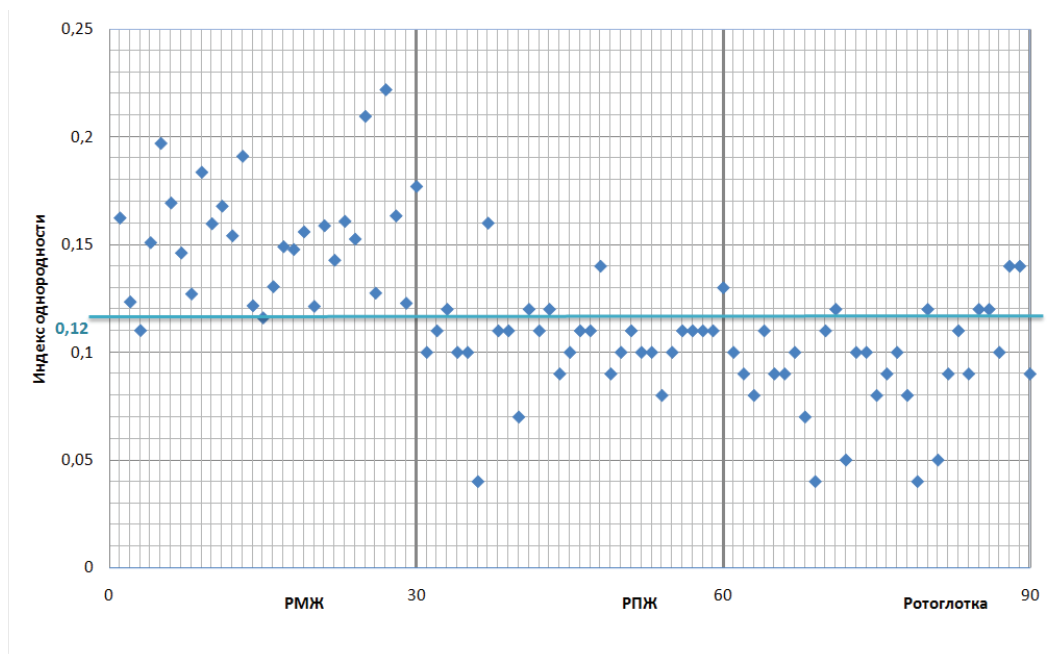

Рис. 1. Сводный график (без разделения по технологиям) значений индексов гомогенности (однородности) HI для трех нозологий РМЖ (первая группа 30 пациентов), РПЖ (первая группа 30 пациентов) и опухолей в области головы и шеи (ОФР)

Fig. 1. Summary graphic representation (unstratified by treatment technique) of dose homogeneity index (HI) values for three nosologies: breast cancer (BC, first group of 30 patients), prostate cancer (PC, first group of 30 patients), and head and neck cancer (HNC)

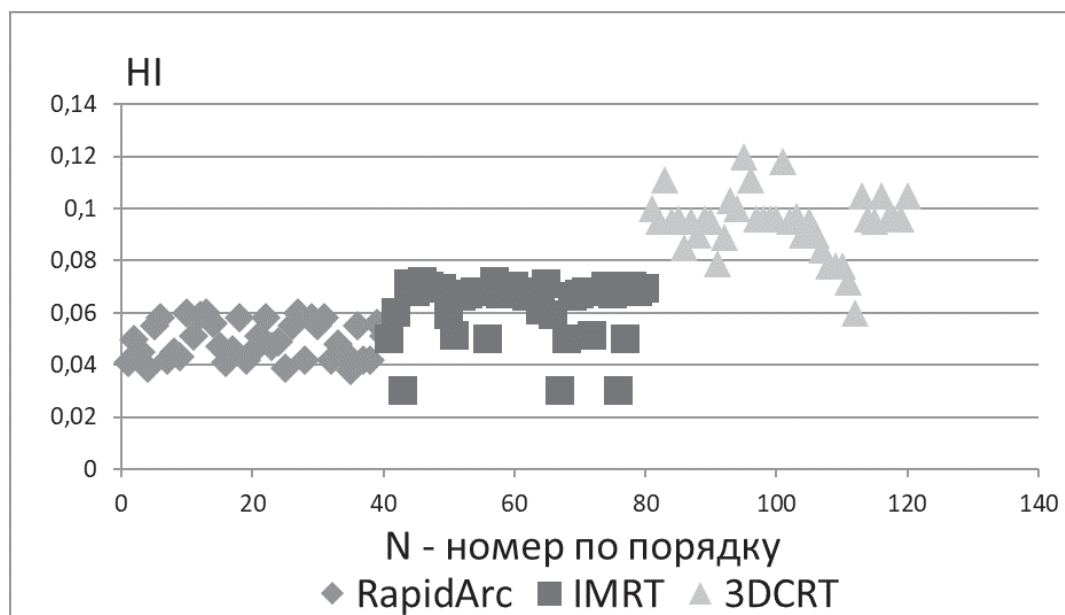

Рис. 2. Значения индексов гомогенности дозы в мишени для трех методик облучения РПЖ: (вторая группа 40 пациентов) 3DCRT, IMRT, RapidArc
Fig. 2. Target volume dose homogeneity index values for three radiotherapy techniques in prostate cancer: (second cohort, consisting of 40 patients) 3D-CRT, IMRT, RapidArc

Анализ для второй группы из 40 пациентов РПЖ (рис. 2) по технологиям показал [6, 7], что для всех трех методик облучения РПЖ значение индекса гомогенности меньше толерантного значения $HI \leq 0,12$ и находится в допустимых пределах. Значения индексов гомогенности при РПЖ составили для методик 3DKЛТ, IMRT и RapidArc, соответственно, $HI = 0,101 \pm 0,021$; $0,061 \pm 0,010$ и $0,025 \pm 0,011$. При этом методика RapidArc является лучшей, поскольку дает наименьшие показатели HI (рис. 2).

Рак шейки матки

На рис. 3 представлены значения индексов гомогенности в пределах мишени для пациентов РШМ в зависимости от технологии реализации [6].

При анализе индексов HI для РШМ показано, что средние значения индексов $HI = 0,150 \pm 0,051$ для методик IMRT и RapidArc выходят за толерантные значения в отличие от методики 3DKЛТ с $HI \leq 0,1$, подтвердив тем самым ее приоритет для применения.

Рак тела матки

В табл. 1 представлены средние значения индексов гомогенности для группы пациентов с раком тела матки (РТМ). Дозы на мочевой пузырь и прямую кишку определялись по дифференциальным (модальным дозам) характеристикам доза–объем. Очевидно, что технологии 3D КЛТ и IMRT и по индексу HI и по дозовым нагрузкам являются приоритетными при РТМ.

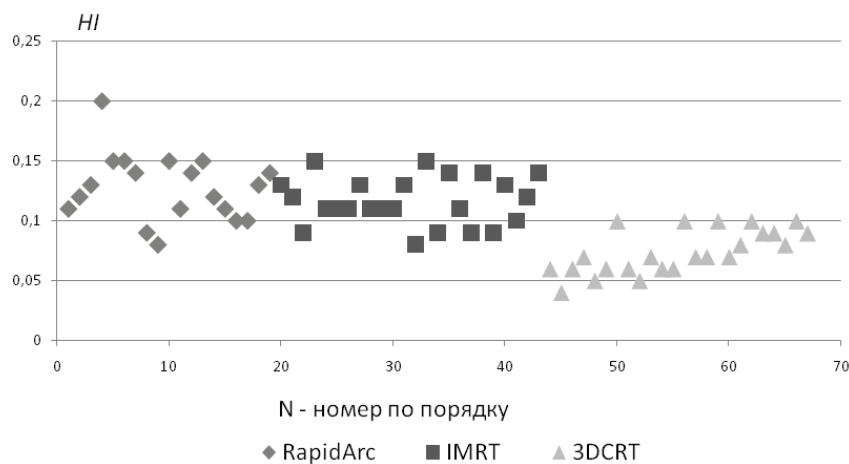

Рис. 3. Значения индексов гомогенности дозы в мишени для РШМ в зависимости от технологии реализации
Fig. 3. Target volume dose homogeneity index values for cervical cancer based on treatment delivery technique

Таблица 1

Средние значения индексов гомогенности HI и дозы на мочевой пузырь и прямую кишку для группы пациентов РТМ

Table 1

Average dose homogeneity index (HI) values and average radiation doses to the bladder and rectum in the patient cohort undergoing radiotherapy

Технологии, индекс	HI PTV	Модальная доза D _{diff} , Гр Мочевой пузырь	Модальная доза D _{diff} , Гр Прямая кишка
3DKЛТ	0,09±0,05	51,0±1,0	48,0±8,0
IMRT	0,11±0,02	46,0±11,0	45,0±11,0
RapidArc	0,12±0,02	45,0±9,0	41,0±10

Рак легкого

На рис. 4 представлены значения индексов гомогенности дозы в пределах мишени в зависимости от технологии облучения при центральном раке легкого [6]. Из графика очевидно, что в большинстве случаев больных РЛ при стандартном фракционировании для технологии Rapid Arc индекс HI составляет 0,065 ±0,025, что делает эту технологию приоритетной.

Рак молочной железы

На рис. 5 представлены значения индексов HI для PTV рака левой МЖ для методик облучения IMRT, RapidArc. Аналогичные данные получены для правой МЖ. В связи с тем что значения индекса гомогенности для технологий IMRT и RapidArc (рис. 5) сопоставимы, проведен анализ индексов HI для 30 пациенток

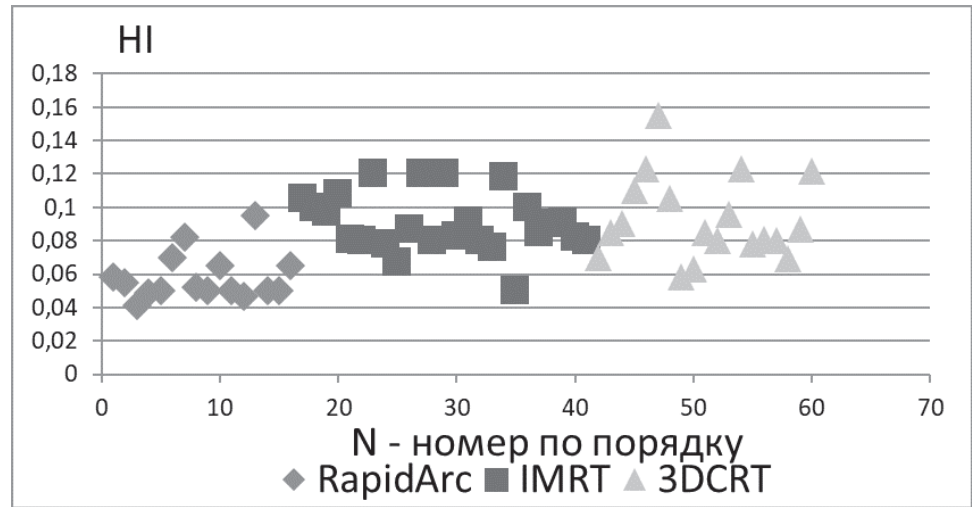

Рис. 4. Значения индексов гомогенности дозы в мишени при раке легкого РЛ в зависимости от технологии реализации

Fig. 4. Target volume dose homogeneity index values for lung cancer based on treatment delivery technique

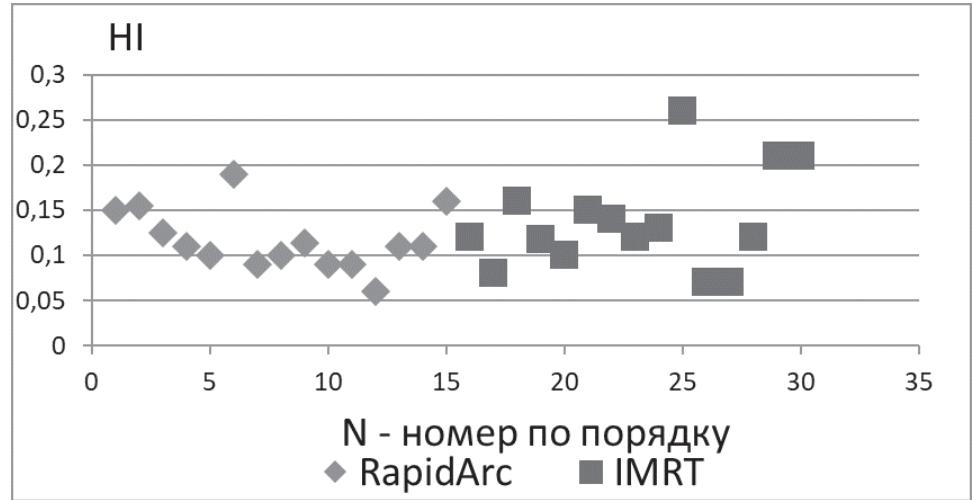

Рис. 5. Значения индексов гомогенности дозы в мишени при раке левой МЖ для методик облучения IMRT, RapidArc

Fig. 5. Target volume dose homogeneity index values for left breast cancer using IMRT and RapidArc techniques

РМЖ при технологии 3ДКЛТ (на графике рис. 5 отсутствуют). Индекс HI для технологии 3ДКЛТ также оказался в пределах $0,12 \leq HI \leq 0,23$, что соизмеримо с технологиями IMRT и RapidArc и преимуществ 3DCRT с этой точки зрения также не выявлено.

Поэтому для методики 3ДКЛТ рассчитаны дозовые нагрузки на критические органы, по которым и осуществлялось сравнение (табл. 2, 3). Аналогичные данные приведены для левой МЖ.

Таблица 2

Средние значения индекса HI в планируемом объеме (PTV) по технологиям облучения и дозовые нагрузки D_{dif} в критических органах больных раком правой молочной железы

Table 2

Average dose homogeneity index (HI) within the planning target volume (PTV) stratified by irradiation technique, and associated dose burden (D_{dif}) to organs at risk in patients diagnosed with right breast cancer

Методики облучения	HI, PTV	D_{dif} , Гр сердце	D_{dif} , Гр Левое легкое	D_{dif} , Гр Правое легкое	D_{dif} , Гр Противоположная МЖ
RapidArc	0,12±0,03	1,50±0,40	1,10±0,40	3,10±1,30	1,40±0,60
IMRT	0,14±0,05	1,20±0,50	1,10±1,20	2,80±1,10	0,60±0,30
3ДКЛТ	0,12≤HI≤0,23	0,09±0,04	0,015±0,070	0,79±0,31	0,015±0,06

Таблица 3

Средние значения индекса HI в планируемом объеме (PTV) по технологиям облучения и дозовые нагрузки D_{dif} в критических органах больных раком левой молочной железы

Table 3

The average homogeneity index (HI) within the planning target volume (PTV), categorized by irradiation technique, and the corresponding dose burden (D_{dif}) to organs at risk were determined for patients diagnosed with left breast cancer

Методики облучения	HI, PTV	D_{dif} , Гр сердце	D_{dif} , Гр Левое легкое	D_{dif} , Гр Правое легкое	D_{dif} , Гр Противоположная МЖ
RapidArc	0,15±0,05	2,50±0,50	2,5±0,70	2,10±1,10	2,1±0,20
IMRT	0,14±0,05	1,90±0,50	2,40±0,70	1,30±1,10	0,90±0,60
3ДКЛТ	0,12≤HI≤0,23	0,34±0,14	0,88±0,38	0,019±0,04	0,016±0,001

При технологии 3ДКЛТ доза на критические органы существенно меньше, чем при технологиях Rapid Arc и IMRT. В связи с этим рекомендуется облучать больных раком левой и правой МЖ на ускорителях электронов с внешней гантри по технологии 3Д КЛТ.

Облучение центральной нервной системы (краниоспинальное облучение КСО)

В работе рассмотрены методики реализации планов КСО для 10 пациентов по технологиям IMRT и VMAT с наложением полей 5 см, 7,5 см и 10 см [8]. Сводные данные по средним значениям индекса гомогенности по технологиям и ускорителям с внешней гантри (TrueBeam) и встроенной гантри (Halcyon) приведены в табл. 4. Среднее значение индекса гомогенности для технологии IMRT ускорителей TrueBeam составляет $0,077 \leq HI \leq 0,14$ и является предпочтительной.

Таблица 4

Сводные данные по индексам гомогенности по технологиям и ускорителям

Table 4

Summary data for dose homogeneity indices by treatment technique and linear accelerator

Техника облучения	IMRT		VMAT 5 см		VMAT7, 5 см		VMAT10 см	
Ускоритель, индекс HI	TrueBeam (TB)	Halcyon (H)	TB	H	TB	H	TB	H
HI PTV	0,080	0,110	0,128	0,133	0,098	0,148	0,105	0,142

Рак средней трети пищевода

Значения индексов гомогенности в мишени HI для планов облучения средней трети пищевода по различным ускорителям и алгоритмам приведены в табл. 5. Очевидно, что все значения индексов HI, независимо от радиотерапевтической установки и версии алгоритма расчета (AAA Eclipse 8 и 16) находятся за пределами интервала $HI \leq 0,12$ и превышают толерантные значения.

Таблица 5

Значения индексов гомогенности в мишени HI для планов облучения средней трети пищевода по различным ускорителям и алгоритмам

Table 5

Target volume dose homogeneity index (HI) values for mid-esophageal irradiation plans across different linear accelerators and algorithms

Алгоритм/ускоритель/версия	Значения HI
AAA, Clinac iX, Eclipse 8	0,12±0,04
AAA, Clinac iX, Eclipse 16	0,13±0,03
AAA, Clinac iX, Eclipse 16	0,14±0,03
AAA, Halcyon, Eclipse 16	0,11±0,04

Сводные данные по индексам гомогенности HI, удовлетворяющим критериям толерантности, в мишени по всем нозологиям приведены в табл. 6.

Таблица 6

Общие сведения по индексам гомогенности HI в мишени по нозологиям, удовлетворяющим критериям толерантности

Table 6

General overview of target volume dose homogeneity indices (HI) by nosology, meeting tolerance criteria

Технологии локализации индекс HI	РМЖ	РШМ	РТМ	РПЖ	ОФР	Пищевод	РЛ	ЦНС
3D КЛТ	$0,12 \leq HI \leq 0,23$	$HI \leq 0,12$	$HI \leq 0,12$	—	—	$0,12 \leq HI \leq 0,14$	—	—

IMRT	–	$HI \leq 0,12$	$HI \leq 0,12$	$HI \leq 0,12$	$HI \leq 0,12$	$0,12 \leq HI \leq 0,14$	$HI \leq 0,12$	$0,077 \leq HI \leq 0,14$
RapidArc	–	–	–	$HI \leq 0,12$	$HI \leq 0,12$	–	$HI \leq 0,12$	–

Заключение

Получены зависимости индексов гомогенности HI дозы в пределах мишени от технологии облучения больных для нескольких нозологий: раком предстательной железы, шейки матки, тела матки, раком молочной железы, с опухолями оротофарингеальной зоны, раком легкого и пищевода, с опухолями ЦНС. Показано, что при облучении рака шейки матки желательнее применять технологии 3DKЛТ и лучевую терапию с модуляцией по интенсивности IMRT, при раке легкого и предстательной железы технологии лучевой терапии с модуляцией по интенсивности в ротационном режиме RapidArc. Рак молочной железы желательнее облучать по технологии 3DKЛТ. При краниоспинальном облучении для технологии IMRT ускорителей TrueBeam индекс гомогенности HI составляет $0,077 \leq HI \leq 0,14$ и, очевидно, что эта технология является предпочтительной.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

1. Для 80% рассмотренных нозологий индекс гомогенности укладывается в толерантные значения (табл. 6); для 20% нозологий индекс гомогенности не укладывается в толерантные значения $HI \leq 0,12$.
2. Технология IMRT чаще всего обеспечивает индекс гомогенности $HI \leq 0,12$.
3. Очевидно, что протяженность и объемы облучаемых мишеней влияют на индекс гомогенности. Чем больше протяженность патологического объема, тем меньше вероятность попадания HI в толерантный диапазон.
4. Возможна оптимизация планов облучения путем подбора технологии облучения для достижения HI в пределах толерантных значений.
5. Учитывая прогностический потенциал HI для безрецидивной выживаемости, необходимо для каждого плана оценивать индекс гомогенности и, если необходимо, пересчитать план.

Будем считать состоятельными рассматриваемые технологии конформной лучевой терапии 3D КЛТ, IMRT, RapidArc современных ускорителей с МЛК, которые в большинстве случаев позволяют достичь нужной гомогенности дозы в мишени и существенно снизить вероятность возникновения рецидивов у онкологических больных.

Л и т е р а т у р а

1. Беликова А.А., Герасимов В.А., Иванов С.А. и др. Факторы риска локального и дис-
татного прогрессирования у больных немелкоклеточным раком легкого и молочной железы
после облучения всего объема головного мозга. *Медицинская физика*. 2021;90(2):29-38.

2. Лебеденко И.М., Быкова Ю.Б., Болдырева В.А. и др. Оценка распределения дозы в
планируемом объеме мишени с применением индекса гомогенности. *Медицинская физика*.
2017;73(1):34-38.

3. Лебеденко И.М., Кравец О.А., Быкова Ю.Б. и др. Количественная оценка качества
планирования дистанционной составляющей лучевой терапии больных раком шейки матки.
Вопросы онкологии. 2016;(6):827-830.

4. Lebedenko IM, Romanova EA, Belova AA. et al. Quantitative assessment of the quality
of treatment planning for patients with advanced cervical cancer. *Biomedical Engineering*.
2018;52(4):263-266.

5. International Commission on Radiation Units and Measurements. Prescribing, Recording and
Reporting Photon-Beam Intensity-Modulated Radiation Therapy (IMRT). ICRU Report 83. 2010

6. Лебеденко И.М., Кудашкина Ю.А., Громушкина Е.В. и др. Количественная оценка
качества планирования дистанционного облучения онкологиче-ских больных. *Медицинская
техника*. 2022;(2):31-34.

7.Лазарева Ю.А., Лебеденко И.М. Количественная оценка качества планирования дистанционного облучения больных раком предстательной железы. *Медицинская физика*. 2022;94(2):12-19. DOI: 10.52775/1810-200X-2022-94-2-12-19.

8. Гумбатова А.Э., Овсянников А.В., Лебеденко И.М. и др. Оценка качества и сравнение дозиметрических характеристик планов краниоспинального облучения по методике VMAT на ускорителя Varian TrueBeam и Varian Halcyon. *Медицинская физика*. 2022;96(4):30-36. DOI:10.52775/1810-200X-2022-96-4-30-36.

References

1. Belikova AA, Gerasimov VA, Ivanov SA, et al. Risk factors for local and distant progression in patients with non-small cell lung and breast cancer after whole-brain irradiation. *Medical Physics*. 2021;90(2):29-38 (in Russian).

2. Lebedenko IM, Bykova YuB, Boldyreva VA, et al. Estimation of dose distribution in the planned target volume using the homogeneity index. *Medical Physics*. 2017;73(1):34-38 (in Russian).

3. Lebedenko IM, Kravets OA, Bykova YuB, et al. Quantitative assessment of the quality of planning the remote radiotherapy in cervical cancer patients. *Issues of Oncology*. 2016;(6):827-830 (in Russian).

4. Lebedenko IM, Romanova EA, Belova AA, et al. Quantitative assessment of the quality of treatment planning for patients with advanced cervical cancer. *Biomedical Engineering*. 2018;52(4):263-266 (in English).

5. International Commission on Radiation Units and Measurements. Prescribing, Recording and Reporting Photon-Beam Intensity-Modulated Radiation Therapy (IMRT). ICRU Report 83. 2010 (in English).

6. Lebedenko IM, Kudashkina YuA, Gromushkina EV, et al. Quantitative assessment of the quality of planning remote irradiation of cancer patients. *Medical Technology*. 2022;(2):31-34 (in Russian).

7. Lazareva YuA, Lebedenko IM. Quantitative assessment of the quality of external radiotherapy planning for patients with prostate cancer. *Medical Physics*. 2022;94(2):12-19. DOI: 10.52775/1810-200X-2022-94-2-12-19 (in Russian).

8. Gumbatova AE, Ovsyannikov AV, Lebedenko IM, et al. Evaluation of the quality and comparison of dosimetric parameters of plans for craniospinal irradiation using VMAT method at Varian TrueBeam and Varian Halcyon accelerators. *Medical Physics*. 2022;96(4):30-36. DOI: 10.52775/1810-200X-2022-96-4-30-36 (in Russian).

Сведения об авторе

ЛЕБЕДЕНКО Ирина Матвеевна – д. б. н., проф. каф. № 35 «Медицинская физика» НИЯУ МИФИ, с. н. с. службы медико-физического сопровождения отделения радиотерапии ФГБУ «НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина» МЗ РФ, г. Москва, Российская Федерация, SPIN-код 4088-5974, Author ID: 365 939, ORCID: 0000-0003-0634-7841, e-mail: imlebedenko@mail.ru

About the author

Irina M. LEBEDENKO – Dr. Sci. (Biology), Professor, Department No. 35 of Medical Physics, NNRU MEPhI, Senior Researcher, Medical and Physical Support Service of the Radiotherapy Department of the N.N. Blokhin National Medical Research Center of Oncology, Moscow, Russian Federation, SPIN-code 4088-5974, Author ID: 365 939, ORCID: 0000-0003-0634-7841, e-mail: imlebedenko@mail.ru

Конфликт интересов

Автор является членом редколлегии журнала «Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова»

Conflict of interests

The author is a member of the editorial board of Vestnik of North-Eastern Federal University

Поступила в редакцию / Submitted 16.05.25

Принята к публикации / Accepted 03.06.25

УДК 536.7

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-2-59-67>

Оригинальная научная статья

Анализ выбора хладагента для тепловых насосных установок по ключевым критериям

В. Г. Реев^{1,2} ✉, У. Д. С. Гунасекара³

¹Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация

²Институт физико-технических проблем Севера им. В.П. Ларионова,
г. Якутск, Российская Федерация

³Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ rvg_1998@mail.ru, uthumgunasekara@yandex.ru

Аннотация

В работе приведен анализ критериев выбора хладагентов (фреонов) для тепловых насосных установок (ТНУ). В настоящее время в мире идет тенденция к внедрению ТНУ в качестве источника тепловой энергии в связи с их эффективностью, отсутствием выбросов вредных веществ в атмосферу и использованием возобновляемых источников энергии. Рассмотрены три основных критерия: 1) степень озонобезопасности; 2) значение энергетической эффективности; 3) стоимость. По степени озонобезопасности существуют 3 вида классификации: озонобезопасные, частично безопасные и особо опасные. Исходя из национальных и международных документов по защите климата следует выбирать хладагенты (фреоны), относящиеся к классификации озонобезопасных. Для выявления наиболее энергетически эффективных хладагентов (фреонов) следует выполнить теплофизический расчет цикла ТНУ. Для проведения расчетов были отобраны 4 марки хладагентов (фреонов) из классификации озонобезопасных: R-32, R-717 (аммиак), R-134a, R-410A. Исходя из результатов исследования, выявлено, что наиболее эффективным хладагентом (фреоном) является марка R-717 (аммиак), коэффициент преобразования электроэнергии которого равен $COP = 3,29$. Однако из проведенного анализа стоимости следует, что данный хладагент имеет высокую стоимость (11510,5 руб. за 1 кг вещества) ввиду особенностей производства. Хладагенты (фреоны) марки R-410A и R-32 имеют примерно одинаковую стоимость, равную 1400–1550 руб. за 1 кг вещества, и примерно близкую энергетическую эффективность $COP = 3,01–3,03$. Выявлено, что наиболее оптимальным выбором является хладагент (фреон) марки R-134a, удовлетворяющий всем трем критериям: энергетическая эффективность $COP = 3,23$, стоимость за 1 кг вещества 2200 руб., классификация озонобезопасный $ODP = 0$.

Ключевые слова: тепловая насосная установка, COP, коэффициент трансформации электроэнергии, энергетическая эффективность, хладагент, фреон, Монреальский протокол, система теплоснабжения, энергетика, термодинамика, возобновляемые источники энергии

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования. Реев В. Г., Гунасекара У. Д. С. Анализ выбора хладагента для тепловых насосных установок по ключевым критериям. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 2. С. 59–67. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-59-67

Original article

Analysis of the choice of refrigerant for heat pumping units according to key criteria

Vasily G. Reev^{1,2} ✉, Uthum J. S. Gunasekara³

¹M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Russian Federation

²V.P. Larionov Institute of the Physical-Technical Problems of the North,
Yakutsk, Russian Federation

³Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russian Federation

✉ rvg_1998@mail.ru, uthumgunasekara@yandex.ru

Abstract

The paper provides an analysis of the selection criteria for refrigerants (freons) for heat pumping units (HPU). Currently, there is a worldwide trend towards the introduction of HPV as a source of thermal energy due to their efficiency, the absence of harmful emissions into the atmosphere and the use of renewable energy sources. Three main criteria are considered: 1) the degree of ozone safety; 2) the value of energy efficiency; 3) cost. According to the degree of ozone safety, there are 3 types of classification: ozone-safe, partially safe and especially dangerous. Based on national and international climate protection documents, refrigerants (freons) classified as ozone-safe should be selected. To identify the most energy-efficient refrigerants (freons), a thermophysical calculation of the fuel cycle should be performed. 4 brands of refrigerants (freons) from the ozone-free classification were selected for calculations: R-32, R-717 (ammonia), R-134a, R-410A. Based on the results of the study, it was revealed that the most effective refrigerant (freon) is the R-717 (ammonia) brand, whose electricity conversion coefficient is $COP = 3.29$. However, it follows from the cost analysis that this refrigerant has a high cost (11510.5 rubles per 1 kg of substance) due to the production characteristics. Refrigerants (freons) of the R-410A and R-32 brands have approximately the same cost equal to 1400 ... 1550 rubles per 1 kg of substance and also approximately similar energy efficiency $COP = 3.01... 3.03$. It was revealed that the most optimal choice is the refrigerant (freon) brand R-134a, which meets all three criteria: energy efficiency $COP = 3.23$; cost per 1 kg of the substance 2200 rubles; classification ozone-safe $ODP = 0$. **Keywords:** heat pumping unit, COP, electric power transformation coefficient, energy efficiency, refrigerant, freon, Montreal Protocol, heat supply system, energy, thermodynamics, renewable energy sources

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Reev V. G., Gunasekara U. J. S. Analysis of the choice of refrigerant for heat pumping units according to key criteria. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 2. Pp. 59–67. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-59-67

Введение

Тепловое оборудование является одним из основных потребителей энергии в современном мире, особенно в сфере отопления и охлаждения зданий. Согласно данным международных организаций, сектор отопительных технологий составляет значительную долю общего энергопотребления планеты, способствуя росту выбросов парниковых газов и глобальному изменению климата.

Согласно актуальным исследованиям, опубликованным международными аналитиками, рынок тепловых насосов продемонстрирует устойчивый рост в ближайшем будущем. Основной причиной этого станет стремление стран уменьшить свое негативное воздействие на природу и обеспечить эффективное использование ресурсов. Например, к 2037 г. рынок тепловых насосов достигнет объема порядка 310,57 млрд долларов США, при среднегодовом росте более 9,5% [1]. Благодаря внедрению ряда нормативных актов, направленных на продвижение использования возобновляемых источников энергии и уменьшение зависимости от ископаемого топлива, европейские страны сохраняют лидерство в применении тепловых насосов в жилом фонде и промышленной инфраструктуре [2].

Россия обладает значительными ресурсами природных ископаемых, включая нефть и газ, однако также активно развивает технологии возобновляемой энергетики и стремится повысить свою энергоэффективность. Применение тепловых насосов позволяет эффективно использовать низкопотенциальную энергию окружающей среды (например, грунт, вода), снижая зависимость от традиционных энергоносителей [3]. Вопрос выбора оптимального хладагента приобретает особую значимость ввиду климатических особенностей страны, географической протяженности территорий и значительных различий температурных режимов регионов. Обоснованный подход к определению наиболее выгодного и безопасного хладагента способствует повышению конкурентоспособности российских производителей тепловых насосов и снижению углеродного следа страны.

Таким образом, разработка научно обоснованных методик выбора экономически оправданных и экологически безопасных хладагентов является важной задачей для реализации стратегии устойчивого развития Российской Федерации.

Материалы и методы

Одним из основных критериев выбора хладагентов является степень озонобезопасности, которая измеряется величиной озоноразрушающего потенциала (ODP – Ozone Depletion Potential). Данный показатель характеризует степень способности конкретного хладагента разрушать озоновый слой Земли [4]. В табл. 1 представлена классификация фреонов по степени озонобезопасности.

Таблица 1

Классификация фреонов по степени озонобезопасности

Table 1

Classification of freons by degree of ozone safety

Классификация	ODP	Химическое название	Формула	Марка
Озонобезопасные	0,00	Гидрофторуглероды	HFC	R-134a, R410A, R-32, R-407C
		Гидрофторолефины	HFO	R-1234ze
		Натуральные хладагенты	-	R-290, R-744, R-717
Частично безопасные (умеренная угроза для озона)	0,05...0,5	Гидрохлорфторуглероды	HCFC	R-22, R141b
Высоко опасные (старое поколение)	0,5...>1	Хлорфторуглероды	CFC	R-11, R-12, R-113

Фреоны из типа озонобезопасных абсолютно безопасны для озонового слоя, поскольку не содержат атомов хлора, которые разрушают молекулы озона. Значение ODP практически равно 0. Хладагенты из типа частично безопасных (умеренная угроза для озона) имеют небольшие концентрации хлора. Их производство ограничено, и многие страны уже прекратили выпуск таких веществ, переключившись на более безопасные аналоги. Значение ODP данного типа хладагентов варьируются между 0,05–0,50. Фреоны типа высоко опасных (старого поколения) наносят серьезный ущерб озоновому слою и давно признаны устаревшими и небезопасными. Производство и продажа большинства представителей CFC запрещены международными соглашениями, такими как Монреальский протокол. Значение ODP варьируется в пределах 0,5...>1.

В данное время использование озонобезопасных фреонов регулируется целым рядом национальных и международных документов, направленных на защиту озонового слоя и предотвращение изменения климата, такими как Монреальский протокол (Montreal Protocol on Substances that Deplete the Ozone Layer), поправка Киото (Kyoto Amendment to Montreal Protocol), Международный стандарт ISO 817:2014, Регламент ЕС № 517/2014 (F-Gas Regulation).

Таким образом, при подборе хладагента для тепловой насосной установки целесообразно отдать предпочтение группе озонобезопасных фреонов, включающих гидрофторуглероды (HFC), гидрофторолефины (HFO) и натуральные хладагенты. Выбирая рабочее тело для ТНУ, специалисты обязаны руководствоваться действующими международными соглашениями, а также соблюдать установленные государством санитарные и технические нормы, предусмотренные национальными правовыми актами и нормативными документами.

Немаловажным критерием для выбора хладагента (фреона) является энергетическая эффективность, которая измеряется таким показателем, как коэффициент преобразования электроэнергии или COP (Coefficient of performance). Данный показатель характеризует отношение полученной тепловой энергии к затраченной электрической энергии. Упрощенная формула расчета COP [5]:

$$COP = \frac{Q_{\text{полез.тепло}}}{W_{\text{затр.эл.энергия}}}, \quad (1)$$

где $Q_{\text{полез.тепло}}$ – количество полученной теплоты с ТНУ, кВт; $W_{\text{затр.эл.энергия}}$ – количество затраченной электроэнергии на привод двигателя компрессора, кВт.

Чем выше COP, тем эффективнее работает ТНУ. Для каждого типа хладагента (фреона) существует диапазон оптимальной температуры эксплуатации, при которой достигается максимальный COP.

Выбор хладагента по критерию энергетической эффективности возможен путем проведения расчета цикла ТНУ с учетом того или иного вида хладагента.

Для выполнения расчетов энергетической эффективности ТНУ для различных видов хладагентов используется программный пакет “CoolTools”, предназначенный для теплофизических расчетов циклов холодильных и теплофикационных машин, работающих на основе использования хладагентов (фреонов).

В качестве исходных данных используются: температура низкопотенциального теплоносителя на входе и выходе из испарителя, температура высокопотенциального теплоносителя на входе в конденсатор, температура горячей сетевой воды на выходе из конденсатора, температура окружающей среды, перепады температуры на выходе из теплообменников (обычно принимается 3–5 °C) в испарителе и в конденсаторе.

Температура испарения фреона рассчитывается формулой:

$$t_u = t_{n2} - \Delta t_u, \quad (2)$$

где t_u – температура испарения фреона, $^{\circ}\text{C}$; t_{n2} – температура низкпотенциального источника, $^{\circ}\text{C}$; Δt_u – температурный перепад, $^{\circ}\text{C}$.

Далее по температуре испарения фреона t_u в p, h – диаграмме фреона находится точка 1, для которой определяются энтальпия h_1 и давление испарения p_u .

По заданной температуре перегрева пара Δt_n и температуре испарения t_u рассчитывается температура фреона на входе в компрессор:

$$t_{1a} = t_u - \Delta t_n, \quad (3)$$

где Δt_n – температура перегрева пара, $^{\circ}\text{C}$.

Точка 1a определяется по температуре t_{1a} и давлению испарения p_u , для этой же точки находится значение энтальпии h_{1a} .

В конденсаторе теплота передается от горячего фреона к сетевой воде. По температуре сетевой воды на выходе из конденсатора и температурному перепаду рассчитывается температура конденсации фреона:

$$t_k = t_{c62} - \Delta t_k, \quad (4)$$

где t_k – температура кипения фреона, $^{\circ}\text{C}$; t_{c62} – температура горячей сетевой воды на выходе, $^{\circ}\text{C}$; Δt_k – температурный перепад, $^{\circ}\text{C}$.

По температуре конденсации t_k по таблице термодинамических свойств фреона в состоянии насыщения определяется точка 3 цикла работы теплового насоса, а также значения энтальпии h_3 и давления конденсации p_k .

На пересечении линии постоянной энтропии S_1 , проходящей через точку 1a, и линии изобары давления конденсации p_k , проходящей через точку 3, определяется точка 2a, которая соответствует концу адиабатного сжатия компрессором. По таблице или диаграмме термодинамических свойств фреона определяется энтальпия h_{2a} .

Для расчета энтальпии h_2 используется формула:

$$h_2 = h_1 + \frac{h_{2a} - h_1}{\eta_a}, \quad (5)$$

где η_a – адиабатный КПД компрессора, который может быть рассчитан по выражению [6]:

$$\eta_a = 0,98 \frac{273 + t_0}{273 + t_k}, \quad (6)$$

где t_0 – температура окружающей среды, $^{\circ}\text{C}$.

По значению энтальпии h_2 и давлению p_k определяется точка 2 цикла теплового насоса.

Для нахождения точки 3a и расчета энтальпии h_{3a} используем выражение:

$$h_{30} = h_3 - (h_{1a} - h_1). \quad (7)$$

По значению энтальпии h_{3a} и давлению p_k определяется точка 4.

Далее производится расчет удельных тепловых нагрузок в узлах теплового насоса. Тепловая нагрузка испарителя q_u равна:

$$q_8 = h_1 - h_4. \quad (8)$$

Тепловая нагрузка конденсатора q_k равна значению тепловой нагрузки, отдаваемой на сетевую воду $q_{тн}$:

$$q_k = q_{тн} = h_2 - h_3. \quad (9)$$

Работа сжатия компрессора $l_{сж}$ равна:

$$l_{сж} = h_2 - h_{1a}. \quad (10)$$

Коэффициент трансформации теплоты μ , показывающий отношение теплоты, переданной горячему теплоносителю к работе, затраченной на сжатие:

$$\mu = \frac{q_{mn}}{l_{ex}}. \quad (11)$$

Коэффициент преобразования электроэнергии или COP показывает отношение теплоты, переданной горячему теплоносителю к затраченной электроэнергии на привод двигателя компрессора, дополнительно по отношению к коэффициенту трансформации теплоты μ включает механические потери энергии в компрессоре и потери энергии в электродвигателе:

$$\mu_{\mathfrak{z}} = \frac{q_{m\mathfrak{n}}}{W} = \eta_{\mathfrak{z}\mathcal{M}} \eta_{\mathfrak{z}} \mu, \quad (12)$$

где, $\eta_{э,м}$ – электромеханический КПД компрессора, обычно равен 0,9 ... 0,95;
 η_e – КПД электродвигателя, равен 0,6 ... 0,95 [6, 7].

Результаты и обсуждение

В целях исследования были отобраны наиболее распространенные хладагенты, относящиеся к классификации озонобезопасных.

- R-410A – универсален, широко применяется в системах кондиционирования и тепловых насосах, отличается высокими теплофизическими характеристиками и нейтральностью к окружающей среде.
- R-32 – популярен в новом поколении бытовых и коммерческих систем.
- R-134a – традиционный хладагент, применялся долгое время в транспортных системах и холодильных установках, пока не начал вытесняться более эффективными альтернативами.
- R-717 (аммиак) – популярен в больших промышленных системах из-за отличной теплопередачи и экономичности, хотя и требует осторожного обращения из-за токсичности.

При моделировании были приняты следующие параметры: температура окружающей среды, равная -10 °С; температура сетевой воды на подаче +35 °С; тепловая мощность ТНУ 10 кВт; тип ТНУ «грунт-вода» с отбором низкопотенциальной теплоты грунта.

Из полученных данных расчета были построены p , h -диаграммы цикла ТНУ, в качестве рабочего тела которых служат хладагенты (фреоны) марок R-410A, R-32, R-134a и R-717 (аммиак) (рис. 1).

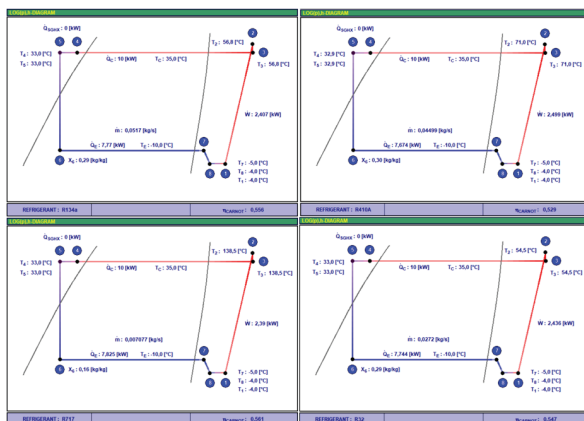

Рис. 1. P, h – диаграммы цикла ТНУ с хладагентами (фреонами) R-134a, R410A, R717, R32
Fig. 1. P, h – diagrams of the HPU cycle with refrigerants (freons) R-134a, R410A, R717, R32

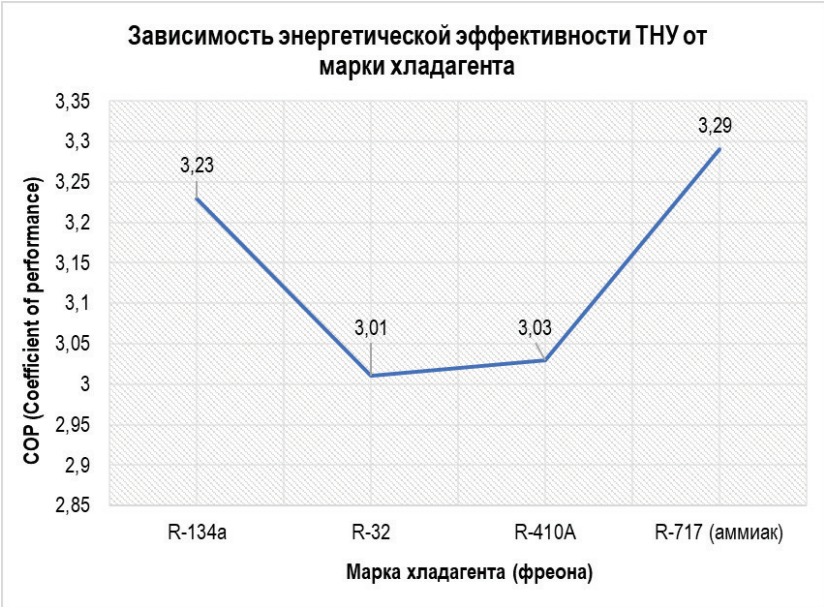

Рис. 2. График зависимости энергетической эффективности ТНУ от марки хладагента (фреона)

Fig. 2. Graph of the dependence of the energy efficiency of HPU on the type of refrigerant (freon)

На рис. 2 представлен график зависимости энергетической эффективности ТНУ от марки хладагента (фреона).

Из полученных данных следует, что наиболее эффективным хладагентом является R-717 (аммиак) с значением COP, равным 3,29. Однако следует учитывать токсичность данного вещества, что несет опасность при утечке. Далее идет хладагент (фреон) марки R-134a, который является традиционным для холодильных машин.

Немаловажным является учет стоимостных характеристик данных хладагентов (фреонов). В ходе анализа и мониторинга стоимости хладагентов (фреонов) среди различных поставщиков была выявлена средняя стоимость за 1 кг вещества. В табл. 2 приведена приблизительная стоимость хладагентов (фреонов), которые были использованы в исследовании.

Таблица 2

Стоимость хладагентов (фреонов)

Table 2

The cost of refrigerants (freons)

Марка фреона	Стоимость, кг/руб.	Стоимость, кг/USD
R-134a	2200,0	27,2
R-32	1526,3	18,9
R-410A	1415,9	17,5
R-717 (аммиак)	11510,5	142,5

Из стоимостных характеристик следует, что наиболее дорогостоящим является фреон R-717 (аммиак) стоимостью 11510,5 руб. за 1 кг вещества. Обусловлено это тем, что производство данного вида хладагента (фреона) является сложным и трудоемким, дополнительно к этому при работе с аммиаком необходимо оборудование, устойчивое к коррозии и высокому давлению. Все данные факторы ведут к повышению стоимости фреона. Однако хладагент (фреон) R-717 (аммиак) чаще всего используют в крупных промышленных системах, где его преимущества (высокая эффективность и экологичность) перевешивают затраты. В бытовых и коммерческих системах он применяется реже, что ограничивает его массовое производство и снижает экономию за счет масштаба.

Хладагенты (фреоны) марки R-410A и R-32 имеют примерно одинаковую стоимость, равную 1400–1550 руб. за 1 кг вещества, и примерно одинаковую энергетическую эффективность $COP = 3,01–3,03$. В то же время хладагент (фреон) марки R-134a имеет стоимость выше, равную 2200 руб. за 1 кг вещества. Однако имеет более высокую энергетическую эффективность $COP = 3,23$, но меньше, чем R-717(аммиак) $COP = 3,29$.

Заключение

В рамках данной работы был проведен анализ выбора хладагентов (фреонов) для тепловых насосных установок. Одним из основных критериев выбора является степень озонобезопасности, которая измеряется таким показателем, как величина озоноразрушающего потенциала (ODP). В данное время основными озонобезопасными хладагентами (фреонами) являются гидрофторуглероды (HFC), гидрофторолефины (HFO) и натуральные хладагенты с величиной ODP, равной практически 0 ввиду отсутствия в их составе хлора, который неблагоприятно воздействует на озоновый слой Земли.

Для проведения расчетов энергетической эффективности были отобраны 4 марки хладагентов (фреонов), относящихся к классификации озонобезопасных. Из проведенных расчетов можно сделать вывод, что наиболее эффективным является натуральный хладагент R-717 (аммиак) с COP , равным 3,29. Однако ввиду затрат при производстве стоимость данного хладагента является самой высокой из всех отобранных веществ и составляет 11 510,5 руб. за 1 кг вещества.

В ходе проведенного анализа сделан вывод, что наиболее оптимальным хладагентом (фреоном) является марка R-134a из-за относительно высокого значения энергетической эффективности, равной $COP = 3,23$, и относительно низкой стоимости 2 200 руб. за 1 кг вещества.

Л и т е р а т у р а

1. Рынок тепловых насосов. URL: <https://www.researchnester.com/ru/reports/heat-pump-market/4834> (дата обращения: 21.05.2025).
2. Рынок промышленных тепловых насосов вырастет на 754,8 млн долларов к 2029 году. URL: <https://holodindustry.ru/news/issledovaniya-rynka/rynok-promyshlennykh-teplovykh-nasosov-vyrastet-na-754-8-mln-dollarov-k-2029-godu/> (дата обращения: 21.05.2025).
3. Гритчин Р.Д., Иванков Д.И. Воздушный тепловой насос как эффективный источник тепла для жилого дома. *Молодой ученый*. 2016;112(8):199-202.
4. Классификация озоноразрушающих веществ. URL: https://www.ozoneprogram.ru/ozon_sloi/ozonorazrushajuwie_vewestva/klassifikacija_orv/ (дата обращения: 21.05.2025).
5. Реев В.Г., Гунасекара У.Д.С. Анализ перспективы внедрения тепловой насосной установки в систему теплоснабжения в условиях Республики Саха (Якутия). *Грозненский естественнонаучный бюллетень*. 2023;8;34(4):107-112.
6. Трубаев П.А., Гришко Б.М. *Тепловые насосы*. Белгород: БГТУ им. В.Г. Шухова; 2010:142.

7. Реев В.Г., Гунасекара У.Д.С. Расчет цикла теплового насоса при различных источниках низкопотенциального тепла в условиях Арктики Республики Саха (Якутия). *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова*. 2023;20(2):25-34.

References

1. Heat pump market. Available at: <https://www.researchnester.com/ru/reports/heat-pump-market/4834> [Accessed 21 May 2025] (in Russian).
2. Industrial heat pump market to grow by \$754.8 million by 2029. Available at: <https://holodindustry.ru/news/issledovaniya-rynka/rynok-promyshlennykh-teplovyykh-nasosov-vyrastet-na-754-8-mln-dollarov-k-2029-godu/> [Accessed 21 May 2025] (in Russian).
3. Gritchin RD, Ivankov DI. Air-source heat pump as an effective heat source for a residential building. *Young Scientist*. 2016;112(8):199-202 (in Russian).
4. Classification of Ozone-Depleting Substances. Available at: https://www.ozonprogram.ru/ozon_sloi/ozonorazrushajuwie_vewestva/klassifikacija_orv/ [Accessed 21 May 2025] (in Russian).
5. Reev VG, Gunasekara UDS. Analysis of the prospects for the implementation of a heat pump unit in the heat supply system in the conditions of the Republic of Sakha (Yakutia). *Grozny Journal of Natural Sciences*. 2023;8;34(4):107-112 (in Russian).
6. Trubaev PA, Grishko BM. *Heat pumps*. Belgorod: BSTU; 2010:142 (in Russian).
7. Reev VG, Gunasekara UDS. Calculation of the heat pump cycle with various sources of low-grade heat in the conditions of the Arctic of the Republic of Sakha (Yakutia). *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2023;20(2):25-34 (in Russian).

Сведения об авторах

РЕЕВ Василий Георгиевич – аспирант, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова»; ведущий инженер, ФГБУН «Институт физико-технических проблем Севера СО РАН», Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-9625-5005

ГУНАСЕКАРА Утум Джамайя Сулакна – аспирант, ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-4114-8330

About the authors

Vasily G. REEV – Postgraduate Student, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Leading Engineer of the Electric Power Department, Institute of Physical and Technical Problems of the North, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-9625-5005

Uthum Jayamal Sulakna GUNASEKARA – Postgraduate Student, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-4114-8330

Вклад авторов

Реев В.Г. – разработка концепции, методология, проведение статистического анализа, проведение исследования, редактирование рукописи.

Гунасекара У.Д.С. – верификация данных, визуализация, создание черновика рукописи.

Authors contribution

Vasily G. Reev – conceptualization, methodology, formal analysis, investigation, writing - review & editing.

Uthum J.S. Gunasekara – validation, visualization, writing - original draft.

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interest

Поступила в редакцию / Submitted 21.05.25

Принята к публикации / Accepted 31.05.25

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81'255;81'33

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-2-68-82>

Оригинальная научная статья

Лингвокультурологическая специфика художественного перевода на абхазский язык стихотворения Роберта Бернса *My Heart's in the Highlands* поэтом-переводчиком Платоном Бебиа

Л. А. Агрба ✉, **Э. Г. Айба**

Абхазский государственный университет, г. Сухум, Республика Абхазия

✉ lagrba@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу стихотворения Роберта Бернса *My Heart's in the Highlands* в рецепции абхазского поэта-переводчика П. Бебиа. Определение специфики художественного перевода абхазского поэта впервые становится предметом отдельного исследования, что определяет научную новизну работы. Цель статьи – анализ закономерностей межъязыковых соответствий и определение лексико-семантических особенностей перевода стихотворения на абхазский язык. В круг задач исследования входит выявление базисных символов и концептов, определяющих этнокультурные особенности языковой картины мира автора оригинала и поэта-переводчика. При помощи контекстуального анализа показываются переводческие трансформации и семантические сдвиги, возникающие при передаче во вторичный текст смыслов, необходимых для адекватного понимания в ином лингвокультурном контексте. Применение сопоставительного метода позволяет сравнить эффективность трансляции художественной образности при поэтическом переводе. Проводится сравнительный разбор переводческих трансформаций с целью выявить влияние лексических замен и их последствий для текста оригинала. Объясняются отдельные концептуальные образы, композиционно-стилистические характеристики художественного пространства текста первоисточника. Материалом исследования послужило стихотворение Р. Бернса *My Heart's in the Highlands*, а также тексты переводов С. Я. Маршака и П. Х. Бебиа. В результате исследования показано, что поэт Платон Бебиа, воспитанный на абхазской культуре, посредством родного языка, смог довольно точно донести до современного абхазского читателя богатую палитру чувств шотландского поэта по отношению к Родине. Проанализированный материал свидетельствует о грамотной культурной интерпретации абхазским переводчиком отдельных мотивов, образов и художественных деталей. Благодаря схожести мировосприятия автора и переводчика, задача эквивалентного перевода с сохранением символических образов и смысловой экспрессии успешно решена.

© Агрба Л. А., Айба Э. Г., 2025

Ключевые слова: П. Бебия, Р. Бернс, перевод, рецепция, поэтический образ, архетип, картина мира, межкультурная коммуникация, традиция, поэзия

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Агрба Л. А., Айба Э. Г. Лингвокультурологическая специфика художественного перевода на абхазский язык стихотворения Роберта Бернса *My Heart's in the Highlands* поэтом-переводчиком Платоном Бебия. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 2. С. 68–82. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-68-82

Original article

Linguocultural peculiarities of the literary translation of Robert Burns's poem *My Heart's in the Highlands* into Abkhaz language by the poet-translator Platon Bebia

Lana A. Agrba ✉, **Esmeralda G. Aiba**

Abkhazian State University, Sukhum, Republic of Abkhazia

✉ lagrba@mail.ru

Abstract

The article considers Robert Burns's poem *My Heart's in the Highlands* in the translation reception of Abkhaz poet-translator Platon Bebia. The scientific novelty of this work is determined by the attempt to delve into the peculiarities of the literary translation made by the Abkhaz poet. The purpose of the article is to analyze the patterns of interlanguage correspondences and to determine the lexical and semantic features of translating a poem into Abkhaz language. The research objectives include identifying the basic symbols and concepts that define the ethnocultural worldview of the author and the poet-translator. Context analysis shows the transformations and semantic shifts that occur when choosing necessary concepts for adequate translation into a different linguistic and cultural context. The use of the comparative method allowed to compare the effectiveness of the translation strategies in poetic transfer to a secondary text. A comparative analysis is carried out to identify the influence of lexical substitutions and their consequences for the original text. For this purpose, individual conceptual images, compositional and stylistic characteristics are explained. The research material includes the poem by R. Burns *My Heart's in the Highlands*, as well as the translation texts by Samuil Marshak and Platon Bebia. The result of this research indicates that the poet Platon Bebia, an Abkhaz poet deeply rooted in his native culture, successfully employed the resources of his language to convey to the contemporary Abkhaz readership the nuanced spectrum of emotions expressed by the Scottish poet towards his homeland. The analyzed material testifies competent cultural interpretation of the Abkhaz translator of Burns's individual motifs, images, and poetics. Due to the similarity of the author's and translator's worldviews, the equivalent translation into Abkhaz language, preserving symbolic images and semantic expression, has been successfully accomplished by Bebia.

Keywords: P. Bebia, R. Burns, translation, reception, poetic image, archetype, worldview, intercultural communication, tradition, poetry

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Agrba L. A., Aiba E. G. Linguocultural peculiarities of the literary translation of Robert Burns's poem *My Heart's in the Highlands* into Abkhaz language by the poet-translator Platon Bebia. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 2. Pp. 68–82. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-68-82

Введение

Перевод поэзии признается специалистами самым трудным жанром перевода [1] не только потому, что в поэтическом тексте сталкиваются образ и рифма, отвечающие за эстетические и экспрессивные функции, но и решается межкультурная задача, которая «состоит в том, чтобы восстановить образ системы исходного текста и сопоставить его с целевой культурой с помощью языковых и литературных традиций, а также в том, чтобы текст на целевом языке приносил эстетическое и эмоциональное удовольствие читателю» [2].

Сталкиваясь с несовпадением разных картин мира, переводчик призван донести до читателя смысл инокультурной реалии, ведь он «переносит иностранного автора к своему читателю или переносит своего читателя к иностранному автору» [3, с. 142]. Умберто Эко считал, что «перевод представляет собою переход не только из одного языка в другой, но и из одной культуры в другую, из одной «энциклопедии» в другую» [4, с. 193]. «Перевод художественный – это одна из форм межкультурной коммуникации, при которой взаимодействуют две картины мира» [5, с. 38]. Именно он «позволяет сделать всеобщим достоянием те духовные и художественные ценности, которые содержатся в произведениях иноязычных писателей <...>. Однако перевод не тождествен оригиналу и включает многочисленные преобразования, обусловленные спецификой межкультурной коммуникации и субъективным переводческим видением концептуальной информации оригинала» [5, с. 207]. И «если другим видам перевода можно научить, то успех в художественном переводе определяется еще и талантом переводчика» [6, с. 342], ведь транспонировать индивидуально-авторскую концептосферу с одного языка на другой – задача порой невыполнимая, а точность перевода зависит как от культурных, этноментальных особенностей, так и от личных предпочтений переводчика.

В попытке найти точный образ или передать ценностные компоненты, имеющие идейно-эстетическое и поэтическое содержание, при этом сохранив поэтическую силу слов и рифму, несущую определенные семантические функции, переводчик невольно «сублимирует понятия» и, так как он «реализует сообщение между людьми разных культур, содержание подлинника не должно передаваться со стопроцентной точностью» [7, с. 420–421]. Эталонным считается «перевод, который подразумевает создание произведений на разных языках с повторяющимися образами» [8, с. 112]. При этом ментальность переводчика так или иначе отражается в текстовом воплощении стиха, поэтому при анализе текстов переводов необходимо учитывать наложение моделей мира, что неизбежно при попытке передать одну языковую действительность другой.

Итак, поэт – транслятор национального мировидения, а перевод – это всегда интерпретация культуры и образа мышления, транслируемого в тексте оригинала, и «когда переводчик не знает языка автора, стихотворение способно породить множество текстов перевода» [9, с. 21].

Вместе с тем сложно переоценить влияние переводной литературы, в особенности мировой классики, на развитие национальной, поскольку «для любой национальной литературы художественный перевод – это важный информационный канал, по которому осуществляется связь с иноязычным миром словесности» [10, с. 253].

В этом смысле огромен вклад в развитие абхазской литературы поэта-переводчика Платона Хуамповича Бебиа (1935–2021). Можно с уверенностью сказать, что к моменту работы над переводами произведений Бернса, у Бебиа уже была богатая практика художественного перевода. В частности, поэтом были переведены произведения А. Шогенцукова, А. Гадагатля, К. Кулиева, Р. Гамзатова,

К. Джегутанова, О. Шираз, Г. Табидзе, И. Франко, С. Есенина, К. Симонова, Е. Евтушенко, Г. Лорка и других авторов на абхазский язык. Кроме того, Платоном Бебиа уже было издано более 25 сборников собственных стихов, баллад, поэм, рассказов. Однако именно переводы Бернса приобрели особую популярность у ценителей поэзии Абхазии. За переводы стихов Бернса в 2007 г. П. Х. Бебиа был удостоен Государственной премии имени Д. И. Гулиа и звания заслуженного работника культуры Абхазии.

Выход сборника стихов, эпиграмм, баллад, поэм Бернса, переведенных на абхазский язык, стал значительным событием для национальной художественной литературы. Многих удивило то, с какой точностью, не зная английского языка, П. Бебиа смог передать дух поэзии Роберта Бернса. Великий шотландец оказался духовно близок абхазскому поэту: «Они оба были патриотами своих стран, которые пером боролись за свободу и независимость своих народов. Их творчество во многом было схоже» [11, с. 356]. Тема судьбы народа и родного отечества объединила поэтов, что, вероятно, и подвигло Платона Бебиа начать масштабную работу по ознакомлению абхазского читателя с творчеством Бернса.

Бебиа тщательно изучил опыт переводов произведений Бернса на другие языки. Была проведена большая подготовительная работа, что подтверждается качеством перевода. Абхазский поэт пытался сохранить самобытный поэтический стиль Бернса, передав национальный колорит подлинника и при этом заставив героев его произведений заговорить на понятном абхазской публике языке. И, конечно, погружение в творчество шотландца многое дало абхазскому поэту. Бебиа вспоминал: «Роберт Бернс был одним из тех поэтов, кто обогатил мою юность и молодость, подобно нектару, питающему пчелу» [12, с. 5].

Справедливости ради стоит сказать, что к наследию Роберта Бернса проявляли интерес многие переводчики – представители народов бывшего СССР, в том числе благодаря переводам С. Я. Маршака [13]. Маршак представил широкой советской публике наиболее полные переводы великого поэта, заслужившие любовь и популярность в массах.

Интересно, что Маршак уделял большое внимание соответствию материала интересам и духовным потребностям самого переводчика, внутреннему состоянию его души. Маршак писал: «художественный перевод – не нотариальный. Он не бесстрастен. Внимательный глаз читателя и критика всегда уловит в нем почерк века, почерк поколения, индивидуальный почерк поэта-переводчика» [14, с. 354].

Подчеркнем, что Бебиа переводил Бернса не с оригинала, а с текстов Маршака, которые можно рассматривать как самостоятельные произведения, поэтому в данном случае приходится говорить о близкой к оригиналу, но все же интерпретации П. Бебиа стихотворений Роберта Бернса. Стилистика Маршака во многом определила тот вектор, который определенным образом направлял работу творческой мысли абхазского поэта-переводчика. Безусловно, переложение рецепции Маршака во многом повлияло на конечный перевод на абхазский язык. Вместе с тем нельзя не отметить грамотную культурную интерпретацию абхазским переводчиком отдельных мотивов, образов и художественных деталей. Во многом очевидно – интерпретатору внутренне близка образность Бернса, что упростило задачу эквивалентного перевода, позволило сохранить символические образы и продемонстрировать богатство смысловой экспрессии автора. Что очень важно, абхазскому поэту-переводчику удалось в полной мере сохранить настроение и эмоциональную насыщенность оригинала, во многом из-за сходства мировосприятия поэтов (модель мира – вертикаль), а также благодаря исторической общности судеб абхазского и шотландского народов. «Бебиа, безусловно, разгадал в чем секрет бернсовской поэзии, а также понял, как ее лучше передать

на абхазский язык» [11, с. 355]. Попытаемся доказать это на примере разбора одного стихотворения.

Обсуждение и результаты

My Heart's in the Highlands считается одним из лучших произведений Роберта Бернса. Оно было написано в 1789 г., в тяжелое для Шотландии время, когда после череды якобитских восстаний, началось подавление шотландцев, приведшее в 1760-х гг. после печально известной «чистки предгорий» (Highland Clearances) к массовой миграции населения горной Шотландии.

С первых же строк стихотворения поэт признается в любви к Родине и говорит устами своего героя, что его сердце не «здесь», сердце его в горах: “My heart's in the Highlands, my heart is not here” [15, p. 138]. Исследователи считают ритм «биения сердца» сквозным организующим приемом всего стихотворения. «Благодаря «дроблению» строк на полустихия и энергичной рифмовке достигается размеренное, «пульсирующее» звучание, напоминающее стук сердца (так метафора из первой строфы как бы «разворачивается» до организации всего стихотворения на композиционном уровне)» [5, с. 39–40].

Маршак переводит строку так: «В горах мое сердце... Доныне я там» [16, с. 199]. Играя на противопоставлении «здесь – там», он пытается передать атмосферу потерянности героя в пространстве, его неспособности найти себе место в ином пространстве, кроме родного – в горах.

Бебия интерпретирует эту строку по-своему: «Ашьхақарҕе сгэы ыкоуп. Са урт рзы сшоуп» [17, с. 42] – досл. *Мое сердце в горах, для них я рожден*, таким образом, усиливая акцент на внутренней связи героя с пространственным образом, с горами, как с пуповиной.

Следует подчеркнуть, что у поэтов Бернса и Бебия общее ощущение родины. Автора оригинала и абхазского переводчика объединяет любовь к родным горным ландшафтам, которую они сумели ярко передать в художественном воплощении. Образом гор Бернс рисует мощь и силу родной земли: «The birth-place of Valour, the country of Worth» – досл. *Родина отваги, край доблести*. В интерпретации Маршака: «Отечество славы и доблести край». Бебия переводит эту строку Бернса точнее: «Ахатареи ахьз-ацшеи ртэыла» – Страна мужества и доблести, героизма (абх. *ахьдз апиша* – досл. *имя ветер*, подразумевается, что имя, добрая слава разлетаются, распространяются по свету как ветер). Дело в том, что главную черту национального характера абхаза определяет героическая доминанта. «Традиционная культура ориентирована на демонстрацию подвигов, удалством бравируют, на риск идут сознательно, особенно в молодом возрасте в доказательство своей зрелости и с целью обретения социального признания. Народные сказки, легенды, песни почти исключительно героические, подчеркивающие непоколебимый дух, стойкость и мужество» [18].

В своем стихотворении Бернс с любовью и трепетом рисует вершины под кровлей снегов, долины и скаты лугов, бурно текущие реки и чащи лесов. Тонкое чувство природы свойственно как автору, так и его переводчикам. В стихотворении наблюдается повторение слова Wild – дикий (wild deer, wild-hanging woods) как олицетворение первозданной красоты шотландской природы. В абхазском и русском переводах столь любимые Бернсом фигуры речи, метафоры и тропы подхвачены и точно переданы переводчиками: loud-pouring floods – потоки лесных голосов – ацсаа-рацэа ассир зыбжьы; wild-hanging woods – бездна леса – абнақэа аҕымтра зхашышьу; mountains, high-cover'd with snow – вершины под кровлей снегов – архақэа сыла итаҳәәоу.

Приподнятое настроение от пребывания на лоне природы довольно резко сменяется чувством оторванности от родного края. Ощущение полета

прерывается тоской и несбыточностью пустых надежд о возможности вернуться на родину. «Стихотворение оставляет впечатление стремительности, скорости, резвости и отчасти грусти у автора и читателя. Прославляя Родину, поэт с сожалением от того, что он не находится в момент речи там, описывает красоту гор» [19, с. 799].

Природа горной Шотландии напоминает живописные пейзажи Абхазии. Понятия «Родина» и «природа» для Бернса и абхазского переводчика Бебиа неразрывно связаны. Горы и камни часто превращались в символические образы в структуре эпоса, мифа, фольклорных произведений обоих народов. Сакрализация многих природных объектов – гор, деревьев, рек, родников, светил, мест обитания сверхъестественной силы – послужило формированию своеобразной ментальности. «Согласно мировосприятию абхазов, человек – неотъемлемая часть природы; и человек, как и природа, – божественное творение» [20, с. 347].

Считается, что именно средой обитания объясняется не только уклад жизни, темперамент, менталитет, но и характер коммуникации народа. «“Место развития” существенным образом влияет на быт, образ жизни, психологию, на социальную организацию и государственное устройство народа. Специфичность географического расположения предопределяет этническое и психологическое отличия типа мышления и действия народа» [21, с. 6]. Среда обитания формирует культуру и быт народа, но самое главное – его идентичность. Г. Д. Гачев указывает на то, что именно природа является основой создания той или иной модели мира. Выстроен он как мировое яйцо или мировое дерево (ясень Игдрасиль в скандинавском эпосе) или как тело кита (Левиафан и Моби Дик), как священный конь или верблюд (произведения Чингиза Айтматова) [22].

Автор стихотворения будто мысленно возвращается в родные края, туда, где высоко – “Highlands” (в горную, северную часть Шотландии в отличие от “Lowlands” – равнинной части). Платон Бебиа тонко улавливает эту грань, в его переводе звучит «шхатэыла» – досл. *горный край*.

Символика «верха» выступает в лирике Роберта Бернса не только как пространственный, но и как ценностный ориентир, отражающий стремление лирического субъекта к высшим истинам и пониманию целостности мироздания. «Низ» связан с настроением тоски, безысходности и порождает желание смены пространства. Авторская модель мира, включающая в себя «верхнее» и «нижнее» пространства, представляет собой динамическую систему, в рамках которой происходит их противоборство, тонко подмеченное и переданное Маршаком. В его переводе: «В горах мое сердце, а сам я внизу!». Оппозиция «верх – низ» связана как бы с противопоставлением сил добра и зла, где все доброе и хорошее связано с минувшим, с горами, а настоящее – это тоска по прошлому, покинутой Родине.

Горы являются символом свободы для шотландцев, они ассоциируются с утраченным Раем. Этот архетип, оберегающий народ от всякого зла, содержится в коллективной памяти народа и является составным элементом национального образа мира шотландца. Абхазы так же уверены в защитной силе родных гор. В переводе Бебиа, герой, чье сердце осталось в горах, живет на равнине: «Ашхакэарѣ сгэы ыкоуп, схата арха сынхоит!» (арха – долина, равнина). Очевидно, что «равнина» у абхазского переводчика ассоциируется с пространством опасным, чуждым, враждебным. Напротив, абхазы испокон веков искали защиты в горах: «Наши гордые, статные горы, всегда защищавшие нас от всего злого и коварного, да будут они и дальше милостивы к нам!» [23, с. 10]. Тем самым переводчик акцентирует внимание на чувстве тоски по Родине, сравнимой с утратой потерянного Рая.

Вообще, образ гор – один из важнейших пространственных архетипов в поэтике горских народов. Он невероятно близок поэту-переводчику Бебиа. Горные ландшафты, наряду с лесами, долинами, стремительными реками, быстроногими

оленьями и свободными орлами, как и у Бернса, регулярно появляются в произведениях Бебиа. Стихотворение «Горная река» тому яркий пример: «Начав свой путь под валунами, / Красуясь гордыми волнами, / Бежит столетьями река, / Как знать, что видела она? / Ведь эта бурная река / Была горою рождена!» (пер. – А.Э.) [17, с. 38].

О большом значении вертикали для горцев говорят многие исследователи. «Вытянутая вверх модель мира – мир горца, в который он органично вписывается, подчиняя ему все уровни своего практического и духовного бытия» [10, с. 43]. Горы часто наделяются ими сакральным смыслом. Они считаются пространством священным, внушающим трепет. Неслучайно горные холмы являлись местом расположения капищ, где совершали различные сакральные ритуалы, поклонялись святыням. У горцев даже существует определенный кодекс поведения в горах, так называемая «горская этика», а неподобающее поведение здесь может накликать беду. Достижение высоты рассматривается как сближение с небом, где обитает Бог. С горами связана «древняя генетическая память о прошлом, выражение древнего архетипа и представление о том, что боги живут на вершинах гор (шумеры, майя)» [24, с. 14]. Вертикаль (вершина горы, скалы) – символ божественной истины, чистоты и справедливости, поэтому «человек желает расположиться в пространстве, открытом вверх, допускающем сообщение с божественным миром» [25, с. 61].

Ряд исследователей полагает, что формированию демократических общественных структур способствует именно горный ландшафт. Ф. Бродель подчеркивал особое демократизирующее влияние гор: «Во многих местах Старого Света горы не только естественные преграды, но одновременно социальный барьер, убежище, где нивелируются слои общества, приют народоправства и крестьянских «республик» [26, с. 46–47].

Итак, горы являются доминантным образом-символом стихотворения Бернса, причем они не просто дань пейзажной лирике, это «эстетически воздействующий объект» [27, с. 669], ключевой элемент этнопоэтики, «возникающий в художественном тексте как итог миропостигающей деятельности национальной единицы» [10, с. 12].

Роберта Бернса, имевшего «силу воображения, способную вникать в прошлое и в биение народной жизни» [28, с. 92], чьим стихотворениям «присущи особый драматизм и чувственность» [2], по праву считают поэтом, воспевающим красоту вольного края Шотландии. Это позволяет критикам творчества поэта говорить об особом этноколорите Бернса. «Страна вересковых пустошей и холмов, туманных озер и приморий. Страна гордых дальнорюрых горцев – таких дальнорюрых, что считалось: “это народ ясновидящих”!.. Страна древних кланов, древнего свободолубия. Страна миражей и здравого смысла. Пронзительный голос волынки и белые чайки над сизо-стальной водой. Стихи Бернса вобрали ее всю: поет ли он о своей Джин, славит ли старых вождей вольной Шотландии, превозносит ли “пудинг Хаггис горячий и плотный”, произносит ли имя Родины или нет – Роберт Бернс сын своего народа» [29, с. 134].

Критики считают *My Heart's in the Highlands* образцом гражданской лирики Бернса. История Шотландии полна трагических примеров борьбы шотландского народа против унижительной зависимости от Англии. Противостояние, продолжавшееся на протяжении XVII–XVIII веков, закончилось поражением, что вынудило многих людей, не смирившихся с потерей своей национальной принадлежности, покинуть родные земли. Стихотворение Бернса пронизано тоской по утерянным горным ландшафтам, «по родине, которую многим шотландцам пришлось оставить, нежными чувствами к суровой красоте ее природы, образы которой навсегда сохранились в памяти» [30, с. 258].

Чувство оторванности от родины, боль утраты и тоска поэта по родным краям, сквозящая с первых строк произведения, оказались близки абхазскому читателю. Мотивы Бернса понятны народу, которому не раз приходилось самоотверженно защищать свободу своей страны и тосковать по родине, находясь на чужбине, во время насильственного переселения абхазов в Турцию в XIX веке. Вероятно, поэтому поэт Платон Бебиа, воспитанный на абхазской культуре, на рассказах людей о страшной трагедии, постигшей его народ, посредством родного, абхазского языка, смог очень точно передать эмоции великого шотландца, жившего за несколько веков до него, и донести до современного абхазского читателя всю палитру его чувств по отношению к Родине. Абхазы, как и шотландцы – свободолюбивые горцы с определенным складом мышления и поведения.

А. А. Голиков обратил внимание, что стихотворение *My Heart's in the Highlands* создано на чистом английском языке, без вкраплений шотландского диалекта. «Шотландские диалекты просто не имели многих слов для обозначения отвлеченных понятий. Поэтому вполне естественно, что в обобщающих высказываниях Бернс часто пользуется чисто английской лексикой. На литературном языке написаны <...> как это ни парадоксально, такие исполненные шотландского патриотизма песни, как <...> “В горах мое сердце»» [31, с. 121]. Возможно, это сделано Бернсом намеренно, чтобы оно было понятно английской публике, угнетателям шотландского народа. И, хотя поэт формировался под перекрестным влиянием двух национальных культур, шотландской и английской, но, поднявшись «и над рабским преклонением перед английской культурой, и над национальной ограниченностью, сумел вобрать в свою поэзию все лучшее из обеих литературных традиций, по-своему осмыслив и синтезировав их» [32, с. 24].

Бернса считают не просто народным поэтом, «он и сам часть того свободного народа, что находит радость в гармонии с природой, в сохранении традиционного уклада, исконных обычаев и традиций» [30, с. 257]. Г. Усова отмечает, что одним из источников вдохновения для Бернса был дух вольности: «Он написал много стихов о «шотландской древней воле», непокорных бунтарях, не желающих мириться с унижением родной страны» [33, с. 9]. «Он исходил почти всю Шотландию, везде знакомясь с народом, особенно с певцами, песни которых записывал» [34, с. 882].

Влияние фольклора, в частности народного песенного творчества, на формирование поэтической идентичности Бернса, отмечается многими исследователями: «Для творчества Бернса была значима не всемирная отзывчивость, не склонность к нарочитым обобщениям, а подлинная, глубинная народность, состоявшая во внимании к личному и национальному» [35, с. 311]. В произведениях автора «демократически настроенные писатели увидели выразителя чаяний простых людей, создателя подлинно народных произведений» [36, с. 463]. «Поэзия Роберта Бернса органически соединила в себе традиции фольклора и старой письменной шотландской литературы с опытом реализма и идеями революционно-демократического просветительства конца XVIII века» [37, с. 83].

Этническая самобытность присуща шотландскому поэту. В частности, критики отмечают «характерные бернсовские повторения, свойственные народной поэтике вообще» [38, с. 112]. Бернс активно перерабатывал фольклорный материал, «начиная с мелодии (он часто сочинял свои слова на уже существующие народные мелодии), строфики (<...> использовал «шотландскую строфу»» [33, с. 13]. И сегодня на Новый год весь англоязычный мир поет “Auld Lang Syne” – рождественский гимн, переработанный Бернсом из старинных народных баллад.

Некоторые специалисты полагают, что *My Heart's in the Highlands* является версией старинной шотландской песни *My Bonnie Lies over the Ocean* (Мой милый находится за океаном) [13]. Стихотворение покоряет своей мелодичностью,

яркостью образов. Недаром произведение может быть прочитано и как патриотический гимн, и как простая народная песня.

Эту же параллель можно провести, анализируя творчество Платона Бебиа, который сумел воплотить в своей поэзии лучшие традиции абхазского фольклора, устного и песенного творчества. Они оказали огромное воздействие на поэзию Бебиа. Вообще традиционному абхазскому стиху свойственен ритмический рисунок народной песни [39], характерной является «музыкально-речевая система стихосложения» [40, с. 143]. Поэтому элементы, свойственные народной поэтике, перекликаются у автора стихов и переводчика. Сохранение особого композиционного построения и музыкальности ритма в переводе стихов Бернса, вероятно, не представляли особой сложности для Бебиа, однако поскольку переводчик пользовался текстом Маршака, который изменил форму произведения с песенной на форму обычного лирического стихотворения, где за каждым куплетом не следует припев, а последняя строфа просто повторяет первую, то и в абхазском переводе эта уникальность бернсовского произведения оказалась потеряна.

Автор подкрепляет строчки второго куплета сложным синтаксическим рисунком с повторами: “My heart’s in the Highlands, a-chasing the deer; / A-chasing the wild-deer, and following the roe”, что сразу придает «пульсирующий» ритм всему произведению. Он изображает стремительность диких животных, благородного оленя и косули, пребывающих на воле. Вообще, Бернс широко пользовался простыми односложными глаголами, передающими движение, которые усиливали семантику и придавали динамику стихотворной рифме [31]. Однако автор употребляет глаголы “chase” – *гнаться*, “follow” – *преследовать*, которые содержат аллюзию на историческое противостояние Англии и Шотландии. Они создают ощущение предопределенности результата, загнанности, покорности судьбе, от которой нельзя уклониться. В переводе С. Маршака эта динамическая ритмика слога сохраняется, использованием глаголов «лететь», «гнать», «пугать». Однако в абхазском переводе поэт заменяет глаголы «гнаться» и «преследовать» на «сазааигэахоит» – *приближаюсь*, «харахоит» – *отдаляется*, придавая несколько иной оттенок смыслу. А именно, в интерпретации Бебиа показана невозможность порабощения духа народа, подчинения его свободной воли, а это значит – борьба за свободу не должна прекращаться. Пространственная вертикаль «верх – низ», заменяется в абхазском переводе на пространственную горизонталь «ближе – дальше», что несколько смещает акцент и придает дополнительную динамику тексту перевода, делая его более объемным.

В русском переводе Маршака герой «преследует косулю» и «пугает козу», а не оленя (wild-deer), как в оригинале, что позволяет критикам обвинять его в «неточности». Подобное и в переводе Бебиа: герой идет по следу за горным туром «Абгаб ашьта схылан, сара ахра салоуп» – досл. *По следу горного тура иду я по скалам*. Однако в защиту интерпретаторов следует сказать, что подобная замена образов, вероятно, оправдана особенностями окружающего контекста и желанием переводчиков адаптировать текст оригинала к лингвокультурным реалиям целевой аудитории, сделав переводной текст максимально понятным для адресатов в рамках своей этнокультурной среды. При этом переводчикам удается сохранить и поэтическую образность, и эмоциональную окраску, и интонацию оригинала, что придает их текстам несомненную художественную ценность.

Первый куплет завершается клятвой героя в вечной любви к родине: “Wherever I wander, wherever I rove, The hills of the Highlands forever I’ll love”. В своей интерпретации этой строки Маршак полностью отходит от оригинала: «По белому свету судьбою гоним, / Навеки останусь я сыном твоим». В его переводе герою отдана роль пассивного исполнителя predetermined воли, рока. Он смиряется

с предначертанной ему судьбой скитальца, но клянется остаться ей верен. Бебия почти в точности дублирует интерпретацию Маршака, однако абхазский поэт добавляет к теме судьбы еще и идиоматическое выражение, не переводимое на русский язык, но подчеркивающее игровой элемент ситуации и тем еще более усиливает эмоцию обреченности: «Сама идэыкэуц сразкы – ахы итарпаны» – досл. *Судьба меня швыряет, играет мной*. Строка перекликается с темой «погони» и «преследования» в предыдущем куплете, где герой «приближается» к косуле, а она «отдаляется» от него. И в этом противостоянии судьбе автором абхазского перевода акцентирована идея борьбы и верности своим идеалам. Куплет перевода заканчивается словами, произнесенными как клятва: «Сахыцалак – саанхоит ура сыуцаны!» – досл. *Куда бы я ни шел, останусь сыном твоим!*

Герой Бернса прощается с горами, покрытыми снегом – Farewell to the mountains, high-cover'd with snow; лощинами и зелеными долинами – Farewell to the straths and green vallies below; лесами и дикими чащами – Farewell to the forests and wild-hanging woods; потоками бурно текущих рек – Farewell to the torrents and loud-pouring floods. Данный куплет подчеркивает этническую самобытность присущую шотландскому поэту за счет характерных повторов, «свойственных народной поэтике вообще» [38, с. 102]. Абхазскому переводчику не только удается точно передать эту яркую художественную образность, но и сохранить ритмику повторов: «Абзиараз, ахракэа сыла итаҳэхэоу, / Абзиараз, архакэа шэтыла итаҳэхэоу, / Абзиараз, абнакэа аеымтра зхашышу, / Абзиараз, апсаа-рацэаассир зыбжы!»

Использование повторов и глаголов повелительного наклонения – характерный для Бебия прием. Он зеркально отражается в абхазском переводе повтором последнего слова в строке: «Бзиала, сыпсадгыл! Шыхатэыла, уаанха! / Ахатарей ахыз-апшей ртэыла, уаанха!» Благодаря динамизму синтаксиса и использованию глагола повелительного наклонения «уаанха!» – досл. «оставайся!», Бебия удается передать общее настроение напряжения и тоски. В целом абхазский перевод характеризуется более высокой степенью употребления эмоционально окрашенных слов и глаголов повелительного наклонения, поэтому отличается большей, по сравнению с оригиналом, экспрессивностью.

Заключение

Исследование показало, что интерпретацию П. Бебия стихотворения Роберта Бернса *My heart's in the Highlands* можно считать удачной. Необходимо отметить художественное мастерство абхазского поэта в передаче содержания, а также особого настроения оригинала.

Выполненный анализ перевода стихотворения Р. Бернса на абхазский язык позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Благодаря грамотной культурной интерпретации отдельных мотивов, образов и художественных деталей, Бебия удалось сохранить экспрессию и выразительность Бернса, а также адекватно передать настроение оригинала в переводном тексте.

2. Абхазскому переводчику, в силу общности мировосприятия, близка авторская образность Бернса, что упрощает задачу передачи поэтической образности без потери или искажения художественных и символических образов.

3. В переводе Бебия отмечается стремление к сохранению оригинальных метафор и эпитетов как важнейших составляющих, влияющих на эстетическую ценность оригинала.

4. Автора оригинала и переводчика объединяет их любовь к народным мотивам, фольклорной поэтике. Влияние народного фольклора на творчество как шотландского, так и абхазского поэта-переводчика очевидно.

5. Понятная интерпретатору тема исторического противостояния Англии и Шотландии, борьбы народа за свободу и независимость от могущественной

империи, близость мировоззренческих и идейно-философских позиций автора и интерпретатора, в целом сходство исторического и социокультурного контекстов, формировавшего этническое самосознание абхазского и шотландского народов, позволяет переводчику точно передать характерную тональность повествования, пронизанного тоской по родине, а также представить глубоко заложенный автором идеологический смысл.

В целом результат исследования показал, что П. Х. Бебиа предлагает своему читателю адекватный и культурно-обусловленный перевод, отражающий все культурно-специфические нюансы первоисточника. Делая восприятие текста оригинала максимально простым для понимания в своей этнокультурной среде, переводчику удастся, используя возможности родного языка, адекватно транспонировать эксплицитные и имплицитные смыслы исходного текста в текст перевода, не испортив уникальности произведения, сохранив и поэтическую образность, и эмоциональную окраску, и интонацию оригинала. Общая тональность стихотворения находит отклик в сердцах абхазского читателя из-за схожести судеб народа, а также благодаря значительной мировоззренческой общности автора и переводчика. Проанализированный материал свидетельствует о грамотной культурной интерпретации абхазским переводчиком отдельных мотивов, образов и художественных деталей. Задача эквивалентного перевода с сохранением символических образов и смысловой экспрессии оказалась решена переводчиком.

Текст перевода обладает несомненной художественной ценностью. Спектр языковых средств, задействованный в создании поэтической образности оригинала, не усложняет задачу эквивалентного перевода, а, напротив, позволяет автору абхазского текста продемонстрировать богатый потенциал экспрессивных средств и возможности транспонирования контента оригинала средствами родного языка.

Дальнейшие детальные исследования в сравнительно-сопоставительном изучении текстов оригинала и переводов Платона Бебиа на абхазский язык в межкультурном преломлении представляются перспективными.

Л и т е р а т у р а

1. Чайковский Р.Р., Лысенкова Е.Л. *Перевод поэзии: Типология и множественность*. Москва: ИИУ МГОУ; 2013:194.
2. Алексеева О.П. Передача художественной образности при переводе поэтического текста (на материале поэзии Р. Бернса). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2024;17(2). DOI: 10.30853/phil202400
3. Райс К. Классификация текстов и методы перевода. *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике*: сб. статей. Москва: Международные отношения; 1978:202-228.
4. Эко У. *Сказать почти то же самое*. Опыты о переводе. Санкт-Петербург: Symposium; 2006:568.
5. Хачатурова А.С., Чернышов М.Р. Трансформации художественного мира стихотворения Роберта Бернса “My Heart’s in the Highlands” в русских переводах. *Мировая литература в контексте культуры. Языкознание и литературоведение*; 2011:38-42.
6. Макарова Л.С. Об одном опыте анализа художественного перевода. *Вестник Адыгейского гос. университета. Сер. Филология и искусствоведение*. Майкоп. 2005;4:207-211.
7. Шарова М.А., Шарова С.С. Принципы переводческой деятельности С.Я. Маршака (на примере англосаксонского материала). *Современное педагогическое образование*. 2023;(10):420-424.
8. Чайковский Р.Р. *Реальности поэтического перевода (типологические и социологические аспекты)*. Магадан: Кордис; 1997:197.
9. Ахмедова Р.А. Поэзия Расула Гамзатова: перевод или базисные авторские концепты. *Миссия конфессий*. 2023;12(4):20-26.

10. Кучукова З.А. *Онтологический метакод как ядро этнопоэтики: (Карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии)*. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых. 2005:312.
11. Капба Р.Х. *Платон Бебиа. Жизнь и творчество*. Кн. II. Сухум: 2016:400 (на абх. яз.).
12. Ласурия Р. Роберт Бернс заговорил на абхазском. *Апсны*. 2007;(68-69) (на абх. яз.).
13. Орлов С.А. Вальтер Скотт и поэзия Роберта Бернса. *Ученые записки Горьковского гос. университета. Сер. историко-филологическая*. 1961;52:247-264.
14. Маршак С.Я. *Собрание сочинений*: в 8 т. Т. 6. Москва: Художественная литература; 1972:671.
15. Burns R. My Heart's in the Highlands. URL: <http://eng-poetry.ru/Poem.php? PoemId=997> (дата обращения: 22.01.2025).
16. Маршак С.Я. *Собрание сочинений*: в 8 т. Переводы из английских и шотландских поэтов. Москва: Художественная литература; 1969:832.
17. Бебиа П.Х. *Сочинения*: в 4-х т. Сухум; 2010:609 (на абх. яз.).
18. Чеснов Я.В. Размышления об абхазской культуре. *Советская этнография*. 1989:(1). URL: <https://iphras.ru/page15815798.htm> (дата обращения: 22.01.2025).
19. Хитарова Т.А. Мифологема горы в творчестве Р.Л. Стивенсона и Р. Бернса. *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. 2017:794-803.
20. Бигуаа В.А. Символические образы камня и гор в литературах народов Абхазии и Северного Кавказа. *Studia Litterarum*. 2021;6(4):344-371. DOI: 10.22455/2500-4247-2021-6-4-344-371
21. Бганба В.Р. *Основания абхазской философии*. Москва: 2018:139.
22. Гачев Г.Д. *Национальные образы мира*. Москва: Советский писатель; 1988:448.
23. Капба Р.Х. *Хухут Бгажба. Жизнь и творчество*. Пер. с абхазского С. Корся. Сухум, Абгиз; 2010:616 (на абх. яз.).
24. Горбунова Е.В. *Общественное сознание и архетипы*. Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях. Пенза-Прага: 2012;(9):14-19.
25. Элиаде М. *Священное и мирское*. Москва: Изд-во МГУ; 1994:144.
26. Бродель Ф. *Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II*. Москва: Языки славянской культуры; 2002:496.
27. Николукин А.Н. *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. Москва: Интелвак; 2001:1596.
28. Клименко Е.И. Вальтер Скотт и Роберт Бернс. *Вестник Ленинградского гос. университета. Серия истории, языка и литературы*. 1960;1(2):83-93.
29. Адалис А. Народный поэт. *Октябрь*. 1959;(6):132-138.
30. Жаткин Д.Н., Рябова А.А. Русская судьба стихотворения Роберта Бернса «Мое сердце в горах» (XIX–первая пол. XX в.). *Вестник Томского гос. университета. Филология*. 2021;70:257-272. DOI: 10.17223/19986645/70/14
31. Голиков А.А. Шотландские народные песни в обработке Роберта Бернса (вопросы языка и стиля). *Анализ стилей зарубежной художественной и научной литературы*. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета; 1982;(3):115-124.
32. Сидорченко Л.В. Поэзия Бернса. *История зарубежной литературы XVIII века*. Москва: Высшая школа; 2001:335.
33. Усова Г. Неугомонный Робин. *Шотландская слава*. Санкт-Петербург: ДЕАН; 2006:6-22.
34. Веселовский А.Н. Английская литература XVIII века. *Всеобщая история литературы*: в 4 т. Санкт-Петербург: 1888;3(1):883.
35. Футляев Н.С., Жаткин Д.Н. Русская переводческая рецепция стихотворения Роберта Бернса “A Man’s a Man for a’t that”. *Вестник Томского гос. университета. Филология*. 2021;74:299-316.
36. Жаткин Д.Н. Русская судьба поэзии Роберта Бернса. Санкт-Петербург: Вита Нова; 2017:520.

37. Выстропова О.С. Концепты «любовь», «свобода», «честь / достоинство» в творчестве Р. Бернса. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Языкознание и литературоведение*. 2012;(6):83-86.
38. Белашова Е.С. Роберт Бернс в переводах С. Маршака: Дис. ... к. филол. н.. Черновцы: 1958:300.
39. Цвинариа В.Л. *Абхазское стихосложение: Метрика. Ритмика. Композиция*. Сухуми: Алашара; 1987:350.
40. Шинкуба Б.В. О принципах абхазского стихосложения. *Альманах*. №3. Сухуми, 1952.

References

1. Tchaikovsky RR, Lysenkova EL. *Translation of poetry: Typology and multiplicity*. Moscow: IIU MGOU; 2013:194 (in Russian).
2. Alekseeva OP. Rendering of artistic imagery in poetic translation (based on the poetry of R. Burns). *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2024;17(2). DOI: 10.30853/phil20240060 (in Russian).
3. Rice K. Text classification and translation methods. *Questions of translation theory in foreign linguistics: collection of articles*. Moscow: International relations; 1978:202-228 (in Russian).
4. Eco U. *To say nearly the same*. Experiences in translation. St. Petersburg: "Symposium" Publ.; 2006:568 (in Russian).
5. Khachaturova AS, Chernyshov MR. Transformations of the artistic world of Robert Burns's poem "My Heart's in the Highlands" in Russian translations. *World Literature in the context of culture. Linguistics and literary studies*. 2011:38-42 (in Russian).
6. Makarova LS. About one experience of analyzing literary translation. *Bulletin of the Adyghe State University. Philology and Art Criticism*. 2005;4:207-211 (in Russian).
7. Sharova MA, Sharova SS. Principles of S.Ya. Marshak's translation activity (on the example of Anglo-Saxon material). *Modern pedagogical education*. 2023;(10):420-424 (in Russian).
8. Chaikovsky RR. *The realities of poetic translation (typological and sociological aspects)*. Magadan: "Kordis" Publ.; 1997:197 (in Russian).
9. Akhmedova RA. Poetry of Rasul Gamzatov: translation or basic author's concepts. *Mission confessions*. 2023;12(4):20-26 (in Russian).
10. Kuchukova ZA. *The ontological metacode as the core of ethnopoeitics: (Karachay-Balkarian mentality in the mirror of poetry)*. Nalchik: M. and V. Kotlyarov Publishing House; 2005:312 (in Russian).
11. Kapba RH. *Platon Bebia. Life and creativity*. Book II. Sukhum: 2016:400 (in Abkhaz).
12. Lasuria R. Robert Burns speaks Abkhazian. *Apsny*. 2007;(68-69) (in Abkhaz).
13. Orlov SA. Walter Scott and the poetry of Robert Burns. *Scientific Notes of Gorky State University. Series: Historical and Philological*. 1961;52:247-264 (in Russian).
14. Marshak SYa. *Collected works: in 8 volumes*. Vol. 6. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1972:671 (in Russian).
15. Burns R. My Heart's in the Highlands. Available at: <http://eng-poetry.ru/Poem.php?PoemId=997> [Accessed 22 January 2025] (in English).
16. Marshak SYa. *Collected works: in 8 volumes*. Translations from English and Scottish poets. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1969:832 (in Russian).
17. Bebia PKh. *Essays in 4 volumes*. Sukhum; 2010:609 (in Abkhaz).
18. Chesnov YaV. Reflections on the Abkhazian culture. *Soviet ethnography*. 1989;(1). Available at: <https://iphras.ru/page15815798.htm> [Accessed 22 January 2025] (in Russian).
19. Khitarova TA. The mythologeme of mountain in R.L. Stevenson and R. Burns creative works. *Polythematic online electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University*. 2017:794-803 (in Russian).
20. Biguaa VA. Symbolic images of stone and mountains in the literatures of Abkhazian and North Caucasian nations. *Studia Litterarum*. 2021;6(4):344-371. DOI: 10.22455/2500-4247-2021-6-4-344-371 (in Russian).

21. Bganba VR. *The foundations of Abkhazian philosophy*. Moscow: 2018:139 (in Russian).
22. Gachev GD. *National images of the world*. Moscow: Soviet writer; 1988:448 (in Russian).
23. Kapba RKh. *Khukhut Bgzhba*. Life and work. Translated from Abkhaz by S. Korsaya. Sukhum, Abgiz; 2010:616 (in Abkhaz).
24. Gorbunova EV. *Social consciousness and archetypes. Symbolic and archetypal in culture and social relations*. Penza-Prague: 2012;(9):14-19 (in Russian).
25. Eliade M. *Sacred and secular*. Moscow: Publishing House of Moscow State University; 1994:144 (in Russian).
26. Braudel F. *The Mediterranean Sea and the Mediterranean world in the age of Philip II*. Moscow: Languages of Slavic Culture Publ.; 2002:496 (in Russian).
27. Nikolyukin AN. *Literary encyclopedia of terms and concepts*. Moscow: Intelvak; 2001:1596 (in Russian).
28. Klimenko EI. Walter Scott and Robert Burns. *Vestnik of the Leningrad State University. Series: History, Language and Literature*. 1960;1(2):83-93 (in Russian).
29. Adalis A. National poet. *Oktyabr'*. 1959;(6):132-138 (in Russian).
30. Zhatkin DN, Ryabova AA. The Russian fate of Robert Burns's poem "My Heart's in the Highlands" (The 19th – first half of the 20th centuries). *Tomsk State University Journal of Philology*. 2021;70:257-272. DOI: 10.17223/19986645/70/14 (in Russian).
31. Golikov AA. Scottish folk songs as interpreted by Robert Burns (questions of language and style). *Analysis of styles in foreign literary and scientific text*. Leningrad: Leningrad University Press; 1982;(3):115-124 (in Russian).
32. Sidorchenko LV. *Poetry of Burns. History of foreign literature of the 18th century*. Moscow: Vysshaya shkola; 2001:335 (in Russian).
33. Usova G. The Restless Robin. *Scottish glory*. St. Petersburg: DEAN; 2006:6-22 (in Russian).
34. Veselovsky AN. English literature of the 18th century. *General history of literature*: in 4 volumes. St. Petersburg: 1888;3(1):883 (in Russian).
35. Futlyaev NS, Zhatkin DN. Russian translation of Robert Burns's poem "A Man's a Man for a' that". *Tomsk State University Journal of Philology*. 2021;74:299-316 (in Russian).
36. Zhatkin DN. The Russian fate of poem by Robert Burns' poetry. St. Petersburg: Vita Nova; 2017:520 (in Russian).
37. Vystropova OS. Concepts "love", "freedom", "honour / dignity" in the creative work by R. Burns. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. Linguistics and Literary studies*. 2012;(6):83-86 (in Russian).
38. Belashova ES. Robert Burns in translations by S. Marshak. Candidate's dissertation (Philology). Chernivtsi: 1958:300 (in Russian).
39. Tsvinaria VL. *Abkhazian versification: Metric. Rhythmic. Composition*. Sukhumi: Alashara; 1987:350 (in Russian).
40. Shinkuba BV. On the principles of Abkhazian versification. *Almanac*. 1952;(3). Sukhumi: (in Russian).

Сведения об авторах

АГРБА Лана Алексеевна – к. филол. н., доц. кафедры романо-германских языков, Абхазский государственный университет, г. Сухум, Республика Абхазия, ORCID: 0000-0002-4951-6214, e-mail: lagrba@mail.ru

АЙБА Эсмеральда Георгиевна – ст. преп. каф. романо-германских языков, Абхазский государственный университет, г. Сухум, Республика Абхазия, e-mail: ayba.esma@mail.ru

About the authors

Lana A. AGRBA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Roman and German Languages, Abkhazian State University, Sukhum, Republic of Abkhazia, ORCID: 0000-0002-4951-6214, e-mail: lagrba@mail.ru

Esmeralda G. AIBA – Senior Lecturer, Department of Roman and German Languages, Abkhazian State University, Sukhum, Republic of Abkhazia, e-mail: ayba.esma@mail.ru

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests

Вклад авторов

Агрба Л.А. – разработка концепции, методология, администрирование данных

Айба Э.Г. – ресурсное обеспечение исследования, верификация данных, программное обеспечение

Authors' contribution

Lana A. Agrba – conceptualization, methodology, data curation

Esmeralda G. Aiba – resources, validation, software

Поступила в редакцию / Submitted 10.03.25

Принята к публикации / Accepted 07.04.25

УДК 821.512.141

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-2-83-92>

Оригинальная научная статья

Поэтика современного башкирского романа

З. А. Алибаев

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,

г. Уфа, Российская Федерация

✉ alibaev.zaki@mail.ru

Аннотация

В статье поднимается актуальная для литературного процесса тема поэтики в современной башкирской литературе, исследуемая на примере прозаических произведений. Проводится анализ национальных, культурных и исторических особенностей башкирской прозы. На примере ряда романов автор выделяет основы жанра и специфику композиции данных произведений. В работе намечаются перспективы современного башкирского романа. Автор приходит к заключению, что современная башкирская проза является результатом литературных изысканий на протяжении всего XX века в сочетании с современными тенденциями и направлениями в литературе. Основной проблемой, которая выявлена в результате исследования, являются отсутствие четких жанровых разграничений в башкирской литературе, отсутствие всемирно известных представителей данного региона в литературной среде, а также слабая изученность отличительных черт литературы Башкортостана, что приводит к снижению понимания уникальных культурных кодов литературы Башкортостана. Современный башкирский роман представляет собой уникальное явление в литературе, отражающее культурные, социальные и исторические реалии Башкортостана. Поэтика таких романов часто включает в себя сочетание традиционных элементов башкирской устной словесности и современных литературных приемов. Тематика и мотивы: современные романы исследуют широкий спектр тем – от национальной идентичности и культурного наследия до социальных изменений и личных кризисов. Часто в них отражаются традиционные башкирские ценности, обычаи и мифология. Структура и стиль: романы могут использовать разнообразные нарративные техники, включая фрагментарность, многослойность повествования и использование различных точек зрения. Это создает динамичное и многогранное восприятие сюжета. Персонажи: герои современных башкирских романов часто являются носителями культурных конфликтов, сталкиваясь с вызовами современности и пытаясь сохранить свою идентичность. Их внутренние переживания и поиски смысла жизни становятся центральными элементами повествования. Язык и символика: язык произведений насыщен метафорами и символами, которые подчеркивают культурные особенности башкирского народа. Использование диалектов и народной речи придает текстам аутентичность. Социальный контекст: современные романы отражают изменения в обществе, такие как глобализация, миграция и трансформация традиционных ценностей, что делает их актуальными для обсуждения современных проблем. Таким образом, поэтика современного башкирского романа представляет собой сложное переплетение традиций и новаторства, что делает его важной частью как башкирской, так и мировой литературы.

Ключевые слова: Башкортостан, поэтика, литература, проза, культура, этнос, национальность, история, современность, роман, художественный образ, персонаж, сюжет
Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Алибаев З. А. Поэтика современного башкирского романа. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 2. С. 83–92. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-83-92

© Алибаев З. А., 2025

Original article

The poetics of contemporary Bashkir novel

Zaki A. Alibaev

M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russian Federation

✉ alibaev.zaki@mail.ru

Abstract

The article explores the poetics of contemporary Bashkir literature, a theme of current relevance to the literary process, employing prose works as an example. This paper provides the national, cultural and historical characteristics of Bashkir prose. Through an assessment of several novels, the author identifies the genre's origins and the specific compositional features of these works. Eventually, the study outlines potential features future developments in the modern Bashkir novel. The author concludes that modern Bashkir prose is the result of literary explorations throughout the 20th century, combined with modern trends and directions in literature. The main problem determined in this study is the absence of clear genre distinctions within Bashkir literature. This includes a lack of internationally renowned representatives of this region in the literary world. The limited scope research on the distinctive features of Bashkortostan literature leads to a reduced understanding of the unique phenomenon in literature, reflecting the cultural, social, and historical realities of Bashkortostan. The poetics of these novels often encompass a combination of traditional elements from Bashkir oral storytelling and modern literary techniques. Themes and motifs: modern novels study a wide variety of themes, ranging from national identity and cultural heritage to social change and individual crises. These often show traditional Bashkir values, customs, and mythology. Structure and style: these novels can use diverse narrative techniques, including fragmentation, layering of narrative, and the use of different points of view, thereby creating a dynamic and multifaceted perception of the plot. Characters: protagonists in modern Bashkir novels are often carriers of cultural conflicts, facing the challenges of modernity and trying to preserve their identity. Their internal experiences and the search for the meaning of life become the central elements of the narrative. Language and symbolism: the language of these works is replete with metaphors and symbols that emphasize the cultural characteristics of the Bashkir people. The use of dialects and folk speech gives authenticity to the texts. Social context: modern novels reflect changes in society, including globalization, migration, and the transformation of traditional values, making it relevant to discussions of contemporary issues. Thus, the poetics of the modern Bashkir novel represents a complex relationship between traditions and innovations, establishing it as a significant part of both Bashkir and world literature.

Keywords: Bashkortostan, poetics, literature, prose, culture, ethnic group, nationality, history, modernity, novel, artistic image, character, plot

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Alibaev Z. A. The poetics of contemporary Bashkir novel. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 2. Pp. 83–92. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-83-92

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена высокой степенью интереса современного культурного сообщества к башкирской литературе. Литература Башкортостана, в частности проза, является наследницей традиций советской литературы, при этом является одной из наиболее динамично развивающихся национальных видов культуры народов, проживающих на территории России.

Сегодня литература Башкортостана находится в поиске новых видов и форм представления, которые будут сочетать в себе как традиционные ценности, так и современные новации, представляющие интерес у читателя в 2025 г. В связи с этим современная башкирская литература представляет интерес для научного исследования как пример адаптации национальной литературы одного из народов России к современным условиям.

В башкирской литературе в последние годы развивается наука о художественно-эстетических средствах, языковых и композиционных структурах литературных произведений, о жанрах и формах литературы. В работах А. А. Абдуллиной «Поэтика современной башкирской прозы», «Художественный мир прозы Н. Мусина» основное внимание сосредоточено на главных линиях и направлениях «исторического движения поэтических форм и категорий» современной башкирской прозы на примере творчества М. Карима, Н. Мусина, Т. Гиниятуллина, А. Аминева, Т. Гариповой, Г. Гиззатуллиной [1, 2]. В монографии З. А. Алибаева «Поэтика современного башкирского романа» и в статьях исследуются истоки и пути формирования поэтики современного башкирского романа [3–5]. В книге Р. Н. Баимова «Судьба жанра» ставится задача изучения процессов формирования и эволюции жанров башкирской прозы, а в первую очередь романа XX века [6], а в монографии «Жанр и стиль в башкирской прозе» у А. Х. Вахитова анализируются истоки возникновения стиля в различных жанрах башкирской прозы [7]. Диссертации З. Г. Мурзагуловой «Истоки и развитие башкирского исторического романа» [8], К. Д. Муртазина «Башкирская историческая проза и роман «Кинзя» Гали Ибрагимова» [9], Р. Ф. Хасанова «Башкирский исторический роман: Вопросы типологии, жанра и стиля» [10] посвящены историческим романам, созданным в основном в последней четверти XX в., где рассматриваются процесс формирования и эволюция жанров башкирской литературы, развитие традиций, новаторские искания, многообразие жанров и форм.

С нашей точки зрения, башкирская проза, в частности романы конца XX–начала XXI вв. изучены недостаточно хорошо, в частности отсутствует какая-либо классификация направлений художественной литературы, также есть сложности в поэтике с точки зрения художественной ценности.

Цель исследования – проанализировать поэтику современных башкирских романов через призму жанровых трансформаций и инновационных нарративных стратегий.

Задачи исследования:

- 1) определение наиболее значимых произведений башкирского романа конца XX–начала XXI вв.;
- 2) выявление характерных черт произведений башкирской литературы;
- 3) установление фольклорных и мифологических мотивов в произведениях современных авторов башкирской литературы.

Объектом исследования является современный башкирский роман. Предметом выступают отличительные особенности башкирского художественного романа.

При проведении исследования поэтики башкирского романа принимались во внимание следующие основные положения:

1. Историко-культурный контекст: анализ романов в свете исторических событий, культурных традиций и социально-экономических изменений в Башкортостане.

2. Тематика и мотивы: исследование основных тем, которые отражаются в башкирских романах, таких как идентичность, национальная культура, традиции, конфликты между старым и новым.

3. Структурные особенности: анализ композиции романов, включая сюжетные линии, характеры персонажей, их развитие и взаимодействие.

4. Язык и стиль: изучение языковых средств, стиля и художественных приемов, используемых авторами для создания атмосферности и передачи эмоционального содержания.

5. Влияние фольклора: рассмотрение того, как элементы башкирского фольклора и устного народного творчества интегрируются в литературные произведения.

6. Социальная функция: оценка роли романов в формировании общественного мнения, воспитании национальной идентичности и отражении социальных проблем.

7. Сравнительный анализ: сравнение башкирских романов с произведениями других литератур, чтобы выявить уникальные черты и общие тенденции.

Эти положения могут служить основой для глубокого анализа и понимания поэтики башкирского романа.

Научная новизна исследования заключается в систематизации культурных особенностей башкирского художественного романа.

Теоретическая значимость работы заключается в определении наиболее ярких отличительных черт башкирского современного романа в контексте всего литературного процесса в России. Практическая значимость заключается в выявлении основных параметров для оценки этнической и культурной специфики современной прозы Башкортостана.

Материалы и методы

По идейному, тематическому и эстетическому содержанию башкирский роман значительно вырос за последнее время. Эстетическое и идейно-тематическое развитие башкирского романа, наряду со стремлением рассмотреть все грани жизнедеятельности башкирского социума, свидетельствует о важном значении данного жанра. Число жанровых типов увеличивается, а его содержание становится все более масштабным. Значительная часть современных башкирских романов отражает актуальные проблемы. Ряд из них получил известность во всем мире.

Фонд литературы Башкортостана с 2000 по 2025 гг. пополнился примерно 50 романами. Здесь можно выделить работы Я. Хамматова, Н. Мусина, Т. Гариповой, Р. Баимова, Д. Булякова, А. Хакимова, Р. Султангареева, Р. Камалова, Г. Гиззатуллиной, Г. Хисамова, Н. Гаитбаева, Р. Уразгулова, Ф. Исхаковой и др.

Современная башкирская проза сделала мощный рывок в качественном и количественном развитии. Сегодня для башкирского романа характерны следующие тенденции:

- преданность традициям;
- направленность на обогащение традиций.

Безусловно, башкирская проза по своему разнообразию и содержательности достигла внушительных успехов. Значительная часть современных романов, как показали результаты литературного обзора, посвящена актуальным темам.

Современной башкирской литературой накоплен богатый опыт в следующих жанрах: повесть, исторический роман, очерк, рассказ.

В процессе работы были использованы эмпирические, литературные, сравнительные, концептуальные и общенаучные методы исследования.

Литературный обзор

Для современной литературы Башкортостана характерно активное развитие исторической прозы. Вышли в свет романы «Кунгак» и «Карасакал» Б. Рафикова; «Черное нашествие», «Северные амуры» и «Салават» Я. Хамматова; «Ураган», «Кожаная шкатулка», «Переливы домбры» и «Караван» А. Хакимова; «Кречет мятежный» Р. Баимова; «Кровавый 55» Г. Хусаинова; «Тафтиляу» Г. Хисамова и многие другие произведения. Основу данных романов составляет знаковый эпохальный конфликт. Для современных исторических романов характерны следующие черты:

- богатство архивного и фактического материала;
- акцент на фольклор, традиции, обычаи;
- особенности языка;
- специфика местного ландшафта;
- этнические особенности рассматриваемого исторического этапа.

Хронологически башкирские романы охватывают события древних времен и ближайших веков. Выделим замечательные романы «Переливы домбры» и «Кожаная шкатулка». Их создатель А. Хакимов хорошо разбирается в национальной истории, что позволяет ему анализировать отношения между разными этносами, безошибочно определять причинно-следственные связи и тенденции развития, рассматривать их сквозь призму времен Тохтамыша, Тамерлана, Едигея, Котло, расцвета Московского государства и др.

Рассмотрим такие течения реалистической прозы, как философическое и художественно-публицистическое.

Последнее отличает рост уровня публицистичности, а также открытое выражение авторской позиции, анализ острых тем. Здесь стоит выделить работы следующих писателей:

- Н. Мусина («Звериная шкура», «Последний Солок»);
- Р. Султангареева («Земля, на который мы живем»);
- А. Хакимова («Плач домбры»);
- Р. Баимова («Кречет мятежный»).

Роман Мусина «Последний Солок» содержит признаки прозы реалистического направления на переходном этапе. Писатель через образ Султангужи передал характерологические черты честного интеллигента, страдающего из-за природной дисгармонии и кризиса деревенской нравственности. Вышеуказанный образ продолжает серию созданных Н. Мусиным характеров, которые объединяет глубокая ответственность за будущее природного мира и народа. Писателю важна идея, воплощенная через героя, встретившегося с моральным упадком социума и активно ищущего решение данной сложной проблемы. На страницах «Последнего Солока» создан колоритный народный характер, которому свойственен синтез свободного выбора человека и мудрости поколений. Султангужа видит основную причину большинства проблем в разрушении народных ценностей Башкортостана. В романе население деревни готово лишь вредить природе без чувства ответственности за свои действия.

Следующее течение отличается ростом философичности, а также связью общечеловеческих и наиболее злободневных проблематик. Выделим романы «Земля, на который мы живем» (Р. Султангареев) и «Седой ковыль» (Б. Рафиков). Писатели, пользуясь как новыми приемами, так и традиционными реалистическими средствами, прибегают к анализу взаимосвязи человека с окружающим его всем миром, основ бытия и других фундаментальных тем.

Роман Рашида Султангареева «Земля, на которой мы живем» исследует важные темы, связанные с человеческой жизнью, природой и социальными вопросами.

В произведении автор затрагивает вопросы экологии, взаимодействия человека с окружающей средой и культурной идентичности. Роман поднимает вопросы о том, как человеческая деятельность влияет на природу и экосистему. Султангареев показывает, как важен баланс между развитием и сохранением окружающей среды. Автор исследует социальные проблемы, с которыми сталкиваются люди в современном мире. Эти проблемы могут включать вопросы миграции, идентичности и культурных конфликтов. Главный герой Нуриахметов и персонажи романа могут испытывать кризис идентичности, пытаясь понять свое место в мире и свою связь с родной землей. Взаимоотношения между членами семьи и сообществом играют важную роль в сюжете. Автор показывает, как эти связи влияют на жизнь людей и их выбор. Роман содержит глубокие размышления о смысле жизни, человеческих ценностях и предназначении. Султангареев использует яркий и образный язык, что позволяет читателю глубже погрузиться в атмосферу произведения. Его стиль может сочетать элементы реализма с поэтическими описаниями природы и эмоций персонажей. «Земля, на которой мы живем» побуждает читателя задуматься о своем месте в мире, о важности сохранения природы и о социальных вопросах, которые требуют внимания. Роман может вызвать сопереживание и понимание сложных человеческих эмоций и ситуаций.

Для литературы Башкортостана знаковой является повесть «Помилование» М. Карима, связавшая советскую и современную литературу и расширившая рамки ранее дозволенного. Писатель, на наш взгляд, обогатил башкирскую прозу современного этапа новыми элементами путем пересмотра значительной части проблем с традиционным толкованием, характерным для литературы доперестроечного времени. В «Помиловании» представлены попытки поиска системы социальных морально-нравственных ценностей и литературные поиски 80-х гг. XX в. В повести гармонично соединены философичность и реалистичность, мифологичность и романтизм. «Помилование» включает многие признаки переходной реалистической литературы. М. Карим отразил в повести редко обсуждаемые морально-нравственные проблемы и испытания военного времени.

На наш взгляд, женская проза играет особую роль в современной литературе Башкортостана. Она с 90-х гг. XX в. выделяется из единого литературного процесса, организуя особое художественное, идейное и мировоззренческое поле. Формирование и специфика данного явления – прямое следствие сочетания сложных политических и социальных, а также культурно-исторических факторов, ознаменовавших начало кризиса 80-х гг. прошлого столетия. Работы таких писательниц, как Т. Гарипова, Г. Гиззатуллина, Ф. Исхакова, Г. Якупова, Ф. Акбулатова, А. Ягафарова, позволили говорить о развитии женской башкирской прозы.

Роман Гульнур Якуповой «Женщины» – это произведение, которое исследует жизнь и судьбы женщин в башкирском обществе. В этом романе автор затрагивает важные темы, такие как гендерные роли, социальные ожидания, традиции и их влияние на жизнь женщин. Роман поднимает вопросы о том, как общество воспринимает женщин, их роли и возможности. Автор исследует, как традиционные представления о женственности влияют на выборы и судьбы героинь. Социальные изменения: в произведении отражаются изменения в обществе, связанные с модернизацией и глобализацией, а также их влияние на жизнь женщин. Г. Якупова показывает, как женщины адаптируются к новым условиям и каким образом их роли меняются. Семейные отношения: роман исследует динамику семейных отношений, включая материнство, дружбу и поддержку между женщинами. Эти связи становятся важными для героинь в их борьбе за самореализацию. Автор обращает внимание на культурные особенности башкирского народа, показывая, как традиции могут как поддерживать, так и ограничивать женщин. Персонажи

романа проходят через различные испытания и конфликты, что способствует их личностному росту и осознанию своих желаний и потребностей. Гульнур Якупова использует яркий и образный язык, что позволяет читателю глубже понять внутренний мир героинь. Эмоциональная насыщенность текста помогает создать атмосферу сопереживания и понимания. Роман «Женщины» может вызвать у читателя размышления о роли женщины в современном обществе, о борьбе за права и свободы, а также о необходимости изменения стереотипов. Произведение может стать источником вдохновения для женщин, стремящихся к самовыражению и независимости. Автор использует яркий и образный язык, что позволяет читателю глубже понять внутренний мир героинь. Эмоциональная насыщенность текста помогает создать атмосферу сопереживания и понимания.

Роман Тансулпан Гариповой «Буренушка» – это произведение, которое затрагивает важные социальные и культурные темы, связанные с жизнью людей в деревне и их взаимоотношениями с природой и окружающим миром. Роман описывает повседневную жизнь сельских жителей, их трудности, радости и традиции. Автор показывает, как деревенская жизнь формирует характеры героев и влияет на их судьбы. Природа играет важную роль в произведении. Она не только фон для событий, но и активный участник жизни персонажей. Гарипова подчеркивает связь человека с природой и ее влияние на его внутренний мир. В центре сюжета часто оказываются семейные отношения, любовь, дружба и поддержка. Автор исследует, как семейные узы помогают героям Барсынбикэ и Гульбану преодолевать трудности и находить смысл жизни. Роман затрагивает вопросы изменений в обществе, вызванных модернизацией и глобализацией. Гарипова показывает, как новые идеи и технологии влияют на традиционный уклад жизни. Персонажи романа ищут свое место в мире, сталкиваются с внутренними конфликтами и стремятся понять свою идентичность в условиях меняющегося общества. Тансулпан Гарипова использует простоту и доступность языка, что делает текст понятным для широкой аудитории. Она мастерски передает атмосферу деревенской жизни и эмоции героев, создавая яркие образы и сцены. Роман «Буренушка» может вызывать у читателя глубокие размышления о ценностях, традициях и месте человека в природе. Он может стать источником вдохновения для тех, кто ищет гармонию в жизни и стремится к пониманию своих корней.

Роман Гульсиры Гизатуллиной «Хадия» – это произведение, которое исследует глубокие человеческие чувства, социальные проблемы и культурные аспекты жизни в современном обществе. В романе поднимается вопрос о национальной и культурной идентичности. Главная героиня Хадия сталкивается с вызовами, связанными с сохранением своих корней в условиях глобализации и изменения общественных норм. «Хадия» затрагивает сложные отношения внутри семьи. Автор исследует связь между поколениями, традиции и их влияние на современную жизнь, а также конфликты, возникающие из-за различий в мировосприятии. Роман также посвящен теме любви – как романтической, так и семейной. Гизатуллина показывает, что любовь может быть как источником счастья, так и причиной страданий. В произведении рассматриваются актуальные социальные вопросы, такие как роль женщины в обществе, гендерные стереотипы и давление со стороны общества. Хадия проходит через внутренние конфликты и поиски своего места в мире, что делает ее путь универсальным и понятным многим читателям. Гульсира Гизатуллина использует выразительный и образный язык, что позволяет глубже проникнуться эмоциями героев и атмосферой повествования. Ее стиль сочетает элементы реализма с поэтическими описаниями, создавая яркие картины жизни.

У каждой из перечисленных писательниц можно отметить индивидуальность творческого восприятия мира, каждая работает в различных жанрах. Безусловно, то, что создано одаренной женщиной-автором, ново и увлекательно. Уникальное женское мировосприятие, симбиоз необыкновенных чувств, чувствительность, выразительность и эмоциональность – характеристики женской прозы, расширившей границы литературы Башкортостана.

Результаты

С конца XX в. отмечается развитие метафорической прозы Башкортостана. Данный процесс связан с именами таких писателей, как Амир Аминев, Рашит Султангареев.

Фантазмагория позволила сформировать необычные миры, понятные каждому. Произведения А. Аминева основаны на особом типе условности. Писатель в повестях «Танкист» и «Усманские камни» создал уникальную панораму будущего. «Китай-город» содержит реальность, ограниченную от общего пространства. Яркие, насыщенные образы работ А. Аминева создают фантазмагорическую, поистине причудливую действительность. Читатель встречается с уникальным явлением «двоемирия» – симбиозом фантастического и реального миров.

Гротеск – основной способ отражения социальной реальности, применяемый Р. Солтангареевым и А. Аминевым. Их рассказы и повести можно отнести, на наш взгляд, к жанру условно-метафорической социальной прозы, для которой характерен акцент на острые проблемы перестроечного исторического этапа.

Обсуждение

Для башкирской литературы «новой» волны характерно гармоничное сочетание реалистичности и признаков модернизма. По сравнению с классическими литературными произведениями работы современных прозаиков Башкортостана предлагают абсолютно новый ракурс для анализа окружающей действительности.

Реальность в них отображена, на наш взгляд, достаточно резко. Экзистенциальное направление башкирской прозы представлено романами и повестями Т. Гиниятуллина. В «Гегемоне», «Загоне» и «Переправе» читатель встречается с человеком, жизнь которого неразрывно связана с историей государства. Однако судьба страны воспринимается изнутри и раскрывается постепенно через перипетии жизнеописания персонажей.

Социальный ракурс в работах Т. Гиниятуллина сменяется человеческим, где исторические события представляют собой череду случайностей, влияющих на судьбы героев. Писатель интерпретирует различные исторические события, пренебрегая морально-нравственным анализом. Его уникальные романы отличает двойственность. Это реалистические произведения с постмодернистскими признаками.

Заключение

Проанализировав все вышесказанное, можно сделать несколько выводов. Литературные произведения Башкортостана, созданные на рубеже XX и XXI вв., – это результат этнических и культурно-исторических поисков авторов за столетие творчества.

В ходе проведенного исследования поэтики современных башкирских романов мы пришли к нескольким ключевым выводам, которые подчеркивают значимость жанровых трансформаций и инновационных нарративных стратегий в контексте башкирской литературы:

1. Жанровая гибкость: современные башкирские романы демонстрируют высокую степень жанровой гибкости, что позволяет авторам экспериментировать с формами и структурами. Это проявляется в сочетании традиционных элементов с новыми жанровыми подходами, такими как магический реализм, постмодернизм

и другие. Такие трансформации позволяют авторам более точно отражать сложные реалии современного общества.

2. Инновационные нарративные стратегии: использование различных нарративных техник, таких как многоголосие, фрагментарность и нелинейное повествование, обогащает текст и создает новые возможности для интерпретации. Эти стратегии помогают углубить психологическую характеристику персонажей и сделать их внутренний мир более многослойным.

3. Социальный контекст: современные романы активно реагируют на социальные изменения и культурные вызовы, с которыми сталкивается башкирское общество. Авторы используют жанровые трансформации как инструмент для критического осмысления актуальных проблем, таких как идентичность, миграция, экология и межкультурные взаимодействия.

4. Культурная самобытность: несмотря на влияние глобальных литературных тенденций, современные башкирские романы сохраняют свою культурную самобытность. Это достигается через интеграцию традиционных башкирских мотивов и тем, что позволяет создать уникальный литературный ландшафт.

5. Перспективы дальнейших исследований: исследование поэтики современных башкирских романов открывает новые горизонты для дальнейших исследований в области литературоведения. Важно продолжать анализировать влияние социальных и культурных изменений на художественные практики и жанровые формы, а также изучать взаимодействие башкирской литературы с другими литературными традициями.

Таким образом, анализ поэтики современных башкирских романов через призму жанровых трансформаций и инновационных нарративных стратегий позволяет не только глубже понять художественные достижения авторов, но и выявить важные социальные и культурные аспекты, которые формируют современное башкирское литературное пространство.

Это заключение подводит итоги исследования и акцентирует внимание на его значимости в контексте изучаемой темы.

Сегодня работы башкирских писателей включают большое количество мифологических и этнических элементов региона. Наиболее интересными с точки зрения исследования являются произведения таких авторов, как Т. Гиниятуллин, А. Аминев, Т. Гарипова. Башкирская литература содержит в себе не только черты национальной идентичности региона, но и элементы культурного кода других регионов России.

Л и т е р а т у р а

1. Абдуллина А.Ш. Поэтика современной башкирской прозы: Дис. и автореф. ... д. филол. н. Уфа: 2009:468.

2. Абдуллина А.Ш. *Художественный мир прозы Н. Мусина*. Москва, Бирск: 2006.

3. Алибаев З.А. *Поэтика современных башкирских романов*. Уфа: Самрау; 2020.

4. Алибаев З.А., Галина Г.Г., Алибаева А.З. Роль вымысла в поэтике исторического романа «Созвездие Весов» Б. Рафикова. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2024;149(11):68.

5. Алибаев З.А. Поэтика исторических романов Б. Рафикова. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова*. 2021;86(6):31.

6. Баимов Р.Н. *Судьба жанра*. Уфа: Башкирское книжное издательство; 1984:320.

7. Вахитов А.Х. *Жанр и стиль в башкирской прозе*. Уфа: Башкирское книжное издательство; 1982:352.

8. Мурзагулова З.Г. Истоки и развитие башкирского исторического романа: Дис. и автореф. ... к. филол. н. Уфа: 2005:172.

9. Муртазин К.Д. Башкирская историческая проза и роман «Кинзя» Гали Ибрагимова: Дис. и автореф. ... к. филол. н. Уфа: 2005:147.

10. Хасанов Р.Ф. Башкирский исторический роман: Вопросы типологии, жанра и стиля: Дис. и автореф. ... д. филол. н. 2005:457.

References

1. Abdullina ASH. The poetics of contemporary Bashkir prose. Dissertation, Summary of Candidates's dissertation (Philology). Ufa: 2009:468 (in Russian).

2. Abdullina ASH. *The artistic world of N. Musin's prose*. Moscow: Birs: 2006 (in Russian).

3. Alibaev ZA. *The poetics of contemporary Bashkir novels*. Ufa: Publ. House "Samrau"; 2020 (in Russian).

4. Alibaev ZA, Galina GG, Alibaeva AZ. The role of fiction in the poetics of the historical novel "Constellation of Libra" by B. Rafikov. *International research journal*. 2024;149(11):68 (in Russian).

5. Alibaev ZA. The poetics of historical novels of B. Rafikov. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2021;86(6):31 (in Russian).

6. Baimov RN. *The fate of the genre*. Ufa: Bashkir Book Publishing House; 1984:320 (in Russian).

7. Vakhitov AKh. *Genre and style in Bashkir prose*. Ufa: Bashkir Book Publishing House; 1982:352 (in Russian).

8. Murzagulova ZG. Origins and development of the Bashkir historical novel. Dissertation, Summary of Candidate's dissertation (Philology). Ufa: 2005:172 (in Russian).

9. Murtazin KD. Bashkir historical prose and Galim Ibragimov's noel "Kinzya". Dissertation, Summary of Candidate's dissertation (Philology). Ufa: 2005:147 (in Russian).

10. Khasanov RF. The Bashkir historical novel: question of typology, genre, and style. Dissertation, Summary of Candidate's dissertation (Philology). 2005:457 (in Russian).

Сведения об авторе

АЛИБАЕВ Заки Арсланович – к. филол. н., доцент, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», г. Уфа, Российская Федерация, ORCID:0009-0009-0783-0545, SPIN:2245-0913, e-mail: alibaev.zaki@mail.ru

About the author

Zaki A. ALIBAEV – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russian Federation, ORCID:0009-0009-0783-0545, SPIN:2245-0913, e-mail: alibaev.zaki@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 12.03.25

Принята к публикации / Accepted 16.04.25

УДК 811.512.157

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-2-93-101>

Оригинальная научная статья

Квазисинонимические полипредикативные конструкции в якутском языке (на материале уступительных конструкций)

А. М. Афонская

Арктический государственный институт культуры и искусств,

г. Якутск, Российская Федерация

✉ mza888@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается синтаксис сложного предложения в якутском языке с акцентом на синонимические конструкции, которые требуют выделения для понимания их развития. Целью исследования является выявление особенностей использования уступительных конструкций и их функциональной роли в тексте. Данное исследование опирается на предположение, что эти конструкции могут рассматриваться как квазисинонимичные, так как они не представляют собой полные синонимы и имеют свои уникальные нюансы значения или стиля. В работе выделяются три типа уступительных конструкций: синтетические, аналитико-синтетические и аналитические. В качестве эмпирического материала использованы примеры из якутских художественных произведений, что позволяет проиллюстрировать разнообразие и сложность синтаксических структур. Применение структурно-семантического, дистрибутивного методов и метода компонентного анализа дало возможность выявить ранее не описанные дифференциальные признаки этих конструкций. Результаты исследования могут быть полезны как для теоретической лингвистики, так и для практики преподавания якутского языка. В дальнейшем предполагается изучение других типов сложных предложений и сравнение уступительных конструкций в якутском языке с аналогичными конструкциями в других тюркских языках. Данное исследование также подчеркивает важность учета культурных и контекстуальных факторов при анализе языковых структур, что может способствовать более глубокому пониманию языковой системы и её функционирования в различных коммуникативных ситуациях.

Ключевые слова: полипредикативные конструкции, уступительные полипредикативные предложения, квазисинонимия, синоним, квазисинонимические предложения, зависимое сказуемое, модели, синтетический тип, аналитико-синтетический тип, аналитический тип
Финансирование. Исследование выполнено в рамках научного проекта по Программе развития ФГБОУ ВО «Арктический государственный институт культуры и искусств» в рамках реализации программы академического лидерства «Приоритет-2030» (соглашение № 075-15-2025-047)

Для цитирования: Афонская А. М. Квазисинонимические полипредикативные конструкции в якутском языке (на материале уступительных конструкций). *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 2. С. 93–101. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-93-101

Original article

Quasi-synonymous polypredicative constructions in the Yakut language: a study of concessive constructions

Anna M. Afonskaya

Arctic State Institute of Culture and Arts, Yakutsk, Russian Federation

✉ mza888@mail.ru

Abstract

The present article examines the syntax of complex sentences in the Yakut language, focusing on synonymous constructions that require differentiation for understanding their development. The aim of the study is to identify the features of using concessive constructions and their functional role in the text. The research is based on the hypothesis that these constructions can be considered quasi-synonymous, as they are not complete synonyms and differ in certain shades of meaning or style. The paper distinguishes three types of concessive constructions: synthetic, analytic-synthetic, and analytical. Examples from Yakut literary works are used as empirical material, illustrating the diversity and complexity of syntactic structures. The application of structural-semantic, distributional methods, and component analysis has allowed for the identification of previously undocumented differential features of these constructions. The results of the study may be useful for both theoretical linguistics and the practice of teaching the Yakut language. Future research is expected to explore other types of complex sentences and compare concessive constructions in the Yakut language with similar constructions in other Turkic languages. This study also emphasizes the importance of considering cultural and contextual factors when analyzing linguistic structures, which can contribute to a deeper understanding of the language system and its functioning in various communicative situations.

Keywords: polypredicative constructions, concessive polypredicative sentences, quasi-synonymy, synonym, quasi-synonymous sentences, dependent predicate, models, synthetic type, analytical-synthetic type, analytical type

Funding. The research was carried out as part of a scientific project under the development program of the Arctic State Institute of Culture and Arts within the framework of the academic leadership program “Priority-2030” (agreement No. 075-15-2025-047)

For citation: Afonskaya A. M. Quasi-synonymous polypredicative constructions in the Yakut language: a study of concessive constructions. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 2. Pp. 93–101. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-93-101

Введение

Статья посвящена освещению квазисинонимических полипредикативных конструкций (далее – ППК) якутского языка на материале уступительных конструкций.

В работах Т. П. Шубиной [1], А. А. Шумиловой [2] и Н. Н. Ефремова [3] уступительные конструкции рассматриваются вместе с причинными, следственными, условными и целевыми в рамках группы конструкций, связанных с обусловленностью. Однако существуют исследования, в которых уступительные отношения не включаются в категорию конструкций каузальной семантики.

Исследователи отмечают, что квазисинонимия проявляется индивидуально в речи и тексте, что делает её более функциональной категорией по сравнению с семантической синонимией. В настоящее время, на фоне растущего интереса к когнитивной лингвистике и психолингвистике, наблюдается возобновление интереса к проблеме квазисинонимии, которая рассматривается в современных дискурсивных и функционально-семантических аспектах. С. В. Лебедева [4], Ю. О. Князева [5] и А. А. Шумилова [2] отмечают в своих исследованиях, что в современной лингвистике термин «квазисинонимия» не используется так активно; его аналогами являются «индивидуальная синонимия». В. Д. Черняк [6], О. Е. Хоменко [7] пишут, что, обозначая слова, близкие по смыслу, «контекстуальная синонимия», применяемая для описания языковых единиц, нейтрализуется в контексте.

А. М. Захарова отмечает в своей статье: «В современном якутском языке уступительные конструкции выражаются синтетическими, аналитико-синтетическими и аналитическими типами, которые являются устойчивыми квазисинонимическими единицами» [8]. Далее рассмотрим типы по отдельности с примерами.

Синтетический тип

Уступительные ППК синтетического типа образуются на основе зависимого сказуемого. Такое сказуемое выражается *условной формой глагола на -тар* (T_v тар); *причастной формой прошедшего времени -быт* (T_v быт) и *причастием будущего времени -ых* (T_v ых).

Синтетический тип с условной формой глагола на *-тар* используется в уступительно-противительном, причинно-уступительном, а также в противительном значениях. Уступительность в подобных ППК проявляется через форму зависимого сказуемого, которая сочетается с определенными лексико-грамматическими маркерами, такими как частица *да* или модальное сочетание *təhə da*. Конструкции, содержащие аффикс *-тар* и частицу *да*, передают значение уступительно-противительного характера. Эти конструкции позволяют выразить контраст между двумя частями высказывания, подчеркивая, что, несмотря на одно условие или факт, существует другое, которое может противоречить первому (уступительно-противительное значение). Эти ППК отражают фактическое зависимое действие, что подразумевает наличие презумпции истинности пропозиции. Это указывает на то, что в рамках таких конструкций предполагается, что действие действительно произошло или имеет место, что придаёт высказыванию определённую степень достоверности. Таким образом, применение подобных форм способствует более точному выражению отношений между частями предложения и уточнению смысловых оттенков, что делает их важным инструментом для передачи сложных значений в языке.

ППК в сочетании с *təhə da* описывает «противительно-уступительное отношение с оттенком несоответствия». Это позволяет акцентировать внимание на том, что, несмотря на наличие определенного условия или факта, существует другое обстоятельство, которое может противоречить первому:

(1) **Təhə da** кырыйдар, сүрэхэ тэбэр, санаата оонньуур... (ПАО ТА Т II 193)

тəhə да	кырый=дар	сүрэх=э
сколько ни=CONJ	стареть=COND	сердце=POSS.3SG
тэп=эр	санаа=та	оонньоо=уур
биться=PRES	душа=POSS.3SG	играть=PRES

‘Несмотря на то, что он постарел, его не оставляет желание любить ...’.

В исследуемых ППК зависимое сказуемое нередко выражается аналитической формой, включающей сочетание «причастия прошедшего времени + буоллар

(<буол- + -тар)» [5]. Эти аналитические формы не имеют строго определённого грамматического времени, но получают временное значение в зависимости от наклонения, с которым они используются [5]. Это позволяет им адаптироваться к контексту и передавать различные временные и модальные оттенки.

(2) *Тыла-хоһооно суох курдук да буоллар, ити ырыа ис номоһо эмиэ мунура суох киэн* (СД КС 128)

тыл=a-хоһоон=o	суох	да	буол=тар
речь=POSS.3SG.NOM-	PRTCL	PRTCL	быть=COND
стих=POSS.3SG.NOM			
ити	ырыа	ис номоһо=o	эмиэ
эта=PRO	песня=NOM	содержание=POSS.3SG	опять=ADV
мунур=a	суох	киэн	
край=POSS.3SG	PRTCL	просторный=ADV	

‘Несмотря на то, что песня будто не имеет слов с определенным значением, содержание песни тоже бесконечно глубокое’.

В статье А. К. Прокопьева, А. М. Захарова [9] отмечают: «Уступительные конструкции, в которых зависимое сказуемое представлено причастной формой прошедшего времени с суффиксом *-быт*, формируют препозитивную (зависимую) часть с помощью показателя омертвело́го родительного падежа *-ын*». Это указывает на то, что в рамках таких конструкций предполагается, что действие действительно произошло или имеет место, что придаёт высказыванию определённую степень достоверности. Таким образом, применение подобных форм способствует более точному выражению отношений между частями предложения и уточнению смысловых оттенков, что делает их важным инструментом для передачи сложных значений в языке.

Рассмотрим пример, где зависимое сказуемое представлено в форме причастия будущего времени *-ыах* и оформлено с помощью показателя омертвело́го родительного падежа *-ын*:

(3) *Атын баайыан ханна даҕаны тиис анньар мас суох буолан бизрде* (ЕЕИ АКБ 78)

ат=ын	баай=ыан	ханна даҕаны	тиис анньар
лошадь= POSS.3Sg	связать=FUT.3Sg.ACC	нигде=	зубочистка=NOM
мас	суох	буол=ан	бизр=де
дерево=NOM	PRTCL	быть=CV	дать=3Sg

‘Чтобы (коня) привязать (к чему-либо), нигде ничего – даже зубочистки – не оказалось’.

В данном случае такая ППК имеет причинно-уступительное значение, что позволяет акцентировать внимание на взаимосвязи между причиной и следствием.

Таким образом, квазисинонимические уступительные ППК синтетического типа выражаются причастием прошедшего, настоящего, будущего времени и условным наклонением.

Аналитико-синтетический тип

Данный тип выражается:

- 1) причастной формой прошедшего времени *-быт* с послелогом *иһин* (T_v *быт иһин*);
- 2) причастной формой прошедшего времени *-быт* с послелогом *иннигэр* (T_v *быт иннигэр*);
- 3) причастной формой прошедшего времени *-быт* с послелогом *үрдүнэн* (T_v *-быт үрдүнэн*).

Н. Н. Ефремов отмечает: «Данные конструкции вариативно-субъектны и передают в большинстве случаев уступительно-противительные или условно-уступительные отношения. В данных конструкциях зависимая пропозиция при всей полноте проявления характеризуется как основание, не могущее отменить собой главную ситуацию, или как явление, не могущее служить поводом для реализации иного положения дел, передаваемого главной частью. Зависимые пропозиции обычно выделяются логически, что маркируется аналитическим показателем *təhə* да 'сколько бы ни', 'как бы ни'» [10].

Рассмотрим пример аналитико-синтетического типа, оформленный причастной формой прошедшего времени *-быт* и послелогом *иһин*. Такая конструкция передает уступительно-противительное значение:

(4) *Кини бэйэтэ, кураанах уккуннахтыы күлүбүрэччи умайан бүппүтүн иһин, кини олобун сылааһа саһарба буолан сыдыаайыа* (ЛН К 11)

кини	бэйэтэ	уккуннах=тыы
она= PRO	сама=PRO.3Sg	обрубок дерева=ADJ
уккуннах=тыы	күлүбүрэччи	умай=ан
обрубок бревна=	ярко=ADV	гореть=CV
бүп:пүт=үн	иһин	Кини
закончиться=PP=CV	POSTP	она= PRO
олох=о=н	сылаас=а	саһарба
жизнь=POSS.3Sg=GEN	тепло=POSS.3Sg	луч=НОМ
буол=ан	сыдыаай=ыа	
быть=CV	сиять=FUT	

‘Несмотря на то, что она перестала гореть ярко, как сухой обрубок дерева, тепло ее жизни будет сиять отблеском восходящего солнца’.

В таких случаях зависимые пропозиции часто выделяются логически, что может быть дополнительно обозначено с помощью препозитивного двухкомпонентного показателя, такого как *təhə* да 'сколько ни' или *ама* да 'неужто'. Сочинительный союз *təhə* да 'сколько ни' усиливает уступительное значение данной конструкции:

(6) *Онон мин, Америка атыыһытара төһө да элбэх буолбуттарын иһин, саба түһэн, бэйэбит сылы быһа тонгон-хатан муспут түүлээхпитин былдыаан ылаахпыт диэн, бүк эрэммитим* (АФ КК 60)

Онон	мин	Америка	атыы=һыт=тар=а
COMP	я=PRO	Америка=НОМ	продажа=NMZ=3PL
төһө да	элбэх	буол=бут=тар=ын	= POSS.3PL
сколько ни=CONJ	много==ADV	быть=PP=3PL=CV	иһин
сап=а	түс=эн	бэйэбит	POSTP
прикрывать=CV	бросаться=CV	сам=PRO.1PL	сыл=ы
быһа	тон=он-хат=ан	мус=пут	год==ACC
в течение= PSTP	замерзать==ACC	собирать=PP	түү=лээх=пит=ин
былдыаа=ан	ыл=ыах=пыт	диэн	пух==ADJ=PP=1Sg
отнимать=CV	брать= FUT=PP	называть.CV:CONJ	бүк
эрэн=мит=им			обязательно=AND
надеяться=PP.1Sg			

‘Таким образом, несмотря на то, что продавцов из Америки было много, я надеялся отобрать у них всю пушнину, которую мы собирали весь год не покладая рук’.

ППК с *иннигэр* выражают действительное отношение:

(7) *Санаа-оноо баттаан испитин да иннигэр... Кириһээн өстөөхтөрө тугу кэпсэтэллэрин бэркэ сирийэн истэр* (ДТ С 30)

санаа-оноо	баттаа=ан	ис=пит=ин	да
грусть=NOM	давить=CV	AUX=PP=3Sg	PRTCL
инни=гэр	Кириһээн	өстөөх=төр=ө	туг=у
перед=POSS.3Sg:	Хрисанф=NOM	враг=3Pl=POSS.3Sg	что=ACC
DAT: POSTP			
кэпсээ=т=эл=лэр=ин	бэркэ	сирий=эн	ист=эр
рассказывать=REFL:	очень=ADV	тщательно=CV	слушать=PRES.3Sg
разговаривать=3Pl=ACC			

‘Хотя грусть начала давить на него... Хрисанф очень внимательно слушает то, о чем разговаривают враги’.

ППК с *причастной формой прошедшего времени -быт и с послелогом үрдүнэн* выражает реальные уступительные отношения, не осложненные дополнительными (противительными) смыслами. Она может также сочетаться с частицей *да*. В этом случае пример с послелогом *үрдүнэн* выражает реальное уступительное отношение без дополнительных осложнений.

Данные конструкции проверили при лингвистическом эксперименте экстралингвистических и семантических оппозиций в современном якутском языке:

(8) *Күөс оргуйбутун үрдүнэн этэ буһа илик*

күөс	оргуй=бут=ун	үрдүнэн	этэ
варево=NOM	вскипеть=PP=CV	POSTP	говорить=V
бус=а	илик		
вариться=CV	PRTCL		

‘Несмотря на то, что варево вскипело, мясо еще сырое’ (наилучший вариант)

> *Күөс оргуйбутун да иһин, этэ буһа илик* (больше подходит к разговорному стилю);

> *Күөс оргуйбутун иһин, этэ буһа илик* (может употребляться в книжном и разговорном стилях);

> *Төһө да күөс оргуйбутун үрдүнэн, этэ буһа илик* (может употребляться в книжном и разговорном стиле);

> *Ама да күөс оргуйбутун үрдүнэн, этэ буһа илик* (нетипичная фраза);

> *Төһө да күөс оргуйбутун иһин, этэ буһа илик* (может употребляться в книжном и разговорном стилях);

> *Ама да күөс оргуйбутун иһин, этэ буһа илик* (нетипичная фраза);

> *Күөс оргуйуобун, этэ буһа илик* (слегка разнесено по времени);

> *Күөс оргуйбутун да иннигэр, этэ буһа илик* (неудачная фраза);

> *Күөс оргуйбутун иннигэр, этэ буһа илик* (может употребляться в книжном и разговорном стилях).

Исследование предикативных конструкций аналитико-синтетического типа с послелогом *иһин*, *иннигэр* и *үрдүгэр* демонстрирует, что они существенно способствуют выражению уступительно-противительных отношений. Разнообразие моделей, включая причастные формы и именные конструкции, позволяет гибко передавать сложные смысловые оттенки и акцентировать внимание на контрасте между зависимыми и главными частями высказывания. Несмотря на то, что зависимые пропозиции в этих конструкциях могут быть семантически полными, они не отменяют основное событие, а лишь подчеркивают его в контексте.

Аналитический тип

Конструкции данного типа выражаются по моделям, оформленным следующими показателями:

- 1) *давнопрошедшего времени с да (дабаны) (T_у быт/P/да (дабаны));*
- 2) *недавнопрошедшего времени с буолан (гынан) баран (T_т/P/буолан/гынан баран);*
- 3) *настоящего времени да (T_ыыр/P/ да).*

Конструкции **давнопрошедшего времени с да, дабаны**, описывающие уступительно-противительные отношения, характеризуются как синонимичные. С послелогом *да* в основном задается форма длительности в зависимой части события, зависимая предикативная единица (ЗПЕ) и главная предикативная единица (ГПЕ) происходят одновременно. Здесь подлежащее может быть выражено в 1-м лице. Сравним:

(9) (Өр ытынным да), [чыпчаалым кэллэр-кэлэн быстыбата] (НЛ Ч 31)

өр	ЫТЫН=Н=ЫМ	да	чыпчаалым	кэллэр-кэлэн
долго=ADV	взбираться=PAST=1Sg	POSTP	вершина=NOM	быстыбата
				CV= V

‘Несмотря на то, что я долго взбирался, вершину (горы) не достигал’.

Форма недавнего прошедшего времени с использованием *буолан (гынан) баран* является синонимичной и семантически схожей с предикативными конструкциями, содержащими *да* и *дабаны*. Тем не менее в таких конструкциях уступительно-противительное значение выражается более четко, чем в случаях с *да* и *дабаны*. Пример:

(10) *Мин бэбэһээ эһиэхэ онорбут информациябар эппэтэҕим буолан баран, бу Дракон диэн ааты өссө Майдахаарга сылдьан истибитим* (ЭЭ ТА 141)

Мин	бэбэһээ	эһиэхэ	онор=бут
я=PRO	вчера=ADV	вам=PRO	делать=PP
информация=бар	эт=пэтэҕ=им	буолан баран	бу
информация=POSS.1Sg	сказать=NEG=1Sg	PRTCL	это
Дракон	диэн	аат=ы	өссө
Дракон=NOM	называть=V	имя=	еще
Майдахаар=га	сылдьан	истибитим	
Майдахар=DAT	CV	слушать=PP=1Sg	

‘Хотя я вчера и не упоминал (это) в своей информации, сделанной для вас, имя Дракон я услышал, находясь еще в Майдахаре’.

Связки *буолан баран* и *гынан баран* не являются полными синонимами. В предикативных конструкциях с *буолан баран* преимущественно выражается уступительно-противительное значение, тогда как в конструкциях с *гынан баран* часто наблюдается и противительное значение. В обеих предикативных единицах описываются противоположные события, при этом в главной части происходит событие, которое противоречит ожиданиям:

(11) *Биллэн турар, арааһа, оннук гынан буолуо диэн, тугу эмэ удумаҕалыырым гынан баран, ол дьиннээхтэн быдыын-быдан атын эбит этэ* (НБ ТС 20)

биллэн турар	арааһа	оннук	гын=ан
разумеется=V	вероятно=ADV	такой=ADJ	делать=CV
буол=уо	диэн	тугу эмэ	
быть=FUT	называть=CV:CONJ	PRTCL	
удумаҕалаа=ыыр=ым	гынан баран	ол	дын=нээх=тэн
походить=FUT=1Sg	CONJ	PRO	правда=ADJ=DAT
быдыын-быдан	атын	эбит	этэ
давно=ADV	другой=ADJ	PRTCL	говорить=V

‘Конечно, хотя я и подразумевала, что это, кажется, понимала, от какого действия, но это было совсем другое в действительности’.

Модель с *настоящим временем с да* в зависимой части задается отрицанием. Сравним:

(12) ... *туран иһилли сатыыра да, туох да суоҕа* (АИС К 205)

тур=ан	иһиллээ=ии	сатаа=ыыр=a	да
встать=CV	прислушиваться=CV	мочь=PRES=3Sg	POSTP
туох да	суоҕа		
ничего=PRO	PRTCL		

‘...хотя он пытался прислушиваться, ничего не было’.

Квазисинонимические аналитические ППК могут выражаться моделями с уступительными союзами: *T_v-батах эрэри*, *T_v-батах буолан баран*, *T_v-батах гынан баран*. Все модели характеризуют уступительные отношения, кроме *T_v-батах гынан баран*. Данная модель используется при противительном значении.

Аналитические конструкции в целом характеризуются противительными отношениями, являющимися семантической базой уступительных значений.

Заключение

Квазисинонимические ППК синтетического типа (*T_v-тар*, *T_v-быт*, *T_v-ыхах*) многозначны и встречаются в уступительно-противительном, причинно-уступительном, противительном значениях. При этом в конструкциях с причастием на *-быт* действие представляется как фактивное. Аналитико-синтетические ППК с послелогоми *иһин*, *иннигэр*, *үрдүнэн* специализируются на выражении как уступительно-противительных, так и собственно уступительных отношений. При этом события в ППК с *үрдүнэн* представляются как реальные, а в конструкциях с *иһин*, *иннигэр* – как возможные или реальные. Данные ППК осложняются скрепами *төһө да* и *ама да*, усиливающими уступительное отношение. Аналитические ППК со скрепами *да*, *даҕаны*, *буолан баран*, *гынан баран* преимущественно выражают в основном уступительно-противительное отношение. В конструкциях с *да*, *даҕаны* зависимое событие актуализируется как длительное. Таким образом, анализированными квазисинонимическими конструкциями представляются различные варианты уступительности, что позволяет выразить данное значение богато и ярко.

Список условных обозначений

SG – ед. ч.; PL – мн. ч.; NOM – именительный падеж; DAT – дательный падеж; ACC – винительный падеж; ABL – исходный падеж; INS – орудный падеж; COM – совместный падеж; COMP – сравнительный падеж; GEN – омертвельный родительный падеж; CONJ – союз; PRTCL – частица; NEG – отрицательная форма глагола, причастия, деепричастия; POSTP – послелог; PP – причастие прошедшего времени на *-быт*; ADV – наречие; PRES – настоящее время; CV – деепричастие; V – глагол; PAST – недавнопрошедшее время; CAUS – побудительный залог.

Литература

1. Шубина Т.П. Семантика обусловленности в сложноподчиненном предложении (на материале алтайского языка). *Синтаксическая и лексическая семантика на материале разных языков*. Новосибирск: 1986:66-78.
2. Шумилова А.А. *Синонимия как ментально-языковая категория (на материале лексической и словообразовательной синонимии русского языка)*. Кемерово: Кемер. гос. ун-т.; 2010:200.
3. Ефремов Н.Н. Уступительные конструкции в якутском языке. *Сибирский филологический журнал*. 2015;(1):173-180.
4. Лебедева С.В. *Близость значения в индивидуальном сознании*. Курск; 2002.
5. Князева Ю.О. Стратегии синонимизации в русской и британской лингвокультурах: Автореф. дис. ... к. филол. н. Курск; 2009:23.
6. Черняк В.Д. Синонимия и лексическая организация текста. *Аспекты сверхфразовой организации*. Санкт-Петербург; 1997:48-56.
7. Хоменко О.Е. Моделирование синонимической парадигмы с доминантой «страх»: Дис. ... к. филол. н. Ставрополь: 2002:185.

8. Захарова А.М. Квзисиномические уступительные полипредикативные конструкции якутского языка. *Винокуровские чтения: научные и методические аспекты изучения якутского языка, литературы и культуры: материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 80-летию Винокурова Ивана Петровича*. Якутск: Издательский дом СВФУ; 2021:30-35.

9. Прокопьева А.К., Захарова А.М. Структурные типы уступительных сложноподчиненных предложений в якутском языке. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота; 2017;68(2):171-176.

10. Ефремов Н.Н. *Полипредикативные конструкции в якутском языке*. Новосибирск: Наука; 1998:189.

References

1. Shubina TP. Semantics of conditionality in a complex sentence (based on the material of the Altai language). *Syntactic and lexical semantics based on the material of different languages*. Novosibirsk: 1986:66-78 (in Russian).

2. Shumilova AA. *Synonymy as a mental-linguistic category (based on the lexical and word-formation synonymy of the Russian language)*. Publishing House of Kemerovo State University; Kemerovo: 2010:200 (in Russian).

3. Efremov NN. Concessional constructions in the Yakut language. *Siberian Philological Journal*. 2015;(1):173-180 (in Russian).

4. Lebedeva SV. *Proximity of meaning in individual consciousness*. Kursk: 2002 (in Russian).

5. Knyazeva YuO. Synonymization strategies in Russian and British linguocultures. Summary of Candidate's dissertation (Philology). Kursk: 2009:23 (in Russian).

6. Chernyak VD. Synonymy and lexical organization of the text. *Aspects of super-phrasal organization*. St. Petersburg: 1997:48-56 (in Russian).

7. Khomenko OE. Modeling of the synonymous paradigm with the dominant "fear". Candidate's dissertation (Philology). Stavropol: 2002:185 (in Russian).

8. Zakharova AM. Quasi-synonymous concessive polypredicative constructions of the Yakut language. In: *Vinokurov readings: scientific and methodological aspects of studying the Yakut language, literature and culture: materials of the republican scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of Ivan Petrovich Vinokurov*. Yakutsk: NEFU Publishing House; 2021:30-35 (in Russian).

9. Prokopieva AK, Zakharova AM. Structural types of concessive compound sentences in the Yakut language. *Philology. Theory and practice*. Tambov: Publishing House "Gramota"; 2017;68(2):171-176 (in Russian).

10. Efremov NN. *Polypredicative constructions in the Yakut language*. Novosibirsk: Nauka; 1998:189 (in Russian).

Сведения об авторе

АФОНСКАЯ Анна Михайловна – начальник отдела науки, творческих инициатив и инноваций, ФГБОУ ВО «Арктический государственный институт культуры и искусств», SPIN: 7007-4488, e-mail: mza888@mail.ru

About the author

Anna M. AFONSKAYA – Head of the Department of Science, Creative Initiatives and Innovations, Arctic State Institute of Culture and Arts, SPIN: 7007-4488, e-mail: mza888@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 02.04.25

Принята к публикации / Accepted 26.05.25

УДК 81'33

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-2-102-113>

Оригинальная научная статья

Термин «тональность»: интегративный подход в лингвистических исследованиях

В. В. Васильев^{1,2}

¹Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

²Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация

✉ vv.vasilev@s-vfu.ru

Аннотация

Настоящее исследование направлено на системное уточнение термина «тональность» в рамках лингвистической парадигмы через анализ смежных категорий и синтез междисциплинарных подходов к его интерпретации. Актуальность работы обусловлена терминологической неоднородностью и отсутствием консенсуса в определении текстовой тональности, что осложняет ее применение в теоретических и прикладных исследованиях. Целью является формирование комплексного подхода к категории тональности, объединяющего существующие трактовки из смежных областей языкознания: дискурс-анализа, стилистики, лингвистики эмоций и компьютерной лингвистики. Методология исследования базируется на междисциплинарном анализе работ, посвященных феномену тональности, с акцентом на выявление пересечений в их интерпретациях. В рамках исследования систематизированы подходы к классификации типов тональности, а также уточнена ее взаимосвязь с такими категориями, как дискурс, модальность, эмотивность и оценка. Научная новизна заключается в интеграции разнородных концепций в единую модель, позволяющую преодолеть фрагментарность понимания тональности. Ключевым результатом работы стало формулирование рабочего определения тональности как многомерной текстовой категории, выражающей эмоционально-оценочную позицию автора через систему языковых маркеров, контекстуальных факторов и прагматических интенций. На основе сравнительного анализа предложена классификация видов тональности, учитывающая их функциональную специфику. Практическая значимость исследования связана с возможностью применения разработанной модели в прикладных областях: автоматическом анализе тональности (SA), контент-анализе медиатекстов, стилистической экспертизе и интерпретации дискурсивных стратегий. Унификация терминологии и структурирование критериев идентификации тональности могут повысить точность лингвистических и компьютерных методов обработки текста. Итоги исследования открывают перспективы для дальнейшего изучения тональности в когнитивно-дискурсивном ключе, а также для разработки алгоритмов машинного обучения, адаптированных к многокомпонентной природе данной категории.

Ключевые слова: тональность, текстовая тональность, субъективная модальность, полярность, оценочность, эмотивность, стилистика, дискурс, коммуникация, регистр

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Васильев В. В. Термин «тональность»: интегративный подход в лингвистических исследованиях. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 2. С. 102–113.
DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-102-113

Original article

The term “tonality”: an integrative approach in linguistic research

Vasily V. Vasiliev^{1,2}

¹Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterunburg, Russian Federation

²M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation
✉ vv.vasilev@s-vfu.ru

Abstract

The present study aims to systematically refine the term “tonality” within the linguistic paradigm through an analysis of related categories and a synthesis of interdisciplinary approaches to its interpretation. The relevance of the research is driven by terminological dissimilarity and the lack of consensus in defining textual tonality, which complicates its application in both theoretical and applied studies. The article’s objective is to develop a comprehensive approach to tonality as a category, integrating existing interpretations from adjacent fields of linguistics: discourse analysis, stylistics, emotion linguistics, and computational linguistics. The methodology is grounded in an interdisciplinary analysis of works addressing the phenomenon of tonality, with an emphasis on identifying overlaps in their interpretations. The study systematizes approaches to classifying tonality types and clarifies its interrelation with categories such as discourse, modality, emotiveness, and evaluation. The scientific novelty lies in integrating heterogeneous concepts into a unified model that addresses the fragmented understanding of tonality. A key outcome of the research is the formulation of a working definition of tonality as a multidimensional textual category expressing the author’s emotional-evaluative stance through linguistic markers, contextual factors, and pragmatic intentions. Based on a comparative analysis, a classification of tonality types is proposed, accounting for their functional specificity. The practical significance of the study lies in the potential application of the developed model in applied fields such as automated tonality analysis (SA), media content analysis, stylistic examination, and the interpretation of discursive strategies. The unification of terminology and the structuring of tonality identification criteria may enhance the accuracy of linguistic and computational text-processing methods. The findings open avenues for further research on tonality within cognitive-discursive frameworks, as well as for the development of machine learning algorithms tailored to the multicomponent nature of this category.

Keywords: tonality, textual tonality, subjective modality, polarity, evaluativeness, emotionality, stylistics, discourse, communication, register

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Vasiliev V. V. The term “tonality”: an integrative approach in linguistic research. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 2. Pp. 102–113. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-102-113

Введение

Тональность – термин, функционирующий в различных научных областях, можно даже считать его междисциплинарным. Тональность как термин в языкознании вводится в конце XX века и набирает популярность в данной науке

в XXI в. В основном фигурирует в таких направлениях, как литературоведение, теория дискурса, контент-анализ, семантический анализ. Также в близких к языкознанию прикладных исследованиях данное понятие в последнее время прочно закрепилось в области компьютерной лингвистики через популярное направление анализа тональности текста (sentiment analysis). Однако в зависимости от направления и научной парадигмы, в которой категория тональности функционирует и является оперативной, ее определение не будет равнозначным. Так, например, Т. В. Матвеева описывает неоднородность данной категории, ее неоднородность как не совсем лингвистический термин, более того – как не совсем прочно устоявшийся в данной науке термин, а скорее как «образную терминологическую параллель, вольное заимствование из музыкальной сферы» [1, с. 211]. И в искусствоведении, из которого в языкознание было позаимствовано данное понятие, отмечается ее сложный характер. Так, например, отмечается, что «тональность, как это видится в начале двадцать первого века, никуда не исчезла из культурного внимания; доньше это понятие остается чем-то подобным призме, ибо определяется через множество идеологических и культурных валентностей» [2, с.11].

Для устранения подобной неоднородности толкований предлагается решить следующие задачи: 1) рассмотреть применение термина «тональность» в смежных науках; 2) рассмотреть понятия и категории, близко взаимодействующие с понятием тональность; 2) сравнить различные подходы к определению термина «тональность» в языкознании, а также подходы к ее классификации.

Материалы и методы

В качестве методологической основы работа опирается на фундаментальные труды в области изучения тональности и субъективной модальности как лингвистической категории (Т. В. Матвеева, 1995; Е. М. Вольф, 2002; Л. Г. Бабенко, 1989; В. И. Карасик, 2009 и др.), а также на современные исследования в сфере интернет-дискурса (Ю. Р. Тагильцева, 2006; Т. А. Семина, 2020; Н. Н. Белошицкая, 2023 и др.) Проводится сравнительный анализ различных подходов к определению категории тональности.

Результаты и их обсуждение

Тональность в смежных науках

Начало термин «тональность» берет в теории музыки, где он был введен в употребление Ф. А. Ж. Кастиль-Блазом в 1821 г. [3]. Он описывал принцип организации музыкального лада, ключевым элементом которого является тоника. Этот музыкальный концепт находит параллели и в лингвистике, где различают гармоничные и дисгармоничные, мажорные и минорные тональности.

Нельзя не учитывать физические и биологические аспекты, изучаемые в акустике и физиологии речи, где тональность воспринимается как характеристика голоса [4], в рамках которых разрабатывается интонационная система классификации тональностей [5]. В литературоведении тональность рассматривается как эмоциональная окраска текста, выражаемая посредством авторского стиля и лексических особенностей [6]. Т. В. Матвеева в своей работе исследует использование категории тональности, акцентируя внимание на жанровых различиях в ее проявлении [1]. В целом литературные произведения предоставляют одно из наиболее подходящих и широких полей для исследования тональности, и, собственно, большинство работ в области исследования тональности останавливают свой выбор именно на тональности в литературных текстах, например, на авторской тональности.

Тональность в языковом проявлении очень тесно связана с аксиологией – разделом философии, изучающим теорию ценности [7]. Аксиологический компонент в изучении тональности или субъективной модальности присутствует во

многих работах, в частности, у Е. М. Вольф в обсуждении вопросов субъективной модальности [8]. Ценностные установки напрямую влияют на выбор тех или иных оценочных единиц. Т. В. Матвеева указывает, что ценностный фрагмент разговорного диалога выделяется в опоре на категории темы и тональности [1].

Таким образом, будучи понятием достаточно узкоспециализированным, категория тональности явно проявлена в сфере искусств, в которой она зародилась, – в музыке, где имеет наиболее развитую систему подкатегорий, и менее выражено – в живописи. Через музыкальные же понятия упоминается в физике через тоновые характеристики звука. В литературоведении проявляется через сближенные с лингвистическим анализом художественного текста. В философии проявляется через раздел аксиологии. Понимание тональности в этих науках полезно в плане общего понимания данной категории в доменных для нее науках и последующего проведения параллели ее субкатегорий. Далее будут рассмотрены подходы к тональности с точек зрения разных лингвистических подходов, а также описаны связи с равнозначными, смежными и взаимодействующими категориями.

Тональность и смежные с ней категории

В научных описаниях языковой тональности в разных источниках чаще всего встречаются такие понятия, как дискурс, эмоции, оценка, модальность, стиль, далее будет рассмотрена их связь с категорией тональности.

Эмоции и эмоциональность. Компоненты эмоций в языке подробно изучены в фундаментальных исследованиях, посвященных взаимодействию языка и эмоций (В. И. Шаховский, 2008; Е. М. Вольф, 2002; Л. Г. Бабенко, 1989). Выделяется отдельное научное направление – эмотиология, или лингвистика эмоций. В. И. Шаховский отмечает, что из психологической категории эмоции происходит трансформация в языковую категорию эмотивности. Он же определяет эмоцию как реакцию субъекта на стимул, влияющую на его взаимодействие с объектом, что коррелирует с коммуникативным подходом к определению тональности [9].

Пожалуй, самым тесно связанным с тональностью явлением является модальность. Отмечается, что понятие модальности универсально и находит свое место во всех гуманитарных и социальных науках [10]. В языкознании модальность – это функционально-семантическая категория, выражающая различные виды отношения высказывания к действительности, а также субъективную оценку сообщаемого [11]. Модальность – языковая универсалия, относящаяся к основным категориям естественного языка, «в разных формах обнаруживающихся в языках разных систем..., в языках европейской системы она охватывает всю ткань речи» [12, с. 57]. В ряде работ модальность сближается с тональностью, эти понятия практически отождествляются. В некоторых исследованиях понятие субъективной модальности используется как схожее с тональностью, заменяющее ее [8]. Также в развитие данной теории Т. В. Матвеева [13] уточняет подобное употребление, указывая, что тональность является конкретизацией понятия субъективная модальность. Смысловой основой субъективной модальности является оценка говорящим описываемых фактов: «уверенность или неуверенность, согласие или несогласие, положительная или отрицательная оценка» [12, с. 56]. Согласно определению В. Г. Гака, «Субъективная модальность – характеристика высказывания, отражающая отношение субъекта речи к выражаемому смысловому содержанию» [14, с. 19]. Это определение близко к основным определениям тональности. Таким образом, тональность можно охарактеризовать как разновидность субъективной модальности, как форму ее проявления в языке.

Понятие стиля достаточно тесно связано с тональностью и достаточно часто встречается в работах по тональности. М. Халлидэй включает в определение тональности стиль дискурса и регистр [15]. С. Е. Тупикова рассматривает стиль как

один из аспектов толкования тональности [16]. В функционально-стилистическом плане рассматривает тональность Е. П. Захарова [17]. В. И. Карасик включает в число характеристик тональности оформление речи в определенном стилевом регистре [18]. Из этих определений следует, что тональность сопряжена с понятием стиля, с помощью тональности реализуется определенный стилиевой регистр, и, с другой стороны, стилистические приемы являются одним из способов выражения оценочной тональности. Эти определения могут быть включены в определение тональности как текстовой категории.

Дискурс также тесно связан с категорией тональности и является рабочим понятием во многих работах, так или иначе обсуждающих тональность (Н. Д. Арутюнова, 1988; Т. О. Багдасарян, 2000; Л. Г. Бабенко, 1989; В. И. Шаховский, 2008; В. И. Карасик, 2009; Т. В. Матвеева, 1996; С. Е. Тупикова, 2011; Ю. Р. Тагильцева, 2006; Н. Н. Белошицкая, 2023). В них рассматривается коммуникативная, или дискурсивная, тональность. В. И. Карасик в своей монографии о дискурсе посвящает тональности главу, рассматривая ее как одну из характеристик дискурса [18]. Тональность рассматривается как культурно обусловленная категория и соотносится с принятыми в обществе типами дискурса, на основании которых строится классификация видов тональности.

Оценка. Аксиологический компонент субъективной модальности является одним из центральных аспектов исследований в работе Е. М. Вольф [8]. Т. В. Матвеева также определяет, что в основе модальности как языковой категории лежит категория оценки [13]. Л. Г. Бабенко выделяет тесную взаимосвязь эмоциональности и оценки [19]. Тональность представляется одним из важнейших средств выражения оценки, в области анализа тональности, в компьютерной лингвистике оценка рассматривается как одна из основных категорий [20].

Таким образом, рассмотрены основные понятия, взаимосвязанные с тональностью. Они комплексно рассматриваются в ключевых работах по тональности и в разной степени коррелируют друг с другом и с категорией тональности. Модальность выступает в качестве категории, в рамках которой как разновидность / субкатегория функционирует субъективная модальность, которая часто используется вместе с или вместо понятия «тональность». Оценка и оценочность, эмоция и эмоциональность, хоть и разные, но тесно взаимодействуют друг с другом [19], являются основными категориями, всесторонне взаимодействующими с тональностью и присутствующими в ее парадигме. Стиль сопрягается с эмоциональным аспектом и формирует эмоционально-стилевой формат [18]. Эти категории реализуются в определенном коммуникативном дискурсе, и с учетом культурного опыта в тексте реализуется определенная тональность. Учитывая взаимосвязь рассмотренных понятий и их проявление в поле тональности, рассмотрим, как они формируют определение понятия тональности.

Лингвистические подходы к определению тональности

Для последующего решения задач исследования в данной работе потребуется проанализировать существующие подходы к категории тональности в лингвистике и синтезировать из них комплексное определение тональности и подход, соответствующий целям нашего исследования. Первоначально обратимся к источникам, в которых тональность рассмотрена в той или иной степени детально. Это источники таких авторов, как В. В. Виноградов, 1950; Н. Д. Арутюнова, 1988; Л. Г. Бабенко, 1989; Т. В. Матвеева, 1996; Е. М. Вольф, 2002; Т. О. Багдасарян, 2000; В. И. Шаховский, 2008; В. И. Карасик, 2009; С. Е. Тупикова, 2011 и др.

Из ранних работ наиболее комплексно рассматривает термин тональность Т. В. Матвеева. Понятие тональность употребляется с терминами субъективная модальность, эмоционально-экспрессивное поле. Т. В. Матвеева определяет

тональность как *текстовую* категорию, в которой находит отражение психологическая установка автора текста, направленная на адресата и рассматривает как *функционально-семантическую категорию, связанную с языковыми категориями эмоциональности* [1]. Тональность здесь не отождествляется с «субъективной модальностью», а предлагается как более конкретный термин.

С. В. Ионова использует термин тональность в коллокации «эмотивная тональность», которая в тексте понимается как эмотивность коммуникативного (психологического) уровня текста, рассматриваемая с точки зрения доминирования одной из прагматических задач: эмоционального самовыражения, эмоциональной оценки или эмоционального воздействия [21].

В рамках коммуникативного подхода рассматривает тональность Т. О. Багдасарян, которая определяет тональность как такое представление текста автором, при котором он выражает свое отношение к тексту, к реципиенту и к себе самому в дополнительных характеристиках, окрашивающих пропозициональное содержание в соответствующие тона с учетом сферы употребления. Тональность характеризует способ передачи пропозиции и описывает ее в регистрах шутливо, иронично, официально, презрительно, враждебно и т. д. [22].

У С. Е. Тупиковой тональность, понимается как когнитивный, прагматически, культурно и ситуативно обусловленный, эмоционально-стилевой и жанровый формат общения, основную категорию выражения эмоций, возникающую в процессе взаимодействия коммуникантов как языковых личностей и определяющую их установки и выбор всех средств общения [16].

В. И. Карасик определяет коммуникативную тональность как «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [18, с. 301]. В трактовке В. И. Карасика тональность является установкой на отношение к собеседнику, готовностью адресата воспринимать информацию.

Н. Д. Арутюнова полагает, что в самой семантике слова содержится эмоциональная оценка, которая характеризует позицию говорящего в плане его отношения к высказываемому [23].

Обратимся теперь к англоязычным источникам, описывающим понятие «тональность». Для начала в связи с определением термина тональность можно рассмотреть зарубежные понятия «tone», «tenor» и «sentiment». Наиболее схожим с коммуникативным подходом к тональности выступает «tone». Термин выступает в литературоведческой сфере и выражает отношение или чувства писателя к предмету и аудитории [24–26].

Термин «tenor» тоже достаточно близок и рассматривается с дискурсологической точки зрения. В системной функциональной лингвистике термин «tenor» относится к участникам дискурса, их отношениям друг с другом и их целям [15]. Помимо этого, тональность общения отражает место участников в социальной иерархии, характер их связи.

Термин «sentiment» закрепился в смежной дисциплине в рамках прикладной лингвистики – в компьютерной лингвистике. В настоящее время термин «тональность» в лингвистическом понимании набирает популярность и очень часто используется в трактовке компьютерной лингвистики, либо такого направления компьютерных наук, как обработка естественного языка. В данных науках устоялся термин «анализ тональности» (sentiment analysis). С переходом коммуникации в интернет-пространство появляется множество не только зарубежных, но и отечественных исследований, связанных с понятием тональности в рамках автоматического анализа текста, таких как Pang, Lee [20], Liu [27]; Т. А. Семина [28], С. Сметанин [29].

Также в сфере медиакommunikации начал оперировать термин *Tone of Voice* (ToV), сходный с понятием тональности. *Tone of Voice* включает в себя манеру, с которой компания взаимодействует с аудиторией [30].

Таким образом, в разных источниках литературы определяются разные подходы к категории тональности. В итоге мы имеем понятие тональности в рамках одной науки столь же разрозненное, как если бы сравнивать его с понятиями в других областях. Тональность коммуникативно-дискурсивная, тональность текстово-полярная тональность с когнитивной точки зрения – эмоции, тональность восприятия автором и адресантом.

В результате рассмотрения выдвинутых ранее определений понятия тональность представляется возможным выстроить предложение определения тональности, в которой ее разноплановость и многомерность будут учтены. Таким образом, тональность – это коммуникативная категория, выражающая посыл, волеизъявление, установку автора сообщения или высказывания, культурный опыт которого выражается в данной категории; она направлена на адресата, имеет целью оказать определенное (в определенной степени) воздействие на адресата, обусловленная коммуникативной ситуацией. Тональность выражается вербальными и невербальными эмотивными и оценочными средствами, характеризуется определённой степенью шкалируемой экспрессивности или интенсивности. Тональность жанро-, регистро- специфична. Тональность – это также улавливаемый тон, результат восприятия получателем сообщения. Адресат может раскодировать определенную тональность в рамках своего восприятия, своего культурного опыта, собственного отношения к ситуации и высказываемому в контексте коммуникативной ситуации и дискурса.

Подходы к классификации тональности

Подходы к классификации понятия тональности различаются в зависимости от парадигмы, сферы, в рамках которой рассматривается данная категория, и основного ее определения. Рассмотрим основные существующие классификации и попробуем синтезировать общую. Данные классификации лягут в основу классификатора вида тональности, выявляемого в нашей модели анализа тональности.

Влиятельный труд В. И. Карасика рассматривает тональность как неотъемлемую часть коммуникативного акта, тесно связанную с дискурсом. Он выделяет широкий спектр тональностей, отражающих различные цели и эмоциональные состояния автора [18]: информативную, фатическую, статусную, шутливую, торжественную, идеологическую, фасциативную (эмоциональную), гипотетическую, агрессивную, эзотерическую, манипулятивную, менторскую тональности. Данные типы соотносятся с соответствующими дискурсами общения. Соответственно встает вопрос об определении дискурса в котором рассматривается данная тональность.

Т. О. Багдасарян выделяет 36 типов тональностей, в соответствии с наиболее частотными и базовыми эмоциями, такими как официальная, серьезная, шутливая, восторженная, дружелюбная, враждебная, саркастическая, недоверчивая и др. [22]. Данным числом, согласно автору, ограничены «чистые», опорные виды тональности, которые можно дополнить другими оттеночными значениями. Автор добавляет понятие «модельной» тональности (исходной, соответствующей типу коммуникации) и «переакцентуированной» тональности, возникающей при переносе языковой единицы в другой контекст.

С. Е. Тупикова выделяет следующие виды тональности: а) базовую (основную) и периферийную, б) коммуникативно-нормативную и коммуникативно-анормативную, в) нейтральную и стилистически окрашенную, г) рефлексивную

(непреднамеренную) и обдуманную (намеренную), д) эмоциональную и оценочную, е) мажорную и минорную, ж) унисонную (гармоническую) и диссонансную и т. д. [16]. Данная типология хорошо описывается средствами полевого подхода.

В. В. Дементьев применительно к характеристике типологии речевого жанра, опираясь на шкалу А. Р. Балаяна [32], выделяет диссонансные и унисонные тональности речевого жанра [31].

Тональность и ее типы разграничиваются и в статьях различных современных авторов, в данном случае классификация тональности у них ограничивается небольшим количеством видов.

Л. П. Крысин, рассматривая тональность как дискурсивную ситуативную переменную, выделяет официальную, нейтральную, дружескую тональности общения [33]. А у М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой выделяются два типа тональности – нейтральная (серьезная) и шутливая [34].

Подобные классификации указывают на регистровую, жанроспецифичную сторону тональности, подобный взгляд рассматривался в работе Т. В. Матвеевой. Также можно провести параллель между разными подходами в плане наличия в них отправной, медианной точки – нейтральной тональности.

Лексическая тональность реализуется в психологической позиции автора по отношению не только к излагаемому, но и к адресату и ситуации общения, демонстрируя отрицательную, положительную или нейтральную тональности [20]. Такой подход реализован в направлении компьютерной лингвистики. Представляется возможным добавить категории, рассматриваемые в компьютерной лингвистике, но в ней они больше рассматриваются в плане полярности: позитивная, нейтральная или негативная. Также в компьютерной лингвистике отдельным направлением анализа тональности выступает извлечение мнений и эмоций. А данное направление задач может подстроиться под классификацию тональности по эмоциям.

Учитывая вышеперечисленные подходы и классификации внутри них, проставляется возможным синтезировать следующую парадигмальную классификацию тональности:

1. Коммуникативно-дискурсивный подход (В. И. Карасик, Т. В. Матвеева): Информативная, фатическая, статусная, шутливая, агрессивная, манипулятивная и др.
2. Эмоционально-оценочный подход (Т. О. Багдасарян, Л. Г. Бабенко, Е. М. Вольф):
 - а. 36 базовых эмоций (радость, гнев, страх, сарказм, безразличие и т.д.);
 - б. полярность (позитивная/негативная/нейтральная) и ее шкалирование интенсивности (Е. М. Вольф, Pang, Lee).
3. Стилистико-регистровый подход (Т. В. Матвеева, С. Е. Тупикова): официальная, нейтральная, фамильярная, дружественная, враждебная и др.
4. Музыкально-образная аналогия (В. В. Дементьев): Мажорная/минорная, гармоническая/диссонансная.

Виды тональности в данной типологии могут взаимодействовать и соответствовать друг другу, например, интенсивность и полярность в эмоционально-оценочном подходе могут взаимодействовать с мажорной и минорной тональностью по своей интенсивности (например, единица с усиленной оценкой «хорошо» с мажорной тональностью). В свою очередь, виды тональности по коммуникативно-дискурсивному подходу соответствуют определенному регистру.

Заключение

Таким образом, проведено разностороннее исследование термина «тональность» в рамках языкознания, рассмотрена его многоаспектная сущность и связи с соседними дисциплинами. В работе объединены различные точки зрения на

определение тональности и создании единой модели, которая может учесть её многогранность. Тональность выступает как универсальный термин, пересекающий границы различных дисциплин, включая музыку, литературу, аксиологию и обработку естественного языка. В рамках языкознания она рассматривается как элемент текста, передающий эмоциональную окраску автора, его намерения в коммуникации и влияние культурных и ситуативных факторов. В данной статье особое внимание уделено созданию комплексного подхода, который объединяет в себе четыре ключевые концепции классификации тональности: коммуникативно-дискурсивное, коммуникативно-стилистическое, эмоционально-оценочное, музыкально-образное.

Подчеркивается связь тональности с такими категориями, как модальность, оценка, эмотивность и стиль, что позволяет рассматривать её как функционально-семантический феномен, интегрирующий вербальные и невербальные средства воздействия. Научная новизна исследования заключается в преодолении терминологической размытости: предложено рабочее определение тональности как коммуникативной категории, выражающей установку автора, обусловленную культурным опытом и коммуникативным контекстом.

Результаты работы имеют практическое значение для прикладных направлений, таких как компьютерная лингвистика (анализ тональности текста), медиакоммуникация (Tone of Voice) и литературный анализ. Сформулированная классификация служит основой для дальнейших исследований, направленных на уточнение параметров тональности в различных типах дискурса. Таким образом, статья вносит вклад в систематизацию лингвистической терминологии и расширяет методологическую базу для междисциплинарных исследований текстовой тональности.

Л и т е р а т у р а

1. Матвеева Т.В. Тональность разговорного текста: три способа описания. *Stylistyka V*. Opole, 1996:210-221.
2. Wölner F, Scheideler U, Rupprecht Ph. Introduction. *Tonality 1900–1950*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag; 2012:276 (на англ.).
3. Кастиль-Блаз Ф.А.Ж. *Словарь новой музыки*. Париж; 1821. Ч. 1-2 (на франц.).
4. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов*. Москва: УРСС: Едиториал УРСС; 2004:571.
5. Скларова С.Н. Речевая тональность и мелодика в просодии английского и русского языков. *Вестник Адыгейского государственного университета*. 2008;1(29):138-146.
6. Мухин С.В., Ефремова Д.А. Лексическая тональность древнеанглийской элегии. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2019;822(6):184-196.
7. Ильин В.В. *Аксиология*. Москва: Изд-во МГУ; 2005:216.
8. Вольф Е.М. *Функциональная семантика оценки*. Москва: Едиториал УРСС; 2002:280.
9. Шаховский В.И. *Лингвистическая теория эмоций*. Москва: Гнозис; 2008:416.
10. Мёдова А.А. *Онтология модальности*. В 2 ч. Ч. 2. *Модальная интерпретация действительности*. Красноярск: СибГУ им. М.Ф. Решетнева; 2020:160.
11. Ляпон М.В. МОДАЛЬНОСТЬ. *Большая российская энциклопедия*. Том 20. Москва: 2012:766.
12. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. *Труды Инс. рус. яз. АН СССР*. Т. 2. Москва: Ленинград: 1950.
13. Матвеева Т.В. *Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк*. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та; 1990:172.

14. Гак В.Г. *О категориях модуса предложения. Предложение и текст в семантическом аспекте*. Калинин: КГУ; 1978:19-26.
15. Халлидей М.А.К. *Письменный и устный язык*. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета; 1985:12. (на англ.)
16. Тупикова С.Е. Разграничение понятий «Высказывание», «Дискурс», «Речевой жанр», «Тональность» в современной лингвистике. *Вестник ТГУ*. 2011;(3):148-154.
17. Захарова Е.П. Категория тональности в аспекте культуры речи. *Язык и культура в России: состояние и эволюционные процессы: материалы международной научной конференции*. Самара: Изд-во «Самарский университет»; 2007:100-104.
18. Карасик В.И. *Языковые ключи: Науч.- исслед. лаб. Аксиологическая лингвистика*. Москва: Гнозис; 2009:406.
19. Бабенко Л.Г. *Лексические средства обозначения эмоций в русском языке*. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та; 1989:182.
20. Pang B, Lee L. Opinion Mining and Sentiment Analysis. *Foundations and Trends in Information Retrieval*. 2008;(2):1-135 (на англ.).
21. Ионова С.В. Эмотивный фон и эмотивная тональность как элементы эмотивного содержания текста. *Языковая личность: вербальное поведение*. Волгоград; 2000:32-46.
22. Багдасарян Т.О. Тональный компонент модальности в коммуникации (на материале английского и русского языков): Дисс. ...к. филол. н. Краснодар: 2000:175.
23. Арутюнова Н.Д. *Типы языковых значений. Оценка. Событие*. Факт. Москва: Наука; 1988:338.
24. Crews F. *The Random House Handbook* (2nd ed.). New York: Random House; 1977 (на англ.).
25. Hacker D. *The Bedford Handbook for Writers* (3rd ed.). Boston: Bedford; 1991 (на англ.).
26. Holman C. Hugh. *A Handbook of Literature*. Indianapolis: Odyssey Press (a div. of Bobbs-Merrill Company); 1975 (на англ.).
27. Liu B. Sentiment Analysis and Subjectivity. *Handbook of Natural Language Processing*. 2010. (на англ.).
28. Семина Т.А. Тональность текста: синтаксические паттерны выражения отношений между сущностями: Дисс. ...к. филол. н. Мытищи: 2020:175.
29. Smetanin S. The applications of sentiment analysis for Russian language texts: current challenges and future perspectives. *IEEE Access*. 2020;8:110693-110719 (на англ.).
30. Barcelos RH., Danilo CD, Sylvain S. Watch Your Tone: How a Brand's Tone of Voice on Social Media Influences Consumer Responses. *Journal of Interactive Marketing*. 2018;41: 60-80 (на англ.).
31. Дементьев В.В. *Теория речевых жанров*. Москва: Знак; 2010:600.
32. Балаян А.Р. Основные коммуникативные характеристики диалога: Автореф. дисс. ...к. филол. н. Москва: 1971.
33. Крысин Л.П. *Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка*. Москва: 1989.
34. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. *Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект*. Москва: Русские словари; 1999:366.
35. Белошицкая Н.Н. Специфика драматургической тональности дискурса (на примере новостного корпоративного дискурса). *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия Гуманитарные и социальные науки*. 2023;23(5):76-84.
36. Тагильцева Ю.Р. Субъективная модальность и тональность в политическом интернет-дискурсе: Дисс. ...к. филол. н. Екатеринбург: 2006:251.

References

1. Matveeva TV. Tonality of conversational text: three ways of description. *Stylistyka* V. Opole. 1996:210-221 (in Russian).
2. Wölner F, Scheideler U, Rupprecht Ph. Introduction. *Tonality 1900–1950*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag; 2012:276 (in English).
3. Castil-Blaze FHJ. *Dictionnaire de musique moderne*. Paris: 1821. Vol. 1-2 (in French).
4. Akhmanova OS. *Dictionary of Linguistic Terms*. Editorial: URSS; 2004:571 (in Russian).
5. Sklyarova SN. Speech tonality and melody in prosody of English and Russian languages. *Bulletin of Adyge State University*. 2008;1(29):138-146 (in Russian).
6. Mukhin SV, Efremova DA. Lexical tone of Old English elegy. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2019;822(6):184-196 (in Russian).
7. Ilyin VV. *Axiology*. Moscow: MSU Publ. House; 2005:216 (in Russian).
8. Wolf EM. *Functional semantics of evaluation*. Moscow: Editorial URSS; 2002:280 (in Russian).
9. Shakhovsky VI. *Linguistic theory of emotions*. Moscow: Gnosis; 2008:416 (in Russian).
10. Medova AA. Ontology of modality: monograph. In 2 parts. Part 2. *Modal interpretation of reality*. Krasnoyarsk: Reshetnev Siberian State University of Science and Technology; 2020:160 (in Russian).
11. Lyapon MV. MODALITY. *Great Russian Encyclopedia*. Volume 20. Moscow: 2012:766 (in Russian).
12. Vinogradov VV. On the category of modality and modal words in the Russian language. *Proceedings of the Inc. rus. lang. USSR Academy of Sciences*. Vol. 2. Moscow: Leningrad: 1950 (in Russian).
13. Matveeva TV. *Functional styles in the aspect of text categories: Synchronous-comparative*. Sverdlovsk: Publishing house of the Ural University; 1990:172 (in Russian).
14. Gak VG. *On the categories of the modus of the sentence. Sentence and text in the semantic aspect*. Kalinin: KSU; 1978:19-26 (in Russian).
15. Halliday MAK. *Spoken and written language*. Oxford: Oxford University Press; 1985:12 (in English).
16. Tupikova SE. Definition of notions “statement”, “discourse”, “speech genre” and “tonality” in modern linguistics. *Vestnik Tambovskogo universiteta= Tambov University Review*. 2011;(3):148-154 (in Russian).
17. Zakharova EP. The category of tonality in the aspect of speech culture. *Language and culture in Russia: state and evolutionary processes: proceedings of the international scientific conference*. Samara: Publishing house “Samara University”; 2007:100-104 (in Russian).
18. Karasik VI. *Language keys*. Research lab. Axiological linguistics. Moscow: Gnosis; 2009:406 (in Russian).
19. Babenko LG. *Lexical means of denoting emotions in the Russian language*. Sverdlovsk: Publishing house of the Ural University; 1989:182 (in Russian).
20. Pang B, Lee L. Opinion Mining and Sentiment Analysis. *Foundations and Trends in Information Retrieval*. 2008;(2):1-135 (in English).
21. Ionova SB. Emotive background and emotive tonality as elements of the emotive content of the text. *Language personality: verbal behavior*. Volgograd: 2000:32-46 (in Russian).
22. Bagdasaryan TO. Tonal component of modality in communication (based on the English and Russian languages): Candidate’s dissertation (Philology). Krasnodar: 2000:175 (in Russian).
23. Arutyunova ND. *Types of Linguistic Meanings. Evaluation. Event. Fact*. Moscow: Nauka; 1988:338 (in Russian).
24. Crews F. *The Random House Handbook* (2nd ed.). New York: Random House; 1977 (in English).
25. Hacker D. *The Bedford Handbook for Writers* (3rd ed.). Boston: Bedford; 1991 (in English).

26. Holman C. Hugh. *A Handbook of Literature*. Indianapolis: Odyssey Press (a div. of Bobbs-Merrill Company); 1975 (in English).
27. Liu B. Sentiment Analysis and Subjectivity. *Handbook of Natural Language Processing*; 2010 (in English).
28. Semina TA. Text Tonality: Syntactic patterns of expressing relationships between entities. candidate's dissertation (Philology). Mytishchi: 2020:175 (in Russian).
29. Smetanin S. The applications of sentiment analysis for russian language texts: current challenges and future perspectives. *IEEE Access*. 2020;8:110693-110719 (in English).
30. Barcelos RH, Danilo CD, Sylvain S. Watch Your Tone: How a Brand's Tone of Voice on Social Media Influences Consumer Responses. *Journal of Interactive Marketing*. 2018;41:60-80 (in English).
31. Dementyev VV. *Theory of Speech Genres*. Moscow: Znack; 2010:600 (in Russian).
32. Balayan AR. Main communicative characteristics of dialogue. Summary of Candidate's dissertation (Philology). Moscow: 1971 (in Russian).
33. Krysin LP. *Sociolinguistic aspects of studying modern Russian language*. Moscow: 1989 (in Russian).
34. Kitaygorodskaya MV, Rozanova NN. *Speech of Muscovites. Communicative and cultural aspect*. Moscow: Russian Dictionaries; 1999:366 (in Russian).
35. Beloshitskaya NN. Specificity of dramatic tonality of discourse (on the example of corporate news discourse). *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanities and Social Sciences"*. 2023;23(5):76-84 (in Russian).
36. Tagiltseva YuR. Subjective modality and tonality in political Internet discourse. Candidate's dissertation (Philology). Ekaterinburg: 2006:251 (in Russian).

Сведения об авторе

ВАСИЛЬЕВ Василий Васильевич – аспирант Уральского гуманитарного института, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Российская Федерация; ст. преп. каф. английского языка и перевода, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0009-0006-2673-504X, AuthorID: 858188, SPIN-код: 6575-3510, e-mail: vv.vasilev@s-vfu.ru

About the author

Vasily V. VASILIEV – Postgraduate Student, Ural Institute of Humanities, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation; Senior Lecturer, Department of English Language and Translation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0009-0006-2673-504X, AuthorID: 858188, SPIN-code: 6575-3510, e-mail: vv.vasilev@s-vfu.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 24.04.25

Принята к публикации / Accepted 26.05.25

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-2-114-125>

Оригинальная научная статья

Направления воображаемых путешествий в лирике Г. Иванова

М. И. Высоцкая

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация

✉ masha208889@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается феномен воображаемого путешествия в лирике Г. Иванова – представителя русской эмиграции первой волны. Различные вариации воображаемых путешествий, активно функционирующие в лирике поэтов-эмигрантов, коррелируют с традициями мировой литературы и проявляют специфику поэзии русского зарубежья. Методологически востребованным сейчас является соединение семантического анализа с описанием культурно-исторического контекста, что позволяет говорить об актуальности данного исследования. Целью работы является изучение трансформации явления воображаемого путешествия в содержательном и структурном отношении в зависимости от культурно-исторического контекста, в котором существует поэт-эмигрант. Для достижения цели проводится сопоставительный анализ специфики данного явления в доэмигрантском и собственно эмигрантском периоде творчества Иванова. В статье устанавливается, что для лирического субъекта Иванова характерны следующие направления воображаемых путешествий: литературная и культурная реальность (ранняя лирика), космическое пространство небытия (лирика эмигрантского периода) и пространство утраченной родины – России (эмигрантский период). Литературное пространство, в которое перемещается лирический субъект Иванова, напрямую связано с определенными культурными эпохами – классицизмом, рококо, романтизмом. Лирическим субъектом движет стремление вписать себя в новую реальность, что актуализирует проблему самоидентификации. Обращение к культурно-историческому контексту позволяет определить, что факт эмиграции воспринимается Ивановым как трагедия, поэтому в его текстах (в сравнении с ранней лирикой, где образ России и Петербурга возникает редко) наблюдается стремление лирического субъекта вернуться в Россию посредством актуализации работы механизмов собственной памяти или воображения, замещающего невозможность возвращения. Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ указывает, что для лирического субъекта поздней лирики Иванова количество маршрутов сокращается и положительную ценность имеет только один – маршрут, который приведет его в утраченную навсегда реальность. Результаты исследования могут быть применены при дальнейшем изучении поэтического дискурса литературы русского зарубежья.

Ключевые слова: Георгий Иванов, воображаемое путешествие, лирический субъект, самоидентификация, эмиграция, реальное и ирреальное пространства, небытие, Россия, эмигрантская лирика, культурные и литературные маршруты

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Высоцкая М. И. Направления воображаемых путешествий в лирике Г. Иванова. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 2. С. 114–125. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-114-125

Original article

Directions of imaginary journeys in the lyric poetry of Georgy Ivanov

Maria I. Vysotskaya

Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

✉ masha208889@gmail.com

Abstract

The article reveals the phenomenon of the imaginary journey in the lyric poetry of Georgy Ivanov, a prominent figure of the first wave of Russian emigration. It explores the various expressions of imaginary journeys in the poetry of emigrant poets, that correlate in relation to established traditions of world literature and the distinctive characteristics of the poetry of Russian diaspora. The integration of semantic analysis with cultural and historical contextual description is a methodologically pertinent approach, explaining the relevance of this study. The objective of this research is to explore the transformation of the phenomenon of imaginary voyage, regarding its content and structure, as contingent upon the cultural and historical context surrounding the emigrant poet. To achieve this objective, a comparative analysis of the specific characteristics of this phenomenon is conducted, focusing on both the pre-emigration and actual emigration periods of Ivanov's lyrics. The article identifies the following trajectories of imaginary voyage as emblematic of Ivanov's lyrical subject. In his early lyrics, he focused on literary and cultural reality, whereas in his emigrant period lyrics, he focused on the cosmic realm of non-being and the territory of the lost homeland — Russia. The literary reality into which Ivanov's lyrical subject emerges is linked to specific cultural epochs — classicism, rococo, romanticism. The lyrical subject is propelled by the desire for integration into a new reality, risking self-identification. Access to the cultural and historical context enables the researcher to realize that Ivanov perceives his emigration as a tragedy. Therefore, his later texts (in contrast to the early lyrics, where the image of Russia and St. Petersburg appears infrequently) reveal his desire to return to Russia, using the mechanisms of memory and imagination to compensate for the impossibility of real return. The comparative analysis indicates that, for the lyrical subject of Ivanov's emigration lyrics, the number of potential routes diminishes, with only one route bearing a positive connotation — leading to an irrevocably lost reality. The results of this study may contribute to the further exploration of the poetic discourse within the literature of the Russian emigration.

Keywords: Georgy Ivanov, imaginary travel, lyrical subject, self-identification, emigration, real and unreal worlds, oblivion, Russia, emigrant lyrics, cultural and literary routes

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Vysotskaya M. I. Directions of imaginary journeys in the lyric poetry of Georgy Ivanov. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 2. Pp. 114–125. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-114-125

Введение

Изучение творчества Георгия Иванова в последние годы привлекает все большее количество исследователей. Если первые работы, вышедшие в 1990-х гг., давали обобщенные представления о специфике творчества поэта, то в последующие годы поэзия Иванова была осмыслена более детально, внимание исследова-

телей было сосредоточено на рассмотрении отдельных аспектов его творческой деятельности. Важными источниками для нашего исследования являются работы Е. Я. Якуновой [1], Т. С. Соколовой [2], Н. К. Загребельной [3], которые затрагивают вопросы пространственной организации художественного мира поэта, рассматривая поэзию Иванова в диахроническом аспекте. В работах Е. Р. Варакиной [4], Ю. В. Несыновой [5] прослеживается связь между возрастающим трагическим мироощущением поэта в поздней лирике и факторами исторической действительности.

В данной работе мы хотим рассказать об особенностях феномена воображаемого путешествия в лирике Иванова. Путешествие представляется достаточно частотным мотивом для русской литературы, который развивается как в прозаических, так и в стихотворных текстах. Помимо традиционных путешествий, специфике которых посвящено достаточное количество научных работ, мы выделяем категорию «воображаемых путешествий», используемую применительно к поэтическому творчеству. Подробно явление «воображаемого путешествия» исследуется в работе А. А. Фаустова [6], где выделяются особенности эволюции воображаемых путешествий, которые от странствий с вымышленной географией, не связанных с предметной реальностью, не имеющих референции к автору, переходят к путешествиям, в которых субъект речи соотносится с автором, а маршруты странствий обращаются к реальным локусам, затрудняя идентификацию вымышленного и действительного. «Воображаемое путешествие» понимается как перемещение внутритекстового субъекта в ту или иную гетеротопию, совершаемое при помощи воображения (или в воображении) [6]. «Воображаемость» может быть достигнута при проведении читателем идентификации субъекта речи с биографическим автором.

Маршруты воображаемых путешествий доэмигрантской лирики

Картина мира лирики Иванова доэмигрантского периода характеризуется пространственным многообразием. Лирический субъект часто оказывается в ситуации путешествия, когда не просто перемещается из одной точки мира в другую, но оставляет привычную ему реальность для перемещения в совершенно новое пространство со своими законами существования и обитателями. Наличие пространств – реального (действительность, в которой находится лирический субъект) и ирреального (инобытие, в которое субъект стремится проникнуть) – является одним из факторов, определяющих картину художественного мира поэта.

В лирике Иванова доэмигрантского периода лирический субъект может совершать путешествия в различные литературные и культурные эпохи ушедших времен. Одним из постоянных маршрутов, по которым движется лирический субъект, становится реальность «галантного века». Исторически понятие «галантного века» связывают с XVIII столетием и периодом правления Людовика XV. Характерной особенностью данного времени становится эстетизация сферы частной жизни. Одним из известных художников, воплотивших в своем творчестве особенности «галантной» культуры, является Антуан Ватто – французский живописец XVIII века. Название своего первого сборника стихотворений («Отплыть на о. Цитеру») Иванов заимствует у одной из картин Ватто. Уже в самом заглавии фиксируется факт совершаемого лирическим субъектом путешествия. Остров Цитера становится одной из многочисленных реальностей, которые посещает лирический субъект.

Группа стихотворений, показывающих путешествие в мир «галантной» культуры и полотен Ватто, отличается некоторой общностью: лирический субъект перемещается в реальность, где начинает идентифицировать себя с участником театральной труппы. Некоторые тексты Иванова контекстуально оказываются связаны с картинами Ватто, в которых отображается мир театра. Исследователи характеризуют творческую манеру Ватто следующим образом: «Художник

постоянно мистифицирует зрителя, переводя образы и действие из театрального мира в действительные, его герои существуют одновременно в этих обоих мирах и ни в одном не имеют под ногами твёрдой почвы» [7]. Двойственность лирического субъекта будет обнаруживать себя и в позднем творчестве Иванова, поскольку переживание поэтом ситуации изгнания поставит лирический субъект в противоречивые условия нахождения либо в пространстве действительности, либо в пространстве инобытия, каждое из которых будет в определенной степени неустойчивым.

Подобная театрализация жизни, ее подчеркнутая искусственность наблюдаются в текстах, где лирический субъект переносится во времена эпохи рококо, в частности, и отраженные на картинах уже упомянутого Антуана Ватто, и знакомые представителям эпохи Серебряного века благодаря работам художника Константина Сомова, который в своем творчестве отразил особенности «галантной» французской культуры. Лирический субъект, который в стихотворениях Иванова мысленно переносится в прошлое, достаточно определенно говорит о нереальности существующего в его сознании мира: «О, празднество на берегу, в виду искусственного моря» [8]; «О, подражатели Ватто, переодетые в маркизов, / Дворяне русские, – люблю ваш доморощенный Версаль» [8]. Данная реальность, отражающая культурные особенности ушедшей эпохи, способна из пространства, принадлежащего искусству (полотно художника, поэтический текст), перейти в пространство действительности: «Пусть голубеют веера, вздыхают робкие свирели, / Пусть колыхаются листы под розоватою луной, / И воскресает этот мир, как на поблекшей акварели – / Запечатлел его поэт и живописец крепостной» [8].

В тексте стихотворения «Бродячие актеры», где лирический субъект вновь проводит собственную идентификацию в условиях не соответствующего миру действительности пространства и определяет себя как одного из группы странствующих актеров, тоже обнаруживается ориентация на культуру рококо. Лирический субъект после крайне утомительного и тяжелого путешествия располагается отдохнуть со своими спутниками в тени лесных деревьев: «Вот пришли. – Скорее падай, / Узел мой, с усталых плеч. / Осененному прохладой, / Сладко путнику прилечь» [8]. Несмотря на наличие верной спутницы Берты, лирический субъект уединяется от остальных за стволом дерева для того, чтобы вдали от чужих глаз поцеловать любовное письмо от другой женщины: «Распаковывает Берта / Тюк с едою и вином. / Край лилового конверта / Я целую за стволом» [8]. Таким образом, мы наблюдаем, как в рамках одной реальности сочетаются различные культурные контексты: традиции и персонажи балаганной культуры и такие рокайльные образы и ситуации, как целование любовного письма.

Н. А. Богомолов, комментируя особенности художественного мира Иванова, подчеркивает: «Конечно, нельзя сказать, что Иванов вообще представляет себе мир в виде картины, гравюры, живописи на фарфоре и т. п. В его стихах изображение и изображенное взаимодействуют, грани между ними уничтожаются, природа переходит в картину, а та в свою очередь оживает, причем момент перехода непредсказуем и потому активно воздействует на читателя» [9]. Необходимо упомянуть, что данное суждение Богомолова можно считать справедливым применительно к ранней лирике поэта. Мир, который изображен на картинах художников, оказывается вполне реален для лирического субъекта и доступен для перемещения непосредственно в пространство самой картины. Ряд таких текстов представлен в сборнике «Вереск», где происходит явное расширение маршрутов, по которым может совершать путешествие лирический субъект.

В одном из текстов присутствует обращение к реальности, схожей с изображениями на картинах Тернера (о котором уже напрямую ранее упоминал

лирический субъект). Полноценного перемещения не происходит, но лирический субъект убеждается в существовании реальности прошлого благодаря звукам, которые достигают его: «И пена бьет в лицо. / Но зорко я гляжу / На море, на закат, багровый и тревожный ... О, ветер старины, я слышу голос твой ... И знаю, там в огне, над зыбью роковой, / Трепещут паруса, пропитанные солью» [8].

Лирический субъект, выбирая между мирами, представленными на картинах художников, также говорит о своих предпочтениях: «Как я люблю фламандские панно, / Где овощи, и рыбы, и вино ... Но тех красот желанней и милей / Мне купы прибрежных тополей, / Снастей узор и розовая пена / Мечтательных закатов Клод Лоррена» [8]. С помощью воображения лирический субъект осуществляет проникновение на полотна Лоррена, где старается слиться с окружающей его реальностью: «Матросы гаваней Лоррена, / Вы собутыльники мои. / Как хорошо блуждать, мечтая, / Когда над пристанью со дна / Встает янтарно-золотая / Меланхоличная луна» [8].

Обращается в «Вереске» лирический субъект и к пространству острова Цитеры. Если в ранних текстах поэта на ирреальности Цитеры не делается акцент («Бродят понуро / Фавны и нимфы / В чаще лесной. / Царство амура / Скрыли заимфы / Осени злой» [8]; «Амур пронзил меня стрелой, / Не знаю я, что делать мне / Куда ни гляну — вижу Хлою...» [10]), то в позднем тексте, обращенном к уже знакомой лирическому субъекту реальности, фокусируется внимание на её искусственности: «Цитерский голубок и мальчик со свирелью / На мраморной плите – латинские стихи. / Как нежно тронуты прозрачной акварелью / Дерев раскидистых кудрявые верхи ... И в бледных небесах искусственного рая» [8].

Еще одна литературная реальность, в которую совершает путешествие лирический субъект ранней лирики Иванова, отражает предпочтения эпохи раннего романтизма. Так, лирический субъект выбирает в качестве одного из постоянных маршрутов пространство Шотландии: «Я вспоминаю влажные долины / Шотландии, зеленые холмы. / Луну и все, что вспоминаем мы, Услышав имя нежное Алины» [8]. Размышления о шотландских пейзажах и атрибутах, предположительно, имеющих отношение к искомому топосу, приводят лирического субъекта к мысли о картинах известного художника периода романтизма: «О, легкие созданья Генсборо, / Цвета луны и вянущей малины / И поцелуй мечтательной Алины!» [8]. Стихотворение Иванова коррелирует с текстом Мандельштама («Я не слыхал рассказов Оссиана...» [11]), что дает понимание того, что пространство Шотландии, к которому обращается лирический субъект, не имеет референций к реальным объектам, поскольку отражает реальность, созданную с опорой на оссиановские мотивы. Шотландия, в которую мысленно отправляется лирический субъект, обладает особыми характеристиками: «Шотландия, туманный берег твой / И пастбища с зеленою травой, / Где тучные покоятся стада, / Так горестно покинуть навсегда!» [8]. В литературной реальности, отражающей особенности романтической эпохи, присутствует и лермонтовский контекст, задаваемый использованием лирическим субъектом устойчивой формулировки «моя Шотландия» («Под завесою тумана, / Под небом бурь, среди степей, / Стоит могила Оссиана / В горах Шотландии моей» [12]). В более позднем стихотворении лирический субъект признает, что пространство Шотландии существовало лишь в его воображении: «Теперь я знаю – все воображенье, / Моя Шотландия, моя тоска» [8]. Завершается обращение к Шотландии как к одному из маршрутов путешествия лирического субъекта уже в эмигрантской лирике, где невозможность возвращения в воображаемое пространство объясняется близостью скорой смерти: «Грустно, друг. И тем еще грустнее, / Что надежды больше нет. / Это уж не романтизм. Какая / Там Шотландия! Взгляни: горит / Между черных лип звезда большая / И о смерти говорит» [8].

Пространство Италии представляет собой следующий околоромантический топос, который захватывает внимание лирического субъекта. Изображаемый поэтом «итальянский» мир практически не имеет корреляции с реальностью, но все также оказывается насыщен знакомыми культурными кодами. Отметим, что при перемещении в Италию подчеркивается изначальная непринадлежность лирического субъекта этому пространству: «Увы, не созерцал я львов святого Марка, / Дворцов Флоренции и средиземных волн, / Тех роцц, где о земной любви вздыхал Петрарка, / Где Ариост блуждал, своих напевов полн» [8]. Желание оказаться в данном пространстве оказывается связано с потребностью обретения вдохновения. Лирический субъект не может остаться в ирреальном мире, но на некоторое время границы между воображаемым и действительным пространствами стираются: «Мечтателей луна / Всплывает надо мной. Забывшись, повторяю / Канцоны сладкие, златые имена. / И слышу рокот лир и голоса влюбленных, / И вижу дряхлые руины над водой, / И в черных небесах, звездами окропленных, / Великих призраки проходят чередой» [8].

Сборник «Сады» открывается стихотворением, в котором лирический субъект обращается к пространству, связанному с восточной историей и культурой: «Где ты, Селим, и где твоя Заира, / Стихи Гафиза, лютия и луна!» [8]. Мысленно лирический субъект оказывается в реальности, подвергнутой семиотизации, насыщенной различными литературными кодами. В тексте акцентируется внимание на постепенном исчезновении и забвении воображаемого пространства под воздействием реального мира: «Жестокий луч полуденного мира / Оставил сердцу только имена» [8]. Движение времени ускоряет распад культуры, которую можно сохранить, перейдя из пространства действительности в пространство, созданное из культурных кодов, воспринимаемых в творчестве поэтов и художников ушедших эпох.

Помимо неопределенных «восточных» пространств, в стихотворениях Иванова может обозначаться и вполне четкая локализация лирического субъекта: «Когда скучна развернутая книга / И, обездоленные, мы мечтаем, / Кружки кармина, кубики индиго / Становятся затейливым Китаем / На глянцевиной плоскости фарфора, / Дыша духами и шурша шелками, / Встает пятиугольная Аврора / Над буколическими островками» [8]. Взаимопроникновение реальностей осуществляется во время мечтаний, которым предается лирический субъект.

Интересным представляется текст из «Садов», где сопряжены два возможных маршрута лирического субъекта. Лирический субъект, который в данном тексте мыслит себя частью лирического «мы», оказывается в одной из реальностей, наполненной оссиановскими мотивами («И в тишине внимаем бытию, / Как рокоту глухого океана. / То бледное светило Оссиана / Сопровождает нас в пустом краю» [8]). Однако далее он получает возможность заглянуть в другое пространство, не покидая того, в котором находится: «И видим мы, склоненные к ручью / Полуденные розы Туркестана» [8]. Стихотворение строится на стилистической перекодировке («бледное светило Оссиана» становится «жалкой луной»). Лирический субъект колеблется между реальностью, отражающей романтическое мироощущение, и реальностью, содержащей антиромантический код. Иванов говорит о невозможности совершения путешествия из действительности и обретения желаемой свободы: «А сердце все не хочет убедиться, / Что никогда не плыть на волю нам / По голубым эмалевым волнам» [8]. Вероятно, что цветовой код стихотворения отчасти соотносится с текстом О. Мандельштама, где рассказывается о силе создаваемой художником реальности, позволяющей преодолеть смерть («На бледно-голубой эмали» [11]).

Не только пространства романтической культуры постепенно отвергаются лирическим субъектом: подобное происходит и с рокайльной реальностью. В одном из текстов, изданных в сборнике «Сады», лирический субъект как будто прощается

с идиллическим пространством культуры XVIII века: «И пение пастушеского рога / Медлительно растаяло вдали, / И сумрак веет. Только край земли / Румянит туч закатная тревога» [8]. Вместе с тем лирическим субъектом как будто утверждается новый маршрут для путешествий: «По листьям золотым – моя дорога. / О сердце, увяданию внемли! ... Нет, смерть меня не ждет ... И сладостней закатной нет дорог, / Когда трубит и умолкает рог» [8].

Иванов, который последовательно развивает мысль о возможности путешествия лирического субъекта в различные литературные и культурные реальности, в сборнике, в определенной степени подводящем итоги петербургскому периоду его творчества, показывает, как постепенно распадаются или теряют свою актуальность и значимость воображаемые пространства, используемые лирическим субъектом для ухода от непривлекательной и во многом угрожающей действительности.

Маршруты воображаемых путешествий в эмигрантской лирике

Эмиграция радикальным образом повлияла на изменение мировосприятия Иванова. Его лирика позднего периода характеризуется парадоксальностью, возникшей в результате специфической разобщенности сознания изгнанника. Художественный мир поэта по-прежнему характеризуется наличием разных пространств, где может находиться лирический субъект, но, в сравнении с ранним творчеством Иванова, акценты смещаются с реальностей, воплощающих различные культурные эпохи прошлого, на пространство, ожидающее лирического субъекта после окончания земного пути. Концепция художественного мира эмигрантской лирики Иванова основана на идее о хаосе, который постепенно поглощает действительность, что придает эсхатологичность происходящему. Лирическим субъектом осознаются собственная недолговечность и одновременно конечность существования привычной ему реальности. Земное пространство становится местом, где утверждается жизнь, тогда как выход за его пределы подразумевает нахождение в сфере небытия, в определенной степени воплощающей смерть.

Если литературное и культурное пространство, в которое совершает путешествие лирический субъект ранней лирики Иванова, в основном не имеет связи с российскими пространствами, а скорее изображает реальность, расположенную вне России, то в эмигрантской лирике мы можем отметить снижение количества упоминаний подобных локусов.

Париж, который становится непосредственным местом пребывания лирического субъекта, исключается из возможных для посещения вариантов, и достаточно часто представлен в текстах именно в качестве предельно обитовленного и невзрачного пространства действительности: «Парижский пригород, сюда, / Где мальчик огород копает» [8]; «Построили и разорили Трою, / Построили и разоряют Париж» [8].

Еще одним локусом эмигрантского существования становится Ницца. Этот город обретает более четкие характеристики (при сопоставлении с Парижем). Так, лирический субъект может подчеркивать красоту и вместе с тем как бы искусственность Ниццы, связанную с семантикой смерти и одновременно подключающую литературный контекст, который может свидетельствовать о том, что лирический субъект обращается не к настоящему городу, а к Ницце из его воображения: «Уходит в пурпур и виссон / Лазурно-кружевная Ницца...» [8]. Неприятие и чужеродность этого пространства лирическому субъекту подчеркиваются в текстах, где эмигрантские реалии сравниваются с пространством родной страны: «Эмигрантская быль мне всего только снится – / И Берлин, и Париж, и постылая Ницца» [8]; «Может быть, умру я в Ницце, / Может быть, умру в Париже, / Может быть, в моей стране» [8].

Стихотворение, открывающее первый сборник эмигрантской лирики «Розы», задает новые пространственные координаты: «Над закатами и розами – / Остальное

все равно – / Над торжественными звездами / Наше счастье зажжено» [8]. Если в ранней лирике поэта путешествия по небесной сфере были достаточно редкими и не предполагали выхода за пределы земного мира, то в данном тексте лирический субъект говорит о том, что перспектива обретения счастья находится где-то в космическом пространстве – «над звездами». Появляются характеристики, свидетельствующие о нахождении лирического субъекта в дисгармоничной, не имеющей определенных границ реальности: «Все другое – только музыка, / Отражение, колдовство – / Или синее, холодное, / Бесконечное, бесплодное / Мировое торжество» [8]. Ранее лирический субъект, переместившись в иные пространства, мог обрести в мире, отличном от действительности, подобие гармонии, теперь же он утверждает мысль о том, что больше не в состоянии с помощью собственного воображения добиться создания целостной реальности: «Да, я еще живу. Но что мне в том, / Когда я больше не имею власти / Соединить в создании одном / Прекрасного разрозненные части» [8]. Внеземное пространство, по которому перемещается лирический субъект, характеризуется пустотой, отсутствием всего, включая собственные переживания лирического субъекта, и дает ему ощущение свободы от того, что омрачало его пребывание в пространстве действительности: «И нет ни России, ни мира, / И нет ни любви, ни обид – / По синему царству эфира / Свободное сердце летит» [8].

Привычные для раннего творчества маршруты лирического субъекта получают переосмысление. Стихотворение «Все розы увяли. И пальма замерзла» отчасти перекликается со стихотворением из ранней лирики, где лирический субъект перемещается в «Сады Гесперид» («И большая дорога на запад ведет облаками / В золотые, как поздняя осень, Сады Гесперид» [8]). В тексте петербургского периода лирический субъект не одинок в идиллическом ирреальном пространстве: «Больше теплого ветра, и волн, и морского песка. / В этом томном, глухом и торжественном мире – нас двое, / Больше нет никого. Больше нет ничего...» [8]. Теперь же эта реальность находится в состоянии постепенного умирания: «Все розы увяли. / И пальма замерзла. / По мертвому саду я тихо иду» [8]. Вместо «садов Гесперид» лирическому субъекту предлагается пространство, представляющее русскую культуру («Звезда выкликает звезду» как реминисценция к Лермонтову – «Звезда с звездой говорит»). Мир, наполненный литературными кодировками, мир «лермонтовской» реальности тоже видоизменяется, оказывается в ситуации ожидания грядущей беды, которая направлена не на лирического субъекта, а на иное пространство: «И слышу, как в небе по азбуке Морзе / Звезда выкликает звезду, / И мне – а не ей – обещает беду» [8].

Иванов продолжает мысль о невозможности перемещения в пространство культуры – один из излюбленных маршрутов лирического субъекта в ранней лирике. В одном из поздних текстов лирическим субъектом описывается, как воображаемые реальности, к которым он стремился раньше, подвергаются процессу деколорации, кроме того, уходят в небытие и реальности, предполагающие погружение лирического субъекта в пространство картины, и мир театрального искусства: «Перекись водорода / Обесцвечена природа. / Догорают хризантемы / (Отголосок старой темы) / Отголосок песни старой – / Под луной Пьеро с гитарой... / Всюду драма. Всюду убыль. / Справа Сомов. Слева Врубель» [8]. Поскольку прошлое постепенно теряет свою значимость и ценность, лирическому субъекту кажется бессмысленным и перемещение по старым маршрутам.

В лирике позднего периода путешествия лирического субъекта лишаются конкретных направлений. Исключение составляет пространство Петербурга, движение к которому происходит из-за желания лирического субъекта вернуться на родину. Показательным является текст «Полутона рябины и малины», где в

каждой строке упоминаются те основные маршруты, по которым странствовал в своем воображении, вероятно, во время осуществления творческого процесса лирический субъект: Шотландия, Коринф, Афины, Грузия. Завершается данная цепочка упоминанием Пятигорска, что, в свою очередь, привлекает знакомый нам уже лермонтовский контекст. Лирический субъект отказывается от воспоминаний о мире, связанном с культурным прошлым, поскольку мыслями устремлен в истинное, пережитое им прошлое. Но поскольку вернуться в это прошлое невозможно, решением проблемы представляется гибель и полное разъединение с реальностями (в т. ч. с теми, которые воплощают в себе черты ушедшей культуры): «...И лучше умереть, не вспоминая, / Как хороши, как свежи были розы» [8].

Лирический субъект проводит четкую грань между «своим» и «чужим» пространствами: «Спит спокойно и сладко чужая страна / Море ровно шумит. Наступает весна / В этом мире, в котором мы мучимся» [8]; «Я, что когда-то с Россией простился / (Ночью навстречу полярной заре), / Не оглянулся, не перекрестился / И не заметил, как вдруг очутился / В этой глухой европейской дыре» [8]. Что касается пространства утраченной родины, то лирическим субъектом признается невозможность его вернуть иначе как посредством собственной памяти: «Ничего не вернуть. И зачем возвращать? / Разучились любить, разучились прощать, / Забывать никогда не научимся...» [8].

Отметим, что лирический субъект в своем воображении не переносится в пространство России, приближенное к действительности. В основном Россия, к которой обращается в своем сознании лирический субъект, является достаточно условным пространством, со своими характеристиками, не вполне соответствующими ее реальному образу («Как осужденные, потерянные души / Припоминают мир среди холодной тьмы, / Блаженной с каждым днем и с каждым часом / Наш чудный Петербург припоминаем мы» [8]). Это объясняется тем, что в представлении лирического субъекта отсутствие доступности к объекту уравнивается с исчезновением искомого объекта в целом: «Если плещется где-то Нева, / Если к ней долетают слова...» [8].

Иногда лирический субъект отказывается признавать факт существования России в целом; несуществование ее в человеческой памяти становится эквивалентно несуществованию в действительности: «Нет в России даже дорогих могил, / Может быть, и были – только я забыл. / Нету Петербурга, Киева, Москвы – / Может быть, и были, да забыл, увы» [8]. Отсутствие родного пространства оставляет лирическому субъекту лишь один маршрут для путешествия («Хорошо, что нет Царя. / Хорошо, что нет России. / Хорошо, что Бога нет / Только желтая заря, / Только звезды ледяные. / Только миллионы лет» [8]). В данном контексте России оказывается противопоставлено безлюдное пространство мировой пустоты: «Хорошо – что никого, / Хорошо – что ничего. / Так черно и так мертво, / Что мертвее быть не может / И чернее не бывает» [8].

Россия сравнивается с лирическим субъектом с потерянным миром, который может быть обретен после прохождения сквозь пространство небытия: «Распыленный мильоном мельчайших частиц / В ледяном, безвоздушном, бездушном эфире, / Где ни солнца, ни звезд, ни деревьев, ни птиц, / Я вернусь – отраженьем – в потерянном мире» [8]. Одной из констант русского пространства и при таком раскладе остается Петербург: «И опять, в романтическом Летнем Саду, / В голубой белизне петербургского мая, / По пустынным аллеям неслышно пройду, / Драгоценные плечи твои обнимая» [8]. Пространство Петербурга конструируется с помощью механизмов памяти лирического субъекта и дополняется конкретными персоналиями и реалиями, включенными в культурный код: «Быть может, города другие и прекрасны... / Но что они для нас! Нам не забыть, увы, / Как были счастливы, как были мы несчастны / В туманном городе на берегу Невы» [8].

Заметим, что такое перечислительное упоминание в текстах вполне конкретных образов, связанных с Петербургом, – черта, объединяющая многих поэтов-эмигрантов, которые вынуждены апеллировать к собственной памяти для воспроизведения в сознании образа оставленной родины в целом и Петербурга в частности. Об этом свойстве пишут В. Хазан и Р. Тименчик [13], говоря о стихотворениях Г. Эрнста, Н. Русской, Д. Соложева и др. В стихотворениях Иванова Петербург тоже предстает скорее миром-видением, восстановленным по собственной памяти, чем реальным пространством. В. Вейдле отмечает, что представление города на Неве как определенного рода грёзы достаточно распространенный прием в творчестве писателей-эмигрантов первой волны [14].

В «Посмертном дневнике» литературные кодировки отчасти меняются. Так, в одном из стихотворений, находясь в болезненном, близком к смерти состоянии, лирический субъект мысленно переносится в реальность собственного авторства, которую воссоздавал в своих текстах «...Московские елочки, Снег. Рождество. / И вечер, – по-русскому, – ласков и тих... / И голубые комсомолочки...» / «Должно быть, умер и за них» [8]. Теперь пространство России включает в себя и собственно ивановские литературные реалии и образы. Предпосылками к тому, что лирический субъект начнет использовать собственное творчество для возвращения в пространство литературной реальности, являются более ранние тексты, в которых поэт включает свои тексты в общелитературный контекст, доступный лирическому субъекту: «Старые счета перебираю. / Умереть? Да вот не умираю. / Тихо перелистываю «Розы» – / «Кабы не цветы да не морозы!» [8].

У лирического субъекта, находящегося перед лицом смерти, исчерпываются возможности для совершения путешествия: «Если некуда больше податься, / И никак не добраться домой» [8]. Лирический субъект признает, что уже не сможет вернуться в Россию (по крайней мере, физически): «Но я не забыл, что обещано мне / Воскреснуть. Вернуться в Россию – стихами» [8]. Лирическим субъектом осознается, что Россия – пространство, существующее благодаря работе воображения: «Могу ж я помечтать, по крайней мере, / Что я еще лет десять проживу. / Свою страну увижу наяву ... Вздор! Ерунда! Ведь я давно отпет. / На что надеяться, о чем мечтать? / Я даже не могу с кровати встать» [8].

В одном из последних текстов Иванова вновь актуализируется противопоставление эмигрантской реальности и пространства, в которое лирический субъект совершает перемещение. Лирическим субъектом утверждается неприязненное отношение к действительности, в которой он находится. Лирический субъект отказывается признавать, что факт эмиграции действительно произошел, говорит о том, что сама эмигрантская быль была лишь одним долгим путешествием, произошедшим во сне («Даже больше того. И совсем я не здесь. / Не на юге, а в северной царской столице. / Там остался я жить. Настоящий. Я – весь. / Эмигрантская быль мне всего только снится...» [8]). Лирический субъект утверждает, что на самом деле он принадлежит пространству России – тому пространству, о котором вспоминает, которое пытается воссоздать в своем воображении. В этом пространстве у лирического субъекта есть постоянный спутник – Гумилев, являющийся поэтом, как и сам лирический субъект. Кроме того, в этой обретенной реальности (путь в которую лежит через опыт смерти – «Вдоль замерзшей Невы, как по берегу Леты» [8]) хранится память об ушедших временах: «Мы спокойно, классически просто идем, / Как попарно когда-то ходили поэты» [8].

Заключение

Таким образом, изучение основных направлений воображаемых путешествий в эмигрантской и доэмигрантской лирике Иванова позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, лирический субъект эмигрантской лирики продолжает тяготеть к

перемещению из пространства действительности в пространство инобытия, однако сам факт перемещения подготавливается не столько интенсивной работой воображения, сколько болезненным состоянием, близким к смерти. Во-вторых, если лирический субъект ранней лирики стремится попасть в воссозданное в его сознании литературное и культурное прошлое, отражающее целостность и гармонизацию земного существования, то лирическим субъектом поздней лирики осознается собственная беспомощность перед мировой бессмыслицей и хаосом, что приводит к сокращению числа возможных маршрутов и сосредоточению на двух основных направлениях: космическое пространство небытия и пространство утраченной родины. В связи с потерей эпохами прошлого своей значимости для лирического субъекта актуальной становится проблема забвения, преодолев которое, он может восстановить в своем сознании единственную реальность, которая спасет его от бесконечного пребывания в «черной пустоте» – реальность потерянной в действительной жизни России. Пространство России в отличие от космического пространства небытия обладает устойчивыми чертами и образами, оказывается населено знакомыми лирическому субъекту людьми, с которыми тот может вступить в подобие диалога. Именно в пространстве России не теряют своей актуальности литературные и культурные коды, которые теперь работают на сохранение воспоминаний о родине, пусть и преобразованных сознанием лирического субъекта и не соответствующих действительности. Лирический субъект также пытается вписать самого себя в условное литературное пространство родной страны, чтобы остаться в нем и после физической смерти.

Л и т е р а т у р а

1. Якунова Е.А. Своеобразие художественного мира ранней лирики Георгия Иванова: Автореф. дис. ... к. филол. н. Череповец: 2004:21.
2. Соколова Т.С. Поэтика пространства и времени в лирике Георгия Иванова: Автореф. дис. ... к. филол. н. Санкт-Петербург: 2009:18.
3. Загребельная Н.К. Петербург и другие: образы локального пространства в поэзии Георгия Иванова. *Печать и слово Санкт-Петербурга* (Петербургские чтения – 2016): сборник научных трудов. Санкт-Петербург: СПбГУПТД; 2017:156-162.
4. Варакина Е.Р. Картина мира в лирическом произведении: на материале творчества Г. Иванова и Странника (Д. Шаховского): Автореф. дис. ... к. филол. н. Москва: 2009:24.
5. Несынова Ю.В. Эволюция поэтической системы Г. В. Иванова: Автореф. дис. ... к. филол. н. Екатеринбург: 2007:23.
6. Фаустов А.А., Савинков С.В. Игры воображения. *Историческая семантика характера в русской литературе*. Воронеж: Научная книга; 2013:336.
7. Кожина Е.Ф. *Искусство Франции XVIII века*. Ленинград: Искусство; 1971:215.
8. Иванов Г.В. *Собрание сочинений*: в 3 томах. Т. 1: стихотворения. Москва: Согласие; 1993:656.
9. Богомолов Н.А. Талант двойного зренья: Творческий путь Г. Иванова. *Вопросы литературы*. 1989;(2):116-142.
10. Иванов Г.В. *Отплытие на о. Цитеру: Поэзы*. Книга первая. Санкт-Петербург: Еgo; 1912:32.
11. Мандельштам О.Э. *Полное собрание сочинений и писем*: в 3 т. Т. 1: стихотворения. Санкт-Петербург: Гиперион; 2020:700.
12. Лермонтов М.Ю. *Сочинения*: в 6 томах. Т. 1: стихотворения 1828–1831. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР; 1954:452.
13. Тименчик Р., Хазан В. «На земле была одна столица». *Петербург в поэзии русской эмиграции (первая и вторая волна)*. Санкт-Петербург: Академический проект, Издательство ДНК; 2006:848.
14. Вейдле В. *Безымянная страна*. Париж: ИМКА-пресс; 1968:166.

References

1. Yakunova EA. The peculiarity of the artistic world of early lyrics of Georgy Ivanov. Summary of Candidate's dissertation (Philology). Cherepovets: 2004:21 (in Russian).
2. Sokolova TS. The poetics of space and time in the lyrics of Georgy Ivanov. Summary of Candidate's dissertation (Philology). Saint-Petersburg: 2009:18 (in Russian).
3. Zagrebel'naya NK. Petersburg and others: images of local space in the poetry of Georgy Ivanov. *The seal and the word of St. Petersburg: (St. Petersburg readings – 2016)*. Saint Petersburg: SPbSUITD; 2017:156-162 (in Russian).
4. Varakina ER. The worldview in a lyrical work: based on the works of G. Ivanov and Strannik (D. Shakhovsky). Summary of Candidate's dissertation (Philology). Moscow: 2009:24 (in Russian).
5. Nesynova YuV. Evolution of the poetic system of G. V. Ivanov. Summary of Candidate's dissertation (Philology). Ekaterinburg: 2007:23 (in Russian).
6. Faustov AA, Savinkov SV. Games of imagination. *Historical semantics of character in Russian literature*. Voronezh: Publishing House "Science book"; 2013:336 (in Russian).
7. Kozhina EF. *The art of 18th century France*. Leningrad: "Art"; 1971:215 (in Russian).
8. Ivanov GV. *Collected works: in 3 volumes*. Vol. 1: poems. Moscow: Publ. House "Soglasie"; 1993:656 (in Russian).
9. Bogomolov NA. The talent of double vision: The creative path of G. Ivanov. *Literature questions*. 1989;(2):116-142 (in Russian).
10. Ivanov GV. *Sailing to Tsiteru island: Poetry. The first book*. St. Petersburg: Publ. House "Ego"; 1912:32 (in Russian).
11. Mandelshtam OE. *Collected works and letters: in 3 volumes*. Vol. 1. St. Petersburg: Hyperion; 2020:700 (in Russian).
12. Lermontov MYu. *Collected works: in 6 volumes*. Vol. 1: poems 1828-1831 Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1954:452 (in Russian).
13. Timenchik R, Khazan V. "There was only one capital on earth...". *Petersburg in the poetry of Russian emigration (first and second waves)*. St. Petersburg: Academic Project, Publ. House "DNK"; 2006:848 (in Russian).
14. Veidle V. *The nameless country*. Paris: Publ. House "YMCA-press"; 1968:166 (in Russian).

Сведения об авторе

ВЫСОЦКАЯ Мария Игоревна – аспирант кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы филологического факультета, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID: 0009-0006-6852-3205, e-mail: masha208889@gmail.com

About the author

Maria I. VYSOTSKAYA – Postgraduate Student, Department of History and Typology of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, ORCID: 0009-0006-6852-3205, e-mail: masha208889@gmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 01.04.25

Принята к публикации / Accepted 05.05.25

УДК 821.551.1

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-2-126-139>

Оригинальная научная статья

Роман Юрия Рытхэу «Остров надежды»: межтекстовый диалог и образная система

А. С. Жулева

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, г. Москва, Российская Федерация

✉ aszhuleva@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена интертекстуальности, этнодиалогу культур и сознаний в художественном представлении героического освоения и обживания неизвестного острова в Северном Ледовитом океане в начале XX века. Роман «Остров надежды» чукотского прозаика Юрия Рытхэу создан на основе дневниковых записей с привлечением этнологического материала в книге «Остров метелей» русского исследователя Арктики Георгия Ушакова. Проявлено осознанное и неосознанное использование различных интертекстуальных форм (цитаты, аллюзии, реминисценции и др.). Постижению онтологической структуры подвижнического бытия-события жизни героев романа способствовало обращение к феноменологии мира поступка, рассматривавшейся М. Бахтиным в работе «К философии поступка». Высвеченные глубинные истоки образной системы в романе восходят к этнотрадициям и фольклору, а также к мифологическому сознанию, возникшему в древности и трансформировавшемуся в переломное историческое время. Проявлено в ходе исследования, как чукотский писатель-философ Юрий Рытхэу, стремившийся познать глубины духовного мира и формы бытия, судя по богатству его библиотеки, а, главное, по его многочисленным романам о жизни чукотского и эскимосского народов, преодолел сложности аккультурации и языковые преграды, стал своеобразным медиатором мифологического смыслообразования – культурным героем и создателем целого ряда литературных образов культурных героев. Издревле в мифах идеализируются творческая деятельность человека, ответственность за мироустройство как высшее и редкое проявление субъективного самосознания. В основе самосознания заложены противопоставление, внутренняя дихотомия «Я» и «Другой». По мнению М. Горького, человечество, благодаря мифическому культурному герою, получило «идеал в виде посоха», морального «костыля». В романе «Остров надежды» Рытхэу передает функции мифологического персонажа реальным лицам, переходит от архетипической мифологемы к двум социально значимым персонажам. Эскимосский охотник на морского зверя и шаман Иерок, именуемый «умилыком», и «русский улылык», руководитель экспедиции Георгий Ушаков, взяв на себя ответственность за организацию поселения и выживание людей на необитаемом острове, благодаря своим поступкам постепенно приобретают в глазах людей статус культурного героя.

Ключевые слова: Юрий Рытхэу, чукотский роман, эскимосы, мировидение, культурный герой, «Остров надежды», освоение Арктики, Г. Ушаков, интертекстуальность, этнодиалог, истоки образов

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Жулева А. С. Роман Юрия Рытхэу «Остров надежды»: межтекстовый диалог и образная система. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 2. С. 126–139. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-126-139

Original article

The novel “Island of Hope” by Yuri Rytkheu: intertextual dialogue and the imagine system

Albina S. Zhuleva

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

✉ aszhuleva@mail.ru

Abstract

The article provides intertextuality and the ethnic dialogue between cultures and consciousnesses as presented in the artistic representation of the heroic exploration and habitation of a previously unknown island in the Arctic Ocean at the beginning of the 20th century. The novel “Island of Hope” by the Chukchi writer Yuri Rytkheu is based on diary entries with the use of ethnological material in the book “Island of Snowstorms” by the Russian Arctic explorer Georgy Ushakov. The study reveals both conscious and unconscious deployment of diverse intertextual strategies, including quotations, allusions, reminiscences, etc. An understanding of the ontological structure of the ascetic being-event within the lives of the novel’s characters is facilitated by engaging with the phenomenology of action, as explored by M. Bakhtin in his work “Towards the Philosophy of Act”. The deep origins of the novel’s figurative system are highlighted to ethno-traditions, folklore, as well as to the mythological consciousness that arose in ancient times and transformed during a period of historical time. This work reveals how the Chukchi writer-philosopher Yuri Rytkheu, aiming to explore the depths of the spiritual world and forms of existence, as evidenced by the scope of his library, and more importantly, by his numerous novels about the lives of the Chukchi and Eskimo peoples, having the challenges of acculturation and linguistic barriers. Thus, Rytkheu became a unique mediator of mythological meaning-making – a cultural hero and creator of a variety of literary representations of cultural heroes. Since ancient times, myths have idealized human creative activity and responsibility for the world order as foremost and infrequent expressions of subjective self-awareness. This self-awareness is based on the juxtaposition, the internal dichotomy of “Self” and “Other”. According to Maksim Gorky, humanity owes to the mythical cultural hero an “ideal in the form of a staff”, a moral “crutch”. In “Island of Hope”, Rytkheu transfers the functions of mythological figures to real people, proceeding from an archetypal mythologeme to two socially significant characters. The Eskimo sea hunter and shaman Jerok, called “umilyk” and the expedition leader Georgiy Ushakov, the “Russian umilyk”, who assumes responsibility for organizing the settlement and survival of people on a deserted island, gradually attain the status of cultural heroes through their actions.

Keywords: Yuri Rytkheu, Chukchi novel, Eskimos, worldview, cultural hero, “Island of Hope”, Arctic exploration, Georgy Ushakov, intertextuality, ethnic dialogue, the origins of images

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Zhuleva A. S. The novel “Island of Hope” by Yuri Rytkheu: intertextual dialogue and the imagine system. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 2. Pp. 126–139. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-126-139

Введение

Созданный с опорой на документальный материал дневников руководителя экспедиции с целью организации поселения на острове Врангеля Георгий Алексеевича Ушакова (1901–1963) роман Рытхэу «Остров надежды» адекватно отражает значимое в истории Арктики событие. В книге «Остров метелей» Ушаков рассказал о подлинном заселении в 1926–1929 гг. необитаемого и труднодоступного в то время острова, который был отмечен на карте российским путешественником Ф. Врангелем и внесен в отчет о возглавляемой им экспедиции по северным берегам Сибири и Ледовитому океану в 1920–1924 гг. [1]. Среди первых пятидесяти девяти поселенцев, высадившихся с парохода «Ставрополь» в августе 1926 г., приехавших на необитаемый остров Ледовитого океана, большинство составляли эскимосы из прибрежных селений Чукотского и Берингова морей, один чукотский оленевод и 9 русских, в основном из числа жителей Дальнего Востока и Севера. Двадцатипятилетний член дальневосточного краевого географического общества Георгий Ушаков как руководитель участвовал в подготовке экспедиции и жил с первыми поселенцами в течение трех лет. Позднее он продолжил исследование «нехоженных земель» Арктики, стал известным ученым и автором ряда книг. Подготовку материала о первой экспедиции он вел в течение всей жизни. Книга «Остров метелей» вышла в свет уже после его ухода из жизни в 1972 г.

Юрий Рытхэу в романе «Остров надежды», который вышел в 1987 г., сделал реального покорителя Арктики Ушакова без изменения имени и отчества прототипом главного героя своего произведения, в котором присутствуют в качестве прототипов с изменением и без изменения имени и ряд других реальных участников экспедиции – первых поселенцев острова [2].

Целью проведенного исследования является рассмотрение интертекстуальных связей произведений Ю. Рытхэу и Г. Ушакова, а также национального своеобразия образной системы в романе чукотского прозаика.

Среди основных задач были следующие:

- определить формы интертекстуальности в романе и их смысловую значимость;
- проявить достоверность исторического материала романа и способы привлечения научных исследований об освоении Арктики, документальных материалов;
- раскрыть многогранность художественного концепта «образ» в романе на примерах поступков героев, проявленных в экстремальных условиях;
- в ходе постижения идентичности, анализа специфики национального характера, преемственности этнотрадиций определить значимость и роль основных принципов исторической поэтики, в числе которых означена необходимость учета многомерности человека, его сущности и связей, разнообразия состава общества и форм его бытия.

Для достижения цели и решения поставленных задач были использованы историко-антропологический и компаративистский подходы, метод аналитико-синтетического чтения.

Являясь актуальным на современном этапе развития литературоведения, историко-антропологический подход не получил должного теоретического обоснования. Он предполагает личностное эмоционально окрашенное восприятие прошлого, обращение к человеку, его месту в истории, изучение опыта незаурядных и влиятельных личностей, понимание бытования жизни людей. Благодаря применению этого метода удалось проявить отраженные в романе различные аспекты мировосприятия и постичь специфику поведения представителей русского, чукотского и эскимосского народов в экстремальных условиях.

В процессе аналитико-синтетического чтения были обозначены формы присутствующей интертекстуальности, раскрывающие замысел автора.

Компаративистский подход, примененный при сопоставлении характеров героев, позволил высветить общее и особенное (этническое) в их проявлении, а также приблизиться к пониманию истоков поступка.

Интертекстуальность и становление образной системы в чукотском романе

Изначально было отмечено, что выстраивание некоего справедливого сообщества-поселения на острове было непростым, сопряженным в первую очередь с борьбой за выживание в необычайно суровых природных условиях, сложных даже для коренных жителей прибрежных селений, для которых, например, было психологически затруднено понимание длительной полярной ночи – стодневного отсутствия солнца, отсутствие морозов лишь 20–25 дней. В не меньшей, а можно сказать в большей степени затрудняло отсутствие взаимопонимания, вызванного напряжением при общении незнакомых людей, владеющих разными языками и традициями, отличающимися мировидением.

Своеобразна ситуация создания самого романа [2]: чукотский писатель пишет на русском языке о создании поселения эскимосов, не владевших русским языком, под руководством русского управляющего факторией, опираясь на материалы описанной им экспедиции в «Острове метелей». Вызывает высокую оценку уровень творческой энергии и интуиции Юрия Рытхэу, начинавшего писать на чукотском языке и переводившего русских классиков на чукотский, участвовавшего в создании учебных книг на чукотском языке и овладевшего русским языком сначала во время учебы в школе, позднее – в Ленинградском госуниверситете и написавшего до этого романа ряд произведений на русском языке, в том числе и об эскимосах. Жизнь и судьба народа-соседа, к языку и обычаям которого Рытхэу приобщился с детских лет, нашли отражение в его творчестве с раннего периода и присутствовали в течение всей жизни. В 1963 г. вышла повесть «Нунивак» о судьбе двух братьев с разных берегов Берингова пролива (российского и американского). Затронуты и проблемы, связанные с переселением эскимосов села Наукан (в повести оно носит название Нунивак), располагавшегося в жилищах, выдолбленных в скалах. После значительного перерыва появилось произведение с обозначенным автором жанром «Ирвытыр или Повесть-путешествие по времени и пространству Берингова пролива» [3] (напечатана впервые в журнале «Нева», № 5 за 1980 г. с. 43–109). Позднее вышла повесть, посвященная эскимосскому певцу и танцору, «культурному герою» эскимосов Нутетеину, «Полярный круг», а спустя еще два года – роман «Остров надежды». За ней последовал роман-предсказание из жизни эскимосов о фантастических формах связи двух берегов «Интерконтинентальный мост», который появился в 1989 г. Материалы проведенного ранее исследования отдельных аспектов некоторых из названных выше произведений чукотского писателя об эскимосах изложены в книге «Три мира народов Севера» [4, с. 127–163] и в статьях ряда научных журналов. В них присутствуют и убедительные свидетельства знания Рытхэу языка и фольклора, традиций и обычаев как своего, так и эскимосского народов, отмечено искреннее проявление как гордости от достижений и успехов, близкого по языку, а также по некоторым традициям и верованиям народа-соседа, так и тревоги за его будущее.

Не вступая в многочисленные споры литературоведов и лингвистов об определении (уточнении) термина «интертекстуальность», введенного Ю. Кристевой с ее ссылкой на Ю. Тынянова о трансформации в литературных произведениях предшествующих текстов, а также на М. Бахтина [5], размышлявшего о «межтекстовом диалоге», точнее – о диалоге сознаний через призму «забытых смыслов», остановимся на двух формах интертекстуальности – цитате и реминисценции, многозначно присутствующих в романе «Остров надежды».

Цитату как форму интертекстуальности некоторые исследователи называют внешней, а реминисценцию относят к числу внутренних разновидностей.

В тексте Рытхэу присутствует несколько значительных по размеру цитат со ссылкой на книгу Ушакова «Остров метелей». Первая из них является частью документа-заявления молодого энтузиаста – прототипа главного героя романа, в котором тот обосновывает свое жизненно важное решение отправиться на нехоженую землю арктического острова с целью принять участие в решении экономических и политических задач, важных для страны. Таким образом, автор определяет своеобразие характера будущего героя, его уверенность и даже самоуверенность в собственных силах и возможностях, поскольку двадцатипятилетний герой никогда не имел опыта жизни в условиях Полярного Севера. Выбранная автором цитата многозначна: с ее помощью Рытхэу, с одной стороны, подчеркнул документальность, реальность описываемых в романе событий, а с другой – повысил интерес читателя к нему, точнее к судьбе героя, к его характеру и способностям, позволившим, одолев порой экстремальные сложности, справиться с грандиозной задачей.

Во второй главе цитату-выдержку из документа писатель дополняет другой, не менее объемной, содержащей отрывок из дневниковой записи прототипа героя Ушакова, в которой тот, забирая на «Ставрополь» уже в Петропавловске (плавание началось во Владивостоке) необходимые для поселения палатки, выражает эмоции по поводу присоединения к экспедиции лучшего охотника Камчатки со своей семьей. Он как бы подводит итоги своей многотрудной с большим количеством препятствий и преодолений работы по организации и подготовке экспедиции. Обозначены твердость воли, решительность молодого энтузиаста, заряженного идеями высокой миссии, его способность принять на себя ответственность за дело и, главное, за будущее поселенцев.

Для выделения особой значимости освоения острова героем Ушаковым и поселенцами, своеобразного подведения итогов достижений в исследовании Арктики использована чукотским писателем большая по объему цитата в эпилоге романа. Перед читателем предстает сохранившееся письмо покорителя Арктики одному из первых переселенцев острова Врангеля Нанауну, переписку с которым полярный исследователь вел много лет. Это письмо и свою новую книгу о Северной Земле, освоению и исследованию которой он посвятил ряд лет, Ушаков передал через знакомого, отправлявшегося на остров Врангеля. Письмо проникнуто светлыми воспоминаниями о совместных годах покорения нехоженой земли, надеждами на продолжение достигнутого новым поколением. «Жизнь – и моя, и твоя – прошла в борьбе за Арктику, и мне кажется, что оба мы можем быть довольны результатами, так как трудились честно и делали все, что могли» [2, с. 302].

Чукотский писатель в романе активно использовал и одну из самых не столь очевидных форм интертекстуальности – реминисценцию, о которой В. Г. Хализев писал при определении, что это «образы литературы в литературе» [6, с. 75]. Реминисценцию, в отличие от цитаты, бывает сложно уловить, чтобы сопоставить, поскольку она не буквальное воспроизведение, а зачастую невольно или намеренно возникшие воспоминания о другом произведении. В число реминисценций можно отнести присутствующие в экспозиции романа размышления Иерока, имеющего прототип с именем Йерок в книге-путешествии Ушакова. Герой романа вспоминает о присутствующем в древних преданиях, рассказах, быличках волшебном острове, затерянном в лабиринте ледяных гор, где для охотников много добычи, способной спасти от голодных зим. «Сказка или быль?» – сомневается Йерок. Возникновение этих мыслей героя как результат влияния народных легенд можно ассоциировать с присутствующим в экспозиции

путешествия Ушакова текстом. Исследователь писал о появлении на карте Сибири нового острова: «9 марта 1823 года русский путешественник лейтенант флота Фердинанд Петрович Врангель, сидя в дымной палатке на мысе Шелагском, угощал одного из чукотских старшин-камакаев, а заодно расспрашивал его о том, не существует ли какой-нибудь земли к северу от чукотских берегов. Камакай – хороший знаток своего края – ответил ему: «Между мысами Езрри (Шелагским. – Г. У.) и Ир-Капио (Шмидта. – Г.У.) близ устья одной речки с невысоких прибрежных скал в ясные дни бывают видны на севере, за морем, высокие, снегом покрытые горы; зимой, однако ж, их не видно. В прежние годы приходили с моря – вероятно, оттуда – «большие стада оленей, но, преследуемые чукчами и истребляемые волками, теперь они не показываются» [1, с. 7]. Врангель принял сказанное на основе предположений, не сомневаясь в действительном существовании острова, внес его на карту, приложенную к отчету об экспедиции, что позволило последующим путешественникам найти его.

В качестве реминисценции, точнее даже аллюзии, можно рассматривать появление у авторов обеих книг размышлений о волшебном острове в экспозиции романа и в предисловии книги-путешествия как результат воздействия научных материалов и художественных произведений Владимира Богораз-Тана (1865–1936), с которыми и Ушаков, и Рытхэу были знакомы, поскольку тщательно изучали немногочисленные материалы о жизни и исследователях края. Фольклорист и языковед, участник этнографических экспедиций по изучению народов северо-востока России, автор монографии «Чукчи» Богораз-Тан был создателем ряда поэтических и прозаических произведений, в числе которых рассказы и повести «Восемь племен», «Воскресшее племя», цикл стихов под названием «Из поездки по тундре» [7]. В одном из его стихотворений присутствует художественно выраженное предсказание о нехоженных землях, возможных островах вблизи полюса, сделанное не без влияния фольклора и пытливых бесед с местными жителями.

Описание научной экспедиции Ушаковым, ее подготовки представлено в книге-путешествии, как было нами отмечено, в согласии с его записями хронологически, оно также было дополнено историко-культурными отступлениями, в число которых вошли обретенные во время экспедиции знания о традициях и обычаях из жизни эскимосов. В тексте романа Рытхэу нашли свое место элементы герменевтики этого исторически значимого события, отражен и поток сознания внутренней жизни автора книги «Остров метелей». Они также стали компонентой оригинально разработанной чукотским писателем фабулы и композиционно организованного сюжета. Создавая систему художественных образов, чукотский писатель в ходе развития сюжета своего произведения нередко опирался, трансформируя, на отдельные реальные события из книги-путешествия.

Проявлено и обосновано влияние на творческий процесс Рытхэу и научные изыскания Ушакова повести «Дерсу Узала» известного исследователя Уссурийского края Арсеньева, который стал для Ушакова вдохновителем и наставником еще в его подростковом возрасте.

Интертекстуальность в романе стала составляющей, способствующей развитию диалогизма, соединяющего автора, героев и читателя. О таком виде связи М. Бахтин писал: «живое высказывание, осмысленно возникшее в определенный исторический момент в социально определенной среде, не может не задеть тысячи диалогических нитей, сотканных социально-идеологическим сознанием вокруг данного предмета в высказывания» [5, с. 90].

В ходе исследования осуществлялся также поиск ответа на вопрос: «В какой степени нашел свое отражение в романе заложенный издревле и активно сохранявшийся в сознании и бытии эскимосского и чукотского народов и

в XX веке мифологизм мышления?». Естественным стало в связи с поиском ответа на данный вопрос обращение к художественному сознанию автора и мировидению героев. Мифологизм мышления чукотского писателя активизирован бытованием и воспитанием в детские годы, однако в годы обучения вдали от родного Уэлена осуществлялось формирование иных представлений о мире, отразившееся позднее и на творчестве, был даже период демифологизации, отказа от чукотских мифов и последующее признание в печати ошибочным этого мыследействия. В романе «Остров надежд» мифологизм присутствует как в открытом, так и закодированном виде. Определение значимости и роли присутствующего в произведении фольклора и раскодирование скрытых смыслов решались в ряду основных задач при поддержке означенных выше подходов.

Обращение в ходе работы к эпическим и сказочным представлениям разных народов о значимых в их бытии персонажах подтвердило мысль о том, что созданные Юрием Рытхэу образы Иерока и Ушакова можно ассоциативно соотнести с мифологическими культурными героями. Исходя из того, что настоящее или недалекое прошедшее осмысливается лишь благодаря нравственным ценностям, проверенным богатым опытом тысячелетий, чукотский писатель в своем творчестве не раз обращался к созданию на основе мифов, их трансформации, образов героев, близких к идеальным, которые издревле упорядочивали повседневную жизнь людей, структурируя их восприятие, мышление и действия. Он наделял их смиренной мудростью, почитанием предков, неколебимым желанием сохранения проверенных жизнью обычаев и традиций, поиском возможностей вписаться в новую жизнь. Так, в повести «Полярный круг» (1977) представлен в качестве восприимчивого эскимосских мифологических и эпических культурных героев науканский певец и сказочник, танцор и морской охотник Нутетеин. Жители Наукана называли его Умилгу Нунагым (*эским.* глава селения). Персонаж Иерок в «Острове надежды» стал своеобразным продолжателем дел и поступков этого героя. Подобно Нутетеину, он был в прибрежном селении и стал на острове Умилгу Нунагым. Уже на корабле он готовил себя к духовному наставничеству будущих поселенцев, используя традиционные для культуры народа приемы. Он решил подготовить пребывающих в тревоге и даже страхе от неизвестного очень удаленного от материка острова проявить глубоко спрятанные эмоции в песнях и танцах, отражающих проблему дня. Иерок сочинил песню и мысленно представил два танца: танец Прощания и танец Надежды. Во время этого творческого процесса его тело, тонко ощущающее ритмы природы и ее звуки, «мысленно повторяло движения в такт звучащему в его ушах звуку» [2, с. 48]. Иерок намеревался при поддержке других первых поселенцев исполнить танцы на берегу острова. В словах и мелодии песни, в движениях танца, которому он, уже будучи на острове в своей яранге, обучал мужчин и дочь, отражалась реальная жизнь. В них звучало поддерживающее дух первых поселенцев одобрение переезда на новую землю и восхваление ее словами о том, что именно этот остров надежды снился и являлся в мечтах. Карнавальное действо, традиционный праздник, Иерок считал важным и убеждал Ушакова: «Когда наши песни зазвучат над островом, только тогда мы почувствуем, что по-настоящему дома» [2, с. 75].

В экспозиции романа Иерок представлен и как обладающий мистическими загадочными способностями шаман, и как проявляющий неустанно заботу о жителях Урилыка, а позднее – острова, наставник и руководитель, которого эскимосы называли умилыком. В книге Ушакова дано в сноске сделанное историком Вдовиным расширенное толкование эскимосского слова «умилык» – это и силач, и хозяин, это и глава семейно-патриархальной общины, байдарной «артели», это и наиболее добычливый, ловкий охотник, организатор охоты на

крупных морских зверей – моржей, китов. В прошлом от него зависело и распределение продуктов промысла, он же, как правило, следил и за соблюдением религиозных ритуалов. Такое положение «умилыка» среди жителей поселка порождало естественную зависимость от него остальных членов общин. Равнозначного же по своему содержанию русскому слову «начальник» в эскимосском языке нет [1].

Значимое для окружающих имя-звание умилык получил и Ушаков из уст Иерока, определившего по делам и поведению молодого руководителя экспедиции его возможности и способность руководить. Вслед за Иероком поселенцы стали называть его «русский умилык». О значимости для эскимосов мнения Иерока Ушаков узнал при подготовке экспедиции. Эскимосский умилык пришел на корабль «Ставрополь» и порадовал молодого начальника сообщением о согласии его и ряда уназикских семей стать переселенцами на остров. Он объяснил, что, предварительно посоветовавшись с давно ушедшими предками, предложил своим односельчанам верить русскому умилыку. Так он оценил поведение Ушакова при первой встрече с ним, когда тот удержал его от совершения дурного поступка. Иерок стал надежным помощником для руководителя экспедиции на острове, выполняя негласно роль умилыка для основной части поселенцев. Не случайно писатель с первых страниц подчеркивает его знания и умения, обретенные во время временной работы на кораблях и поездок в чужие края – строить мореходные байдары, плавать под парусами, изготавливать-строить теплое и надежное жилище с помощью тонкого тундрового дерна, китовых костей и моржовой кожи. Выделяет писатель его способность и желание лечить людей, а также ездовых собак.

Раскрывая значение слова «умилык», Рытхэу периодически уточнял, почему все эскимосы признают Иерока умилыком. Читатель постепенно узнает, что он не просто искусный охотник, который, сидя на корме своей небольшой байдары, возглавляет погоню за моржом, а наследник предков, владеющий способностью общаться с Неведомыми силами, распоряжающимися природой и животным миром. Его ценили также за то, что он был знатоком и хранителем эскимосского фольклора и традиций. Ушакова же удивляли не только опыт, мудрость и сноровка Иерока, но и его предвидение событий, предсказания: когда нужно выходить в море, как загарпунить моржа и кита, добыть в мороз нерпу. По его мнению, все это – результат способности эскимосского умилыка хранить в памяти сведения и приметы, полученные от предков.

О мифологическом «эталонном» (М. Элиаде) воображении Иерока свидетельствуют и советы его, и поступки, способствовавшие выживанию формировавшегося коллектива переселенцев. Он был уверен в своей миссии умилыка, полученной от Небесных сил. Поддерживая Ушакова, советовал, приняв решение о переселении и получив доверие людей, быть твердым и смелым, отбросить сомнения: «Только так можно выжить. Если бы не было людей, которые способны принимать решения, брать на себя ответственность, нас бы давно не было» [1, с. 97].

Ушаков, уже знавший значение слова «умилык» от русского участника экспедиции Павлова, работавшего несколько лет в Урилыке учителем и владевшего эскимосским языком, подобрал для перевода по отношению к себе старое русское слово «кормчий». Именно таковым молодой герой был для первых поселенцев острова в течение трех лет, не только благодаря привезенным на корабле продуктовым и другим жизнеобеспечивающим запасам, но и постоянной заботе о традиционном питании и собственном участии в охотничьем промысле. Герой Ушаков, как и его прототип, испытывают истинную радость и получают удовлетворение от действенного движения к желаемой цели, воплощению гуманной идеи и заботы об Отечестве. Глубинно значимым для жизненного

кредо «русского улылика» могли бы стать слова Л. Н. Толстого «Есть два желания, исполнение которых может составить истинное счастье человека – быть полезным и иметь спокойную совесть» [8, с. 192]. Можно предположить, что, добиваясь исполнения этих двух обеспечивающих счастье желаний, герой обретал жизненные силы, спокойствие и уверенность в правильности всех своих действий, упорно искал и находил, постигая культуру северного народа, эффективные для обеспечения бесконфликтного расселения и обживания суровой территории приемы общения, предугадывая заранее возможные реакции окружающих, применял различные стратегии поведения в затруднительных ситуациях, связанных зачастую с этническим мировоззрением, своеобразными для него и некоторых других представителей русского народа эскимосскими традициями, обычаями и ритуалами.

Оба улылика в романе внимательны к мнению друг друга, стараются не уронить авторитет перед поселенцами, приходят на помощь и в «скользкой» ситуации. Их объединяет развитое у них дивергентное мышление, которое отличается от широко распространенного конвергентного в первую очередь тем, что направлено на поиск несколько одинаково правильных ответов на одну и ту же задачу, превалирует у них и стремление искать творческое, нестандартное решение. При конвергентном же способе мыслить человек обычно сосредоточен на действии по определенному алгоритму. Обычно человек не свободен от стереотипов, боится нового и неизвестного. Умеющий мыслить дивергентно способен создавать, а не копировать, опираясь лишь на чье-то мнение.

Два героя, хотя и близки по устремленности к организации коллектива и улучшению его бытования, преодолению хаоса, отличаются разнонаправленностью логики поиска путей решения задач, возложенных на них не без их собственного желания. Ушаков заряжен идеями ответственности за страну, задачами построения нового, неизвестного, но более справедливого, по его убеждению, общества и осуществляет их при поддержке средств, выделенных государством. Иерок же ищет опору и поддержку у Неведомых сил, у предков, верит в традиционные обряды и ритуалы, удерживающие хаос и способствующие самостоятельному обретению жизнеобеспечения в суровых северных условиях.

Нарратив романа наполнен дискуссиями, сомнениями о позитивных и не очень явлениях в новом и старом образе жизни, а также описанием сложных, порой конфликтных ситуаций, вызванных не только отсутствием или слабым знанием языков общения, но и расхождениями в языке культур, приводящими героев к душевными волнениям и даже дистрессу.

Для Ушакова эскимосские и чукотские традиции, ритуалы, обычаи были идейно неприемлемы, но он относился к их соблюдению с пониманием того, что поскольку им следовали народы издревле, быстрое искоренение их без психологических травм невозможно. Для Иерока они не только укоренены в его сознании, но и закреплены практикой, непоколебимы, не могут быть изменены. Ушаков выстраивает свое отношение с инокультурными поселенцами, подключая чувство эмпатии, стремясь не просто понять их поведение, но и, судя по его внутренней речи, ощутить испытываемые ими чувства. При этом он периодически ведет внутреннюю борьбу с Я-другим, пытаясь убедить себя в необходимости постоянного поиска компромисса, чтобы не допустить конфликтов, а также найти правильный выход из конкретных конфликтных ситуаций. Выработать твердую позицию, убедительную не только внутренне, но и внешне, помогает молодому руководителю стремление формировать себя извне, желание стать выше своей жизни в ее целом, воспринять ее как жизнь другого человека, которого он именует согласно заданным утопическими идеями большевиком.

Представляется, что, актуализируя в образах связанные с традиционными обрядами и обычаями известные и скрытые смыслы, Рытхэу нередко излагал их в произведениях предположительно и дискурсивно, стремясь и сам разгадать их мифологическую основу, поскольку они недостаточно изучены. Философия, теория познания, тайны религии были в постоянном кругу интересов писателя, о чем известно как из общения современников с писателем, интервью с ним, так и из подбора (каталога) книг личной библиотеки, где значительную часть составляли философские труды, работы не только критиков, литературоведов, фольклористов, но и психологов, а на рабочем столе постоянной жительницей была Библия.

Создавая выразительные образы двух умильников, наполненные чертами культурного мифологического героя русского и эскимосского народов, Рытхэу, естественно, сознательно и бессознательно воплощал освоенные мифологические символы и верования своего чукотского народа. В значительной степени раскрытие осуществлено благодаря как скрытому присутствию образа автора, так и созданию образа чукотского оленевода Апара, отличающегося твердостью и выдержкой характера, неожиданной и непоколебимой решительностью. Этот герой, безропотно перенося все сложности периода отработки за невесту-эскимоску, во время которого он был человеком «без голоса», упорно под зоркими взглядами окружающих овладел умением охотника-зверобоя. Создав семью, Апар приобщался к традициям эскимосов и русских, но не забывал и чукотские ритуалы, о чем ярко свидетельствует картина встречи вместе с новорожденным сыном первых лучей солнца после полярной ночи. Будучи потомственным оленеводом, Апар после переселения на остров периодически возвращался к проблеме развития здесь оленеводства. По его мнению, препятствием может стать только невозможность купить оленей, поскольку это запрещено чукотскими традициями, нарушение которых может привлечь болезни. Но его надежды укрепились после слов Ушакова о том, что можно, взяв на материке часть стада, просто перегнать, вообразив перекочевку. Апар обладал особой зоркостью и постоянно сравнивал оленеводов и прибрежных жителей. По его мнению, оленные чукчи являются более «быстрыми на подъем», отправляются в дорогу, «хорошо поразмыслив», во время перекочевки проявляют особое внимание к выбранной дороге, знают каждую прошлогоднюю кочку, все берега озер и речек, пригорки и склоны.

Активно используемые в романе «Остров надежды» художественные приемы диалогизации (внешней и внутренней), сопоставления, приобщения читателя к различным языкам культур (рецепции) постепенно высвечивали национальные миры и, соответственно, авторские представления о них.

Внутренние диалоги русского умилька наполнены размышлениями как о своеобразии традиций и ритуалов, так и о казавшейся ему неадекватной реакции и Иерока, и других героев на некоторые слова и действия окружающих. Для Ушакова было непонятным, например, почему эскимосы, признавая шаманские способности Иерока, доверяя его врачеванию, его советам и конкретным указаниям, периодически позволяли себе открытые насмешки над ним, иронические замечания. Станным было и то, что Иерок не только терпеливо воспринимал их, но иногда и сам позволял посмеиваться над своими словами и действиями.

Присутствующий в эскимосских и чукотских мифах и сказках архетипический образ трикстера не был знаком русскому умильку, естественно непонятна и его трансформирующая энергия. Писатель заостряет внимание на мифологическом образе трикстера, вероятно потому, что для него он был сакральным и неразгаданным. Об этом он писал в своей последней книге «Дорожный лексикон», где обозначил присутствовавшее издревле в культуре поведения эскимосов и чукчей

обращение к приемам трикстера как желание снять страх перед необычными и необъяснимыми жизненными обстоятельствами или перед таинственными способностями кого-то, утвердиться в собственной силе и обрести уверенность. Об этой стратегии как карнавальная, глубоко укоренившейся в культурах разных народов, писал М. Бахтин [9].

Создавая образы главных героев на сопоставлении их мировоззренческих представлений, автор постепенно знакомил читателя с разнообразием традиций, раскрывая их специфику. Так, поклонение предкам, обращение к ним за поддержкой, как отмечалось, было свойственно Иероку. Обращается в сложные жизненные моменты к воспоминаниям о родителях и Ушаков. Своеобразным знаком-символом обретения связи стала для него подаренная отцом книга с поэмой Пушкина «Руслан и Людмила». Хотя он знал поэму наизусть, беря в руки потрепанный томик, он ощущал магическую поддержку, прилив сил. В детстве ее читал отец, зародив смутную мечту об увлекательных путешествиях и желание самому научиться читать. Позднее отец учил мальчика таинству знаков по ней же, используя вместо отсутствовавшего букваря. Обращаясь к книге, он не только вспоминал своих предков, родную дальневосточную таежную деревню, но и связывал свою судьбу с воздействием на ее развитие героев поэмы. В частности, предполагал влияние Черномора, задавая себе мистический вопрос: не он ли водит его своей бородой по затерянным снежным просторам, по этому хрупкому убежищу человека.

Обследывая остров и составляя его карту, Ушаков ездил на собачьих упряжках обычно в сопровождении одного или нескольких человек, но однажды решил испытать и прочувствовать на себе одиночество арктической пустыни, о котором читал в книгах полярных путешественников. Представленное автором описание психологического восприятия героем окружающих скал, гротов и пещер, забитых льдом, пугающей, почти материальной зимней тишины, старающейся прижать человека ко льду – свидетельство обретенного им собственного опыта в сочетании с записями из книги Ушакова «Остров метелей». В памяти героя романа возникал даже вездесущий эскимосский Тугныгак, которого так боялись переселенцы. Он пытался вернуть себя в реальную действительность мыслями о присутствии на острове людей, хоть и в значительном отдалении, а отчаяние арктических путешественников, описанное в книгах, их тоску и безысходность объяснить тем, что эти люди чувствовали себя покинутыми, забытыми, разочарованными в собственных силах, обманутыми в своих надеждах и ожиданиях. У него же, по его мнению, не должно быть этих чувств, поскольку его ждет нужная людям и стране работа. Идея важности выполняемого дела поддерживала и не давала впасть в отчаяние. Мысли о светлом будущем жизни людей на острове придавали силы, успокаивали, укрепляли дух. Возможно, ответственность русского умилыка, воспринятая под воздействием убедительного примера Иерока, также оказала психологическое воздействие на подъем энергии.

Повышенная активность следования традициям не всегда оказывала позитивное воздействие на человека и приводила порой к дистрессу и принятию деструктивных решений о добровольном уходе из жизни, жертвоприношении. Во время непривычной для всех поселенцев, даже для прибрежных северных жителей эскимосов и чукчей, долгой полярной ночи, когда солнце отсутствовало в течение ста дней, некоторые из них заболели цингой. Иерок стал винить себя за то, что не предусмотрел значительно большей добычи и заготовки на зиму копальхена – квашеного мяса моржа и съедобных трав и корней. В его душе поселилась неумная тревога из-за того, что именно он уговорил жителей Урилыка покинуть родные места, где их охраняли уже известные и «прикормленные»

принесением жертв духи. По его мнению, духи острова не откликнулись на его угощения и заклинания, требуя большей жертвы. И однажды он предложил Неведомым силам во время ночных заклинаний на морозе, будучи полностью раздетым, под звуки бубна взять в жертву себя. Когда же он вернулся в ярангу, то, по мнению дочери, от него повеяло таким холодом, словно в жилище вошел не живой человек, а ледяная глыба. Заболев после этой ночи, Иерок сознательно отказывался от помощи, и психологический дистресс разрушил его ослабевший организм.

Неразгаданная суть трансцендентного в материальной и духовной жизни как чукотского, так и эскимосского народов была в круге внимания Рытхэу в течение всего творческого пути и стала составляющей во многих произведениях. Несмотря на необходимость следования идеологическим установкам о внедрении атеизма, писатель описал их верования в Неведомые силы и в романе «Остров надежды», не представлял в негативном облике шаманов и их удивляющие главного героя Ушакова сверхчеловеческие способности. В процессе жизнеустройства переселенцев молодой русский умильк активно использует поддержку владеющих таинственными возможностями шаманов, в числе которых в первой половине произведения был Иерок, а после его ухода – Аналько. Оба проводили обряды жертвоприношения местным духам, стремясь обеспечить безопасность и здоровье переселенцев, а также удачную охоту. Их слова и действия влияли на всех успокаивающе, изгоняли страх перед новым незнакомым пространством. В ситуации переселения на север острова семьи Аналько Ушаков даже использовал похвалу возможностям шамана договариваться с духами незнакомых мест, но при этом в процессе беседы осторожно изложил свойственную материалистам «правильную» точку зрения: умные и уверенные в себе люди могут не бояться Неведомых сил, потому что они сильнее их.

Заключение

Используемая Юрием Рытхэу в романе «Остров надежды» внешняя и внутренняя интертекстуальность как принцип диалогизма содержит ссылку автора на произведение-путешествие с документальными записями Георгия Ушакова «Остров метелей», что активизирует достоверность художественного текста и его значимость и позволяет назвать его историческим романом.

Интертекстуальность отразилась на построении и смыслообразовании текста, оказала влияние на создание образной системы, способствовала генерированию новых смыслов.

Осознанное и бессознательное использование Рытхэу различных интертекстуальных форм – цитаты, реминисценции, аллюзии и др. – стали своеобразной новинкой (залогом) самовозрастания смысла текста. Представлена «оживленная» картина, история одного из подвигов освоения Арктики, в котором участвовали разные народы России, в том числе коренные жители Севера.

Используя такие принципы исторической поэтики как историзм, сравнительный метод, определение роли и границ мифов и фольклора в процессе личного творчества, удалось проявить роль и значимость этнотрадиций, специфику национального характера.

В романе в динамике взаимодействия предстал читателю многоликий поликультурный мир своеобразного поселения на «нехоженой земле». Образная система выстроена с явным стремлением автора объективно и позитивно представить эскимосский, чукотский и русский миры, волю и стремление трех народов бороться и искать пути одоления природных катаклизмов, их умение выживать во взаимодействии, их мужество быть. Просматривается мысль автора о том, что традиции, обычаи, ритуалы – не пережиток прошлого, как

следовало бы представить согласно идейным установкам, а таинственные законы эволюции. Рыхтхэу словами героев пытается объяснить присутствие в романе осуждаемых в духе времени ритуалов и верований необходимостью отразить историческую реальность.

В ходе исследования образной системы раскрыта многогранность художественного концепта «культурный герой». Имеющий мифологическую основу, заложивший ядро моральных постулатов, этот персонаж, трансформируясь этнически, не теряет значимости и в современном мире, благотворно воздействуя сначала на слушателя в период отсутствия письменности, позднее – и на читателя, становясь образцом для самоорганизации и поступка [10]. В романе представлены достойные этого звания герои XX века из числа русского, чукотского и эскимосского народов.

В процессе создания образной системы в романе предстала как особый тип пограничного мышления, именуемый транскulturацией, включающей переосмысление новых знаний и опыта бытования, обнаруживающий сходство и различие в жизни человеческого Духа.

В процессе обсуждения материала проведенного исследования отмечена новизна подходов и полученных результатов, актуальных для повышения когнитивного уровня литературоведения, его значимости в изучении эволюционных процессов.

Л и т е р а т у р а

1. Ушаков Г.А. *Остров метелей*. Ленинград: Гидрологическое изд-во; 1972:176.
2. Рыхтхэу Ю.С. *Остров надежды*. Москва: Современник; 1987:304.
3. Рыхтхэу Ю.С. Ирвытыр или Повесть-путешествие по времени и пространству Берингова пролива. *Нева*. 1980;(5).
4. Жулева А.С. Эскимосские герои в повести чукотского писателя. Три мира народов Севера. *Литературные образы*. Москва: Филинь; 2020:394.
5. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. *Исследования разных лет*. Москва: Художественная литература; 1975:504.
6. Хализев В.Г. *Теория литературы*. Москва: Высшая школа; 2000:405.
7. Богораз-Тан В.Г. Из поездки по тундре. Северное притяжение. *Стихи поэтов Северо-Востока*. Магадан: Книжное изд-во; 1982:319.
8. Толстой Л.Н. *Познаем самих себя*. Сборник афоризмов. Ташкент: Фирма «Фонд»-ИПК «Шарк»; 1994:317.
9. Бахтин М.М. *К философии поступка*. Собрание сочинений, в 7 т. Т.1. Москва: Русское слово; 2003:7-68.
10. Хазанкович Ю.Г. *Эпические традиции в прозе малочисленных народов Арктики*. Москва: Флинта; 2019:417.

References

1. Ushakov GA. *The Island of Snowstorms*. Leningrad: Gidrometeoizdat; 1972:176 (in Russian).
2. Rytkheu YuS. *Island of hope*. Moscow: Sovremennik; 1987:304 (in Russian).
3. Rytkheu YuS. Irvytyr, or A Tale-journey through time and space in the Bering Strait. *Neva*. 1980;(5) (in Russian).
4. Zhuleva AS. Eskimo heroes in the novel of a Chukchi writer. Three Worlds of the Peoples of the North. *Literary images*. Moscow: Publ. House "Filin"; 2020:394 (in Russian).
5. Bahtin MM. Questions of literature and aesthetics. *Studies of different years*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1975:504 (in Russian).
6. Halizev VG. *Theory of literature*. Moscow: Publishing House "Vyshaya shkola"; 2000:405 (in Russian).

7. Bogoraz-Tan VG. From a trip through the tundra. In: Severnoye prityazheniye. Poems by poets of the North-East. Magadan: Book Publ. House; 1982:319 (in Russian).

8. Tolstoy LN. *Know thyself*. Collection of aphorisms. Tashkent: Firma “Fond”-IPK “Shark”; 1994:317 (in Russian).

9. Bakhtin MM. *Toward philosophy of the act*. Collected works: in 7 volumes. V.1. Moscow: Publ. House “Russkoye slovo”; 2003:7-68 (in Russian).

10. Khazankovich YuG. *Epic traditions in the prose of indigenous peoples of the Arctic*. Moscow: Flinta; 2019:417 (in Russian).

Сведения об авторе

ЖУЛЕВА Альбина Сергеевна – к. пед. н., с. н. с. отдела литератур народов России, ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-7734-5187, e-mail: aszhuleva@mail.ru

About the author

Albina S. ZHULEVA – Cand. Sci. (Pedagogy), Senior Researcher, Department of Literatures of the Peoples of Russia, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-7734-5187, e-mail: aszhuleva@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 13.03.25

Принята к публикации / Accepted 10.04.25

УДК 81'272;32.019.51

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-2-140-150>

Оригинальная научная статья

Контрманипуляция как способ противодействия языковому манипулированию в СМИ

Д. М. Журавлев

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

✉ den.den097@mail.ru

Аннотация

Информация и процессы, связанные с обработкой информации, сегодня играют одну из ключевых ролей на современном этапе развития общества. Информация – значимый инструмент влияния в мире. Воздействие на адресата в современном обществе происходит через использование различных каналов коммуникации. Средства массовой информации сегодня представляют один из самых важных источников формирования представлений о мире. Подвергаясь различным политико-экономическим, социальным, культурным и иным факторам, СМИ превращаются из инструмента транслирования информации в инструмент информационно-психологического воздействия на массовое сознание общества. Развитие масс-медиа в таком контексте актуализирует проблему манипулирования адресатом. В настоящее время проблеме манипулятивного воздействия на сознание аудитории посвящено огромное количество научных исследований. Язык является важным инструментом СМИ, который, подвергаясь различным деформациям, становится орудием, оказывающим влияние на адресата. Исследовательские работы, посвященные проблеме языкового манипулирования, достаточно широко представлены в научной среде отечественных и зарубежных лингвистов и других исследователей. В противовес манипуляции контрманипуляция упоминается и рассматривается лишь немногими исследователями. Сложность в определении понятия «контрманипуляция» приводит к трудностям в его интерпретации и отсутствию единого определения данного понятия в работах отечественных исследователей. В зарубежных исследованиях отмечается отсутствие понятия «контрманипуляция» и замена его подобным понятием «противодействие», которое в английском языке выражается через термин «counteract». Именно поэтому актуальность проблемы противодействия манипулятивному характеру СМИ остается особенно важной в наши дни. В данной статье рассматривается проблема контрманипуляции как способа противодействия языковому манипулированию в средствах массовой информации. Исследование направлено на рассмотрение основных критериев проверки достоверности информации в борьбе с языковым манипулированием в современных медиа, также предоставляются рекомендации как меры противодействия или контрманипулирования.

Ключевые слова: манипулирование, языковое манипулирование, СМИ, контрманипуляция, рекомендации контрманипулирования, противодействие, медиаграмотность, фактчекинг, комментарий, кликбейт

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Журавлев Д. М. Контрманипуляция как способ противодействия языковому манипулированию в СМИ. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 2. С. 140–150. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-140-150

Original article

Countermanipulation as the way to counter language manipulation in mass media

Denis M. Zhuravlyov

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

✉ den.den097@mail.ru

Abstract

Information and processes related to information processing today play one of the key roles in the current stage of society's development. Information is a significant tool of influence in the world. The impact on the addressee in modern society occurs through the use of various communication channels. The mass media today represent one of the most important sources of forming ideas about the world. Being subjected to various political, economic, social, cultural and other factors, the media turn from an instrument of broadcasting information into an instrument of informational and psychological influence on the mass consciousness of society. The development of mass media in this context actualizes the problem of manipulation of the addressee. Currently, a huge amount of scientific research is devoted to the problem of manipulative influence on the consciousness of the audience. Language, a primary tool of the media, can become an instrument for influencing the addressee when subjected to various distortions. Research papers devoted to the problem of language manipulation are widely represented in the scientific community of domestic and foreign linguists and other researchers. In contrast to manipulation, countermanipulation is mentioned and considered only by a few researchers. The difficulty in defining the concept of "countermanipulation" leads to difficulties in its interpretation and the lack of a single definition of this concept in the works of Russian researchers. Foreign studies have noted the absence of the concept of "countermanipulation" and its replacement by the similar concept of "counteraction", which in English is expressed through the term "counteract". That is why the urgency of the problem of countering the manipulative nature of the media remains especially important these days. This article examines the problem of countermanipulation as a way to counteract linguistic manipulation in the media. The research is aimed at examining the main criteria for verifying the reliability of information in the fight against linguistic manipulation in modern media. Recommendations are also provided as counteraction or countermanipulation measures.

Keywords: manipulation, language manipulation, mass media, counter manipulation, counter manipulation recommendations, counteract, media literacy, fact-checking, commentary, clickbait

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Zhuravlyov D. M. Countermanipulation as the way to counter language manipulation in mass media. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 2. Pp. 140–150. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-140-150

Введение

На сегодняшний день невозможно представить жизнь человека XXI века вне контекста информации. Информация сопровождает человека абсолютно везде. Растущие объемы информации создают сложности с определением достоверности, истинности информации, что делает проблему манипулирования

через информационные средства особенно актуальной. Современные научные исследования уделяют большое внимание проблемам манипулятивного воздействия на сознание аудитории. Поскольку манипуляционное воздействие в большинстве случаев осуществляется средствами языка, а языковое манипулирование представляет собой наиболее эффективный вид скрытого воздействия на социум, лингвистике отведена ключевая роль в исследовании и описании механизмов этого явления. Заметный вклад во всестороннее изучение проблемы языкового манипулирования внесли такие отечественные исследователи, как Р. В. Аганджян, О. Н. Быкова, Е. В. Горина, Е. Л. Доценко, Р. В. Патюкова, Н. Н. Оломская, Л. Г. Наварсатян, О. К. Чиж, Ю. А. Ильчев, А. Р. Нурутдинова и др. Среди зарубежных исследователей проблема изучалась Р. Е. Гудином, Х. Йылмаз, Т. А. ван Дейком, Л. де Соссюром, Дж. Дж. Актаном, У. Х. Райкером и др.

Однако мы считаем, что на современном этапе развития средств массовой информации не менее важным является проблема, связанная с изучением средств и способов противодействия языковому манипулированию.

Изучение понятия «контрманипулирование» как системы противодействия языковому манипулированию в условиях медиапространства является особенно актуальной. Защита от негативного манипулятивного влияния со стороны средств массовой информации должна прежде всего быть нацелена на формирование медийно грамотной личности адресата, умеющей не только верно интерпретировать информацию, но и уметь противодействовать оказываемому воздействию.

Вопросам контрманипулирования и противодействия манипуляторным воздействиям средств массовой информации в различных аспектах посвящены работы отечественных исследователей: А. Б. Бочарова, М. О. Демидова, А. А. Казакова, М. В. Петровой, В. Ф. Олешко, О. С. Мухиной, А. С. Марзака, П. В. Данилина, К. В. Папченко, О. А. Пономаренко и др. Среди зарубежных исследований в данной области следует отметить работы Ж. Пенекампфа, М. Хензе, О. Хофельда, А. Попана, Д. Кэледа, М. Сильва и др.

Мы полагаем, что, владея системой знаний в области медийной грамотности, можно преодолеть манипулятивное влияние средств массовой информации. Важным представляется выработка эффективной стратегии противодействия негативному влиянию СМИ.

Сегодня современное общество полностью существует и развивается в медиапространстве. Современный человек постоянно вынужден находиться в информационном поле средств массовой информации. Все чаще для крупных медиа становится обычной и приемлемой процедурой использование технологий информационно-психологического воздействия с целью получения определенной выгоды. Особенно остро стоит проблема скрытого манипулирования массовым сознанием через современные медиа.

Объектом специального изучения контрманипуляция в лингвистике не становилась, поэтому ее исследование особенно актуально.

Цель нашего исследования – определить роль контрманипуляции как средства противодействия языковому манипулированию в средствах массовой информации.

Задачи исследования:

- 1) рассмотреть определение понятия контрманипуляции в трудах отечественных и зарубежных исследователей;
- 2) выделить основные критерии достоверности при работе с информацией, представленной в масс-медиа;
- 3) выработать рекомендации контрманипулирования на основе анализируемых основных критериев информации.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили статьи, взятые из изданий «Экспресс Газета» (04.06.2022, 07.04.2024), «Комсомольская правда» (13.10.2024), «Копейский рабочий» (09.06.2021), «360» (18.03.2024), “The Daily Mail” (30.04.2024), “The New York Times” (07.03.2021), “Bloomberg” (11.05.2023).

В работе с материалом статей разных изданий учитывался тематический аспект. Особый интерес для нашего исследования представляют такие тематические блоки, как политика, экономика и шоу-бизнес, так как данные категории носят массовый характер и в большей степени привлекают большинство читателей, что создает риск возникновения манипуляций со стороны изданий, противодействовать которым представляется сложной задачей для реципиента.

В процессе исследования в статье были использованы следующие методы: описательный метод, используемый в ходе сбора и обработки анализируемых медиатекстов; метод семантического анализа для установления логико-смысловой нагрузки исследуемых единиц; метод интерпретационного анализа при толковании общего смысла высказывания; метод анализа дифференциальных признаков и сопоставительный метод, применяемые для разграничения видов речевого воздействия.

Результаты и обсуждение

СМИ в настоящее время остаются самым важным инструментом влияния на широкую аудиторию. В исследовании Л. Г. Навасартян «Цифровая информация как средство манипуляции в современной прессе» отмечается, что в условиях перманентных социальных и технологических трансформаций медиа не просто отражают происходящие события, а подают их чаще всего в зависимости от формата и внутренней политики издания, что зачастую «искажает объективную картину мира» [1, с. 218]. Ложная информация все больше культивируется как один из видов искусства, в котором СМИ пытаются преуспеть. Эмоциональный аспект в современных СМИ становится важнее логического, а мнение – важнее достоверности.

Современные исследования уделяют внимание проблематике языкового манипулирования в различных аспектах. Контрманипуляция, осуществляемая при помощи ресурсов языка как мера противодействия воздействию средствам массовой информации, затрагивается немногими исследователями.

Контрманипуляцию рассматривают в различных аспектах: как технологию, технику, методику, стратегию и тактику. С. Н. Плотникова отмечает: «Стратегия, тактика, технология – эти три понятия, используемые в анализе дискурса, еще не имеют непротиворечивого лингвистического обоснования» [2, с. 138]. В результате одно и то же явление рассматривается в различных аспектах. В научных работах исследователи оперируют термином «контрманипуляция», однако в ходе нашего исследования не было обнаружено словарного определения данного понятия как в российских, так и в зарубежных словарях.

В зарубежных словарях принято использовать близкий по смыслу термин «противодействие» (“counteract”). В словаре Cambridge dictionary приводится следующее определение понятия counteract – to reduce the bad effect that something else has [3]. А в словаре Merriam-Webster под термином counteract рассматривается следующее: to make ineffective or restrain or neutralize the usually ill effects of by means of an opposite force, action, or influence [4].

В Британском национальном корпусе (BNS) нами было обнаружено множество примеров использования лексемы counteract в контексте противопоставления, противодействия: *it's really to counteract the false teaching and how they should leave their lives together. The aim of the exhibition, he says, is 'to counteract the general media, how black people are represented, which emphasise the negative issues. Try to*

embed in your mind the wisdom of the forgone paragraphs, counteract frivolous gossip, instead spread goodwill, remembering always that a job worthwhile is your own making. I don't pretend that this will be easy, because the power of your negative thoughts about what you can't achieve will be very strong. You need to counteract it with as many positive thoughts about yourself as possible [5]. Таким образом, counteract в английском языке рассматривается как возможность уменьшения воздействия на реципиента.

В работах ученых также встречаются различные авторские термины. Так, Лиллиан Гласс называет это явление «вербальной самообороной» и отмечает ее сходство с обычной борьбой на ринге: «Как боксерам, борцам и чемпионам по карате, вам нужно тренироваться перед тем, как выйти на ринг защищать свою честь» [6, с. 3].

Попытку дать определение понятию «контрманипуляция» приводит В. П. Шейнов в своей работе «Манипулирование и защита от манипуляций». Он определяет «контрманипуляцию» как наиболее сильную из защит, которая представляет собой ответную манипуляцию со стороны адресата, в которой используются обстоятельства, созданные первоначальным манипулятивным воздействием [7].

Единой чертой, объединяющей различные трактовки контрманипуляции в трудах отечественных и зарубежных исследователей, является понимание того, что контрманипуляция представляет собой защиту, механизм противодействия.

В настоящее время современные СМИ используют различные сложные механизмы воздействия на людей: правильный подбор фактов, воздействие на эмоции читателя. Все чаще мы можем наблюдать в современных новостях отсутствие аналитики, профессиональной экспертизы. Профессиональную экспертизу заменяют быстрым и поверхностным обобщением информации.

Противостоять языковому манипулированию в массмедиа возможно через формирование культуры медиаобразованного пользователя информации, владеющего медиаграмотностью. Медиаграмотность служит результатом медиаобразования личности. На наш взгляд, наиболее полное отражение термина «медиаобразование» мы обнаруживаем в работе Н. Б. Кирилловой «От медиаобразования к медиакультуре» [8]. Сам термин «медиаобразование» рассматривается автором в контексте формирования медиакультуры личности, способной к активному осмысленному усвоению медийного содержания информации, основанному на знаниях, сущности и специфике массовых коммуникаций. Особое внимание Н. Б. Кириллова обращает на процесс формирования критического мышления и получения практического опыта в выявлении ложной, искаженной информации и формированию выработке иммунитета против манипулятивного влияния [8].

Информация представляет собой один из сложных продуктов интеллектуальной деятельности человека, что требует от реципиента особого подхода в ее изучении. Важный принцип при работе с информацией СМИ – разумное скептическое отношение. Разумеется, этот скепсис не должен быть абсолютным. Медийно-грамотная личность должна понимать, что над ней в принципе могут осуществлять манипулирование и подвергать различного рода психологическим воздействиям.

Общеизвестно, что при работе с информацией читателю необходимо соблюдать определенные алгоритмы. В работе с медиасообщениями особенно рекомендуется выработать привычку не делать поспешных выводов по поводу увиденного, услышанного или прочитанного в масс-медиа. Особенно актуально это для тех случаев, когда речь идет о срочных сообщениях, поступающих во время прямого эфира или в режиме реального времени. Не стоит также делать поспешных выводов в процессе получения информации в таком формате.

Однако мы отмечаем, что данные рекомендации являются весьма распространенными алгоритмами работы с информацией, но не всегда адресаты учитывают их в работе с информацией. Тем самым избегание известных правил работы с медиаинформацией создает условия риска введения адресата в ситуации языкового манипулирования. Распространенной тенденцией является и то, что, находясь в ситуации манипулятивного воздействия, адресат не может адекватно реагировать и использовать меры контрманипулирования.

Для того чтобы противостоять манипулированию в СМИ, необходимо владение системой противодействия, которая позволяет, опираясь на определенные критерии, проводить верификацию информации пользователем самостоятельно.

На сегодняшний день уже существует такая система работы с информацией в медиасфере – фактчекинг. Под термином фактчекинг обычно понимается процедура системного недоверия/подозрения, имеющая целью установление/определение достоверности или недостоверности информации, поставляемой средствами массовой информации [9].

Функционирование информационного пространства происходит сегодня в отсутствии надежных регуляторов продвижения по массовым каналам потоков информации, что подрывает информационную безопасность общества.

Изучив исследования Е. И. Позднякова «Актуальные методы противодействия фейковым новостям» [9] и А. Б. Бочарова, М. О. Демидова «Технология фактчекинга в борьбе с «информационным мусором»: проблемы и перспективы» [10], мы предлагаем выделить наиболее значимые критерии оценки достоверности информации как меры противодействия языковому манипулированию СМИ и определить рекомендации контрманипулирования для реципиента. Предлагаемые нами рекомендации рассчитаны на массового читателя, не владеющего процедурой фактчекинга или имеющего небольшие знания в данной области.

Анализ заголовка с целью определить наличие в нем приема кликбейта

В исследовании Н. Н. Вольской «Кликбейт как средство создания ложной информации в интернет-коммуникации» само понятие «кликбейт» определяется как «средство привлечения аудитории с помощью специфических заголовков, которые в определенных случаях сопровождаются графическими материалами, провоцирующими интернет-пользователей читать конкретный контент в расчете на свойственные человеческой натуре чувства любопытства, возмущения или недоумения» [11].

Одной из характерных черт кликбейт-заголовков является использование имен известных людей с целью привлечения внимания реципиента для перехода по ссылке и оказание на него манипулятивного воздействия. Так в издании «Экспресс газета» мы обнаружили статью со следующим заголовком: «“Веры больше нет”: озвучены печальные новости о Брежневой» [12]. Данный кликбейт-заголовок изначально предлагает читателю отрицательный вариант развития событий, но не удовлетворяет интерес и оставляет сообщение недосказанным. В самом содержании заметки мы обнаружили, что «Веры больше нет» именно на российской эстраде. Автор заметки воспользовался пробелом знаний реципиента, чтобы привлечь внимание читателя к сути содержания информации самой статьи.

Еще один пример подобного заголовка предлагает издание «Экспресс газета» с упоминанием другого не менее известного российского деятеля: «Николай Цискаридзе покинул Россию» [13]. В нем мы вновь обнаруживаем недосказанность в форме утверждения. Заголовок не выражает причины отъезда Николая Цискаридзе, предоставляя читателю возможность самостоятельного принятия решения для перехода по ссылке в новости. При более детальном изучении

статьи мы обнаружили, что Николай Цискаридзе покинул Россию, чтобы принять участие в праздновании 90-летнего юбилея Познера в Стамбуле.

В процессе исследования мы обнаружили, что английские медиа также используют имена известных личностей в качестве «когнитивной ловушки» – манипулирования сознанием реципиента. Издание The New York Times опубликовало кликбейт под названием “I Just Didn’t Want to Be Alive Anymore”: Meghan Says Life as Royal Made Her Suicidal [14]. Обратим внимание на заголовок, который начинается с прямой речи для привлечения внимания реципиента. В содержании статьи мы обнаруживаем, что Меган Маркл переживала непростой период своей жизни: an emotional but self-possessed Meghan said of her suicidal thoughts: “I was ashamed to have to admit it to Harry. I knew that if I didn’t say it, I would do it. I just didn’t want to be alive anymore”. Анализ содержания статьи показывает широкое использование прямой речи, усиливающей эмоционально-оценочное воздействие на реципиента.

В издании Bloomberg нами был обнаружен кликбейт с интригующим названием “This One Weird Trick Could Save the US Economy” [15]. Снова мы обнаруживаем так называемый «пробел» в заголовке, который не позволяет реципиенту увидеть полностью ответ на вопрос, для этого необходимо изучить содержание статьи. В содержании статьи автор рассматривает понятие weird как фактор, способствующий улучшению состояния экономики США: One special advantage of living in America was that it was possible to be weird and successful. I am a weird economist; always have been. I was not a traditional candidate for an economics Ph.D. because I was not remotely qualified or experienced when I started graduate school. Maybe it’s true there is no room for weirdness if you want to go to Harvard University and get a job at McKinsey after you graduate. Отметим, что понятие weird является абстрактным и может находиться в одном ряду с понятием mad.

Рекомендация контрманипулятивного ответа адресата

Так как кликбейт представляет собой «когнитивную ловушку», необходимо обращать особое внимание на «недосказанность» в работе с заголовками такого типа и не спешить открывать статьи, содержащие кликбейт-заголовки.

Характер информации в источнике СМИ: информирование или убеждение?

В условиях современной реальности важно обращать внимание на характер сообщений, предлагаемых медиаизданиями. Основная функция средств массовой информации – информирование. Однако изменения, которые происходят в политике, экономике, социальной сфере жизни общества, оказывают сильное влияние на характер СМИ, тем самым заменяя функцию информирования функцией убеждения. Современные масс-медиа «ведут борьбу» за внимание аудитории, что сказывается на качестве предлагаемого информационного продукта.

Проявление убеждения средствами массовой информации может проявляться по-разному. Примером может послужить издание «Комсомольская правда», которое опубликовало статью: “В нашем детстве дети в костюмах на утренниках – это была нормальная история”: Звезды высказались о квадроберах» [16]. В заголовке использован прием сравнения, который показывает аналогию утренников и движения квадроберов и демонстрирует читателю, что данное движение является нормой для общества. Содержание статьи строится из мнений известных людей, не имеющих однозначной оценки данного явления: Наталья Королева: «Бедные наши дети, что могу вам сказать? В нашем детстве это была нормальная история. Это как-то за утренник дальше не выходило. То есть там отплясали, отгуляли и нормальными детьми пришли домой. Я вообще против всевозможных запретов, но как-то надо к этому отнестись со стороны, наверное, психологии. Ольга Серябкина: «Я думаю, что за детьми вообще нужно следить. С одной

стороны, должен быть баланс и грань между свободой и неким самовыражением, между тем, когда это превращается во что-то неконтролируемое». Зара: «Я была снежинкой в садике. И чебурашкой была. Были у нас готы, были еще кто-то. Это тоже пройдет. Я считаю, что вообще ничего нельзя запрещать. Потому что, наоборот, это притягивает. К этому нужно как-то с пониманием относиться, и постепенно это отойдет». Отметим, что заголовок статьи не соотносится с содержанием статьи, построенном на мнениях разных знаменитостей, у которых нет ясной позиции в данном вопросе, но тем не менее воздействует на читателя с целью изменить отношение к данному общественному феномену.

Рекомендация контрманипулятивного ответа адресата

Реципиенту необходимо особое внимание обращать на характер информационного сообщения для того, чтобы не становиться объектом манипулирования со стороны средств массовой информации.

Установление различия между информацией и комментарием

Существенное отличие комментария от статьи заключается в их формате. Комментарий, как правило, посвящен какому-то одному факту или цепи однозначных фактов, в то время как статья предполагает всесторонний анализ явления посредством привлечения фактов разных планов [17]. В условиях современного мира комментарий может становиться официальным источником информации, что повышает риск манипуляционных воздействий на сознание реципиента.

Т. И. Стекова в своей работе «Комментарий как речевой жанр и его вариативность» отмечает, что комментарий в печатных СМИ не всегда носит аналитическую форму. Также она считает, что автору комментария обычно придают огромное значение, намеренно выделяя его как профессионального эксперта по определенному вопросу или в противоположном случае имя автора комментария полностью скрывается [18].

Медиаиздание «360» демонстрирует нам пример использования комментария в качестве новости-фейка: «Посетителям ТЦ в Волгодонске раздавали отравленные конфеты» [19], в которой ссылается на комментарий из группы «ВКонтакте». Комментарий содержит следующую информацию (орфография и пунктуация автора сохранены): «Анон. всем привет, кто может рассказать что было сегодня возле трц, говорят что раздавали конфеты мужики какие то кто то там отравился (кому не сложно расскажите пожалуйста ситуацию. за ранее спасибо)». Проанализируем данный комментарий. Как уже было отмечено выше, комментарий – это жанр «оперативного реагирования», который не предполагает глубокого анализа, не является официальным источником информации. Автор комментария неизвестен и в своем сообщении использует маркер анонимной атрибуции: «говорят, что раздавали конфеты...», сообщение построено с нарушением орфографических норм, следовательно, является фейком.

Комментарий, содержащий ложную информацию, представляет собой серьезное нарушение законодательства государства, за которую комментатор несет ответственность. В издании «Копейский рабочий» в статье «Говорите правду. Челябинка пойдет под суд за ложный комментарий о ковиде» [20] рассматривается фейковый комментарий следующего содержания: «По данным СМИ, дама написала в одном из пабликов, что ее знакомая работает в «красной зоне» и говорит, что 80% заболевших ковидом – привитые граждане». Мы обнаруживаем маркер анонимной атрибуции: знакомая работает в «красной зоне» и говорит... В дополнении к комментарию мы обнаруживаем неподтвержденные статистические данные: 80% заболевших ковидом – привитые граждане.

Комментарий как источник недостоверной информации прослеживается и в заметках британского издания The Daily Mail. Нами был обнаружен комментарий

журналиста Уилла Стюарта к статье “Goodbye, Little Britain”: Putin propagandist tells Russia to “wipe out” the UK in TV rant taking aim at Grant Shapps and Rishi Sunak over their support for Ukraine [21]. Мы можем обнаружить, что вначале журналист предлагает посмотреть короткий фрагмент из передачи Владимира Соловьева, который раскрывает сущность настоящих политических разногласий между Россией и Великобританией. Опираясь на исследование И. А. Стернина, А. М. Шестерниной «Маркеры фейка в медиатекстах», отметим, что в новости заметно прослеживается использование ярлыков в характеристике политических деятелей, т. е. отнесение лица к неодобительно-оценочной категории, об этом нам указывают следующие лексемы: Putin propagandist, Hardliner Buzhinsky, Putin’s propaganda warriors и др. [22, с. 10], которые демонстрируют, что автор показывает только односторонний взгляд на проблему. Отметим, что в самой статье нет четкой логики изложения, но заметно расширен эмоциональный план новости, автор комментирует отдельные фрагменты видеоролика и в завершении не делает никаких выводов.

Рекомендация контрманипулятивного ответа адресата

При изучении информации важным является установление разграничения между комментарием и официальной новостью. Необходимо обращать внимание на источник информации, открытый характер статьи, факты, логику изложения.

Заключение

Средства массовой информации сегодня все чаще используют различные инструменты языкового манипулирования с целью воздействия на аудиторию. Для того чтобы противостоять воздействию СМИ, необходимо выявить «отправные точки» языкового манипулирования. Такими отправными точками в нашем исследовании стали наличие кликбейтного заголовка, характер сообщения, различия между сообщением и комментарием к нему. Выделенные критерии и краткие рекомендации к ним являются мерой контрманипулирования в ответ на языковое манипулирование в СМИ.

Л и т е р а т у р а

1. Наварсатян Л.Г. Цифровая информация как средство манипуляции в современной прессе. *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2016;(1):213-219.
2. Плотникова С.Н. «Дискурсивное оружие»: роль технологий политического дискурса в борьбе за власть. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2008;(2):138-144.
3. Cambridge dictionary. Definition of the word “Counteract”. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/counteract> (дата обращения: 15.01.2025).
4. Merriam-Webster. Definition of the word “Counteract”. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/counteract> (дата обращения: 20.09.2024).
5. British national corpus (BNS). Definition “Counteract”. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 15.01.2025).
6. Гласс Л. *Вербальная самозащита*. Москва: Астрель; 2004:330.
7. Шейнов В.П. *Манипулирование и защита от манипуляций*. Санкт-Петербург: Питер; 2022:384.
8. Кириллова Н.Б. От медиаобразования к медиакультуре. *Медиаобразование*. 2005;(5):52-55.
9. Поздняков Е.И. Актуальные методы противодействия фейковым новостям. *Гражданин. Выборы. Власть*. 2023;29(3):173-180.
10. Бочаров А.Б., Демидов М.О. Технология фактчекинга в борьбе с «информационным мусором»: проблемы и перспективы. *Управленческое консультирование*. 2020;(12):102-111.
11. Вольская Н.Н. Кликбейт как средство создания ложной информации в интернет-коммуникации. *Электронный журнал «Медиаскоп»*. 2018;(2). URL: <http://www.mediascope.ru/2450> (дата обращения: 15.01.2025).

12. Веры больше нет: озвучены печальные новости о Брежневой. *Экспресс газета*. URL: <https://www.eg.ru/showbusiness/2272622-very-bolshe-net-ozvucheny-pechalnye-novosti-o-brejnevoy/> (дата обращения: 15.01.2025).

13. Николай Цискаридзе покинул Россию. *Экспресс газета*. URL: <https://www.eg.ru/showbusiness/4112582-ciskaridze-pokinul-rossiyu/> (дата обращения: 15.01.2025).

14. I Just Didn't Want to Be Alive Anymore: Meghan Says Life as Royal Made Her Suicidal. *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2021/03/07/world/europe/oprah-interview-harry-meghan.html> (дата обращения: 15.01.2025).

15. This One Weird Trick Could Save the US Economy. *Bloomberg*. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2023-05-11/this-one-weird-trick-could-save-the-us-economy> (дата обращения: 15.01.2025).

16. В нашем детстве дети в костюмах на утренниках – это была нормальная история»: Звезды высказались о кудрях. *Комсомольская правда*. URL: <https://www.kp.ru/daily/27646.5/4997142/> (дата обращения: 15.01.2025).

17. Васильева С.Л. Особенности жанра комментария в русском и английском газетно-публицистическом дискурсе: сопоставительный аспект. *Молодой ученый*. 2013;(2):207-210.

18. Стекова Т.И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность. *Новосибирский государственный университет*. 2014;9-10(1-2):81-88.

19. Посетителям ТЦ в Волгодонске раздавали отравленные конфеты. URL: <https://360tv.ru/news/obschestvo/fejk-posetiteljam-tts-v-volgodonske-razdavali-otravlennyye-konfety/> (дата обращения: 15.01.2025).

20. Говорите правду. Челябинка пойдет под суд за ложный комментарий о ковиде. *Копейский рабочий*. URL: <https://kr-gazeta.ru/obshchestvo/govorite-pravdu-chelyabinka-poydet-pod-sud-za-lozhnyy-kommentariy-o-kovide/> (дата обращения: 15.01.2025).

21. Goodbye, Little Britain»: Putin propagandist tells Russia to 'wipe out' the UK in TV rant taking aim at Grant Shapps and Rishi Sunak over their support for Ukraine. *The Daily Mail*. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-13367177/Putin-propagandist-tells-Russia-wipe-UK-TV-rant.html> (дата обращения: 15.01.2025).

22. Стернин И.А., Шестернина А.М. *Маркеры фейка в медиатекстах*. Рабочие материалы. Воронеж: РИТМ; 2020:34.

References

1. Navarsatyan LG. Digital information as means of manipulation in the modern press. *Vestnik of Samara University. History, pedagogy, philology*. Samara: 2016;(1):213-219 (in Russian).
2. Plotnikova SN. "Discursive weapon": the role of political discourse technologies in the struggle for power. *Vestnik of Irkutsk State Linguistic University*. 2008;(2):138-144 (in Russian).
3. Cambridge dictionary. Definition of the word "Counteract". Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/counteract> [Accessed 15 January 2025] (in English).
4. Merriam-Webster. Definition of the word "Counteract". Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/counteract> [Accessed 15 January 2025] (in English).
5. British national corpus (BNS). Definition "Counteract". Available at: <https://www.english-corpora.org/bnc/> [Accessed: 15 January 2025] (in English).
6. Glass L. *Verbal self-defense*. Moscow: Publishing House "Astrel"; 2004:330 (in Russian).
7. Sheinov VP. *Manipulation and protection against manipulation*. St. Petersburg: 2022:384 (in Russian).
8. Kirillova NB. From media education to media culture. *Media Education*. 2005;(5):52-55 (in Russian).
9. Pozdnyakov EI. Actual methods of counteraction fake news. *Citizen. Elections. Authority*. 2023;29(3):173-180 (in Russian).
10. Bocharov AB, Demidov MO. Fact-checking technology in the fight against "information debris": problems and prospects. *Management consulting*. St. Petersburg: 2020;(12):102-111 (in Russian).
11. Volskaya NN. Clickbait as a means of making false information in the Internet communication.

Mediascope. 2018;(2). Available at: <http://www.mediascope.ru/2450> [Accessed 15 January 2025] (in Russian).

12. Vera is no more: sad news about Brezhneva has been announced. *Express gazeta*. Available at: <https://www.eg.ru/showbusiness/2272622-very-bolshe-net-ozvucheny-pechalnye-novosti-o-brejnevoy> [Accessed 15 January 2025] (in Russian).

13. Nikolai Tsiskaridze left Russia. *Express gazeta*. Available at: <https://www.eg.ru/showbusiness/4112582-ciskaridze-pokinul-rossiyu/> [Accessed 15 January 2025] (in Russian).

14. I Just Didn't Want to Be Alive Anymore: Meghan Says Life as Royal Made Her Suicidal. *The New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com/2021/03/07/world/europe/oprah-interview-harry-meghan.html> [Accessed 15 January 2025] (in English).

15. This One Weird Trick Could Save the US Economy. *Bloomberg*. Available at: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2023-05-11/this-one-weird-trick-could-save-the-us-economy> [Accessed 15 January 2025] (in English).

16. "In our childhood, children in costumes at matinees – it was a normal story": The stars comment on quadrobbers. *Komsomolskaya Pravda*. Available at: <https://www.kp.ru/daily/27646.5/4997142/> [Accessed 15 January 2025] (in Russian).

17. Vasilieva SL. Features of the genre of commentary in Russian and English newspaper and journalistic discourse: a comparative aspect. *Young Scientist*. 2013;(2):207-210 (in Russian).

18. Steksova TI. Commentary as a speech genre and its variability. *Novosibirsk State University*. 2014;9-10(1-2):81-88 (in Russian).

19. Poisoned candies were distributed to visitors of the shopping center in Volgodonsk. Available at: <https://360tv.ru/news/obschestvo/fejk-posetiteljam-tts-v-volgodonske-razdavali-otravlennye-konfety> [Accessed 15 January 2025] (in Russian).

20. Speak the truth. Chelyabinsk resident to be prosecuted for making a false statement related to COVID. *Kopeyskiy rabochiy*. Available at: <https://kr-gazeta.ru/obschestvo/govorite-pravdu-chelyabinka-poydet-pod-sud-za-lozhnyy-kommentariy-o-kovide> [Accessed 15 January 2025] (in Russian).

21. "Goodbye, Little Britain": Putin propagandist tells Russia to 'wipe out' the UK in TV rant taking aim at Grant Shapps and Rishi Sunak over their support for Ukraine. *The Daily Mail*. Available at: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-13367177/Putin-propagandist-tells-Russia-wipe-UK-TV-rant.html> [Accessed 15 January 2025] (in English).

22. Sternin IA, Shesternina AM. *Fake markers in media texts*. Working materials. Voronezh: Publishing House "RHYTHM"; 2020:34 (in Russian).

Сведения об авторе

ЖУРАВЛЕВ Денис Михайлович – соискатель кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Российская Федерация ORCID: <https://orcid.org/my-orcid?orcid=0009-0005-3757-7094>, e-mail: den.den097@mail.ru

About the author

Denis M. ZHURAVLYOV – External Doctoral Student, Department of English Philology, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation ORCID: 0009-0005-3757-7094, e-mail: den.den097@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 17.02.25

Принята к публикации / Accepted 13.03.25

УДК 811.512.157

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-2-151-162>

Оригинальная научная статья

Когнитивно-семиотическое моделирование лексики тактильной перцепции в якутском языке

Р. П. Иванова

Политехнический институт (филиал), Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова в г. Мирном, г. Мирный, Российская Федерация

✉ raissal@yandex.ru

Аннотация

Исследование лексики тактильной перцепции в якутском языке представляет значительный интерес для когнитивной лингвистики и семиотики, так как позволяет раскрыть взаимосвязь между языковыми средствами, культурными кодами и внутренним миром человека. В условиях недостаточной изученности перцептивной лексики в якутском языке данная работа восполняет пробел в понимании ее роли в художественном тексте. Целью работы является когнитивно-семиотическое моделирование лексики тактильной перцепции в рассказе Ангелины Васильевой–Дайынына «Кэрэчээнэ», выявление ее функций в передаче эмоций, чувств и внутренних состояний героев. В качестве материала исследования используется текст рассказа «Кэрэчээнэ» Ангелины Васильевой–Дайынына. Основным методом выступает когнитивно-семиотический анализ, который позволяет выявить ключевые модели, такие как «Тактильная перцепция – чувство любви», «Тактильная перцепция – душевная рана», «Тактильная перцепция – благодарность» и др. Анализ показал, что тактильная лексика играет важную роль в раскрытии психологического портрета главного героя, его переживаний и трансформации. Тактильные образы взаимодействуют с культурными и социальными контекстами, формируя сложные смысловые структуры. Лексика тактильной перцепции выступает эффективным инструментом передачи эмоциональных состояний и внутренних конфликтов. Исследование демонстрирует уникальность тактильной лексики как элемента художественного текста, подчеркивая ее значимость для смыслообразования и раскрытия внутреннего мира человека. Статья вносит вклад в изучение перцептивной лексики в якутском языке, расширяя понимание ее роли в когнитивно-семиотическом пространстве литературного произведения. Полученные результаты подчеркивают, что тактильная лексика не только отражает эмоциональные и психологические состояния героев, но и служит связующим звеном между индивидуальным опытом и культурными традициями якутского народа. Это позволяет рассматривать ее как важный инструмент для передачи глубинных смыслов и культурных кодов якутского этноса.

Ключевые слова: когнитивная семиотика, моделирование, перцептивная лексика, якутский язык, смыслообразование, внутренний мир человека, языковой знак, художественный дискурс, символ, культурный код

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Иванова Р. П. Когнитивно-семиотическое моделирование лексики тактильной перцепции в якутском языке. Вестник СВФУ. 2025, Т. 22, № 2. С. 151–162. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-151-162

Original article

Cognitive-semiotic modeling of tactile perception vocabulary in the Sakha (Yakut) language

Raisa P. Ivanova

Mirny Polytechnic Institute (branch) of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Mirny, Russian Federation

✉ raissal@yandex.ru

Abstract

The study of tactile perception vocabulary in the Sakha language is of significant interest to cognitive linguistics and semiotics, as it reveals the relationship between linguistic means, cultural codes, and the inner world of a person. Given the insufficient research on perceptual vocabulary in the Sakha language, this work fills a gap in understanding its role in literary texts. The aim of the article is to conduct a cognitive-semiotic modeling of tactile perception vocabulary in Angelina Vasilyeva-Daiyyina's story "Kerecheene", identifying its functions in conveying emotions, feelings, and the inner states of the characters. The research material is the text of the story "Kerecheene" by Angelina Vasilyeva-Daiyyina. The primary method is cognitive-semiotic analysis, which allows for the identification of key models such as "Tactile Perception – Feeling of Love", "Tactile Perception – Emotional Wound", "Tactile Perception – Gratitude", and others. The analysis showed that tactile vocabulary plays an important role in revealing the psychological portrait of the main character, their experiences, and transformation. Tactile images interact with cultural and social contexts, forming complex semantic structures. Tactile perception vocabulary serves as an effective tool for conveying emotional states and internal conflicts. The study demonstrates the uniqueness of tactile vocabulary as an element of literary text, emphasizing its significance for meaning formation and the revelation of the human inner world. The article contributes to the study of perceptual vocabulary in the Yakut (Sakha) language, expanding the understanding of its role in the cognitive-semiotic space of a literary work. The findings highlight that tactile vocabulary not only reflects the emotional and psychological states of the characters but also serves as a bridge between individual experience and the cultural traditions of the Sakha people. This allows it to be viewed as an important tool for conveying deep meanings and cultural codes the Sakha ethnos.

Keywords: cognitive semiotics, modeling, perceptual vocabulary, Sakha language, meaning formation, innerworld, linguistic sign, fiction, symbol, cultural code

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Ivanova R. P. Cognitive-semiotic modeling of tactile perception vocabulary in the Sakha (Yakut) language. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 2. Pp. 151–162. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-151-162

Введение

Когнитивная семиотика рассматривается как новая научная парадигма, которая интегрирует знаковые и когнитивные структуры, акцентируя внимание на их взаимодополняемости и взаимодействии [1–4]. Она определяется как «новая дисциплина, посвященная анализу значения» [5, p. 2], «междисциплинарная матрица дисциплин и методов, сосредоточенная на многогранном феномене смысла» [6, p. 2].

Когнитивная семиотика основывается на ключевых принципах, которые определяют ее подход к изучению смыслов. Онтологический плюрализм признает множественность форм существования знаков и смыслов. Сочетание теоретических и эмпирических исследований обеспечивает глубину и достоверность научных выводов. Методологическая триангуляция предполагает использование разнообразных методов для анализа одного феномена, повышая объективность результатов. Влияние феноменологии акцентирует внимание на субъективном опыте и индивидуальном восприятии. Фокус на динамизме подчеркивает изменчивость и развитие смыслов во времени. Наконец, междисциплинарность объединяет методы из различных наук, таких как лингвистика, психология и философия, для комплексного изучения смысла [6, р. 10]. Эти принципы делают когнитивную семиотику мощным инструментом для анализа сложных процессов смыслообразования.

Предлагаемый подход предполагает интеграцию когнитивного и семиотического моделирования, что объясняется двойственной природой языка. С одной стороны, язык представляет собой систему знаков, замещающих предметы и явления реального мира. С другой стороны, это система символов, отражающих духовный опыт человечества. Особое внимание уделяется роли воображения как ключевого механизма восприятия и интерпретации знаков, что позволяет глубже понять процессы смыслообразования и коммуникации [7].

Значительный вклад в развитие когнитивной семиотики внес Ю. Р. Валькман, который отмечает, что когнитивная семиотика призвана связать действия в трех мирах: реальном (физическом), мире знаков (семиотическом) и ментальном (когнитивном) [8]. Его идеи о связи образного мышления с когнитивной семиотикой [9] сближают этот метод с когнитивной теорией метафоры, разработанной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [10, 11]. Принципы когнитивного моделирования, предложенные этими авторами, находят свое развитие в когнитивно-семиотическом анализе, что позволяет углубиться в смысл текста, выявляя глубинные когнитивные и символические знаки.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужил рассказ Ангелины Васильевой–Дайыына «Кэрэчээнэ», опубликованный в 2015 г. в 8 номере литературного журнала на якутском языке «Чолбон».

В настоящем исследовании применяется метод когнитивно-семиотического моделирования, который дополняет когнитивное моделирование, расширяя его рамки за счет учета не только ментальных процессов, но и роли знаковых систем в формировании и передаче смыслов. Когнитивное моделирование в лингвистике основывается на нескольких ключевых теоретических концепциях. Одной из них является принцип категоризации и концептуализации, который предполагает, что язык отражает способы, с помощью которых человек организует и интерпретирует информацию [12–14]. Этот принцип помогает понять, как языковые единицы связаны с ментальными репрезентациями и как человек структурирует восприятие мира [10, 15, 16].

Еще одна ключевая концепция – теория ментальных пространств, которая объясняет, как человек создает и манипулирует ментальными репрезентациями в процессе коммуникации. Ментальные пространства позволяют работать с информацией, выходящей за рамки непосредственного контекста, и используются для анализа сложных когнитивных процессов, таких как метафора, метонимия и условные конструкции [17, 18].

Однако когнитивное моделирование имеет ограничения, особенно в изучении социального и культурного контекста, где знаки играют ключевую роль. Когнитивно-семиотическое моделирование дополняет этот подход, учитывая, что

язык – это не только когнитивный феномен, но и сложная знаковая система. Оно подчеркивает, что знаки не статичны, их значения могут меняться в зависимости от контекста и интерпретации [11, 19]. В художественном тексте слова могут приобретать дополнительные смыслы благодаря взаимодействию с другими знаками [20].

Метод когнитивно-семиотического анализа обосновывается необходимостью объединить изучение знаковых систем с когнитивными процессами, что позволяет глубже исследовать природу человеческого мышления и коммуникации. Этот метод возник на стыке семиотики и когнитивной науки, что делает его междисциплинарным инструментом для анализа смыслов в текстах и других знаковых системах [21]. Текст – это не замкнутая структура с фиксированным смыслом, а открытая система, которая порождает множество интерпретаций [22, 23]. По мнению Р. Барта, «текст – это не линейная последовательность слов, а сеть взаимосвязанных лексем, каждая из которых связана с культурными кодами. Эти коды – любви, искусства, смерти – пронизывают текст и создают его многомерный смысл» [24, с. 18]. Перейдем к когнитивно-семиотическому анализу текста.

Роль тактильной лексики в рассказе

Рассказ Ангелины Васильевой–Дайынына «Кэрэчээнэ» [25] повествует о жизни молодого холостого учителя литературы, представителя интеллигенции, Андрея. Его жизнь течет размеренно и обыденно, как у многих: он полностью погружен в работу, почти не замечая окружающего мира. Андрей не стремится к общению, редко куда-то выходит, а свой 33-летний день рождения и вовсе не планировал отмечать, если бы не инициатива друзей. Они заказали столик в ресторане и подарили ему сертификат на курсы вождения в автошколе. Неохотно, но Андрей соглашается пойти на эти курсы, где встречается девушку-инструктора необычайной красоты – Надежду. В ее присутствии он начинает испытывать смутное, но сильное чувство, которое тщательно скрывает, называя ее про себя Кэрэчээнэ (Прекрасная).

Тактильная лексика в рассказе играет важную роль, помогая раскрыть внутренний мир героя и его зарождающиеся чувства. Она часто используется в переносном значении, создавая тонкие эмоциональные акценты и подчеркивая изменения в душевном состоянии Андрея.

С точки зрения когнитивно-семиотической функции тактильная лексика в рассказе выполняет несколько задач. Во-первых, она служит мостиком между внешним миром и внутренними переживаниями героя, позволяя читателю глубже понять его эмоциональное состояние. Во-вторых, она создает контраст между привычной для Андрея рутинной и новыми, яркими ощущениями, которые приносит в его жизнь встреча с Кэрэчээнэ.

Тактильная лексика в рассказе не только обогащает текст, делая его более живым и чувственным, но и помогает раскрыть сложный процесс пробуждения чувств у главного героя. Она становится инструментом, который позволяет автору передать тонкие нюансы эмоционального состояния Андрея, его внутреннюю борьбу и постепенное раскрытие для новых, ранее неизведанных переживаний.

Тактильные когнитивно-семиотические модели в тексте

Рассмотрим примеры употребления тактильной лексики, которые помогают раскрыть внутренний мир героя, его эмоции и переживания.

Андрей был настолько погружен в рутину, что его ничто, кроме работы, не интересовало. Он жил в своем замкнутом мире, целиком и полностью уходя в литературу, словно пытаясь найти в ней спасение от однообразия жизни. В свои тридцать три года он не обрел ни семьи, ни увлечений, которые могли бы вывести его из этого состояния. Даже свой день рождения он не хотел отмечать, считая это пустой тратой времени. Однако его друзья, давно заметившие, как Андрей

постепенно отдаляется от реальности, решили взять инициативу в свои руки. Они сговорились между собой, заказали столик в ресторане и буквально заставили его выйти из зоны комфорта.

Оказавшись в ресторане в веселой компании друзей, которые уже успели обзавестись семьями, построить карьеру и воспитать детей, Андрей вдруг с особой остротой осознает свое одиночество. Странное чувство сожаления, тихое и навязчивое, подкрадывается к его сердцу. Он начинает понимать, что за годы, проведенные в бесконечной рутине, он упустил что-то важное – то, что делает жизнь наполненной и настоящей. Тактильная лексика, используемая автором, помогает передать это внутреннее смятение, подчеркивая, как герой буквально ощущает тяжесть упущенных возможностей и нереализованных мечтаний. Через это описание читатель может почувствовать, как Андрей, словно пробудившись ото сна, начинает осознавать, что его жизнь требует перемен:

1. *Оо, олох! Сыл-кун, дьыл-кун эргимтэтэ түргэтээн истэжин ахсын, кини барахсан олобун суолугар сүтэртээн иһэр ээ, эдэр саас доботторун, оболуу ыраас тапталын, үрдүккэ талаһытын, модун баҕарытын!.. Ханна баалларый?.. Ханнык тобойго састылар? Курустук сайыһа хаалбыттарын кини тобо өйдөөн көрбөтө, төннөн кэлэн сүрэбэр сыһыары туннама?* [25, с. 16].

О, жизнь! В стремительном круговороте человек, идя по своему жизненному пути, незаметно теряет друзей юности, по-детски искреннюю любовь, стремления к лучшему и свои мечты. Куда же все это исчезло? За каким поворотом судьбы, за каким изгибом реки спряталось? Почему он не заметил, как все это осталось позади, не желая отпускать, почему он не остановился, не оглянулся и **не прижал** все это к сердцу? (здесь и далее – перевод наш).

Его прошедшая юность, упущенное время олицетворяются, а тактильный глагол *сыһыары тут* «прижимать» в отрицательной форме *туннама* в сочетании с существительным-локативом *сүрэх* «сердце» выражает чувство неудовлетворенности, сожаления. Оказалось, что жизнь прошла мимо, а он этого и не заметил. Прошедшая юность и упущенное время словно оживают в его воспоминаниях, олицетворяясь в чем-то осязаемом, почти материальном. Тактильный глагол *сыһыары тут* становится мощным выразительным инструментом. Он передает глубокое чувство неудовлетворенности и сожаления, которое охватывает героя. Эта конструкция не просто описывает эмоциональное состояние Андрея, но и создает яркий образ: он словно пытается вернуть утраченное, прижать к сердцу то, что уже невозможно обнять. Таким образом, в тексте актуализируется когнитивно-семиотическая модель «тактильная перцепция – чувство сожаления». Тактильная лексика здесь становится не просто способом описания физического действия, но и символьным знаком внутреннего состояния героя. Она передает его попытку осмыслить утраченное, ощутить то, что уже нельзя вернуть, и в то же время подчеркивает его беспомощность перед неумолимым течением времени.

Он плывет по течению, не ставя перед собой целей и не интересуясь тем, что происходит за пределами его маленького мира. Его жизнь лишена направления, а сам он пассивный наблюдатель, лишь реагирующий на обстоятельства. В следующем фрагменте это состояние раскрывается через персонифицированную конструкцию с тактильным глаголом *тут* «брать, хватать»:

2. *Биир күдьүс күүнүлүү көтөр күүнэрин кутуруктарыттан тутуспутунан, тыал үрэрин, сүүрүк илдэрин хоту устан иһэр буолаахтаатаҕа* [25, с. 17].

Схватив за хвост ускользающие мимо него, похожие друг на друга одинаковые дни, он плыл туда, куда дул ветер и несло течение ручья.

Глагол становится метафорой его существования: он словно «хватается» за дни, которые пролетают мимо, но не может удержать их или придать им смысл.

Тактильная лексика подчеркивает его отстраненность, отсутствие контроля над жизнью и неспособность влиять на ее течение. Через тактильную метафору автор показывает, как Андрей, несмотря на внешнюю стабильность, чувствует себя потерянным. Его жизнь – череда одинаковых дней, проживаемых механически. Таким образом, реализуется когнитивно-семиотическая модель «тактильная перцепция – рутина». Тактильная лексика показывает, как рутина становится не просто частью жизни героя, но и ее сутью, поглощая его целиком и не оставляя места для чего-то нового или неожиданного. Это состояние, с одной стороны, дает ощущение безопасности, а с другой – лишает жизнь смысла и перспектив.

Посещая курсы вождения, главный герой горячо влюбляется в девушку-инструктора. Чувство влюбленности и нежности к девушке описывается посредством различной перцептивной лексики, в особенности, тактильной: *дууһаны сылыталлар* (греют душу), *изйиизэ тырыта тыыттара истэ* (раздирало на части от чувств), *көрбүтүн барытын кууһуох* (обнять все вокруг), *сынгаабын ытыстаһыннарбакка* (челюсть не смыкалась), *икки аңы ыыра тардан кэбиһэрэ* (разрывает пополам):

3. Кыыс, кыыс... Кыыс уонна Кэрэ. Дьүөрэли и да тыллар! Харабы эрэ манньытарбуолбатахтар, дууһаны сылыталлар, үтүөбэ, үрдүккэ кынаттыыллар... Опуобус тохтобулугар баран иһэн, кини икки изйиизэ **тырыта тыыттара истэ**. Бииринэн, харабар хойуу хара кыламан сапсыммахтыыра көстөр, ураты сырдык изйи и түөһүн үөрүүнэн толорон, туох эрэ биллибэт күүстэн өрө көтүүх, экирииз, көрбүтүн барытын **кууһуох**, күлүүх-үөрүүх санаата кэлэр. Дьэ, дыкти да буолар эбит. Ити изйи киһи сынгаабын **ытыстаһыннарбакка**, букатын икки аңы **ыыра тардан** кэбиһэрэ дыктитин. Онон уостара **ыпсыбакка**, мичээрин бу харана халлаанна, лаампа уотуттан кылабачыйар хаар кырынахтарыгар, ыраах кыламнаан көстөр куорат уоттарыгар бэлэхтии истэ [25, с. 18].

Девушка, девушка... Девушка и Прекрасное. Как созвучны эти слова! Они не просто радуют глаз – они **согревают** душу, вдохновляют на что-то доброе, светлое, возвышенное... По пути к автобусной остановке его буквально **разрывало** на части от двух чувств. Во-первых, перед глазами то и дело всплывал образ ее густых черных хлопающих ресниц, а какое-то неземное, светлое чувство наполняло его душу теплом и радостью. Во-вторых, какая-то неведомая сила вызывала в нем неудержимое желание летать, прыгать, **обнять** весь мир и радоваться каждому мгновению. Как же это странно и одновременно прекрасно! Это чувство не позволяло его губам (букв. челюсти) **сомкнуться**, словно **разрывая** его пополам. И вот он шел, даря свою улыбку темному небу, крупинкам снега, искрящимся под светом фонаря, и далеким огням города.

Через тактильную лексику автор показывает, как влюбленность буквально переполняет героя, становясь не только эмоциональным, но и физическим переживанием. Он ощущает ее всем своим существом: от тепла, которое разливается по душе, до щемящего чувства, которое словно разрывает его на части. Эти описания подчеркивают, как любовь становится для Андрея чем-то всеобъемлющим, выходящим за рамки привычного и рационального. Тактильная лексика помогает читателю глубже прочувствовать внутренний мир героя, его смятение, восторг и одновременно страх перед новым, неизведанным чувством. Переполняющее главного героя чувство описывается автором преимущественно посредством тактильной лексики благодаря тому, что тактильное восприятие как самое первое и понятное человеку чувство, является наиболее удобным способом образного выражения чувств, что в свою очередь можно представить в качестве когнитивно-семиотической модели «Тактильная перцепция – чувство влюбленности».

Однако временами героя охватывают сомнения в ответном чувстве девушки. Она кажется ему настолько красивой, уверенной в себе и недостижимой, что он

начинает сомневаться, может ли она вообще обратить на него внимание. Андрей чувствует, что она не равня ему, и это порождает в нем внутренний конфликт. Чувство сомнения и противоречия автор передает через ряд тактильных глаголов в метафорических сочетаниях: *кымаахтыыр* (щиплет), *баттыыр* (давит):

4. *Ол эрэри, туюх эрэ күлүк санаа үөмэн кэлэн үөрүүттэн толугуруу мөхсүбүт сүрэбин быһыта кымаахтыыр, ыарахан таас буолан быарыгар сөнгөн, аллара баттыыр курдук* [25, с. 18].

Однако какая-то темная мысль подкрадывается к нему на цыпочках и сжимает его наполненное радостью сердце, словно тяжелый камень оседает в его печени, и **давит** вниз.

Актуализируется когнитивно-семиотическая модель «Тактильная перцепция – чувство сомнения». Данная модель подчеркивает, что тактильное восприятие – это не только физический акт, но и семиотический процесс, в котором телесные ощущения превращаются в знаки, требующие расшифровки. Чувство сомнения здесь выступает как катализатор, стимулирующий поиск смыслов и интерпретаций, что делает тактильный опыт не просто сенсорным, но и когнитивно насыщенным.

Интеллигентный учитель, никогда не сидевший за рулем, оказывается в роли водителя и испытывает новые, непривычные ощущения. Руки, привыкшие к указке и книгам, теперь сжимают руль, а взгляд скользит по зеркалам и дорожным знакам. Тело, обычно расслабленное, напряжено, ноги учатся чувствовать педали, а ум – принимать мгновенные решения:

5. *Урут суоппардары ураты дьон диэн көрөрө, оттон бэйэнг уруулу тутан, массыыналар кэккэлэригэр киирсэн, тэбис-тэнгэ барсан иһэрин, ураты изйиини, киэн туттууну үөскэтэр* [25, с. 19].

Раньше он воспринимал водителей как особенных людей, но теперь, сам сев за руль (букв. **держа** руль) и двигаясь в едином потоке машин, испытывал необыкновенное чувство гордости.

Теперь Андрей чувствует себя более уверенным и мужественным. То, что раньше казалось недостижимым и пугающим, оказалось вполне реальным и выполнимым. Он ощущает, как его руки, крепко сжимающие руль, становятся не просто инструментом управления, а символом обретенной силы и контроля над ситуацией. Тактильный глагол *тут* (держать в руках) здесь приобретает двойное значение: буквальное – физическое ощущение руля, и метафорическое – чувство власти над обстоятельствами. Этот момент становится ключевым в реализации когнитивно-семиотической модели «Тактильная перцепция – чувство уверенности», где каждое прикосновение, каждое движение рук подчеркивает его растущую уверенность в себе и своих возможностях.

Чувства главного героя к девушке-инструктору усиливаются с каждым днем, и развитие их отношений передается через обильное использование тактильной лексики. Каждое случайное прикосновение, легкое касание руки на руле становятся для него значимыми событиями, наполненными смыслом:

6. *Ыксаллаах түгэнгэ инструктора уруулун бэйэтэ эрийэн, көннөрөн биэрэр. Ол онно илиилэрэ таарыйсан, сын-сылааһынан дабайсан ылаллара, ама туюхха тэнгэһизэй! Онон Өндүрэй соробор ол сын-сылаас илии дабайарын өссө төгүл билээри, сорууан сыһынара да баар суол. Ону баалааман дуу...* [25, с. 19].

В сложных ситуациях инструктор сама **хваталась за руль** и выруливала. В эти мгновения их руки **соприкасались**, и Андрей **ощущал** ни с чем не сравнимое **тепло!** Порой он намеренно допускал ошибки, чтобы вновь **почувствовать эти теплые прикосновения**. Не судите его за это строго...

Будучи скромным и интеллигентным человеком, учитель придавал огромное значение тактильным ощущениям. Случайное прикосновение рук возлюбленной

вызывало у него бурю эмоций. Для него эти мимолетные касания становились не просто физическим контактом, а настоящими знаками глубокого чувства, наполненными смыслом и нежностью. Таким образом, в тексте реализуется когнитивно-семиотическая модель «Тактильная перцепция – чувство любви», где каждое прикосновение становится символом эмоциональной близости и зарождающейся привязанности.

На следующий день во время занятия Кэрэчээнэ была чем-то раздражена: она ругалась с кем-то по телефону и даже срывалась на крик. Андрей, восприняв это на свой счет, растерялся и сделал несколько ошибок в вождении:

7. *Ол онтон хомойон, онгорботох да буруйун барытын бэйэтигэр ылыннан, үүтүн тохпун оё курдук сүөм түспүт Өндүрэй суолга уруулу тутан олорорун да умнан, хас да куруубай албаһы онгордо* [25, с. 20].

Приняв (букв. **взяв**) все на себя, он сидел расстроенный, как ребенок, опрокинувший молоко, и, позабыв, что **сидит за рулем** (букв. **держит руль**), сделал несколько грубых ошибок.

Тактильная лексика в данной ситуации реализует когнитивно-семиотическую модель «Тактильная перцепция – чувство вины». Плохое настроение девушки вызывает у влюбленного героя чувство вины и волнения, из-за чего он теряет концентрацию и совершает ошибки. Девушка-инструктор, раздраженная, начинает его оскорблять:

8. – Куда смотришь?! Не видишь, что ли, желтый цвет уже горит? Совсем тупой, что ли!.. Учитель называется! (в оригинале девушка говорит на русском) [25, с. 20].

Эти слова сильно ранят героя:

Оо, тыллар! Соробор сытыы быһахтааҕар да ыарыылаахтык киһини бааһырдабыт эбээт! Ах, слова! Иногда **раните** человека более **острого ножа!**

Тактильная лексика в приведенном фрагменте актуализирует когнитивно-семиотическую модель «Тактильная перцепция – душевная рана», передавая отрицательное эмоциональное состояние героя. Грубые слова девушки глубоко ранили парня, и он приходит к мысли, что она никогда не ответит ему взаимностью.

Подавленный и разочарованный, Андрей около недели пропускает занятия. Когда он все же решает вернуться, то обнаруживает, что вместо Кэрэчээнэ инструктором оказался мужчина. Девушка куда-то пропала и больше не появлялась, оставив после себя лишь чувство недосказанности и горечи:

9. *Аны хаһан да Кэрэчээнэни көрбөппүн диэн санаа төбөтүгэр этиннии саалынна* [25, с. 20]. **Мысль**, что он никогда больше не увидит Кэрэчээнэ, **окатила** его внезапно **будто удар** грома.

Мысль о том, что Андрей больше никогда не увидит Кэрэчээнэ, глубоко огорчала его. Метафорическое выражение с сравнением *санаа төбөтүгэр этиннии саалынна* – «мысль разразилась (букв. ударила) как гром» – ярко описывает его внутреннее эмоциональное состояние, передавая разочарование и грусть. В этом фрагменте актуализируется когнитивно-семиотическая модель «Тактильная перцепция – подавленное эмоциональное состояние», где тактильная лексика подчеркивает силу переживаний, словно удар, отзывающийся в душе героя.

Позже Андрей узнает, что Кэрэчээнэ уволилась с работы из-за личных проблем. Казалось, связь между ними оборвалась навсегда. Однако на уроках литературы, когда речь заходит о глубоком чувстве любви, он с неожиданным воодушевлением рассказывает о ней ученикам – так убедительно, так проникновенно, что дети заслушиваются, словно замороженные. В его словах звучит не только знание предмета, но и личное переживание, которое делает рассказ живым и трогательным:

10. *Бэйэтин сүрэжин ыарыытын таарыйан, абаран-сатаран, олус итэбэтиилээхтик кэпсээтэ* [25, с. 21]. **Задевая** свою сердечную рану, с чувством, очень убедительно рассказал (о любви).

Тактильный глагол *таарый* (прикасаться) в приведенном примере, сочетаясь с абстрактным объектом – *сүрэжин ыарыытын* (сердечная боль, рана), обозначает печальный любовный опыт героя. Перцептивная лексема *ыарыы* (боль) актуализирует отрицательный концептуальный признак, подчеркивая глубину его переживаний. Таким образом, реализуется когнитивно-семиотическая модель «Тактильная перцепция – печальный опыт любви», где тактильные образы становятся символами эмоциональной травмы и утраты.

После бурной дискуссии о любви во время урока со своими учениками он осознает, что, несмотря на безответность своих чувств, все же имел счастье познать это глубокое и искреннее переживание. Любовь к Кэрэчээнэ, пусть и неразделенная, подарила ему новые эмоции, вдохновение и даже изменила его жизнь, заставив взглянуть на мир иначе. Теперь он понимает, что сам факт способности так сильно чувствовать – это уже дар:

11. *Таптал да араастаах. Ким эрэ омуннаахтык күүдэпчилэнэ умайыа, ким эрэ нарын ийииттэн долгуйа ууллуу, ким эрэ бастакы хаһынтан сүрэбэ мууһуруо... Ол эрэн таптал – олобу хамсаатар күүс диэн мээнэбэ эппэттэр* [25, с. 21].

Любовь бывает разная. Кто-то будет **гореть** страстно, кто-то **растает** от нежного, волнующего чувства, у кого-то из-за первого разногласия **заледенеет сердце**. И все же не зря говорят: любовь – это сила, **двигающая** жизнь.

Горящие глаза учеников, их живой интерес к теме помогли расстроенному Андрею понять и почувствовать огромную, вечную силу любви. Выбор человека – страдать из-за нее или осмыслить ее и принять. Лексические единицы, относящиеся к тактильной перцепции, здесь употребляются в метафорических выражениях, описывающих мощь любви. Через образы прикосновения, тепла и движения передается, как любовь может вдохновлять, исцелять и преображать. Актуализируется когнитивно-семиотическая модель «Тактильная перцепция – сила любви», где тактильные метафоры становятся ключом к пониманию ее глубины и влияния на человеческую душу.

Познав животворящую силу любви, Андрей с искренней благодарностью вспоминает встречу с Кэрэчээнэ. Даже если их пути разошлись, она подарила ему нечто большее – возможность почувствовать себя по-настоящему живым, понять, что любовь, даже безответная, способна преобразить человека, раскрыть в нем новые грани и вдохновить на перемены. Теперь он видит в этой встрече не боль утраты, а бесценный опыт, который навсегда останется частью его жизни:

12. *Махтал, эйиэхэ, Кэрэчээнэ, мин олохпор көстөн ааспыккар, кылгас да кэмгэ буоллар сырдатан, инникигэ, кэрэбэ угуйан ааспыккар! Улугурбут, **тонг сүрэххэ сылаас ийиини уһугуннарбыккын** умнуом суоба* [25, с. 21]!

Благодарю тебя, Кэрэчээнэ, за то, что появилась в моей жизни, пусть даже на короткое время, за то, что притягивала меня к свету, надежде и прекрасному! Ты **разбудила** в моем равнодушном, **заledenелом сердце** **теплое чувство**, и я никогда этого не забуду!

Лексика тактильной перцепции употреблена для выражения чувства благодарности за опыт любви, актуализируя когнитивно-семиотическую модель «Тактильная перцепция – благодарность».

Заключение

В ходе анализа перцептивной лексики в тексте произведения Ангелины Васильевой–Дайыына «Кэрэчээнэ» были выявлены ключевые когнитивно-семиотические модели, раскрывающие смысл текста. Тактильная лексика активно

используется для передачи эмоциональных состояний героя, таких как любовь, сомнение, уверенность, вина, облегчение и благодарность. В тексте реализуются несколько моделей, основанных на тактильной перцепции:

- «тактильная перцепция – чувство любви»: через прикосновения и тепло передается глубина чувств героя к Кэрэчээнэ;
- «тактильная перцепция – чувство уверенности»: тактильные действия символизируют обретение контроля и уверенности;
- «тактильная перцепция – чувство вины»: физические ощущения отражают внутренний дискомфорт и раскаяние;
- «тактильная перцепция – печальный опыт любви»: тактильные образы передают боль и разочарование от безответной любви;
- «тактильная перцепция – благодарность»: через образы тепла и пробуждения выражается признательность за пережитый опыт.

Таким образом, тактильная лексика в рассказе выполняет важную художественную функцию, выступая средством репрезентации внутренней трансформации героя. Через систему тактильных образов автору удастся воплотить ключевую идею произведения – любовь как экзистенциальную силу, способную преобразовать человеческую природу.

Анализ текста показал, что динамика тактильной перцепции коррелирует с развитием характера персонажа и отражает его духовную эволюцию. Тактильные образы становятся языком, передающим неочевидные психологические состояния, что позволяет говорить об их символической природе.

Тактильная лексика в рассказе служит не просто средством описания, но и важным структурным элементом, связывающим образ героя, сюжетное развитие и идейное содержание в единое художественное целое. Когнитивно-семиотический анализ позволил интерпретировать тактильную лексику как важный механизм концептуализации опыта, где перцептивные данные обретают статус сложных знаков, интегрирующих телесное, психическое и культурное измерения человеческого бытия.

Л и т е р а т у р а

1. Daddesio T. *On minds and symbols: the relevance of cognitive science for semiotics*. Berlin: De Gruyter Mouton; 1995.

2. Беляев И., Капустян В., Рыков В. Знаковые системы и бизнес-процессы. *Информационные ресурсы России*. Москва; 2008(5).

3. Цветков В.Я. Когнитивная семиотика и информационное моделирование. *Перспективы науки и образования*. 2016;24(6):17-22.

4. Рыков В. В. Извлечение знаний – реализация когнитивной семиотики URL: <http://rykov-cs.narod.ru/dlg9.html> (дата обращения: 23.03.2025).

5. Brandt PA. *Spaces, domains and meanings: essays in cognitive semiotics*. Bern: Peter Lang; 2004:268.

6. Zlatev J. Cognitive semiotics: an emerging field for the transdisciplinary study of meaning. *Public Journal of Semiotics*. 2012;4(1):2-24.

7. Paolucci C. *Cognitive Semiotics*. Springer Nature; 2021:167.

8. Валькман Ю. Когнитивная семиотика в процессах образного мышления. *Problems of Computer Intellectualization*. Ithea. Kiev-Sofia: 2012:350-358.

9. Валькман Ю.Р., Тарасов В.Б. От онтологий проектирования к когнитивной семиотике. *Онтология проектирования*. 2018;8(1)(27):8-34.

10. Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things: what categories reveal about the mind*. Chicago: University of Chicago Press; 1987:614.

11. Lakoff G, Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: London: University of Chicago Press; 1980:256.
12. Рош Э. Принципы категоризации. *Новое в зарубежной лингвистике*. Москва: Прогресс; 1988;23:23-52.
13. Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание*. Москва: Русские словари; 1996:412.
14. Барсалоу Л.В. Модели категоризации в когнитивной науке. *Когнитивные исследования*. 2010;(4):45-62.
15. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics: in 2 vols*. Cambridge (MA): MIT Press; 2000:565.
16. Джонсон М. *Тело в мышлении: телесная основа смысла, воображения и разума*. Москва: Языки славянской культуры; 2011:368.
17. Fauconnier G. *Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge: Cambridge University Press; 1994:190.
18. Fauconnier G, Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books; 2002:464.
19. Eco UA. *Theory of semiotics*. Bloomington: Indiana University Press; 1976:368.
20. Бразговская Е.Е. Семиотика. *Языки и коды культуры*. Москва: Юрайт; 2019:187.
21. Sonesson G. From the meaning of embodiment to the embodiment of meaning: a study in phenomenological semiotics. *Embodiment*. 2008:85-128.
22. Барт Р. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. Москва: Прогресс; 1989:616.
23. Гаспаров М.Л. *Язык. Семиотика. Культура. О поэтах*. Москва: Языки русской культуры, Кошелев; 1997:660. ISBN 5-7859-0009-2.
24. Барт Р. *S/Z*. Москва: Ad Marginem; 1994:304.
25. Васильева А.–Дайыына. Кэрэчээнэ. *Чолбон: литературный журнал*. 2015;(8):16-22.
26. БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта. Новосибирск: Наука; 2004;14 (Буква Ч):298-299.

References

1. Daddesio T. *On minds and symbols: the relevance of cognitive science for semiotics*. Berlin: De Gruyter Mouton; 1995 (in English).
2. Belyaev I, Kapustyan V, Rykov V. Sign systems and business processes. *Information resources of Russia*. Moscow: (2008)5 (in Russian).
3. Tsvetkov VYa. Cognitive semiotics and information modeling. *Prospects for science and education*. 2016;24(6):17-22 (in Russian).
4. Rykov VV. Knowledge extraction – implementation of cognitive semiotics. Available at: <http://rykov-cs.narod.ru/dlg9.html> [Accessed 23 March 2025] (in Russian).
5. Brandt PA. *Spaces, domains and meanings: essays in cognitive semiotics*. Bern: Peter Lang; 2004:268 (in English).
6. Zlatev J. Cognitive semiotics: an emerging field for the transdisciplinary study of meaning. *Public Journal of Semiotics*. 2012;4(1):2-24 (in English).
7. Paolucci C. *Cognitive Semiotics*. Springer Nature; 2021:167 (in English).
8. Valkman Yu, Tarasov VB. Cognitive semiotics in the processes of figurative thinking. *Problems of Computer Intellectualization*. Ithea. Kiev-Sofia: 2012:350-358 (in Russian).
9. Valkman YuR, Tarasov VB. From design ontologies to cognitive semiotics. *Ontology of designing*. 2018;8(1)(27):8-34 (in Russian).
10. Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things: what categories reveal about the mind*. Chicago: University of Chicago Press; 1987:614 (in English).
11. Lakoff G, Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: London: University of Chicago Press; 1980:256 (in English).
12. Rosch E. Principles of categorization. *New developments in foreign linguistics*. Moscow: Progress; 1988;23:23-52 (in Russian).

13. Wierzbicka A. *Language. Culture. Cognition*. Moscow: "Russkie slovari" Publ.; 1996:412 (in Russian).
14. Barsalou LV. Models of categorization in cognitive science. *Cognitive research*. 2010;(4):45-62 (in Russian).
15. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics: in 2 vols*. Cambridge, MA: MIT Press; 2000:565 (in English).
16. Johnson M. *The body in thinking: the bodily basis of meaning, imagination, and reason*. Moscow: Languages of Slavic Cultures; 2011:368 (in English).
17. Fauconnier G. *Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge: Cambridge University Press; 1994:190 (in English).
18. Fauconnier G, Turner M. *The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities*. New York: Basic Books; 2002:464 (in English).
19. Eco U. *A Theory of Semiotics*. Bloomington: Indiana University Press; 1976:368 (in English).
20. Brazgovskaya EE. Semiotics. *Languages and codes of culture*. Moscow: Yurait; 2019:187 (in Russian).
21. Sonesson G. From the meaning of embodiment to the embodiment of meaning: a study in phenomenological semiotics. *Embodiment*. 2008:85-128 (in English).
22. Bart R. *Selected works: Semiotics: Poetics*. Moscow: Progress; 1989:616 (in Russian).
23. Gasparov ML. Language. Semiotics. Culture. About poets. Moscow: Russian culture; Koshelev: 1997:660 (in Russian).
24. Bart R. *S/Z*. Moscow: Ad Marginem; 1994:304 (in Russian).
25. Vasilieva A.-Dayyyna. Kerecheene. *Cholbon*: literary journal. 2015;(8):16-22 (in Yakut).
26. Big explanatory dictionary of the Yakut language. Letter Ч. Novosibirsk: Nauka; 2004:14:298-299 (in Yakut).

Сведение об авторе

ИВАНОВА Раиса Петровна – к. филол. наук, доц., зав. каф. английской филологии Политехнического института (филиала), ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова» в г. Мирном, г. Мирный, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-9757-1779, eLibrary SPIN-код 5938-5372, e-mail: raissal@yandex.ru

About the author

Raissa P. IVANOVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of English Philology, Mirny Polytechnic Institute (branch) of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Mirny, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-9757-1779, eLibrary SPIN-code: 5938-5372, e-mail: raissal@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 15.05.25

Принята к публикации / Accepted 04.06.25

УДК 821.512.31

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-2-163-173>

Оригинальная научная статья

Мотив испытания как фольклорный элемент в современной бурятской прозе

Г. Б. Мархадаев

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,

г. Улан-Удэ, Российская Федерация

✉ gombomarh@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию инварианта мотива испытания в современной бурятской прозе в контексте фольклорной традиции. Мотив испытания рассматривается как необходимое условие этнической самоидентификации, исследуется взаимосвязь между фольклорными традициями и современными литературными нарративами, а также роль коллективной памяти в формировании идентичности. Основная проблема исследования состоит в плоскости кризиса идентичности, который преодолевается через фольклорные мотивы, в частности мотивом испытания, и их трансформации в современной литературе, что способствует сохранению национальных ценностей и культурного наследия. Актуальным представляется понимание процессов формирования и укрепления этнической идентичности в условиях глобализации посредством изучения роли фольклорных мотивов. Цель исследования – проанализировать влияние фольклорного мотива испытания на сюжет и структуру современных произведений бурятских авторов, а также определить роль рассматриваемого мотива на формирование этнической самоидентификации. Материалом исследования послужили произведения бурятской литературы, среди которых роман «Драгоценный» Болота Ширибазарова, роман «Однажды в Бурятии» Александра Эрдынеева и повесть «Арьяна» Светланы Савельевой. В результате исследования выявлено, что фольклорный мотив испытания активно применяется в осмыслении и интерпретации современной бурятской литературы. Фольклорное основание мотива испытания проявляется в родовом коллективизме и исторической непрерывности, что способствует преодолению кризиса идентичности. Данный мотив способствует пониманию современных социальных изменений, отражая адаптацию традиций к новым реалиям. Подобный ракурс исследования открывает новые перспективы для дальнейших исследований в области сохранения культурного самосознания и традиционного знания.

Ключевые слова: мотив испытания, инвариант мотива, трансформация мотива, этническая самоидентификация, кризис идентичности, коллективная память, фольклорная традиция, фольклорная интерпретация, национальное начало, концепт

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Мархадаев Г. Б. Мотив испытания как фольклорный элемент в современной бурятской прозе. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 2. С. 163–173. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-163-173

Original article

The trial motive as a folklore element in modern Buryat prose

Gombo B. Markhadaev

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS, Ulan-Ude, Russian Federation

✉ gombomarh@yandex.ru

Abstract

This paper provides the invariant of the trial motive in modern Buryat prose in the context of the folklore tradition. The trial motive is considered as a necessary element for ethnic self-identification. The study explores the relationship between folklore traditions and modern literary narratives, as well as the role of collective memory in the formation of identity. The central problem studied in this research concerns the identity crisis, which is overcome through folklore motives, particularly the trial motive, and transformations in modern literature, thereby contributing to the preservation of national values and cultural heritage. The relevant of the research is to understand the processes of formation and strengthening of ethnic identity in the context of globalization through the study of the role of folklore motifs. The purpose of this study is to analyze the influence of the folklore trial motive on the plot and structure of modern works by Buryat authors, and to determine the motive's role in the formation of ethnic identity. The research material includes works of Buryat literature, containing "Precious" by Bolot Shiribazarov, "Once in Buryatia" by Aleksandr Erdyneev, and the novel "Aryana" by Svetlana Savelyeva. The results show that the folklore trial motive is actively used in the comprehension and interpretation of modern Buryat literature. The folklore basis of the trial motive appears in tribal collectivism and historical connection, which helps solve the identity crisis. This motive contributes to understanding of modern social changes, reflecting the adaptation of traditions to new realities. This perspective opens opportunities for future research into the preservation of cultural identity and traditional knowledge.

Keywords: trial motive, invariant of the motive, transformation of motive, ethnic self-identification, identity crisis, collective memory, folklore tradition, folklore interpretation, national origin, concept

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Markhadaev G. B. The trial motive as a folklore element in modern Buryat prose. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 2. Pp. 163–173. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-163-173

Введение

Фольклорные элементы в литературе выступают одним из основных источников вдохновения, сочетая традиционные культурные ценности с инновационными подходами к повествованию. Фольклор в художественном тексте использует «специфичный категориально-понятийный аппарат средств, систему архетипов, мотивов, образов, символов» [1, с. 3]. Фольклорные образы выявляют степень

вовлеченности и особенности развития проявлений этнического самосознания в творчестве бурятских писателей, пишущих на русском языке. Проблема заключается в том, как традиционные фольклорные элементы адаптируются к современным условиям и способствуют формированию этнической самоидентификации. В данной работе целью исследования является выявление фольклорных мотивов, в частности, мотива испытания. Мотив испытания широко используется в современной литературе различных культур, включая бурятскую. Выявление универсального фольклорного мотива в современных бурятских произведениях способствует исследованию генезиса этнической идентичности современных литературных героев, их трансформации и роли фольклорных элементов, как национальной первоосновы в творчестве бурятских авторов, что представляется актуальным и значимым. «Мотив в диахронической перспективе обладает устойчивым набором значений, отчасти заложенных в нем генетически, отчасти явившихся в процессе долгой исторической жизни» [2, с. 84].

В рамках данного исследования была применена многоуровневая методология, включающая сравнительно-исторический метод, метод контекстуального анализа и генетический подход. Сравнительно-исторический метод позволил выявить общие черты и особенности проявления мотива испытания в современных бурятских произведениях относительно традиционных фольклорных источников. Метод контекстуального анализа сосредоточился на интерпретации текстов в их культурном, социальном и историческом контекстах, что дало возможность рассмотреть, как мотив испытания соотносится с этнической идентичностью героев и их развитием. Генетический подход был использован для глубокого изучения родственных связей между фольклором и литературой, а также способов «присутствия» фольклорного материала в литературном тексте. Это позволило не только подчеркнуть важность фольклорных традиций в формировании современного литературного дискурса, но и проанализировать, как они влияют на характеры и идентичность персонажей, проходящих через испытания.

В исследовании ставятся следующие задачи:

- 1) анализ фольклорного мотива испытания: исследовать роль мотива испытания в фольклорной традиции бурятского народа. Выявить универсальные черты мотива испытания в фольклоре и их трансформацию в современной литературе;
- 2) изучение влияния фольклорных элементов на формирование этнической самоидентификации персонажей;
- 3) исследование кризиса идентичности и его преодоления;
- 4) сравнительный анализ произведений;
- 5) исследование роли коллективной памяти и родового уклада на формирование идентичности героев.

Мотив испытания в фольклорной традиции

В фольклоре мотив испытания часто связан с необходимостью героя пройти через трудности или преодолеть преграды, чтобы достичь цели, доказать свою ценность или узнать что-то важное о себе. Это может быть как физическое, так и эмоциональное или духовное испытание. Преодоление испытания являет собой одну из основных функций героя в сюжете народной сказки. Этот мотив уходит корнями в древние обряды инициации; только преодолев определенные трудности, герой получает возможность перейти в иное измерение – «потусторонний мир, который в сказках обозначается как тридесятое царство, что предполагает концепцию выхода за грани обыденности и преодоления привычной реальности» [3, с. 55]. Думается, фольклорный мотив испытания можно рассматривать как своего рода творческий ориентир в русскоязычной бурятской прозе.

Несмотря на то, что мотив испытания является универсальным и понятным для широкой аудитории, с течением времени в условиях изменяющихся социальных культурных и идеологических факторов данный мотив претерпевает трансформацию, в том числе зависящую от национальной картины мира. Данные изменения и новое видение функциональности мотива испытания под призмой ментального видения бурятских авторов можно рассматривать как научную новизну.

Мотив испытания фундаментален и в основе своей концентрируется на проблемах морального, социального, нравственного и психологического формирования личности. Как правило, это история жизни и становления одного героя, «формирование им собственной личности и индивидуальности, а также формирование ценностей» [4, с. 24]. В работах В. Я. Проппа, посвященных описанию волшебной сказки, этап «испытания главного героя приближает его к обретению и подтверждению своего статуса» [5, с. 29]. В статье исследуются фольклорные варианты основного мотива испытания в литературной авторской интерпретации. В рассматриваемых же нами современных произведениях запрос идет по большей части не на статус как социальное явление, а на духовное перерождение, а также обретение и актуализацию своей истинной сущностной природы. У бурятских авторов особенно актуален такой запрос в плоскости этнической самоидентификации.

Роль мотива испытания в преодолении кризиса идентичности в современной бурятской прозе

Так, в современных произведениях русскоязычных бурятских писателей применяется своего рода авторский прием метисации, который неизбежно сопряжен с дуальностью мировоззренческих позиций, и такая двойственность обуславливает современные проблемы культурной и этнической самоидентификации, национальной интеграции, личностной социализации. Из чего следует, что социальный, духовный и исторический опыт совместного сосуществования бурятского народа в мультикультурной и интернациональной среде на современном этапе определяет запрос на дезинтегративный процесс индивидуалистской национально-культурной автономии человека из размытого конгломерата культур.

В романе «Драгоценный» Болота Ширибазарова такой запрос появляется у главного героя Алексея, метиса по происхождению, тридцати двух лет от роду, пребывающего в забвении тумана бытия своей неопределенной и неясной жизни. Линия двойственности жизненного цикла во многом завязана на параметре метисации главного героя, как бы определяя две стороны его личности, которые не могут слиться в единую гармоничную материю. Алексей не принимает свою бурятскую сторону, раздражительно реагирует на любые замечания окружающих по вопросу его причастности к бурятской национальности: *«В юности он мечтал проснуться однажды утром и увидеть в зеркале русское лицо... Алексей считал себя русским, но никогда таковым себя не ощущал, потому что русской была только его мама. Отец был бурятом, и окружающий мир с раннего детства то и дело ему об этом напоминал. И когда кто-то в чём-то отказывал Алексею или делал выбор не в его пользу, он невольно списывал это на «разрез глаз»* [6].

В романе также рассматривается процесс ментальной эволюции личности, предполагающий поиск и борьбу за потерянные смыслы и обретение новых ориентиров для собственного пути. Двойственность самовосприятия героя также во многом рассматривается в плоскости этнокультурной специфики. В качестве основной движущей силы преломления привычной реальности становится синкретичное пространство буддийской философии и фольклорно-мифологических поисков.

До перелома сознания Алексей пребывал в состоянии ненужного и лишнего человека, в таком положении героя видится абсолютное непонимание себя как социальной единицы и полной непричастности к окружающей действительности: *«Алексея охватила усталость... Вдруг стало всё безразлично: убьёт?.. а и пусть... так даже лучше... прервать всё разом и кануть в пустоту, исчезнуть, смешаться с навозными кучами, стать удобрением для чьего-нибудь огорода... – хоть какая-то польза»* [6]. Мотив лишнего человека для мировой литературной традиции универсален и остается актуальным, изменяя свои внутренние запросы с новыми требованиями действительности. В концепции видения современных бурятских авторов индивидуальное сознание каждой личности представляется функциональной частицей некой родовой матрицы – спасительной системы координат человеческого бытия. Такой духовный конструкт во многом исходит из религиозных и фольклорных воззрений. Точкой опоры становятся открытость и ясность сознания как необходимое условие для установления связи с такой матрицей, потому первоочередной идеей, проходящей фоном сквозь многие произведения, становится самопознание. Процесс самопознания всегда проходит в действии и, как мы видим, часто сопровождается мотивом испытания, что имеет прямое фольклорное основание.

Таким испытанием для Алексея стал этап «ученического ретрита», это своего рода полугодовая повинность на добровольных работах на чабанской стоянке. В основе лежит абстрагирование от мирского, изъятие себя из вакуума обстоятельств и проблем повседневной жизни. Ретрит главного героя Алексея является одним из самых значительных испытаний в романе. Основной целью ретрита являются очищение ума и сердца, избавление от материальных привязанностей и поиск смыслов для разрешения внутренних конфликтов и принятия себя. Ретрит обычно включает в себя медитацию, молитвы, простираания и практики осознанности. Участники следуют определенному распорядку в спокойной обстановке живописного природного ландшафта с редкими монастырями и небольшими домами, окруженными горным и лесным массивами. Этот процесс представляет собой глубокое внутреннее исследование, которое открывает перед ним множество сложных вопросов и заставляет переосмыслить свои жизненные убеждения. Изоляция, медитация и столкновение с собственными «демонами» приводят Алексея к открытию новых горизонтов, принятию себя, трансформации своей личности.

Кроме ретрита как духовного испытания, в романе прослеживаются и другие сюжетные линии испытаний. Сам мотив испытания предполагает вариативность своей конструкции, он способен к «изменению, варьированию, трансформации» [7, с. 78], что представляется «инвариантом, т. е. неизменяемой частью сюжета, моделью, вокруг которой группируются совокупности вариантов» [8, с. 198]. Так, одним из вариантов мотива испытания является потеря близких людей – в первую очередь утрата родной бабушки. Эта утрата становится важной вехой в жизни Алексея и символизирует не только личную трагедию, но и глубокую связь с его культурным наследием, бурятской стороной. Бабушка представляла собой мост между поколениями и хранила в себе воспоминания и традиции, которые Алексей теряет вместе с ней. Этот мотив утраты подчеркивает тоску по утерянному времени и корням, что создает дополнительное измерение к испытанию – это не просто личная трагедия, но и поиск своей культурной идентичности.

Другим важным аспектом становится кризис этнической самоидентификации героя, который также служит вариантом мотива испытания. Алексей сталкивается с предрассудками и стереотипами своего этнического происхождения, что приводит к внутреннему конфликту. Это противоречие заставляет его задаваться

вопросами о том, к какой нации он принадлежит и как общество воспринимает его индивидуальность. Поиски идентичности проявляются в его стремлении найти себя среди двух миров – бурятского и русского – и осознать свою роль в каждом из них. Этот процесс формирования своей идентичности становится не менее значимым испытанием для него.

Основное испытание в виде ретрита главного героя можно рассматривать как интеграцию всех вышеперечисленных вариантов мотива. Ретрит символизирует путь к самопознанию и трансформации через изоляцию и саморефлексию. В этом контексте ретрит служит площадкой для того, чтобы Алексей мог осмыслить всю тяжесть своих потерь и внутренние конфликты. Погружение в себя и встреча с «демонами» прошлого становятся необходимыми для понимания своих корней и определения направления своего дальнейшего пути.

Таким образом, в романе «Драгоценный» Б. Ширибазарова обнаруживается многослойность мотивов испытаний: от утраты близкого человека до кризиса идентичности и духовных исканий через ретрит. Эти мотивы перекрываются и взаимодействуют друг с другом, создавая сложную картину внутреннего мира Алексея и подчеркивая универсальность темы испытаний как необходимых этапов на пути к самопониманию. Эта версия раскрывает различные аспекты мотивов, связанных с лейтмотивом испытания, делая акцент на их взаимосвязи и важности для внутреннего роста персонажа.

Внутренний конфликт национального самоопределения также испытывает главная героиня повести «Арьяна» [9]: испытывая комплекс неполноценности и сложности этнической интеграции, девушка смешанного происхождения постоянно ощущает себя в позиции ментального распутья и душевной дисгармонии: *«В Иваново вычурных кофеен не найти, везде налет провинциальности. Город тесный и душный. Нет, я, конечно, люблю знакомые улочки, раскидистую зелень деревьев, пузатые троллейбусы. Но я там чужая, слишком выделяюсь среди золоченых куполов церквей, на фоне герба с пряхой в червленом русском сарафане. Все мувиной раскосые глаза, монгольские скулы, черные, как смоль, волосы и странное имя – Арьяна. Наполовину бурятка, наполовину русская. Эта половинчатость словно кол в сердце. Если вбивать гвоздь в рассохшуюся доску, та треснет и разломится. Но я бурятка только внешне, внутри я хочу быть пряхой в червленом русском сарафане, ходить в церковь и говорить: «Чур меня». И быть частью любимого и ненавистного города»* [9].

Героиня, выросшая на западе страны, вне культурного пространства своей малой родины, испытывает комплекс проблем социальной, этнической и духовной адаптации, что приводит к деструктивным условиям развития личности. Оторванность от корней и существование вне ментального наследия и духовной неосознанности обволакивают главную героиню в кокон неведения и душевной неустойчивости. Так же, как герой романа «Драгоценный», Арьяна сталкивается с чередой испытаний: это и потеря родного человека, и социальное обособление, и кризис духовной и этнической идентичности. Главное испытание для героини выразилось в традиционной для фольклора форме пограничного состояния персонажа, находящегося в потустороннем пространстве.

Так, своеобразная иллюстрация мотива испытания проявляется через измененное состояние сознания главной героини, оказавшейся в заброшенном доме деревни. Это пространство, полное историй и воспоминаний, становится символом ее внутреннего мира и связи с прошлым. В измененном состоянии сознания, находясь в старом доме, где на ночь ее приютила пожилая женщина, девушка словно пребывает в альтернативной реальности, воссозданной памятью детства. Дом создает атмосферу уюта и защиты, что позволяет девушке погрузиться в

размышления о своих корнях и родовой памяти. Лейтмотив может представлять в виде конкретных вариантов, которые отличаются друг от друга пространственно-временными характеристиками или привязанностью к определенным образам. Такой образ предстает для девушки в виде дома из детских воспоминаний, это дом ее родной бабушки. В произведении выстраиваются разные альтернативные образы пространства и времени – родной и светлый дом бабушки из детства и темный незнакомый дом посторонней пожилой женщины настоящего времени.

Измененное состояние сознания – важный элемент данного мотива. Оно указывает на то, что девушка временно покидает реальность и входит в альтернативное измерение своего опыта. Это состояние является проявлением ее глубоких внутренних переживаний, где память о детстве играет ключевую роль. Здесь возникает недостижимая связь с теми моментами жизни, которые сформировали ее сущность. Воссоздание памяти детства становится своего рода терапевтическим процессом, позволяющим героине исследовать свои эмоции и страхи.

Основой мотива испытания в сцене с одиноким домом является то, что бабушка, приютившая ее, оказывается лишь видением. Этот элемент подчеркивает силу внутреннего диалога девушки с некой силой, олицетворяющей ее родовую память. Образ бабушки играет роль проводника между прошлым и настоящим, помогая героине осознать важность своей идентичности и культурного наследия. Эта проекция служит не только символом потери, но и связующим звеном с теми временами, когда она чувствовала особую связь с традициями своей семьи.

Подобная аллюзия на видения детской памяти представляется вариантом испытания девушки. Все действие разворачивается в темное время суток, в окружении неизвестности и тревожной тишины: девушка остается одна со своими страхами, пожилая женщина исчезает в темноте, сильнейший страх, навешиваемый неизвестной темной силой, забирает последнюю энергию жизни. Под влиянием сильнейшего эмоционального и мыслительного перенапряжения, словно не справляясь с психическим давлением, сознание девушки отступает, давая выход душевному импульсу энергий, что явилось кульминацией той ночи. Подобная сюжетная линия символизирует момент внутреннего пробуждения героини, когда ее принимают собственные этнические корни и происходит долгожданная встреча с ангелом-хранителем.

Таким образом, лейтмотив испытания становится многослойным процессом самопознания, включающим такие варианты мотива, как потерянное детство, потерянную память, мотив озарения и перерождения. Измененное состояние сознания в старом доме иллюстрирует идею о том, что внутренняя работа над собой порой требует обращения к воспоминаниям, даже если они болезненны или полны утрат. Испытание здесь становится связующим звеном для героя между прошлым и будущим, предлагая возможность восстановить утраченные связи и заново определить свою идентичность.

Как итог пройденных испытаний и борьбы, девушка принимает себя, обретает душевную гармонию, стабилизирует свое ментальное тело. Арьяна будто бы вновь собирает собственную личность, но уже со всеми необходимыми пазлами своей души. Происходит последующая социальная и психологическая инициация, девушка осознает преемственность и душевное родство своего родного имени. Также и для Алексея из романа «Драгоценный» испытания способствовали его духовному перерождению, выкорчевав его из болота зашоренной и беспросветной жизни. Алексей, как и Арьяна, прошел путь возрождения по классической структуре мотивов, генетически восходящих к фольклору. Итак, в лейтмотиве испытания пути героев проходят через варианты мотивов заколдованности, самоидентификации, инициации, обмана, спасения, чудесного перерождения и расколдованности [5].

Мотив испытания как элемент коллективной памяти

Американский философ Д. Кэмпбелл в работе «Тысячеликий герой» утверждает, что во всех мифологиях «герой проходит единый путь становления, и единая структура построения сюжета, названная им мономифом, берет свое начало в коллективном подсознательном» [10, с. 11]. Можно сделать вывод, что мотив испытания – это элемент коллективной мысли, воплощенный в фольклорном генезисе. Личную идентичность в этом отношении можно рассматривать как коллективный синтез, где важнейшими этапами являются социальная категоризация, групповое взаимодействие и отождествление себя с той или иной группой. Каждая личность заключает в себе «историческую коллективную непрерывность, и люди, стремящиеся к идентичности, порой достигают этого лишь тогда, когда их примут в свой круг те, кто эту идентичность уже приобрел» [11, с. 147]. Потому фольклорный мотив испытания можно рассматривать как «ритуал коллективной идентичности» [12, с. 11].

Как видно из рассматриваемых произведений, подобная коллективная проверка героев на раскрытие своей внутренней личности инициируется влиянием культурных и исторических традиций, связанных с наследием предков и общей идентичностью рода. Испытание в этом контексте можно рассматривать как ритуал, который подтверждает связь между индивидуумом и коллективной памятью рода. Водоворот событий словно выдергивает персонажа из серой жизни неясного и аморфного существования, сначала прибывая его к родовой системе координат, и только затем данная структура обрастает каркасом этнической идентичности.

В произведении «Однажды в Бурятии» А. Эрдынеева [13] хорошо продемонстрирована такая структура родового испытания, которое выпадает на долю молодого человека по имени Мунко, влачившего искусственную и сомнительную жизнь, усугубившуюся после кончины родного человека. Без того серая жизнь, обременяемая физическим недугом, после ухода любимого человека стала просто бессмысленной, и, словно услышав запрос на быстрый уход из жизни, на героя нападает очередной приступ болезни, после которого он переживает клиническую смерть. Серьезное испытание потери родного человека ему помогают пережить родственники, уговаривая его посетить родные места детства, а также поприсутствовать на родовом обряде. После обрядового ритуала к забредшему чуть поодаль в лес и потерявшемуся Мунко является его небесный отец, могущественный дух, покровитель местности Бамуугомбожав Баабай. Божество укрепляет и совершенствует в Мунко магические способности для очищения родной земли от скверны, поработившей сердца людей, и готовит к главному противостоянию со злым духом Аймшагтай Шолмосу, претендующим на верховенство в бурятских землях.

В произведении представлено глубокое и символическое отражение мифа о первопредке, который приходит на помощь своему потомку в трудные времена. Этот текст активно взаимодействует с традиционными представлениями о духах местности, создавая комплексный нарратив, в котором переплетаются личные и коллективные переживания. В фольклорной традиции первопредок часто выступает спасителем, представляя собой связь между прошлым и будущим поколениями. Его присутствие в жизни потомка можно интерпретировать как возвращение к корням, которое становится не только источником силы, но и единой нитью, связывающей индивида с его предками и культурным наследием.

Александр Эрдынеев выстраивает для своего главного персонажа Мунко классический путь героя волшебной сказки, отправившегося вдаль от дома навстречу испытаниям, на границу двух миров, чтобы справиться со всеми трудностями и стать целостным. Герой обновляется, проходит все этапы своего

становления; испытания, с которыми ему пришлось столкнуться, позволяют ему обрести новую жизнь [14].

Анализ произведений бурятских авторов, таких как роман «Драгоценный» Болота Ширибазарова, повесть «Арьяна» Светланы Савельевой и роман «Однажды в Бурятии» Александра Эрдынеева показал, что фольклорные мотивы, в частности мотив испытания, активно используются для осмысления современных социальных и культурных изменений. Эти мотивы помогают героям преодолеть внутренние конфликты, связанные с этнической и культурной идентичностью, и обрести себя через связь с традициями предков. Фольклорные мотивы, трансформируясь в условиях современности, продолжают оставаться актуальными и востребованными, способствуя сохранению национальных ценностей и культурного наследия.

Заключение

Таким образом, важным аспектом исследования стало рассмотрение трансформации фольклорных мотивов в условиях современности. Мотив испытания, сохраняя свою универсальную природу, адаптируется к новым реалиям, отражая сложность процессов глобализации и культурного смешения. В произведениях бурятских авторов этот мотив приобретает новые формы — духовные искания, кризис идентичности и поиск связи с памятью рода, что подчеркивает его актуальность в современном литературном контексте. Особое внимание в исследовании было уделено роли коллективной памяти и родовых традиций в формировании идентичности персонажей. Фольклорные мотивы, такие как испытание, выступают как ритуалы, подтверждающие связь между индивидуумом и коллективной памятью рода. Это позволяет героям не только преодолеть кризис идентичности, но и интегрироваться в национальную картину мира, обретая чувство принадлежности к своему народу и культуре.

Рассматривая мотив испытания как условие этнической самоидентификации, мы пришли к выводу, что сама идентичность неразрывно связана с социальной категоризацией, что в нашем случае выражается в родовом коллективизме и исторической непрерывности личности. Человек, вырванный из родовой памяти, испытывает чувство внутренней пустоты, и всю сознательную жизнь он безуспешно пытается компенсировать этот пробел, пока не вливается вновь в предковую систему национального конструкта.

Кроме того, исследование показало, что фольклорные мотивы часто переплетаются с буддийской философией, что усиливает их роль в процессе самопознания и духовного перерождения героев. Буддийские легенды о самопознании и возрождении, мифы о связи с предками представляются как коллективное подсознательное, которое актуализируется в момент испытаний. В рассмотренных нами произведениях бурятских русскоязычных авторов красной нитью проходит тема кризиса этнической идентичности, происходящего в результате увеличивающегося напряжения между старыми и вновь возникшими смыслами. Мотив испытания как фольклорная интерпретация успешно выполняет функцию преодоления кризиса идентичности, интегрируя персонаж в национальную картину мира, после чего также разрешается проблема этнической самоидентификации.

Л и т е р а т у р а

1. Асафьева Н.В. Психологические особенности понимания произведений фольклора детьми младшего школьного возраста: Автореф. дис. ... к. пс. н. Санкт-Петербург: 1998:19.
2. Путилов Б.Н. Веселовский и проблемы фольклорного мотива. *Наследие Александра Веселовского: Исследования и материалы*. Санкт-Петербург: Наука; 1992:74-86.

3. Яковлева Д.С. Мотив испытания в мифопоэтической системе поэмы М. Цветаевой «Переулочки». *Грамота*. 2016;(9):55-57.
4. Садриева А.Н. Трансформация западноевропейского романа воспитания в культурном контексте современности: Автореф. дис. ... к. культурологии. Екатеринбург: 2007:23.
5. Пропп В.Я. *Морфология сказки*. Ленинград: Академия; 1928:152.
6. Ширибазаров Б.Б. Драгоценный. *Дружба народов*: электронный журнал. 2022;(3):6-130. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2022/3/dragocennyj.html?ysclid=m4jlpsh5ch677731672> (дата обращения 09.12.2024).
7. Дампилова Л.С., Хабунова Е.Э., Николаева Н.Н. и др. Традиционные мотивы в сюжете о сватовстве в эпосе монгольских народов. *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. 2019;78(4):72-78.
8. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3 т. Т. 1 Москва: Владос; 2002:688.
9. Савельева, С.Д. Арьяна. *Новая юность*: электронный журнал. 2022;166(1):15-72. URL: https://magazines.gorky.media/nov_yun/2022/1/aryana.html?ysclid=m4jluw1hj407001705 (дата обращения 02.12.2024).
10. Кэмпбелл Д. *Тысячеликий герой*. Санкт-Петербург: Питер. 2018:352.
11. Кочетков В.В. Национальная и этническая идентичность в современном мире. *Вестник Московского университета*. 2012;(2):144-162.
12. Лидерман Ю.Г. Мотивы «проверки» и «испытания» в постсоветской культуре (на материале кинематографа 1990-х годов): Автореф. дис. ... к. культурологии. Москва: 2003:28 с.
13. Эрдынеев А.Ц. *Однажды в Бурятии*. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. 2011:179.
14. Елистратов В.Э, Хабибуллина Л.Ф. Архетипический сюжет в современной литературе (На примере романа Ф. Р. Шрайбер «Сивилла»). *Филологические науки в МГИМО*. 2018;(15):104-110.

References

1. Asafyeva NV. Psychological features of the understanding of folklore works by children of primary school age. Summary of Candidate's dissertation (Psychology). Saint-Petersburg: 1998:19 (in Russian).
2. Putilov BN. Veselovsky and the problems of folklore motif. In: *Heritage of Alexander Veselovsky: Research and materials*. Saint Petersburg: Nauka; 1992:74-86 (in Russian).
3. Yakovleva DS. The ordeal motive in the mytho-poetical system of the poem "Byways" by M. Tsvetaeva. *Gramota*. 2016;(9):55-57 (in Russian).
4. Sadrieva AN. Transformation of the Western European novel of education in the cultural context of modernity. Summary of Candidate's dissertation (Culturology). Yekaterinburg: 2007:23 (in Russian).
5. Propp VYa. *Morphology of folktale*. Leningrad: Academia; 1928:152 (in Russian).
6. Shiribazarov BB. Precious. *Drujba narodov*. 2022;(3):6-130. Available at: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2022/3/dragocennyj.html> [Accessed 9 December 2024] (in Russian).
7. Dampilova LS, Khabunova EE, Nikolaeva NN, et al. Traditional motives of the courtship plot in the epos of the Mongolic-speaking peoples. Moscow: *Izvestia of RAS. Series of literature and language*. 2019;78(4):72-78 (in Russian).
8. Russian Humanitarian Encyclopedic Dictionary: In 3 volumes. Volume I. Moscow: Publ. House "Vlados"; 2002:688 (in Russian).
9. Savelieva SD. Aryana. *New youth*. 2022;(1): 15-72. Available at: https://magazines.gorky.media/nov_yun/2022/1/aryana.html [Accessed 2 December 2024] (in Russian).
10. Kempbell D. *The Hero with a Thousand Faces*. Saint Petersburg: Peter; 2018:352 (in Russian).

11. Kochetkov VV. National and ethnic identity in the modern world. Moscow: *Vestnik of Moscow University*. 2012;(2):144-162 (in Russian).

12. Liderman YuG. The motives of “verification” and “testing” in post-Soviet culture (based on the cinema of the 1990s). Summary of Candidate’s dissertation (Culturology). Moscow: 2003:28 (in Russian).

13. Erdyneev ATs. *Once in Buryatia*. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing House; 2011:179 (in Russian).

14. Elistratov VE, Khabibullina LF. The archetypal plot in modern literature (case study of Sibyl F.R. Schreiber). Moscow: *Linguistics & Polyglot Studies*. 2018;(15):104-110 (in Russian).

Сведения об авторе

МАРХАДАЕВ Гомбо Баирович – аспирант, стажер-исследователь, ФГБУН Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-1433-6117, e-mail: gombomarh@yandex.ru

Сведения об авторе

Gombo B. MARKHADAEV – Postgraduate Student, Research Assistant, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Ulan-Ude, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-1433-6117, e-mail: gombomarh@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 18.03.25

Принята к публикации / Accepted 11.04.25

УДК 821.512.157

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-2-174-187>

Оригинальная научная статья

Пространственный миф в якутском городском тексте: специфика и функции

С. Е. Ноева (Карманова)

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Российская Федерация

✉ Noyeva79@mail.ru

Аннотация

Актуальность работы продиктована попыткой формирования методологии исследования якутского городского текста, который актуализирует аутентичный объект анализа – мифологический пласт текста города Якутска. Научная новизна определяется попыткой нового осмысления города как смысловой структуры, которая проявляется в константности образов, универсалий, обладающих культурно-исторической, ментальной общностью и объединенных в единую художественную систему. Репрезентация образа города в художественном тексте как сегмента, в пределах которого наиболее ярко раскрывается уникальное качество национального мира, является на сегодня одним из неисследованных направлений в якутской науке. Цель – определение специфики локального мифа в якутском городском тексте. Задачи: определение мифологического нарратива о сакральном ландшафте города (об озере Сайсары, сопке Чочур Мыраан, долине Туймаада, Южном и Северном мысах, реке Лене), которые составляют первичный уровень мифопоэтического текста; создание типологических различий урбогонических мифов (об основании города, прибытии казаков в Ленский край), этиологических мифов (о происхождении каких-либо природно-культурных особенностей и социальных объектов), эсхатологических мифов (о будущем города), составляющих содержательную часть сакральной биографии города Якутска, которая имеет существенное влияние на формирование городской и национальной идентичности. Объектом исследования выступает специфика городского пространственного мифа, а точнее – компоненты и смыслы мифологии Якутска как текста. Аналитическим инструментом в статье стали междисциплинарный, сравнительный и историко-культурный подходы. Изучение данной проблемы в литературоведческом аспекте способствует выявлению особенностей конструирования национальной картины мира, специфики индивидуального стиля, авторской позиции якутского писателя как носителя национального сознания. Материалом для статьи послужили частично фольклорно-мифологические, исторические источники, также литературные произведения якутских писателей XX века.

Ключевые слова: городской миф, поэтика текста, якутская литература, структура пространства, геокультурные образы, образ Якутска в литературе, национальная картина мира, фольклор, нарратив, символы

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования. Ноева (Карманова) С. Е. Пространственный миф в якутском городском тексте: специфика и функции. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 2. С. 174–187. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-174-187

Original article

Spatial myth in the Yakut urban text: specifics and functions

Sargylana E. Noeva (Karmanova)

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, SB RAS,
Yakutsk, Russian Federation
✉ Noyeva79@mail.ru

Abstract

The relevance of the article is dictated by an attempt to form a methodology for the study of the Yakut urban text, which actualizes the authentic object of analysis – the mythological layer of the text of the town of Yakutsk. The scientific novelty of the article is determined by the attempt of a new understanding of the town as a semantic structure, which is manifested in the constancy of images, universals with cultural, historical, mental community and united in a single artistic system. The representation of the image of the town in a literary text as a segment within which the unique quality of the national world is most vividly revealed is currently one of the unexplored areas in Yakut science. The purpose of the article is to determine the specifics of the local myth in the Yakut urban text. The tasks undertaken include: identifying the mythological narrative about the sacred landscape of the town (about Saisary Lake, Chochur Muraan, Tuymaada valley, Southern and Northern Capes, Lena River), which constitute the primary level of the mythopoeic text; to create typological differences between urban myths (about the founding of the city, the arrival of the Cossacks in the Lena region), etiological myths (about the origin of which-or natural and cultural features and social objects), eschatological myths (about the future of the city), which form a substantial part of the sacred biography of the town of Yakutsk, which has a significant impact on the formation of urban and national identity. The object of the research is the specifics of the urban spatial myth, focusing on the components and meanings of Yakutsk's mythology as a text. Employing interdisciplinary, comparative, and historical-cultural approaches have become an analytical tool in the article. The study of this problem in the literary aspect helps to identify the features of constructing a national picture of the world, the specifics of individual style, and the author's position of the Yakut writer as a bearer of national consciousness. The material for the article is partly folklore, mythological, historical sources, as well as literary works by Yakut writers of the twentieth century.

Keywords: urban myth, poetics of the text, Yakut literature, structure of space, geocultural images, image of Yakutsk in literature, national worldview, folklore, narrative, symbols

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Noeva (Karmanova) S. E. Spatial myth in the Yakut urban text: specifics and functions. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 2. Pp. 174–187. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-174-187

Введение

Нынешние реалии жизни, которые ориентированы на глобализационные процессы в мире, способствуют формированию современных актуальных тем в литературоведческой науке, касающихся проблемы самоидентификации, специфики ментального ландшафта. Непосредственно связанное с данными темами

изучение репрезентации художественной структуры города является одним из наиболее эффективных средств проникновения в аутентичную картину мира народа. Исходя из этого, целью данной работы является определение специфики локального мифа в якутском городском тексте. В качестве задач исследования можно назвать определение ядра сакрального ландшафта долины Туймаада, выявление типологии урбогонических, этиологических, эсхатологических видов мифологического нарратива, которые активно участвуют в формировании национальной и региональной идентификации.

Множественные аспекты в изучении механизмов функционирования пространства города определяют необходимость использования новых исследовательских алгоритмов смежных наук (урбанистики, географии, экономики, социологии, архитектуры, культурологии и др.). Формирование новых концепций, обновление терминологического аппарата способствуют расширению ракурсов проблемы «город» в литературе.

Многослойный городской культурный ландшафт, состоящий из множественных фольклорных, мифологических нарративных источников, представляет интереснейший аспект гуманитарных исследований [1–6]. Мифогеографическая модель действительности, исследуемая И. И. Митиным, имеет в основе «представление о множественности интерпретаций каждого места» [3, с. 14]. Термин «палимпсест» он использует в определении системы «из множественных реальностей, в которой каждая из них может в определенных условиях становиться главной; это целостная совокупность пластов, иерархия которых вариативна» [3, с. 14].

Мифологема города, описываемая авторами в разные литературные периоды и в произведениях различного жанра, как мозаика складывается в целостный художественный образ. По словам В. Н. Топорова, свертхтекст «един и связан, хотя он писался многими авторами, потому что он возник где-то на полпути между объектом и теми авторами, которые в данном случае характеризуются наличием некоторых общих принципов отбора и синтезирования материалов» [7 с. 194].

Историко-культурный образ Якутска становится объектом в трудах «Город Якутск в XVII – начале XIX веков» (1957) Ф. Г. Сафронова, «История города Якутска. 1632–1917 гг.» (подг. в 1932 г.) Г. А. Попова, «Общественный строй якутов XVII–XVIII вв.» С. А. Токарева (1945), «Летопись города Якутска от основания до настоящего времени (1632–1914)» (2004) П. П. Явловского, «Историко-графический атлас города Якутска в 1917 г.» (подг. в 1957 г.) П. В. Попова и др., в современных исследованиях А. А. Борисова, П. П. Петрова, Н. Н. Радченко, А. Н. Дьячковой (архитектурное наследие, социально-экономические отношения), В. М. Дьяконова (захоронения, кладбища), Е. Н. Романовой, О. А. Парфеновой (этнография города), И. В. Покатиловой (культурные образы), Л. И. Винокуровой (город в восприятии мигрантов), В. Б. Игнатьевой, Д. А. Апросимова (город как место памяти), С. Е. Ноевой (Якутск как литературный образ) и др. В их трудах образ Якутска представляется в качестве единой структуры, где константность образов, универсалий обладает культурно-исторической общностью.

Предания о мистическом Якутске, формирующие целостный нарративный текст городских легенд, находят отражение в виде достаточно разнообразного и интересного материала В. Корякиной «Легенды старого Якутска (мистические рассказы о тайнах Якутска)» (2017), Д. Д. Михайлова «Страшные истории Якутии-2. Легенды Якутска» (2017), книг А. А. Решетниковой-Осаковской «Страшные истории, поведенные Ириной Михайловной Максимовой» (2019), комикса Г. Спиридонова, Р. Маркова «Якутск параллельный» (2016), ютуб-блога блогера Trimid «Страшные истории города Якутска», форума на интернет-сайте Ykt.ru «Пугающие рассказы» (страшилки), мистической экскурсии по городу

«Тайны большого города», цикла рассказов Г. Спиридонова о старом Якутске в информационно-аналитическом портале SakhaNews и др.

Ввиду отсутствия научных изысканий по данной проблеме напрашивается необходимость исследования мифологического нарратива Якутска, репрезентации мифологических образов, мотивов и сюжетов, относящихся к городскому культурному ландшафту. Особое внимание привлекает фольклорный и литературный тексты, где накоплен достаточно большой и интересный исследовательский материал.

Структурообразующие характеристики города Якутска

Сложная нарративная организация Якутска обусловлена его природно-климатическими, экономическими, социальными, культурными и др. особенностями. Необходимо принимать во внимание характеристики и признаки, составляющие уникальный портрет образа города: за Якутском закреплён статус самой северной холодной точки мира. Учитывая территориально-климатические особенности, он воспринимается как «самый холодный город», «город на вечной мерзлоте»; в зависимости от специфики архитектурно-строительного проектирования – как «город на сваях», «город на ножках». Из-за инженерных коммуникаций, прокладываемых над поверхностью грунта, Якутск описывается как «город кишками наружу».

Полагаясь на положение Ю. М. Лотмана о двух типах города в семиотическом пространстве (городе концентрическом, основанном на горе, онтологически связанном с небом, и городе эксцентрическом, находящемся на краю) [8, с. 321] в отношении Якутска можно допустить возможность частичного использования двух положений города. Он эксцентричен в том плане, что, являясь самым далеким городом, окружен ореолом апокалиптичности – находится на краю культурного пространства у реки Лены, пребывая в ситуации острой борьбы с природными катаклизмами. И вместе с тем, несмотря на периферийность, Якутск стремится возвыситься ввысь над трясинной и топью ленского бассейна. Расположенный на «ножках»-сваях из-за вечной мерзлоты (вопреки законам природы), город концентрирует в себе силу человеческого разума и духа. Якутск является сегодня одним из крупных экономических, научных и культурных центров в Сибири.

Материалы, посвященные изучению почти 400-летней истории города, отражены не только во многих монографических работах, но и в различных энциклопедиях, альманахах, сборниках статей, посвященных ретроспекции историко-культурного облика Якутска («Якутск в былые годы... (XVII–XIX вв.): фотографии, рисунки» (1992), «Якутск: история и современность: материалы конференции» (2002), «Город Якутск: история, культура, фольклор» (2007), «История города Якутска: день за днем, год за годом...» (2022) и др.). Многовековой пласт устного, документального, художественного материала хранится в федеральных, республиканских архивах, музеях РС (Я). Специфический слой представляет городской фольклор, отражающий хранящиеся в памяти горожан мифы, слухи, мемы, юмор и т. д. и идентифицирующийся только на определенной территории.

Рождение городского мифа

Локальные городские мифы (легенды, образы культовых мест и т. д.) начинаются с функционирования преданий о рождении Якутска, в которых аккумулированы истории основания самого холодного города в мире.

Якутск, расположенный на севере, на краю культурного пространства, воспринимается как самый «холодный город», «ледяной город», «город-призрак», «город в тумане», «город во мгле» и пр. Образ Якутска издавна ассоциировался с географической далью, темнотой и физическим холодом. Нужно отметить, что Сибирь, расположенная «на краю» культурного пространства, всегда

характеризовалась как страна мертвых (каторги, тюрем, лагерей), что всегда способствовало утверждению мифического, темного и мрачного образа города [9]. В современное время немного изменилось в восприятии Якутска: путешественники, туристы, прибывшие в республику за впечатлениями, обозначают его как «самый холодный город», «белый город», «город-призрак» с жителями, подобными теням.

Урбогонический миф об основании города Якутска сочетает нарративы о сакральном ландшафте долины Туймаады, в которой расположен нынешний Якутск, и исторические предания о первопроходцах-казаках, основавших город.

Сакральный ландшафт города Якутска состоит из нарративных текстов о священной долине Туймаада, священном озере Сайсары, горе Чочур Мыраан, реке Лене, священных Южном и Северном мысах, которые составляют первичный нарративный уровень сакральной биографии города. В якутских легендах о прибытии в Туймааду первых культурных героев саха, Омогой Бая и Элляя, есть эпизод о духах-иччи этой долины, которые приветствовали людей, вступивших на эти земли: «...наяву и взаправду йэйэхситы и айыысыты в образе старика со старухой стояли и приветствовали (их) у трех елей. Омогой и его люди остановились здесь и установили берестяную урасу» [10, с. 57]. Также существует вариант сказаний о видении шаманом духа-иччи долины, который предстал перед ним в образе госпожи Аан Чэлбэй в богатой одежде, в рысьей шапке и в собольей дохе. Высунувшись из березы с восемью ветвями, она сказала: «Я дух-хозяйка этой страны-бабушки Киэнг Кюэрээйи, выказываю свое доброе расположение, предвидя и зная, что в будущем в этой стране расплодятся люди и скот» [10, с. 64].

Тексты, повествующие о сакральном ландшафте долины, отличаются тем, что местность, в которую прибыли мифические предки народа саха, полюбились им сразу – рассказчики здесь обычно используют выражение «бу сиргэ куттара-сүрдэрэ тохтуур» (досл. к ней пристали их кут и сюр), обозначающее сильную привязанность, симпатию: «... Омогой на четвертом году переселился в равнину, расположенную между двумя Ытык Хая, где у кургана теперешнего Сахсары поставил средних размеров берестяную урасу. Эта местность сильно полюбилась им, она приилась по душе» [10, с. 65].

Повествование о сакральной сопке Чочур Мыраан включено в цикл преданий о Тыгын Дархане. На этой священной горе любил отдыхать перед военными походами родоначальник якутов Тыгын Дархан. Его боевой конь «...был гнедой масти и назывался Абытай Арагас. Когда Тыгын-старик собирался на войну, конь чуял это за семь дней и, поднявшись на гору Чочур Мураан, сам вывязывался [не кормился, тренируясь для бега]. Рассказывают, что в этого коня был вселен дух Илбис-Кыыса, который и заставлял коня готовиться к бою» [11, с. 93].

На вершине этой горы был убит сын Тыгын Дархана богатырь Таас Уллунгах (Каменная Ступня): «Оставив лошадей под горой, воины взошли на гору Чочур Муран и подкрались к юрте. Дело было летом и к восходу солнца, когда сон человека наиболее крепок. Дверь не была заперта, и несколько воинов неслышно вошли в юрту. Таас Уллунгах спал на наре, заложив обе ладони под голову, а калека брат спал под нарой. Самый лучший из воинов вонзил копьё под мышкой Таас Уллунгах и тем убил его сразу, не произведя никакого шума» [12, с. 268].

Священные Южная и Северная горы имеют разную функциональную суть: «Южная Ытык Хая создана (с предназначением) для размножения лошадей, а Северная Ытык Хая создана (с предназначением) для размножения рогатого скота» [10, с. 57].

Во всех этих легендах долина Туймаада и включенные в нее топографические объекты со значением сакральности предстают как благодатные красивые места, в описании которых повествователи используют изящные метафоры с лексико-семантическим значением «красота»: Саргылаах Сайсары (досл. Вдохновенная

Сайсары), Киэн Күөрээйи (досл. Широкая Кюерээйи), Күөрэгэйдээх Күөрээйи (досл. Кюерээйи с жаворонком), Күннээх Күөрээйи (досл. Солнечная Кюерээйи), Туналҕаннаах Туймаада (досл. Светлая Туймаада), Сэргэх Сэргэлээх (досл. Нескучный Сэргэлээх), Дьоллоох Туймаада (досл. Счастливая Туймаада).

Миф о появлении города аналогичен мифам о сотворении земли из тела животного, комка глины, земли и т. д. «Рождение», разрастание территории города началось со шкуры быка, которую, по легенде, выпросили казаки у родоначальника якутов Тыгына Дархана. Легенда о появлении города на пустом месте («...они разрезали шкуру на тонкие ремешки, охватили ими большое пространство земли и отметили его колышками. Прошло несколько лет. Однажды якуты с удивлением заметили, что место это покрылось строениями и там появилось уже много чужеземцев, которые, оказывается, приплыли вниз по течению на плотах и собрали заранее заготовленные привезенные на плотах дома») имеет параллели с северными легендами о мироздании [13, с. 263] – формировании земли из шкуры белки, оленя, кусочка земли и др. Миф о сотворении Якутска из шкуры быка указывает на вторичную природу города, который имеет искусственное начало, в отличие от пространства аласа, имеющего божественное нерукотворное происхождение. Здесь можно отметить, что мотив, связанный со шкурой быка, встречается также в легендах о формировании разных городов, в т. ч. о зарождении города Карфагена.

Миф о появлении города Якутска входит в цикл исторических преданий о Тыгын Дархане: *«По некоторым преданиям, Тыгына тоже убили, повесив на трехсаженной виселице; говорят, при этом он, будучи весьма высокого роста, умер будто бы стоя на коленях. Когда после смерти Тыгына взвесили его глазное яблоко, оказалось оно (весом) в 30 фунтов. Голенная кость его оказалась по длине равной ноге до вертлюжной впадины высокого русского человека»* [10, с. 10]

Исследователь О. А. Парфенова рассматривает основание города в аспекте мифологической концепции циклической смены смерти и возрождения. Она отмечает, что сражение и последовавшая ритуальная мифологическая смерть Тыгына в остроге обуславливает модификацию пространственных значений – «чужое» пространство становится «своим» [14, с. 15]. Действительно, миф о зарождении Якутска отражает смену культурных формаций, встречу «двух культур, двух эпох, двух социальных систем, одна из которой должна уступить и принести в жертву своего лидера» [14, с. 17]. Башня Дыгына трактуется как мужская фигура, купол – как голова, тело – короб, окна (бойницы) – глаза.

Сюжеты, связанные с основанием города у реки Лены, связаны с мифом о потоке (известно, что место основания города переносилось три раза, т. к. город затопляло). *«Однако весенний разлив Лены постепенно подмывал новые стены и башни острога, в результате чего в 1682–84 годах при Якутском воеводе И. Приклонском «на Сайсарском лугу» (ныне район Театра оперы и балета) построили на «готовом» новый город, четыре стены с башнями. Это было третье место, в которое был перенесен не раз затопляемый и разрушаемый старый острог»* [15, с. 114]. Отсылающий к борьбе со стихией (рекой, холодом, жарой) мотив конца (края, обреченности) становится главным лейтмотивом в создании культурного портрета Якутска.

Любопытно мнение Е. Н. Романовой, которая трехкратную смену локации Якутска из-за затопления рассматривает в аспекте мифологического сюжета инициации в качестве основополагающей части сакральной биографии города. Возвращение начальной точки развертывания города в озеро Сайсары, считающееся становищем предков саха Омогоя и Элляя, аналогично обряду посвящения [16, с. 166].

Любопытно, что координаты Якутска повсеместно упоминаются в текстах преданий и легенд о первопредках, прародителях рода саха. К примеру: *«Когда*

русские разбили Тыгына и заняли местность Сайсары, где теперь стоит город Якутск, шаман Кээрэкээн, который жил неподалеку от этих мест, решил искать другое местожительство, далекое и недоступное для русских» [11, с. 144]; «Однажды зимой сын Тыгына, Чаллаайы, встретил двух тунгусских витязей. Последние бросились бежать, а Чаллаайы погнался за ними. Добежали до Мохсоглоох-Хая [Соколиная скала, находится в 87 верстах выше г. Якутска, на левом берегу Лены]» [11, с. 101]; «Около Табагинского селения (на левом берегу Лены, в 25 км от г. Якутска) в местности Ойюю-Хатынг жил человек с четырьмя сыновьями и прекрасной дочерью» [11, с. 58]; «Однажды она, проломив стенку урасы, выскочила наружу и побежала на юг по берегу Лены. Хара-Уол погнался за ней и едва достиг ее на Немюгюнской равнине (в 60 верстах от г. Якутска, где было местожительство Дыгына)» [11, с. 91] и др. Здесь можно предположить, что конкретное указание Якутска помогает в стремлении мифа к его материализации, это обусловлено дополнительными детальными указаниями расстояния, мер длины в пространстве.

Эсхатологические мотивы в мифологическом аспекте

Предсказание о зарождении города в долине Туймаада встречается уже в преданиях о первопредке саха Омогое: «Вступив на широкую равнину, расположенную между двумя мысами-горами, увидел я высунувшуюся из березы с восемью ветвями в рысьей шапке и собольей дохе госпожу Аан Чэлбэй – духа страны, она сказала: “Я, дух-хозяйка этой страны – бабушки Киэнг Кюерээйи, высказываю свое доброе расположение, предвидя и зная, что в будущем в этой стране расплодятся люди и скот. Бегают пылающие огни, в этой стране появятся в будущем огнедышащие орудия (предметы). Ну, парень-шаман, направь сюда кого-нибудь счастливого человека для поселения, в будущем размножит он здесь людей и распространит счастье-благополучие”, – сказав так, дух-хозяйка Киэнг Кюерээйи госпожа Аан Чэлбэй скрылась внутри той березы, из которой она вышла» [10, с. 64].

Здесь можно привести пример эсхатологического мифа, связанного с описанием или предсказыванием гибели города, наиболее ярко представленного в легендах о городе Зашиверске, некогда крупном городе с городской ратушей, уездным казначейством, судом, большой церковной библиотекой, магазинами, улицами [17]. Существует легенда о том, как однажды на ярмарке шаман обнаружил закрытый сундук. Вопреки запрету содержимое сундука было роздано людям, которые заразились черной оспой. Впоследствии из-за эпидемии оспы город полностью вымер. В этой легенде присутствуют и сюжет о запретной любви, и предсказание шамана, и мотив проклятья, что представляет развернутую схему эсхатологического мифа.

В произведениях писателей также получают актуализацию мифы, связанные с футуристическим образом города, который наделяется удивительными признаками. Рельефы фантастического Города Будущего обозначены в рассказе П. А. Ойунского «Столетний великий план» (1927), где воспроизведена фантастическая реконструкция города: строительство сверкающих проспектов, высоких зданий, огромных мостов становится неотъемлемой частью проекта футуристического Якутска. «С 2013 года к 2017 году изменится, станет лучше и город Якутск, преобразится весь вид и облик его. Взметнутся ввысь дома из железа и бетона, засверкают хрустальные дворцы. Город, с мощными камнем улицами, заблестит окаймляющими их домами из прозрачного стекла, зазеленеет разными травами-деревьями» [18, с. 157].

В романе И. М. Гоголева «Черный стерх» (1977–1987) встречается эпизод о пророчестве удаганки про надвигающийся железный век – рассказ о странном городе с железными птицами, железными быками, орущими и бегающими над озером Сайсары, пугает жителей старого города: «Бу куоракка кутум-сүрүм

тохтообот буолла. Бу бүтэһик киирэ сыдьыым. Дыктини көрүүлэнэбин... Көрүүлэнэхпинэ, Туймаада эбэ үрдүнэн төбөтө суох тимир көтөрдөр күүгүнүү көтөр буолахтара... Сайсары күүлүн аттынан тимир оҕустар орулуу-оруюу тигинэһэ сырсаллар. Тугун дыһибэтэ эбитэ буолла. Тимир үйэ кэлээри гыннаҕа» [19, с. 10] (Неуютно мне в этом городе. Это мой последний приезд. Видения у меня странные... Вижу, как над долиной Туймадой летают безголовые железные птицы... У озера Сайсары бегут орущие железные быки. Видимо, приближается железный век) (пер. наш – С.Н.).

Мифы и предания городского пространства

Отдельный вид урбанистической мифологии – это этиологические мифы о свойствах тех или иных городских объектов, явлений или процессов, которые являются по сути внутренним наполнением города.

К примеру, отдельный вид городских мифов связан с кладбищенскими сюжетами. Беспокойную темную атмосферу отдельных кварталов города некоторые жители связывают с этими сюжетами. Известно, что территория современного города стоит на десяти кладбищах (Спасской некрополи, Никольской некрополи, Богородицкой некрополи, Еврейского кладбища, Мусульманского кладбища, кладбища Мучин Крест») и погостах (погосты у Троицкого Собора, у Предтеченской церкви, у Преображенской церкви, у Тихвинской церкви) [20]. Как отмечает исследователь В. М. Дьяконов, помимо погостов и кладбищ, на территории города были открыты древнеякутские захоронения и могильники. К этим археолого-этнографическим памятникам исследователь относит погребение на Талом озере, у клуба Якутторга и Тыгынов курган [21]. В настоящее время данный культурный слой г. Якутска представляет собой недостаточно изученный аспект истории города. Также несколько лет назад многих горожан волновали споры и разговоры о существовавшем скотомогильнике (возможно, со спорами сибирской язвы) посреди города.

Городские легенды связаны с бывшими кладбищами, на которых сейчас стоят многоквартирные дома. Ныне несуществующее кладбище Мучин Крест, основанное в XIX в., где хоронили погибших и умерших арестантов Якутской тюрьмы, а также нищих и самоубийц, было упомянуто в произведениях нескольких писателей: «*Муучун Кириэһэ диэн ааттаах, киһи угуохтардаах халдьаайыны аннынан ааһан иһэн, Дьылаарба Мэхээлэ эттэ: – Манна түөкүттэр киһини кэмтэ суох талыыр-өлөрөр сирдэрэ. – Дьэ, оннук! – диэтэ Сэмэн, бастаан иһэн. Биһиги, оҕолор, куттанан: “Оо!” – дэстибит*» [22, с. 167] (Когда шли у местности Мучин Крест, мимо могил, Дьыларба Михаил сказал: – В этом месте хулиганы часто грабят, убивают честных людей. – Да, так и есть! – подтвердил Семен. Мы, ребята воскликнули: «О!») (пер. наш – С. Н.).

Городские страшилки дополняются слухами о неупокоенных душах Якутска. Долгое время среди горожан ходили легенды о том, что могила классика якутской литературы, талантливого писателя Н. Д. Неустроева находится под крыльцом магазина. Многим известна легенда, по которой над местом, где возможно захоронена Анна Бестужева, статс-дама Екатерины I, приговоренная к урезанию языка и вечному поселению в Сибирь, пролегает автомобильная трасса [23]. На страницах газет в течение многих лет публикуются статьи о найденной могиле известного государственного деятеля, писателя П. А. Ойунского.

Известны случаи, когда историко-культурные памятники, в т. ч. могилы почитаемых людей уничтожались во время строительства дорог и закладки труб. В одной из городских легенд говорится о захоронении (принадлежащем якобы Тыгын Дархану, его жене Аабый и их сыну), извлеченном из Священного

Булгуннях у местности Дыгын Ойбоно на пересечении улиц Лермонтова–Петровского–Ойунского, которое в 1970-х гг. рабочие разровняли с землей [24].

Амбивалентность города, сочетающая две ипостаси города – темную и светлую, сохраняет за Якутском статус мрачного и апокалиптического «города на костях», окруженного ореолом загадочности. К примеру, существует легенда о поющем призраке театра в якутском клубе, который с 1926 г. существовал в здании Троицкого собора. В этом уникальном памятнике старины, возведенном в 1641 г., был Театр эстрады, которой в конце 1990-х гг. превратился в ночной клуб. Таким образом, формирование этиологических мифов города объясняет стремление к осмысливанию освоенного пространства, также внутреннюю противоречивость человеческой природы, обеспечивающей многоплановость в его возможностях адаптации к окружающему миру.

Мифопоэтика Якутска в якутской литературе

Четко очерченные рельефы городского ландшафта были сформированы уже в литературном материале начала XX века – это озеро Сайсары, гора Чочур Мыраан, Зеленый Луг, река Лена, якутская башня-острог, церкви, Кружалло, постоянные дворы, улицы и пр. В произведениях первых якутских писателей А. Е. Кулаковского, А. И. Софронова, П. А. Ойунского, Н. Д. Неустроева, В. В. Никифорова–Кулүмнүүра, Г. В. Баишева–Алтан Сарына и др. они становятся семантическим полем, знаковыми местами памяти, в пределах которых обнажаются многочисленные исторические загадки долины Туймаада. Уличная топология, площади, каменные и деревянные дома, кварталы, включая снег, пыль и грязь – все имеет свою уникальную историю и объединено в единую систему северного города Якутска.

Нарративную насыщенность, интерес к многочисленным городским легендам, виртуозное познание «истории дворов» упоминал А. Е. Кулаковский в стихотворении «Саха дьахталларыҥ мэтириэтэ» («Портреты якутских женщин»): *Куорат дьонун / Куччугуйдарыттан билэр, / Атыыһыт аймаҕы / Ахсыларынан аабар, / Олбуордар остуоруйаларын / Нойосуус субурутар* [25, с. 31] (Жителей города знает с детства, с купцами знаком, дворовые истории знает наизусть) (пер. наш – С. Н.). Наполненность нарративом (слухами, сплетнями) воспринимается в качестве основополагающего признака городского пространства.

Осмысливая нарративный пласт Якутска, можно выделить несколько уровней повествований о биографии города. Во-первых, это повествования, основанные на локальной мифологии долины Туймаада: предания о первопредках Омое и Эр Соготох Элэе, легенды о жизни и смерти Тыгын Дархана, о голове Мазары Бозекова. Отдельный вид народных преданий составляют повествования, касающиеся непосредственно истории зарождения Якутского острога, дополненные историями о первопроходцах-казаках, воеводах якутского острога. В дальнейшем этот пласт нарратива дополняется воспоминаниями о губернаторе Иване Крафте, якутских купцах и меценатах, народном бунтаре Манчаары, политических ссыльных – дворянах, аристократах, участниках «Романовки» и других знаковых фигурах, «прикрепленных» к городу как географически, так и исторически. Тексты легенд о Манчаары, семантически относящиеся к городу Якутску, в качестве материала находят отражение в сборнике «Манчаары норуот номоһор» («Манчаары в народных преданиях, 1972), подготовленном исследователями ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. В легендах «Прибытие Манчаары в Татту», «Манчаары у Якутска» повествуется как в городе разошелся слух о том, что привезут Манчаары для последующей отправки на каторгу. Городские жители, нарядившиеся для этого случая, на протоке Хатыыстаах большой толпой встречали Манчаары, который спел для них приветственную песню [26].

В раскрытии образа неугомонного Манчаары, формировании сюжета о его первом проступке город имеет определяющее значение как место с деструктивной энергетикой: «(...) оччотообу кэмнэ Аппа унуор харчыабына диэн баара үһү. Тыа дьоно онно бэркэ сылдьаллара, аһыыллара. Манчаары эмиэ ол дьиэбэ куруук сылдьара. Арай биирдэ, саас олунньу ый сафана, Манчаары ол харчыабынаҕа киирэн олордобуна, тыаттан биир сыарбаҕа ололбут икки дьахтар киирэннэр, онно тохтообуттар. (...) Икки дьахтар дьиэбэ киирбиттэрин кэннэ, Манчаары били Өкүлүүнэ диэн дьахтардыын уруккуттан билсэрдии быһыынан оонньоопут. Ол гынан баран, дьахтар төбөтүттэн былааты саралы тардан ылан баран, таһырдыа ыстаммыт. Сыарбаҕа сытар Бурадьыаскайа малын таарыйа эмиэ харбаан ылбыт уонна олбуор аанынан таһырдыа суурбүт» [26, с. 35] (В те времена за логом, говорят, была харчевня. Сельские люди там часто гостили. Манчары тоже туда ходил. Однажды в феврале, когда Манчары был в этой харчевне, приехали две женщины на санях. (...) Когда женщины вошли в дом, Манчары начал заигрывать с женщиной, с которой был знаком. Он снял платок с ее головы и выскочил на улицу. Заодно схватил с саней вещи Прудецкой и убежал на улицу) (пер. наш – С.Н.).

На основе этих нарративов будут конструироваться литературные истории, раскрывающие художественную историю Якутска. Например, народные предания о публичной порке Манчаары на Малом базаре легли в основу художественного материала поэмы И. Д. Винокурова–Чагылгана, новелл Софр. П. Данилова, романа И. М. Гоголева–Кындыла и др.

В описании города, всегда относящегося к странной, далекой и чужой топологии, якутами-селянами используются выражения *үһү* (досл. говорят), *сураба* (досл. по слухам), *быһыылаах* (досл. кажется), *диэн буолла* (досл. будто бы), усиливающие ощущение ментальной удаленности города и способствующие дополнительной мифологизации города, что достаточно ярко проявляется в романе Н. Е. Мординова–Амма Аччыгыйа «Сааскы кэм» («Весенняя пора», 1944): «Ону аакт онгорон Сыллай уонна почта тойоно Куоһап куоракка биллэрбиттэр. Ол сэттэри булаары нэһилиэги анар уһугуттан ньэҥнийэргэ саалаах этэрээт иһэр үһү» [27, с. 218] (Сыллай и начальник отделения почты Косов доложили в город. В наслеге распространяется новость: говорят, из города едет отряд, чтобы найти и изъять украденные пистолеты), «Собуруу дойду бүтүннүү үрүҥ буолбут, советскай былаас Саха дойдутугар эрэ хаалбыт. Куораттан үрүҥ офицердар күрээбиттэр. Илһинтэн японнар сэриилээн тобу анньан иһэллэр үһү» [27, с. 218] (Говорят, что в центральных городах власть захватили белые, советская власть осталась только в Якутии. Поэтому, по слухам, из города бежали белые офицеры. Надвигается японская армия).

Собираясь и уплотняясь вокруг смыслового ядра Якутска (реки Лены, Чочур Мыраана, озера Сайсары, местности Сэргэлээх, башни Тыгына и и т. д.), городской ландшафт в разные исторические периоды дополняется разными смыслами. Выстраивается сложная структура города, пространственный конструктор – «город в городе», – в котором, в зависимости от периода и степени восприятия пространства, сменяют друг друга образы города-базара, города-лабиринта, города-университета, города-театра, города-тюрьмы. Это отражается в произведениях П. А. Ойунского, Н. Е. Мординова–Амма Аччыгыйа, В. С. Соловьева–Болот Боотура, Софр. П. Данилова, И. М. Гоголева, Н. А. Лугинова, В. С. Яковлева–Далана и др.

В период перестройки доминирующую позицию занимает модель города-тюрьмы, выступившей персонификацией духа эпохи. Здесь специфично выстраивание модели «города-тюрьмы», апокалиптического Якутска конца XX в. (улицы, больницы, лабиринты ГПУ, тюремные камеры, вокзал, район Сайсар, ночные клубы и др.).

В исторический период присоединения Якутского края к Российскому государству были и военные осады острога, и мятежи, и заключения в острог в результате несогласия некоторой части якутов, выступающих против ясачных сборов и порабощения улусов. О том, что Якутск, изначально построенный как крепость (острог), в мировосприятии саха имел связь с понятием тюрьмы, пишет В. С. Яковлев–Далан: *«Якутскай куоракка хаайыылаахтары тутар сирдэрин острог диэн ааттыыллара тыа сахалара уонна киниттэн былыр-былыргыттан улаханник салла, куттана үөрэммиттэр этэ. Ол куттал, бадаба, ыраахтаабы воеводаларыттан ыла үөскээбит быһыылааба»* [28, с. 102] (В Якутске место, где держали заключенных, называли острогом. Издавна острог сильно пугал якутов, этот страх, кажется, был зарожден еще со времен царских воевод) (пер. наш – С.Н.).

Роман В. Яковлева–Далана «Судьба моя» (1994) повествует о тяжелых годах репрессии 1950-х гг. Топология мрачных коридоров, темных камер якутской тюрьмы, являющаяся одной из основных теневых пространств города Якутска, моделирует отдельный пласт мифологического нарратива: *«Куорат түрмэтэ киин уулуссалартан биридэстэригэр Дзержинскай аатынан уулуссаба турара. Кини урут уһуктаах остуолба маһы кэккэлэппит үрдүк олбуордаах буолара. Онно острог абааһыта үөлүллэн ытыыра үһү диэн кэпсииллэрэ кэнэн тыа дьоно»* [28, с. 102] (Городская тюрьма находилась в центре города по улице Дзержинского. Она имела высокий забор с заостренными бревнами. В народе ходила молва, что там плакал дух тюрьмы (абаасы), случайно зацепившись об острые колья забора) (пер. наш – С.Н.).

В романе часто упоминаются слухи и легенды о почитаемых в народе людях, известных государственных деятелях, писателях, ученых, П. А. Ойунском, М. К. Аммосове, В. В. Никифорове–Кюлюмнюре, А. И. Софронове–Алампа, Г. В. Ксенофонтове, Г. В. Баишеве–Алтан Сарыне и др., встретивших смерть в тюрьмах. Здесь стоит отметить, что, чем табуированнее и опаснее тема, тем выше степень ее сакрализации и мифологизации в культурной памяти.

Получившая актуализацию в 1990-х годах городская мифология, относящаяся к годам репрессии 1930–1950-х гг., непосредственно связана с узкими коридорами-лабиринтами внутренней тюрьмы на ул. Дзержинского, куда водили узников на ночные допросы, очные ставки, в карцер или на расстрел: *«Мин онно, маннайгы тууммэр, П.А. Ойуунускайы өйдөөн кэлбитим. Оччотообуга дьон барыта кини туһунан уоран, сибигинэнэн кэпсэтэр саха норуотун саамай аһыылаах уола хайдах өлбүтүн туһунан сэрэх-таамах курдук сурах иһиллэрэ: НКВД түрмэтигэр иһинэн ыалдьан өлбүт үһү диэн. Ол төһө кырдьыгын билбэт этим. Ол да буоллар мин оччотообуга төбөбөр Ойуунускайы субу манна өлөрдөхтөрө. Мин эмиз оннук өлөр аналлаах эбит буоллабым диэн санаа “кылам” гыммыта»* [28, с. 27] (В первую ночь в карцере я вспомнил П.А. Ойунского. В ту пору в народе ходили страшные слухи о смерти самого любимого сына саха. Говорили, что он умер в тюрьме НКВД. Истинной правды я не знал. Но тогда закралась тревожная мысль, что его погубили именно здесь, и, что я тоже умру его смертью) (пер. наш – С. Н.). Подземные лабиринты внутренней тюрьмы ГПУ, ведущие в «никуда», «темноту», символизируют катастрофичность всей системы сталинской репрессии [28]

Озеро Сайсары, один из основных образов-маркеров города, от сакрального «Саргылаах Сайсары» трансформируется в прозе 1990-х гг. в «криминальный район Сайсар» (Е.П. Неймохов «Случай у озера Сайсары», 1988). Автовокзал – один из основных реалий советского счастливого Якутска – в прозе 1990-х гг. превращается в пристанище бомжей и алкоголиков. Герою прозы конца XX века, несумевшему найти свое предназначение, смысл жизни, город становится пространством несчастья: *«Өлбүт өтөхтөр үрдүлэригэр өрөгөйдөөбүт куорат дьоллоох*

Дьокуускай дэнэрэ мин өйбөр-санаабар баппат» [29, с. 368] (Город, который возвысился на месте мертвых развалин, не может величаться «Счастливым Якутском») (пер. наш – С.Н.).

Мифологические фольклорные, литературные нарративы дополняются впоследствии городскими страшилками (предания о призраках-үөр, рассказы о местах захоронения известных писателей, легенды о поющем призраке якутского театра, призраке удаганки в музее, шаман-дереве у озера Сайсары, доме с призраками на Покровском тракте и др.), «прикрепленными» к городу как географически, так и исторически, которые формируют целостный колоритный вид городского пространства как сложного культурного организма. Они воспроизводят в первую очередь духовный мир человека XXI столетия, живущего в век технических возможностей, но стремящегося к одухотворению своего мира, наполняя его мифами и смыслами.

Заключение

В течение почти 400-летней истории из года в год культурный ландшафт Якутска обрастает новыми смыслами и идеями – это формирует историю города, уникальную мифологию самого холодного города на земле.

В ходе исследования были выявлены такие уровни городской мифологии Якутска: 1) нарративы о сакральной топографии Якутска (о Чочур Мыраане, озере Сайсары, Зеленом Луге, долинах Туймаада, Эркээни, Энсиэли, священных Южном и Северном мысах, реке Лена и т. д.); 2) урбогонические мифы об основании города (предания о создании города Якутска из шкуры быка, о троекратном переносе места города и др.); 3) нарративы о знаковых местах памяти в городском ландшафте (рассказы о якутской башне, церквях, Кружале, кладбище Мучин Крест, шаман-дереве у озера Сайсары и т. д.); 4) истории о городских жителях, известных личностях, событиях (предания об основателях Якутска, воеводах, русских первопроходцах, губернаторах, известных меценатах, купцах; рассказы о ненайденных доселе местах захоронения известных писателей); 5) истории о событиях, произошедших в Якутске (об экспедициях, политических ссыльных, о вооруженном мятеже ссыльных, известном как «Романовка», первом самолете, образовании Якутского государственного университета и др.); 6) отдельное место занимают городские страшилки (легенды о призраках-үөр, неупокоенных душах городских кладбищ, страшилки о поющем призраке якутского театра, бродячем призраке удаганки в краеведческом музее, доме с призраками на Покровском тракте и др.).

Таким образом, можно заключить, что данные мифологические модели, накладываясь друг на друга, создают образ уникального городского ландшафта, который в течение нескольких столетий обрастает, дополняется новыми смыслами, формируя единую сложную смысловую конструкцию, функционирующую по собственным механизмам и принципам. Многоуровневая нарративная система Якутска, представленная в виде *самого холодного города, города на краю, ледяного города, города на курьих ножках*, отражает сложный характер отношений между реальностью и человеком, стремящегося не только осмыслить окружающий мир, но и находить способы адаптации к меняющимся условиям.

Л и т е р а т у р а

1. Абашев В.В. *Пермь как текст*. Пермь: Изд-во Перм. ун-та; 2000:404.
2. Замятин Д.Н. Локальные мифы: Модерн и географическое воображение. *Обсерватория культуры*. 2009;(1):13-25.
3. Митин И.И. Мифогеография: пространственные мифы и множественные реальности. *Communitas*. 2005;(2):12-25.

4. Shi L, Zhu Q. Urban space and representation in literary study. *Open Journal of Social Sciences*. 2018;(6):223-229. DOI: 10.4236/jss.2018.69015.
5. Donovan P. *No Way of Knowing Crime, Urban Legends, and the Internet*. New York City: Routledge; 2004.
6. Enders J. *Death by Drama and Other Medieval Urban Legends*. University of Chicago Press; 2002.
7. Топоров В.Н. *Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического*. Москва: Прогресс-Культура; 1995:624.
8. Лотман Ю.М. *Семиосфера*. Санкт-Петербург: Искусство-СПб; 2001:704.
9. Тюпа В.И. *Анализ художественного текста*. Москва: Издательский центр «Академия»; 2006:336.
10. Исторические предания и рассказы якутов. Ч. 1. Москва; Ленинград: АН СССР; 1960:340.
11. Ксенофонов Г.В. *Эллэйада: материалы по мифологии и легендарной истории якутов*. Москва: Наука; 1977:256.
12. Кулаковский А.Е. *Научные труды*. Якутск: Як. книж. изд-во; 1979:484.
13. Эргис Г.У. *Очерки по якутскому фольклору*. Якутск: Бичик; 2008:408.
14. Парфенова О.А. Основание города Якутска в мифологическом аспекте *Якутск: история и современность (к 370-летию города)*. Якутск; 2002:14-19.
15. Покатилова И.В. Образы города Якутска. *Арктика XXI век. Гуманитарные науки*. 2016;(4):109-121.
16. Романова Е.Н. Этнография города и семиотика повседневности. *Якутск: история и современность (к 370-летию города)*. Якутск; 2002:163-168.
17. Саха былыргы сэхэннэрэ уонна кэпсээннэрэ. Якутск: Як. кн. изд-во; 1977:303.
18. Борисова-Слепцова А. *В поисках золотого зерна*. Якутск: Айар; 2022:370.
19. Гоголев И.М. *Хара кыталык*. Кн. 2. Якутск: Як. книж. изд-во; 1982:288.
20. Петров П.П. *Улицы и площади Якутска*. Якутск: Бичик; 2002:112.
21. Дьяконов В.М. Древние кладбища на территории города Якутска *Якутск: история и современность (к 370-летию города)*. Якутск; 2002:214-219.
22. Неустроев Н.Д. *Төрүөбүт сирбэр, тапталлаах дьоммор*. Якутск: Бичик; 1995:336.
23. <https://1sn.ru/nasedsaya-vecnyi-pokoi-v-zasnezenom-krayu>
24. Уткин К.Д. *Төрүт культура: утумнар, ситимнэр*. Якутск: Бичик; 2004:278.
25. Кулаковский А.Е. *Ырыа-хоһоон*. Якутск: Бичик; 2012:367.
26. Манчаары норуот номоҕор: предания, легенды. Якутск: Як. книж. изд-во; 1972:380.
27. Мординов Н.Е.—Амма Аччыгыйа. *Талыллыбыт айымньылар*. Якутск: Як. книж.изд-во; 1944:310.
28. Яковлев В.С.—Далан. *Дьылҕам миэнэ*. Якутск: Бичик; 1994:448.
29. Аввакумов П.Д. *Өлбүт өтөхтөр*: роман. Якутск: Бичик; 1995:368.

References

1. Abashev VV. *Perm as a text*. Perm: Publishing House of Perm University; 2000:404 (in Russian).
2. Zamyatin DN. Local myths: Modern and geographical imagination. *Observatory of Culture*. 2009;(1):13-25 (in Russian).
3. Mitin II. Mythogeography: spatial myths and multiple realities. *Communitas*. 2005;(2):12-25 (in Russian).
4. Shi L, Zhu Q. Urban space and representation in literary study. *Open Journal of Social Sciences*. 2018;(6):223-229. DOI: 10.4236/jss.2018.69015 (in English).
5. Donovan P. *No Way of Knowing Crime, Urban Legends, and the Internet*. New York City: Routledge; 2004 (in English).
6. Enders J. *Death by Drama and Other Medieval Urban Legends*. University of Chicago Press; 2002 (in English).

7. Toporov VN. *Myth. Ritual. Symbol. Image. Research in the field of mythopoeic*. Moscow: Progress-Culture; 1995:624 (in Russian).
8. Lotman YuM. *Semiosphere*. SPb: Iskustvo-SPb; 2001:704 (in Russian).
9. Tyupa VI. *Analysis of a literary text*. Moscow: Publ. House "Academia"; 2006:336 (in Russian).
10. *Historical legends and stories of the Yakuts*. Part 1. Moscow; Leningrad: USSR; 1960:340 (in Russian).
11. Ksenofontov GV. *Elleuada: materials on the mythology and legendary history of the Yakuts*. Moscow: Nauka; 1977:256 (in Russian).
12. Kulakovsky AE. *Scientific works*. Yakutsk: Yakut Publ. House; 1979:484 (in Yakut).
13. Ergis GU. *Essays on Yakut folklore*. Yakutsk: Bichik; 2008:408 (in Russian).
14. Parfenova OA. The foundation of the town of Yakutsk in a mythological aspect *Yakutsk: history and modernity (to the 370th anniversary of the city)*. Yakutsk: 2002:14-19 (in Russian).
15. Pokatilova IV. Images of the town of Yakutsk. *Arctic 21st century. Humanitarian sciences*. 2016;4:109-121 (in Russian).
16. Romanova EN. Ethnography of the city and semiotics of everyday life. *Yakutsk: history and modernity (to the 370th anniversary of the city)*. Yakutsk: 2002:163-168 (in Russian).
17. *Yakut legends*. Yakutsk: Yakut Publishing House; 1977:303 (in Yakut).
18. Borisova-Sleptsova A. *In search of the golden grain*. Yakutsk: Ayaar; 2022:370 (in Russian).
19. Gogolev IM. *Black crane*. Book 2. Yakutsk: Yakut Publishing House; 1982:288 (in Yakut).
20. Petrov PP. *Streets and squares of Yakutsk*. Yakutsk: Bichik; 2002:112 (in Russian).
21. Dyakonov VM. Ancient cemeteries on the territory of the city of Yakutsk. *Yakutsk: history and modernity (to the 370th anniversary of the city)*. Yakutsk: 2002:214-219 (in Russian).
22. Neustroev ND. *My native land, my beloved people*. Yakutsk: Bichik; 1995:336 (in Yakut).
23. <https://1sn.ru/nasedsaya-vecnyi-pokoi-v-zasnezennom-krayu>
24. Utkin KD. *Traditional Yakut culture*. Yakutsk: Bichik; 2004:278 (in Yakut).
25. Kulakovsky AE. *Songs, poems*. Yakutsk: Bichik; 2012:367 (in Yakut).
26. Manchars in folklore. Yakutsk: Yakut Publ. House; 1972:380 (in Yakut).
27. Mordinov NE. Amma Achchygyia. *Selected works*. Yakutsk: Yakut Publ. House; 1970:748 (in Yakut).
28. Yakovlev VS. Dalan. *My destiny*. Yakutsk: Bichik; 1994:448 (in Yakut).
29. Avvakumov PD. *Dead camps*. Yakutsk: Bichik; 1995:368 (in Yakut).

Сведения об авторе

НОЕВА (КАРМАНОВА) Саргылана Еремеевна – к. филол. н., с. н. с. отдела фольклористики и литературоведения, ФГБУН ФИЦ «Якутский научный центр СО РАН Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН», Якутск, Российская Федерация; ORCID: 0000-0002-2957-5233, e-mail: Noyeva79@mail.ru

About the author

Sargylana E. NOEVA (KARMANOVA) – Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, Department of Folklore and Literature, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-2957-5233, e-mail: Noyeva79@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 19.03.25
Принята к публикации / Accepted 14.05.25

УДК 81'272

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-2-188-203>

Оригинальная научная статья

Образ Китая в российских СМИ (на основе статей, опубликованных в «Известиях», «Коммерсанте» и «Российской газете» в 2024 г.)

Сунь Ичжэнь

Китайский народный университет, г. Пекин, КНР

✉ 1998038@hlju.edu.cn

Аннотация

Россия является одной из важных мировых держав и как крупнейший сосед Китая играет особую роль в усилении способностей Китая к международной коммуникации. По мере углубления отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия между Китаем и Россией освещение Китая в ведущих российских СМИ становится более разнообразным и многогранным. В данной статье анализируются материалы, связанные с образом Китая в трех ведущих российских газетах: «Известия», «Коммерсантъ» и «Российская газета» за 2024 г. Целью исследования является выявление основных причин положительного имиджа Китая в российских СМИ, а также предложение мер и рекомендаций по улучшению восприятия имиджа Китая россиянами. В данной статье в основном применены метод литературного исследования, метод контент-анализа и метод анализа конкретных случаев. Исследование призвано вдохновить и дать основание для дальнейшего высококачественного развития китайско-российских отношений и реализации взаимовыгодного сотрудничества. Основные причины появления положительного имиджа Китая следующие: сила и достижения самого Китая в развитии привлекают внимание; отношения и сотрудничество между Россией и Китаем непрерывно достигают новых высот; концепции внешней политики Китая и его международные обязательства получают признание; огромное разнообразие форм распространения информации способствует появлению взаимопонимания между народами двух стран. Проведенное исследование показало, что Китай должен взять культуру в качестве точки отсчета для всестороннего улучшения имиджа страны, продолжить укрепление культурного обмена и распространения, способствовать обмену опытом между цивилизациями, оптимизировать стратегии распространения СМИ и руководить построением имиджа Китая в вопросах, связанных с Китаем; инновационно развивать способы распространения имиджа Китая, углублять торгово-экономическое сотрудничество и обмен, усиливать гражданский обмен и интеракцию, способствовать высококачественному развитию эмпатии в области распространения информации.

Ключевые слова: Россия, ведущие СМИ, «Известия», «Коммерсантъ», «Российская газета», репортажи и статьи о Китае, китайско-российские отношения, образ Китая, международная коммуникация, взаимопонимание между народами

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Сунь Ичжэнь. Образ Китая в российских СМИ (на основе статей, опубликованных в «Известиях», «Коммерсанте» и «Российской газете» в 2024 г.). *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 2. С. 188–203. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-188-203

Original article

The image of China in Russian media (based on articles from “Izvestia”, “Kommersant” and “Rossiyskaya Gazeta” in 2024)

Sun Yizhen

Renmin University of China, Beijing, China

✉ 1998038@ju.edu.cn

Abstract

Russia is one of the important countries in the world. As China's largest neighbor, it plays a special role in enhancing China's international communication capabilities. With the deepening of the comprehensive partnership and strategic interaction between China and Russia, the coverage of China in the leading Russian media has become more diverse and multi-faceted. This article analyzes the materials related to China's image in three leading Russian newspapers: “Izvestia”, “Kommersant”, and “Rossiyskaya Gazeta” in 2024. The aim of the research is to identify the main reasons for the positive image of China in the Russian media and to put forward measures and recommendations for improving the perception of China's image by the Russian people. This article mainly applies the method of literature research, the method of content analysis, and the method of case analysis. This research is intended to inspire and provide a basis for the further high-quality development of China-Russia relations and the realization of mutually beneficial cooperation. The main reasons for the emergence of a positive image of China are as follows: China's own strength and development achievements attract attention; the relations and cooperation between Russia and China continuously reach new heights; China's diplomatic concepts and its international responsibilities are recognized; the great variety of information dissemination forms promotes the cultivation of mutual understanding between the peoples of the two countries. This work suggests that China should take culture as a breakthrough point to comprehensively improve the country's image, continue to strengthen cultural exchanges and dissemination, promote the exchange of experiences between civilizations, optimize media dissemination strategies, and guide the construction of China's image in China-related issues; innovatively develop the ways of disseminating China's image, deepen economic and trade cooperation and exchanges, strengthen people-to-people exchanges and interactions, and promote the high-quality development of empathy in the field of information dissemination.

Keywords: Russia, mainstream media, “Izvestia”, “Kommersant”, “Rossiyskaya Gazeta”, reports and articles about China, relations between China and Russia, image of China, international communication, mutual understanding between nations

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Sun Yizhen. The image of China in Russian media (based on articles from “Izvestia”, “Kommersant” and “Rossiyskaya Gazeta” in 2024). *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 2. Pp. 188–203. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-188-203

Введение

В последние годы, когда Китай стремительно набирает международный авторитет и правительство страны активно работает над укреплением своей «мягкой силы», вопрос формирования положительного имиджа государства становится все более актуальным. Генеральный секретарь Си Цзиньпин в докладе

на XX съезде КПК подчеркнул: «Необходимо форсировать работу по построению китайской системы дискурса и системы нарратива, умело повествовать о Китае и доносить голос Китая, демонстрировать миру имидж Китая, достойного доверия, одобрения и уважения» [1]. Россия является важным соседом и стратегическим партнером Китая. Мнения и публикации в российских СМИ отражают восприятие Китая различными слоями российского общества. Эти сообщения позволяют нам взглянуть на Китай глазами внешнего наблюдателя. Анализируя эти публикации, мы можем понять, как население России, правительственные чиновники, эксперты и ученые оценивают достижения и перспективы развития Китая, политические тенденции, социальную культуру и многие другие аспекты. Это в свою очередь помогает нам определить, как Россия воспринимает имидж Китая.

В настоящее время большинство существующих в стране исследований об образе Китая в российских ведущих СМИ ограничиваются данными до 2020 г. Несколько последних статей в основном содержат лишь общие описания и одномерные интерпретации, им не хватает новейших данных и целостного подхода.

В данной работе будут проанализированы публикации ведущих российских СМИ о Китае за 2024 г. и результаты опроса населения, проведенного российской стороной. Цель настоящего исследования – описать отношение к Китаю, выявить проблемы и тенденции, которые были отражены в публикациях российских СМИ о Китае. Кроме того, целью исследования являются выявление основных причин положительного имиджа Китая в российских СМИ, а также предложение мер и рекомендаций по улучшению восприятия имиджа Китая россиянами. Это исследование призвано вдохновить и дать основания для дальнейшего высококачественного развития китайско-российских отношений и реализации взаимовыгодного сотрудничества.

Материалы и методы

По данным российской платформы мониторинга СМИ и социальных сетей (<https://www.mlg.ru/>), по состоянию на декабрь 2024 г. самыми популярными российскими СМИ являются «Известия», «Коммерсантъ» и «Российская газета».

Газета «Известия» – одна из старейших в России, основанная в марте 1917 г. в Петрограде. В советское время она была официальным органом Верховного Совета, а после распада СССР превратилась в общенациональную газету, которая пользуется большим влиянием. Основные темы, освещаемые в «Известиях», – это социальные и политические события, происходящие в России и за ее пределами. Газета предлагает аналитические комментарии, обзоры экономических и бизнес-новостей, а также информацию о культурной и спортивной жизни страны. «Известия» известны своими глубокими, объективными и справедливыми репортажами, а также разнообразием взглядов. Газета активно участвует в международных событиях, уделяя особое внимание глубокому освещению и анализу, что делает ее серьезным и выдержанным изданием. Эта газета будет интересна тем, кто хочет углубиться в изучение социальных вопросов и узнать о текущей политике.

Газета «Коммерсантъ» – это частное предприятие, которое с 2006 г. принадлежит А. Усманову. Основная ее цель как коммерческой газеты – получение прибыли. Для этого она привлекает читателей и рекламодателей, предоставляя им ценную бизнес-информацию и профессиональные новостные репортажи. «Коммерсантъ» занимает особое место в освещении экономических и политических вопросов, став известным экономическим изданием во всей России. Газета глубоко анализирует экономическую политику, бизнес-динамику, финансовые рынки и другие экономические темы. Кроме того, она следит за внутренними и внешними

политическими событиями и изменениями, предоставляя читателям комплексный взгляд на экономику и политику.

«Российская газета» – это официальное издание государственных органов Российской Федерации, полностью принадлежащее правительству страны. Она служит важным каналом для распространения официальной информации и выполняет ключевые функции по передаче правительственных сообщений, публикации законов, нормативных актов и объявлений государственных органов. Как авторитетное СМИ в российской прессе «Российская газета» пользуется высоким уровнем доверия и влияния внутри страны. Ее материалы играют важную роль в развитии политической, экономической и социальной сфер России, а также в формировании общественного сознания. Издание известно своим разнообразным содержанием, глубокими репортажами, многообразием точек зрения, широким распространением и значительным международным влиянием. «Российская газета» считается авторитетным СМИ в области современной политики.

Предметом исследования данной статьи являются как новостные репортажи, так и статьи с углубленным анализом. В период с января по начало декабря 2024 г. был проведен поиск информации по ключевому слову «Китай». В результате были отобраны статьи, посвященные различным аспектам жизни Китая: внешней политике, экономике и торговле, обществу, политике, технологиям, культуре и военному делу.

При написании данной статьи были в основном применены следующие методы исследования:

- метод литературного исследования: сбор и систематизация соответствующих исследовательских материалов как из страны, так и из-за рубежа, упорядочивание результатов исследований, теоретических взглядов и методов исследований предыдущих исследователей в данной области, изучение актуального состояния исследований и их недостатков для предоставления теоретической основы и исследовательских идей для диссертации;

- метод контент-анализа: отбор репрезентативных публикаций в ведущих зарубежных СМИ, анализ текстовой информации с учетом определенных категорий, таких как тема публикации, эмоциональный наклон, точка зрения в публикации и т. д., выявление характеристик, закономерностей и тенденций изменения в изображении Китая;

- метод анализа примеров: отбор типичных примеров публикаций в зарубежных СМИ, глубокое изучение контекста их распространения, стратегий распространения и влияния на формирование изображения Китая, извлечение общих выводов на основе конкретных примеров для повышения убедительности исследования.

Основные аспекты восприятия Китая ведущими российскими СМИ

Китай, будучи второй по величине экономикой в мире, занимает важное место в списке мирового ВВП. На протяжении многих лет страна демонстрирует высокие темпы экономического роста, что делает ее одним из ключевых источников роста для глобальной экономики. Китай активно участвует в работе множества международных организаций и многосторонних учреждений, включая Всемирную торговую организацию (ВТО), Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ), Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), БРИКС, Группу двадцати (G20) и Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС). В данных организациях Китай играет конструктивную роль, способствуя укреплению международного сотрудничества и развитию. На саммитах G20 Китай выдвигает ряд инициатив и предложений по глобальному экономическому управлению, устойчивому развитию и другим важным вопросам, что, в свою очередь,

способствует процессу глобального экономического сотрудничества и развития. С подъемом Китая в 2024 г. российские СМИ все чаще публикуют материалы о различных аспектах Китая. Наиболее часто освещаемой темой в российских СМИ является положение Китая в международной системе, за которой следуют китайско-российские отношения. Также российские СМИ уделяют внимание экономическому росту Китая, научно-техническому прогрессу, социальной сфере и многим другим аспектам жизни страны.

Роль и значение Китая в современном мире

Действия и инициативы Китая в системе международных отношений, а также его дипломатическое взаимодействие с другими странами являются наиболее важными темами для российских СМИ. В последние годы Китай достиг значительных успехов в построении международного порядка и урегулировании международных конфликтов, и международные новости стали «основной площадкой для формирования образа Китая» [2, с. 16]. В таких изданиях, как «Российская газета», «Известия» и «Коммерсантъ», уделяется значительное внимание влиянию инициативы Китая «Сообщество единой судьбы человечества», а также позиции и действиям Китая по актуальным вопросам, включая конфликт между Россией и Украиной, палестино-израильский конфликт, ядерный кризис на Корейском полуострове и другим важным темам. Эти материалы занимают значительную долю в освещении китайской тематики. Подобные репортажи своевременно знакомят читателей с позицией, взглядами и политикой китайского правительства в отношении важных дипломатических событий, играя крайне важную роль в формировании имиджа Китая.

«Российская газета» высоко оценила сотрудничество Китая и России на международной арене: «Отношения России и Китая прошли проверку на прочность и демонстрируют высокую степень устойчивости» [3]; «Встреча Путина и Си Цзиньпина окажет решающее влияние на мир» [4]; «Лавров заявил, что диалог между Россией и Китаем в сфере обороны способствует укреплению международной безопасности» [5]; Посол России в Китае Моргунов считает, что «связка Москвы и Пекина в международных делах – один из главных стабилизирующих факторов в мире» [6]; Секретарь Совбеза России Шойгу заявил, что «двусторонние связи России и Китайской Народной Республики (КНР) являются одним из стержней мировой политики и безопасности, а также одним из глобальных стабилизирующих факторов» [7]. В статье, опубликованной в «Коммерсанте», министр обороны России Белоусов заявил, что «военное сотрудничество РФ и КНР является фактором глобальной стабильности» [8]. «Известия» также заявили, что «в Кремле назвали отношения России с КНР конструктивными и партнерскими» [9].

В контексте развития отношений между Китаем, Россией и США российское общество, столкнувшись с серьезными трудностями из-за жестких санкций со стороны Запада, выражает готовность укреплять всестороннее стратегическое сотрудничество с Китаем, чтобы совместно противостоять современным международным вызовам. В связи с этим в СМИ особое внимание уделяется освещению попыток Запада сдержать Китай, а также ответным стратегиям Китая и России и т. д. В «Российской газете» отметили: «Москва и Пекин планируют противодействовать санкционному режиму, используя форматы организаций БРИКС и ШОС» [10]; «Соединенные Штаты рассматривают Китай в качестве стратегического соперника на предстоящие десятилетия» [11]; «США обеспокоены развитием отношений между РФ и Китаем» [12]; «США на протяжении всех последних лет открыто и тайно боролись с инвестициями китайских компаний в портовую, железнодорожную, аэропортовую и другую транспортно-логистическую

инфраструктуру в Европе. Подрывая таким образом торгово-экономическое сотрудничество Китая и ЕС, снижая конкурентоспособность своих основных экономических оппонентов и срывая реализацию глобального проекта Пекина «Один пояс, один путь» [13]. В ходе Саммита АТЭС Си Цзиньпин после встречи с Байденом «сделал ряд примирительных заявлений, не оставляющих однако сомнений в готовности Пекина жестко противостоять внешнему давлению» [14]. После избрания Дональда Трампа президентом США, на фоне ожиданий улучшения американо-российских отношений, отношение к российско-китайскому сотрудничеству стало более деликатным. С одной стороны, существует обеспокоенность тем, что победа Трампа на выборах в США может привести к эскалации соперничества между США и Китаем, что негативно скажется на курсе российской валюты и экономике в целом, «из всех рисков наибольшее значение имеет потенциальный конфликт между США и Китаем, потому что это две крупнейшие экономики мира, а Россия и все остальные страны связаны с ними прямо или опосредованно» [15]; с другой стороны, считается, что «Трамп может урегулировать украинский конфликт» [16]. «Известия» прогнозировали, что цены на нефть могут снизиться, а «введение новых пошлин усилит напряжение между Китаем и США» [17]. «Коммерсантъ» также полагает, что «шансы на то, что новый глава Белого дома будет проводить по отношению к Китаю миролюбивую политику, крайне невелики» [18].

Как рассматривается экономика Китая

Экономика Китая является одной из наиболее обсуждаемых тем в инфополе российских СМИ. Российские медиа в целом считают, что Китай, демонстрирующий стабильный экономический рост, способствует развитию двусторонних отношений и оказывает положительное влияние на региональную и мировую экономическую ситуацию. В связи с этим три вышеупомянутые газеты («Российская газета», «Известия» и «Коммерсантъ») в основном придерживаются объективного и скорее позитивного подхода к освещению российско-китайского экономического сотрудничества, а также роли и места Китая в мировой экономической системе. Например, «общий объем внешней торговли КНР со странами-участницами инициативы “Один пояс, один путь” вырос на 5,5 процента в первом квартале этого года, что оказывает благотворное влияние на рост глобальной торговли» [3]; «китайская модель экономики является наиболее эффективной из всех существующих на сегодня моделей» [19]; «состояние китайской экономики сейчас важнее, чем когда-либо, поскольку роль Китая как ключевого торгового партнера РФ заметно возросла в последние годы» [20]. Однако российские СМИ также уделяют внимание практическому сотрудничеству сторон в области кредитования и банковских учреждений, внедрению национальных платежных систем, а также таким вопросам, как замедление и недостаток темпов роста китайской экономики, баланс экспорта энергоресурсов и т. д. В публикациях отмечается, что экономическое развитие Китая сталкивается со «сложной внешней средой и недостаточным спросом» [21], «Для российской нефти рынок Индии становится равноценным китайскому» [22].

Как рассматривается технологическое развитие Китая

Китай неизменно придерживается основной государственной политики открытости внешнему миру, постепенно расширяет институциональную открытость, углубляет реформу системы управления иностранными и внешними инвестициями, оптимизирует региональную структуру открытости и совершенствует механизмы содействия высококачественному совместному строительству инициативы «Один пояс, один путь». Научно-технические достижения Китая в различных областях, таких как искусственный интеллект,

аэрокосмическая промышленность, автомобили на новых источниках энергии и многих других, не только повышают качество и эффективность внутреннего развития, но и активно способствуют переходу к «зеленой» и низкоуглеродной экономике во всем мире. Это свидетельствует о том, что Китай, являясь крупнейшим двигателем роста мировой экономики, также вносит значительный вклад в глобальный научно-технический прогресс, меняя привычный образ жизни и работы людей. Данная тенденция привлекает постоянное внимание российских СМИ.

Путин заявил, что «Китай добился явных и очевидных успехов в области автомобильной промышленности» [23]; «Россия заинтересована в присутствии китайских автопроизводителей на своем рынке и собирается расширять сотрудничество в этой сфере» [24]; «Известия» заявили, что «каждый третий россиянин готов пересесть на китайские авто» [25]; «Коммерсантъ» также сообщил, что «продажи новых легковых китайских автомобилей в России в октябре побили исторический рекорд, достигнув почти 100 тыс. штук» [26].

Как рассматривается китайское общество

Китай и Россия всегда поддерживали теплые отношения в сфере культурного обмена и сотрудничества. 2024–2025 гг. являются Годом культуры России-Китая, и российские СМИ уделяют этому событию особое внимание. В рамках мероприятий, посвященных Году культуры, в России проводятся фестивали китайской культуры, художественные выставки и показы китайских фильмов. Эти события помогают россиянам глубже понять традиционную и современную китайскую культуру, укрепляя дружбу и взаимопонимание между народами двух стран. Российские СМИ также отмечают растущий интерес россиян к различным аспектам китайской культуры, таким как боевые искусства, традиционная китайская медицина, китайская кухня и многие другие.

«Коммерсантъ» опубликовал статью «Го за пельменями», в которой отметил, что празднование Праздника весны в начале Года культуры России-Китая имеет особое значение. Руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН А. Ломанов называет китайский Новый год «самым открытым и пригодным для межкультурного диалога праздником» [27].

«Российская газета» опубликовала ряд статей, посвященных интересу российских студентов к китайской сетевой литературе и ее распространению, а также показу промо-роликов о Китае в России, что отражает активность культурного обмена между Китаем и Россией. Литературные произведения и другие культурные элементы Китая позволяют россиянам более живо и многогранно познакомиться с Китаем, способствуя углублению взаимного культурного понимания между двумя странами. Перед своим визитом в Китай 15 мая 2024 г. президент Путин заявил в эксклюзивном интервью корреспонденту агентства «Синьхуа»: «Немало знаю о ваших боевых искусствах, включая ушу, которое в нашей стране весьма популярно, питаю уважение к китайской философии» [28].

Образ Китая в опросах общественного мнения

Результаты опросов общественного мнения содержат богатую информацию о взглядах, отношениях и ожиданиях людей по различным внутренним и внешним вопросам. Государственные информационные агентства могут использовать опросы для выявления актуальных тем и ключевых областей, вызывающих интерес у населения. Результаты опросов также отражают степень принятия населением способов и каналов государственной коммуникации. Например, если опросы показывают, что люди предпочитают получать информацию через социальные сети, государственные СМИ могут увеличить инвестиции

в платформы социальных сетей и усилить продвижение контента. Кроме того, в зависимости от эмоциональной реакции населения на различные темы – будь то позитивная, негативная или нейтральная – государственные СМИ могут корректировать тон и акценты в своей коммуникации. Согласно опросам общественного мнения, в России в 2024 г., образ Китая характеризуется следующими основными чертами.

Общее позитивное отношение

С 26 сентября по 2 октября 2024 г. Левада-центр провел опрос 1606 жителей в возрасте 18 лет и старше в 137 населенных пунктах, 50 субъектов РФ. Результаты показывают, что 81% россиян имеют положительное отношение к Китаю, 9% – отрицательное. По сравнению с 92%, зафиксированными в мае 2024 г., этот показатель несколько снизился, но по-прежнему является относительно высоким [29].

В первый день государственного визита Президента РФ Владимира Путина в Китай Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) опубликовал результаты опроса россиян о Китае и российско-китайских отношениях. Семь из десяти россиян описывают отношения между двумя странами как дружественные и добрососедские (72%). Социологи отмечают, что это самый высокий показатель за все время наблюдений. Этот показатель удвоился с 2005 г., тогда он составлял 34% [30].

Важный партнер

Опрос общественного мнения, проведенный новостным агентством «Спутник», показал, что более половины россиян считают Китай партнером. 59% россиян поддерживают внешнюю политику Китая, причем представители всех возрастных групп выразили поддержку политике Пекина.

Опрос, проведенный Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в мае этого года, показал, что россияне по-прежнему уверены в своих предыдущих прогнозах: 76% респондентов считают, что Китай полностью (18%) или в некоторой степени (58%) заменил Запад в качестве экономического партнера и компенсировал последствия западных санкций. 13% придерживаются иного мнения.

Экономическая держава

Образ Китая как экономической державы получил широкое признание в России. Российское население выражает восхищение быстрым развитием китайской экономики и достигнутыми успехами, признавая силу Китая в таких областях, как международная торговля и научно-технические инновации.

Популярность культурных элементов

Традиционные культурные элементы Китая, такие как Великая Китайская стена, кунг-фу, панды, китайская кухня, чай, китайский язык/иероглифы, традиционная китайская медицина, имеют высокий уровень узнаваемости в России. Эти культурные символы усиливают любовь российского народа к китайской культуре и доброжелательное отношение к Китаю.

Отвечая на заданные ВЦИОМ вопросы о том, какие аспекты китайской культуры привлекают внимание, россияне чаще всего упоминали язык, искусство и традиции – такие ответы составили 38% от общего числа. Экономика Китая также довольно часто вызывает интерес у российского населения – 18%. Еще 15% ответов касались менталитета, характера китайцев. История и религия Китая составили 10% ответов, внутренняя политика – 9%, а внешняя политика – 4%. Каждый третий (31%) сообщил, что китайская культура ему неинтересна.

Положительный образ китайцев

Большинство россиян считает китайцев успешными, трудолюбивыми и преданными своему делу, достигшими значительных успехов. Они часто сравнивают китайцев с россиянами, критикуя последних за нерасторопность и лень.

Уверенность в развитии Китая

Российское население в целом оптимистично оценивает потенциал развития Китая, считая, что его прогресс окажет положительное влияние как на Россию, так и на мировую экономику. Также россияне признают позитивное влияние инициативы «Один пояс, один путь».

Причины формирования положительного образа Китая в инфополе российских СМИ

Основные причины, по которым в российских СМИ формируется положительный образ Китая в 2024 г., заключаются в следующем.

Собственные силы и достижения Китая в области развития

Сильная экономика: Китай как вторая по величине экономика мира демонстрирует стабильный и устойчивый экономический рост, занимая важное место в глобальной экономической системе. Например, в 2023 г. ВВП Китая превысил 126 триллионов юаней, увеличившись на 5,2% по сравнению с предыдущим годом. В первой половине 2024 г. ВВП Китая приблизился к 62 триллионам юаней, увеличившись на 5,0% в годовом выражении. Такой стабильный экономический рост не только способствует развитию мировой экономики, но и привлекает внимание российских СМИ к успеху и динамичности китайской модели экономического развития.

Быстрое развитие науки и технологий. Китай постоянно добивается прорывов в области высоких технологий, занимая первое место в мире по количеству патентных заявок. В работу активно внедряются такие новые технологии, как облачные вычисления, большие данные и блокчейн, а разработки в сфере искусственного интеллекта и квантовой связи находятся на передовых рубежах мировой науки. Научно-технические инновации стали важной опорой для трансформации и развития китайской экономики, повышая конкурентоспособность и влияние Китая на международной арене. Это вызывает интерес российских СМИ к прогрессу Китая в области технологий и способствует активному освещению данной темы в России.

Стабильность и порядок в обществе. Китай имеет четкие цели и планы развития, политическую стабильность и гармоничное общество, что позволяет сосредоточить усилия на решении масштабных задач. Постоянное продвижение реформ и инициатив в области развития создает благоприятные условия для устойчивого и здорового роста экономики и общества. Такой стабильный и упорядоченный подход к развитию получает признание и положительную оценку со стороны российских СМИ.

Отношения и сотрудничество между Китаем и Россией

Главы двух государств поддерживают тесный диалог на высоком уровне, а между Китаем и Россией установлены отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в новую эпоху. В международных и региональных делах стороны сохраняют тесное взаимодействие и сотрудничество, совместно стремясь к поддержанию регионального мира, стабильности и процветания. Частые контакты на высоком уровне, постоянный рост объема двусторонней торговли и успешная реализация стратегических проектов в таких областях, как энергетика, авиация и транспорт, создают прочную основу для позитивного освещения образа Китая в российских СМИ.

Тесное экономическое сотрудничество: в первой половине 2024 г. объем двусторонней торговли между Китаем и Россией достиг 116,87 млрд долларов США, увеличившись на 1,8% в годовом исчислении. Китай является одним из важнейших торговых партнеров России, и сотрудничество сторон в таких областях, как энергетика, сельскохозяйственная продукция и производство,

продолжает углубляться. Успешное развитие экономического сотрудничества привлекает внимание российских СМИ к экономическим тенденциям и рыночным возможностям Китая, а также способствует расширению взаимодействия между двумя странами в других сферах.

Активный культурный обмен: проведение таких мероприятий, как Годы культуры России-Китая, а также регулярное празднование китайских традиционных праздников, таких как китайский Новый год (Праздник Весны), в России способствуют укреплению взаимопонимания и дружбы между народами двух стран. Благодаря этому активному взаимодействию, российские СМИ получают возможность публиковать более разнообразные материалы о китайской культуре, что делает образ Китая в России более многогранным и интересным для восприятия.

Дипломатические принципы Китая и международная ответственность

Путь мирного развития. Китай твердо придерживается независимой и самостоятельной мирной внешней политики, следует пути мирного развития, не вмешивается во внутренние дела других стран, не стремится к гегемонии и не действует с позиции силы. В своих отношениях с другими государствами Китай всегда стремился к миру, сотрудничеству и взаимовыгодному взаимодействию. Эта концепция мирного развития получила широкое признание в международном сообществе, что также способствовало положительной оценке российской прессой внешней политики и международного имиджа Китая.

Создание сообщества единой судьбы человечества. Китай выступает за создание сообщества единой судьбы человечества, активно участвует в глобальном управлении и вносит свой вклад в решение мировых проблем, предлагая идеи и методы, основанные на китайской мудрости. Например, инициатива «Один пояс, один путь» открывает перед странами-участницами новые горизонты для развития, способствует укреплению регионального экономического сотрудничества и усилению взаимосвязанности между ними. Таким образом, Китай не только демонстрирует свою ответственность и роль крупной державы, но и укрепляет свой имидж и влияние на международной арене.

Распространение информации и изменения восприятия

Увеличение частоты репортажей. С развитием Китая и укреплением китайско-российских отношений объем и частота репортажей о Китае в российских СМИ растут из года в год. Содержание репортажей становится более разнообразным, охватывая такие сферы, как политика, экономика, культура и технологии. Это позволяет российской аудитории более полно и глубоко понимать Китай, меняя прежние односторонние представления и формируя более объективный, достоверный и многогранный образ Китая.

Сотрудничество и обмен между СМИ. Взаимодействие и сотрудничество между китайскими и российскими СМИ продолжают укрепляться. Благодаря совместным репортажам, интервью и другим формам сотрудничества стороны углубляют взаимопонимание и доверие, повышая качество и точность репортажей. Это помогает российским СМИ более эффективно доносить до российской аудитории голос Китая и информацию о нем, способствуя сближению народов двух стран. Например, в 2019 г. Медиакорпорация Китая и «Российская газета» открыли совместную аналитическую студию «Россия-Китай: события и комментарии», которая получила большую популярность среди российских читателей.

Меры и предложения по улучшению образа Китая среди россиян

Расширение культурного обмена и распространение информации

Проведение культурных мероприятий. Необходима организация различных фестивалей китайской культуры, художественных выставок, кинофестивалей,

концертов и других мероприятий, демонстрирующих традиционную культуру, современное искусство и популярную культуру Китая. Это поможет повысить интерес и уровень понимания китайской культуры среди российского населения. Например, проведение ярмарок в честь китайского Нового года в крупных городах России позволит местным жителям лично ощутить атмосферу и традиции этого праздника.

Содействие научному обмену. Требуется укрепление сотрудничества и содействие процессам обмена между научными кругами Китая и России, поощрение взаимных визитов ученых и проведение научных семинаров. Благодаря академическим исследованиям и обменам можно углубленно изучать вопросы истории, культуры и общества обеих стран, способствуя взаимопониманию и повышению уровня знаний о Китае в России на профессиональном уровне.

Содействие сотрудничеству в сфере образования. Необходимо расширение программ образовательных обменов между Китаем и Россией, увеличение количества студентов по обмену, поощрение российских студентов к обучению в Китае и поддержка китайских студентов, обучающихся в России. Введение курсов китайской культуры или китайского языка в российских школах поможет воспитать у молодежи интерес и дружелюбие к Китаю. В то же время стремиться в рамках большего количества мероприятий по созданию культурных образов и культурному обмену «сознательно вписывать элементы традиционных китайских ценностей» [31].

Оптимизация коммуникационных стратегий СМИ

Укрепление сотрудничества со СМИ. Следует устанавливать прочные партнерские отношения с ведущими российскими СМИ, совместно разрабатывать контент и создавать программы. Через платформы российских медиа распространять китайские истории, доносить голос Китая и представлять его образ в более доступной и понятной для российской аудитории форме. Одним из примеров такого сотрудничества может стать создание документальных фильмов или тематических репортажей о дружбе, сотрудничестве и культурном обмене между Китаем и Россией.

Улучшение коммуникационных возможностей СМИ. Необходимо усиление присутствия и влияния китайских медиа в России, использование новых медиаплатформ, таких как социальные сети и видеохостинги, для публикации качественного контента, включая новости, культурные программы и короткие видеоролики, чтобы привлечь внимание российской интернет-аудитории. При этом важно учитывать специфику и потребности российской аудитории, обеспечивая точность и адаптивность контента.

Инновации в выражении дискурса. Стоит избегать использования слишком сухого или официального языка и методов пропаганды, вместо этого применять более живой, образный и близкий к жизни стиль изложения, чтобы российская аудитория могла легче понять и принять информацию. Рассказывать китайские истории и идеи через конкретные примеры и истории о людях. Это позволит вызвать эмоциональный отклик и усилит эффект коммуникации. Позволить большему количеству граждан России, особенно молодым людям, получить всестороннее представление о китайской культуре и контактировать с китайским народом, и в конечном счете повысить «чувство однодушия с китайским обществом» [32].

Углубление экономического сотрудничества и обмена

Расширение сфер экономического и торгового сотрудничества. Необходимо укреплять сотрудничество между Китаем и Россией в экономической и торговой сферах, постоянно расширять глубину и широту сотрудничества. Помимо традиционных областей, таких как энергетика и торговля, следует усилить

сотрудничество в сферах науки и технологий, инноваций, сельского хозяйства и производства. Через взаимовыгодное экономическое сотрудничество российское население сможет на практике ощутить возможности и преимущества, которые экономическое развитие Китая приносит России, что повысит симпатию и уровень осведомленности о Китае.

Укрепление корпоративного имиджа

Следует поощрять китайские компании к законной деятельности в России, добросовестной уплате налогов и активному выполнению социальной ответственности для формирования положительного имиджа. Китайские предприятия могут вносить вклад в российское общество через участие в местных благотворительных акциях, поддержку культурных и образовательных проектов, тем самым укрепляя признание и доверие россиян, что способствует улучшению общего образа Китая.

Расширение неправительственного обмена и взаимодействия

Развитие туристического сотрудничества. Необходимо активизировать китайско-российское сотрудничество в сфере туризма, упростить визовые процедуры, разработать привлекательные туристические продукты и маршруты для привлечения большего числа российских туристов. Через туристический опыт россияне смогут лично познакомиться с природными ландшафтами, историко-культурным наследием и социальным развитием Китая, формируя непосредственное позитивное восприятие.

Содействие обмену между неправительственными организациями Стоит поддерживать взаимодействие неправительственных организаций двух стран: ассоциаций дружбы, торговых палат, культурных объединений. Через посредническую роль подобных организаций укреплять контакты между простыми гражданами, углублять взаимопонимание и дружбу, закладывая прочную социальную основу китайско-российских отношений.

Укрепление молодежного обмена. Следует развивать сотрудничество между молодежью двух стран через форумы, волонтерские программы, спортивные соревнования и т. д. Молодежь – будущее двусторонних отношений. Такие инициативы воспитают новое поколение сторонников дружбы, укрепляя основу для долгосрочного взаимодействия.

Активное формирование информационной повестки

Внимание к актуальным темам. Важно оперативно реагировать на социальные проблемы в России, интегрируя китайский подход и опыт в общественную дискуссию, что поможет привлечь внимание российской общественности к Китаю. Например, демонстрировать активную позицию Китая по таким актуальным вопросам, как глобальное изменение климата и защита окружающей среды. Такой подход поможет улучшить имидж страны в международных делах.

Трансляция позитивного контента

Системно распространять информацию о достижениях Китая в области развития, технологических инноваций, социального прогресса, улучшения благосостояния людей и т. д. Точная и всесторонняя информационная работа поможет развеять стереотипы и недопонимания, сформировать позитивный образ открытой, инклюзивной и динамично развивающейся страны.

Заключение

В условиях усложняющейся международной обстановки российские СМИ постепенно формируют многомерный и позитивный образ Китая, способствуя росту доброжелательности среди своих граждан. В дальнейшем необходимо продолжать развивать практическое сотрудничество между СМИ двух стран,

укреплять культурную мягкую силу, удерживать инициативу в информационном поле, постоянно оптимизировать имидж Китая. Эти меры внесут вклад в укрепление китайско-российских отношений стратегического взаимодействия, создавая прочную основу для будущего развития двусторонних связей.

Л и т е р а т у р а

1. 习近平. 高举中国特色社会主义伟大旗帜 为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗——在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告. 中国政府网, URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (дата обращения: 25 октября 2022) (на кит. яз.).
2. 许华. 俄罗斯社会舆论中的中国形象——基于2017年俄罗斯涉华舆情的分析. 国外社会科学. 2018;(4):13-23 (на кит. яз.).
3. Магдалинская Ю. Отношения России и Китая прошли проверку на прочность и демонстрируют высокую степень устойчивости. URL: <https://rg.ru/2024/05/24/a-karavan-idet.html> (дата обращения: 24 мая 2024).
4. Королева А. Встреча Путина с Си Цзиньпином станет судьбоносной для всего мира. URL: <https://rg.ru/2024/05/16/analitik-vstrecha-putina-s-si-czinpinom-stanet-sudbonosnoj-dlia-vsego-mira.html> (дата обращения: 16 мая 2024).
5. Гацак А. Лавров: Диалог между РФ и КНР укрепляет международную безопасность. URL: <https://rg.ru/2024/05/30/lavrov-dialog-mezhdu-rf-i-kr-ukrepliaet-mezhdunarodnuu-bezopasnost.html> (дата обращения: 30 мая 2024).
6. Авдеев В. Чрезвычайный и полномочный посол РФ в КНР Игорь Моргулов о российско-китайских отношениях всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. URL: <https://rg.ru/2024/10/01/v-interesah-svoih-narodov.html> (дата обращения: 1 октября 2024).
7. Егоров И. Шойгу: Москва и Пекин будут противодействовать политике двойного сдерживания США. URL: <https://rg.ru/2024/11/12/shojgu-moskva-i-pek-in-budut-protivodejstvovat-politike-dvojnogo-sderzhivaniia-ssha.html> (дата обращения: 12 ноября 2024).
8. Андреев А. Белоусов назвал военное сотрудничество РФ и КНР фактором глобальной стабильности. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7231082?query=%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9> (дата обращения: 14 октября 2024).
9. В Кремле назвали отношения России с КНР конструктивными и партнерскими. URL: <https://iz.ru/1750533/2024-08-29/v-kremle-nazvali-otnosheniia-rossii-s-kr-konstruktivnymi-i-partnerskimi> (дата обращения: 29 августа 2024).
10. Гацак А. Лавров: РФ и Китай будут бороться с санкциями в форматах БРИКС и ШОС. URL: <https://rg.ru/2024/04/09/lavrov-rf-i-kitaj-budut-borotsia-s-sankciiami-v-formatah-briks-i-shos.html> (дата обращения: 9 апреля 2024).
11. Лукьянов, Ф. США нуждаются в Европе для стратегии сдерживания Китая. URL: <https://rg.ru/2024/05/06/zadacha-so-vsemi-neizvestnymi.html> (дата обращения: 6 мая 2024).
12. Королева А. Белый дом: США обеспокоены развитием отношений между РФ и Китаем. URL: <https://rg.ru/2024/05/18/belyj-dom-ssha-obespokoeny-razvitiem-otnoshenij-mezhdu-rf-i-kitaem.html> (дата обращения: 18 мая 2024).
13. Гасюк А. В НАТО размышляют о национализации активов КНР в Европе. Почему китайский вопрос так важен для США и чего на самом деле добивается альянс. URL: <https://rg.ru/2024/07/12/nato-obsuzhdaet-nacionalizaciiu-aktivov-kr-v-es-v-sluchae-konflikta-aliansa-s-rf.html> (дата обращения: 12 июля 2024).
14. Гасюк А. О чем договорились и в чем разошлись на саммите АТЭС лидеры Китая и США URL: <https://rg.ru/2024/11/17/poproschal-is-v-peru.html> (дата обращения: 17 ноября 2024).
15. Болотов С. Аналитики оценили влияние победы Трампа в США на курсы валют и экономику России. URL: <https://rg.ru/2024/11/07/analitiki-ocenili-vliianie-pobedy-trampa-v-ssha-na-kursy-valiut-i-ekonomiku-rossii.html> (дата обращения: 7 ноября 2024).
16. Медведев допустил, что Трамп может урегулировать украинский конфликт. URL: <https://rg.ru/2024/11/23/medvedev-dopustil-chto-tramp-mozhet-uregulirovat-ukrainskij-konflikt.html> (дата обращения: 23 ноября 2024).

17. Гаджиева М., Грачев Е. Камала не покажется: как избрание Трампа повлияет на мировую экономику. URL: <https://iz.ru/1786587/milana-gadzhieva-evgenii-grachev/kamala-ne-pokazhetsia-kak-izbranie-trampa-povliiaet-na-mirovuiu-ekonomiku> (дата обращения: 6 ноября 2024).
18. Портякова Н. Пишем Байден, Трамп в уме. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7310346> (дата обращения: 17 ноября 2024).
19. Горошилова А. Путин считает, что модель экономики КНР является наиболее эффективной. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6759805?query=%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9> (дата обращения: 7 июня 2024).
20. Мигунов Д. Медленный Китай: станут ли проблемы с экономикой страны серьезными. URL: <https://iz.ru/1728555/dmitrii-migunov/medlennyi-kitai-stanut-li-problemy-s-ekonomikoi-strany-sereznyimi> (дата обращения: 17 июля 2024).
21. Едовина Т. Китай больше не спешит. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6455443> (дата обращения: 18 января 2024).
22. Тихонов С. Для российской нефти рынок Индии становится равноценным китайскому. URL: <https://rg.ru/2024/07/11/mezhdu-slonom-i-draconom.html> (дата обращения: 11 июля 2024).
23. Путин отметил успехи китайских автопроизводителей. URL: <https://iz.ru/1697287/2024-05-16/putin-otmetil-uspekhi-kitaiskikh-avtoproizvoditelei> (дата обращения: 16 мая 2024).
24. Гончарук Д. Путин: Россия приветствует расширение присутствия автопрома КНР на своем рынке. URL: <https://rg.ru/2024/05/16/putin-rossiia-privetstvuet-rasshirenie-prisutstviia-avtoproma-knr-na-svoem-rynke.html> (дата обращения: 16 мая 2024).
25. Каждый третий россиянин готов пересест на китайские авто. URL: <https://iz.ru/1669893/2024-03-22/kazhdyi-tretii-rossiianin-gotov-peresest-na-kitaiskie-avto> (дата обращения: 22 марта 2024).
26. То ли доля, то ли не доля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7312049> (дата обращения: 19 ноября 2024).
27. Воронов А., Портякова Н. Го за пельменями. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6480395?query=%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4> (дата обращения: 31 января 2024).
28. Герейханова А. Владимир Путин дал интервью агентству Синьхуа. URL: <https://rg.ru/2024/05/15/pod-flagom-druzhyby.html> (дата обращения: 15 мая 2024).
29. Отношение к Китаю, Бразилии, Турции, Ирану, Франции, Украине, США, ЕС и ООН. URL: <https://www.levada.ru/2024/10/15/otnoshenie-k-kitayu-brazilii-turtsii-iranu-frantsii-ukrainessha-es-i-oon/> (дата обращения: 15 октября 2024).
30. Егорова В. ВЦИОМ: Семь из десяти россиян назвали отношения РФ и Китая дружественными. URL: <https://www.rg.ru/2024/05/16/vciom-sem-iz-desiati-rossiian-nazvali-otnosheniia-rf-i-kitaia-druzhestvennymi.html> (дата обращения: 16 мая 2024).
31. 李玮. 俄国“熊”眼中的中国“龙”——基于中国文化软实力调查数据的分析. *国外社会科学*. 2012;(5):81-89 (на кит. яз.).
32. 徐翀. 近十年俄罗斯民众对中国国家形象的认知——基于俄国内民调结果的实证分析. *世界经济与政治论坛*. 2012;(3):92-104 (на кит. яз.).

References

1. Xi Jinping. 'Hold High the Great Banner of Socialism with Chinese Characteristics and Strive Unitedly for Building a Modern Socialist Country in All Respects - Report at the 20th National Congress of the Communist Party of China'. China Government Website. Available at: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm [Accessed 25 October 2022] (in Chinese).
2. Xu Hua. The Image of China in Russian Public Opinion: An Analysis Based on Chinese-related Public Sentiment in Russia in 2017. *Overseas Social Sciences*. 2018;(4):13-23 (in Chinese).
3. Magdalinskaya U. The relations between Russia and China have withstood the test of strength and demonstrate a high degree of stability. Available at: <https://rg.ru/2024/05/24/a-karavan-idet.html> [Accessed 24 May 2024] (in Russian).

4. Koroleva A. Putin's meeting with Xi Jinping will be fateful for the whole world. Available at: <https://rg.ru/2024/05/16/analitik-vstrecha-putina-s-si-czinpinom-stanet-sudbonosnoj-dlia-vsego-mira.html> [Accessed 16 May 2024] (in Russian).

5. Gatzak A. Lavrov: The dialogue between Russia (the Russian Federation) and China strengthens international security. Available at: <https://rg.ru/2024/05/30/lavrov-dialog-mezhdu-rf-i-kr-ukrepiaet-mezhdunarodnuu-bezopasnost.html> [Accessed 30 May 2024] (in Russian).

6. Avdeev V. Igor Morgulov, the Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador of the Russian Federation to China, on the Russia-China relations of an all-round partnership and strategic interaction. Available at: <https://rg.ru/2024/10/01/v-interesah-svoih-narodov.html> [Accessed 1 October 2024] (in Russian).

7. Egorov I. Shoigu: Moscow and Beijing will oppose the United States' policy of dual containment. Available at: <https://rg.ru/2024/11/12/shoigu-moskva-i-pek-kin-budut-protivodejstvovat-politike-dvojnogo-sderzhivaniia-ssha.html> [Accessed 12 November 2024] (in Russian).

8. Andreev A. Belousov called the military cooperation between the Russian Federation and China a factor of global stability. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/7231082?query=%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9> [Accessed 14 October 2024] (in Russian).

9. In the Kremlin, the relations between Russia and China were described as constructive and partnership-based. Available at: <https://iz.ru/1750533/2024-08-29/v-kremle-nazvali-otnosheniia-rossii-s-kr-konstruktivnymi-i-partnerskimi> [Accessed 29 August 2024] (in Russian).

10. Gatzak A. Lavrov: Russia and China will fight against sanctions within the frameworks of BRICS and the Shanghai Cooperation Organization (SCO). Available at: <https://rg.ru/2024/04/09/lavrov-rf-i-kitaj-budut-borotsia-s-sankciiami-v-formatah-briks-i-shos.html> [Accessed 9 April 2024] (in Russian).

11. Lukyanov F. The United States needs Europe for its strategy of containing China. Available at: <https://rg.ru/2024/05/06/zadacha-so-vsemi-neizvestnymi.html> [Accessed 6 May 2024] (in Russian).

12. Koroleva A. The White House: The United States is concerned about the development of relations between Russia and China. Available at: <https://rg.ru/2024/05/18/belyj-dom-ssha-obespekoye-razvitiem-otnoshenij-mezhdu-rf-i-kitaem.html> [Accessed 18 May 2024] (in Russian).

13. Gasyuk A. NATO is contemplating the nationalization of China's assets in Europe. Why is the Chinese issue so important to the United States and what is the alliance actually trying to achieve? Available at: <https://rg.ru/2024/07/12/nato-obsuzhdaet-nacionalizaciiu-aktivov-kr-v-es-v-sluhae-konflikta-aliansa-s-rf.html> [Accessed 12 July 2024] (in Russian).

14. Gasyuk A. What did the leaders of China and the United States agree on and where did they differ at the APEC summit? Available at: <https://rg.ru/2024/11/17/poproschalis-v-peru.html> [Accessed 17 November 2024] (in Russian).

15. Bolotov S. Analysts evaluated the impact of Trump's victory in the United States on currency exchange rates and the Russian economy. Available at: <https://rg.ru/2024/11/07/analitiki-ocenili-vliianie-pobedy-trampa-v-ssha-na-kursy-valiut-i-ekonomiku-rossii.html> [Accessed 7 November 2024] (in Russian).

16. Medvedev admitted that Trump could resolve the Ukrainian conflict. Available at: <https://rg.ru/2024/11/07/analitiki-ocenili-vliianie-pobedy-trampa-v-ssha-na-kursy-valiut-i-ekonomiku-rossii.html> [Accessed 23 November 2024] (in Russian).

17. Gadjeva M, Grachev E. Kamala won't show up: How Trump's election will affect the global economy. Available at: <https://iz.ru/1786587/milana-gadzhieva-evgenii-grachev/kamala-nepokazhetsia-kak-izbranie-trampa-povliiaet-na-mirovuiu-ekonomiku> [Accessed 6 November 2024] (in Russian).

18. Portyakova N. We're writing to Biden, but Trump is on our minds. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/7310346> [Accessed 17 November 2024] (in Russian).

19. Goroshilova A. Putin believes that the economic model of China is the most effective. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6759805?query=%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9> [Accessed 7 July 2024] (in Russian).

20. Migunov D. The Sluggish China: Will the country's economic problems become serious? Available at: <https://iz.ru/1728555/dmitrii-migunov/medlennyi-kitai-stanut-li-problemy-s-ekonomikoi-strany-sereznymi> [Accessed 17 July 2024] (in Russian).

21. Edovina T. China is no longer in a hurry. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6455443> [Accessed 18 January 2024] (in Russian).

22. Tikhonov S. For Russian oil, the Indian market is becoming equivalent to the Chinese market. Available at: <https://rg.ru/2024/07/11/mezhdu-slonom-i-drakonom.html> [Accessed 11 July 2024] (in Russian).

23. Putin noted the achievements of Chinese automakers. Available at: <https://iz.ru/1697287/2024-05-16/putin-otmetil-uspekhi-kitaiskikh-avtoproizvoditelei> [Accessed 16 May 2024] (in Russian).

24. Goncharuk D. Putin: Russia welcomes the expansion of the presence of China's automotive industry in its market. Available at: <https://rg.ru/2024/05/16/putin-rossiia-privetstvuet-rasshirenie-prisutstviia-avtoproma-knr-na-svoem-rynke.html> [Accessed 16 May 2024] (in Russian).

25. Every third Russian is ready to switch to Chinese cars. Available at: <https://iz.ru/1669893/2024-03-22/kazhdyi-tretii-rossiianin-gotov-peresest-na-kitaiskie-avto> [Accessed 22 March 2024] (in Russian).

26. Either it's a share, or it's not a share. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/7312049> [Accessed 19 November 2024] (in Russian).

27. Voronov A, Portyakova N. Go for the dumplings. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6480395?query=%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4> [Accessed 31 January 2024] (in Russian).

28. Gereykhanova A. Vladimir Putin gave an interview to Xinhua News Agency. Available at: <https://rg.ru/2024/05/15/pod-flagom-druzhby.html> [Accessed 15 May 2024] (in Russian).

29. Attitudes towards China, Brazil, Turkey, Iran, France, Ukraine, the United States, the European Union and the United Nations. Available at: <https://www.levada.ru/2024/10/15/otnoshenie-k-kitayu-brazilii-turtsii-iranu-frantsii-ukraine-ssha-es-i-oon/> [Accessed 15 October 2024] (in Russian).

30. Egorova V. The VCIOM (Russian Public Opinion Research Center): Seven out of ten Russians described the relations between Russia and China as friendly. Available at: <https://www.rg.ru/2024/05/16/vciom-sem-iz-desiati-rossiian-nazvali-otnosheniia-rf-i-kitaia-druzhestvennymi.html> [Accessed 16 May 2024] (in Russian).

31. Li Wei. The Chinese 'Dragon' in the eyes of Russia's 'bear': an analysis based on survey data of China's cultural soft power. *Overseas Social Sciences*. 2012;(5):81-89 (in Chinese).

32. Xu Chong. Public perception of China's national image among Russian citizens over the past decade: an empirical analysis based on domestic poll results. *World Economy and Politics Forum*. 2012;(3):92-104 (in Chinese).

Сведения об авторе

СУНЬ Ичжэнь – студент, Китайский народный университет, г. Пекин, КНР, e-mail: 1998038@hlju.edu.cn

About the author

SUN Yizhen – Student, Renmin University of China, Beijing, China, e-mail: 1998038@hlju.edu.cn

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 21.02.25

Принята к публикации / Accepted 10.03.25

УДК 811.512.157

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-2-204-216>

Оригинальная научная статья

Лексика неживой природы якутского языка с компонентом-зоонимом: структурные и семантические способы номинации

Я. Е. Тохтобина

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,

Якутск, Российская Федерация

✉ ya.tokhtobina@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию лексики неживой природы якутского языка, содержащей компоненты-зоонимы, что актуально в контексте сохранения языкового наследия. Несмотря на существование фрагментарных работ по отдельным категориям терминов (метеорологическим, ландшафтным, гидрографическим), проблема отсутствия системного анализа данной лексики остается нерешенной. Целью исследования является комплексное изучение лексики неживой природы якутского языка с компонентом-зоонимом, с последующим выявлением структурных и семантических моделей номинации. Для достижения этих целей решались следующие задачи: сбор и систематизация лексических единиц неживой природы якутского языка с компонентом-зоонимом, а также выявление наиболее продуктивной структурной и семантической модели образования сложных слов с зоонимами. Методы включали сплошную выборку из лексикографических источников, когнитивно-ономасиологический и компонентный анализы. Результаты показали, что наиболее продуктивной структурной моделью является сочетание «имя существительное + имя существительное с притяжательным аффиксом 3-го лица» (50% случаев), например, *тулук хаара* (букв. пуночка + снег-POSS.3SG). Количественно преобладают семантические модели «зооним + соматизм» (26%) и «зооним + ландшафт» (21%), которые подчеркивают роль визуальных аналогий и связь с хозяйственной деятельностью. Выявлено, что зоонимы активно используются в якутском языке для номинации природных особенностей Якутии, что отражает северный компонент якутской культуры. Так, снег метафоризируется через образы пушных зверей (заяц, песец) и птиц (ворона, пуночка), северное сияние ассоциируется через зооним *балык* 'рыба', а в составе номинации кочковатой местности встречаются названия домашних (собака, корова, лошадь) и промысловых (заяц) животных. Исследование подтверждает, что подобные термины служат не только номинативным целям, но и демонстрируют традиционные знания народа. Перспективы работы связаны с углубленным изучением мотивационных признаков лексики неживой природы якутского языка. Результаты вносят вклад в лексикологию якутского языка и этнолингвистику, расширяя представление о языковой картине мира народов, населяющих территории Крайнего Севера и Арктики.

Ключевые слова: якутский язык, лексика неживой природы, метеорологическая лексика, ландшафтная лексика, зоонимы, мотивационный признак, структурная модель, семантическая модель, номинация, метафоризация

Финансирование. Публикация подготовлена в рамках научного проекта РНФ №25-78-30006 «Языки и культуры народов Севера и Арктики Российской Федерации: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)»

Для цитирования: Тохтобина Я. Е. Лексика неживой природы якутского языка с компонентом-зоонимом: структурные и семантические способы номинации. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 2. С. 204–216. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-204-216

Original article

Inanimate nature vocabulary of the Yakut language with a zoonymic component: structural and semantic ways of nomination

Yana E. Tokhtobina

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ ya.tokhtobina@mail.ru

Abstract

The article explores inanimate nature vocabulary in the Yakut language, specifically focusing on terms that incorporate zoonymic (animal-related) components. This study is highly relevant in the context of preserving linguistic heritage. While fragmentary research exists on certain categories of terms, such as meteorological, landscape, and hydrographic vocabulary, a systematic analysis of this lexicon remains lacking. This study aims to provide a comprehensive analysis of the inanimate nature vocabulary in Yakut, with a focus on zoonymic components, and to identify the structural and semantic patterns of word formation. To achieve this, the following tasks were undertaken: (1) collecting and systematizing lexical units related to inanimate nature in Yakut that include zoonymic elements, and (2) identifying the most productive structural and semantic models for forming compound words with zoonyms. The methodology included continuous sampling from lexicographic sources, cognitive-onomasiological analysis, and componential analysis. The findings reveal that the most productive structural model is the “noun + noun with a third-person possessive affix” pattern (50% of cases), as seen in examples like *tulluk khaara* (lit. “snow-bunting + snow-POSS.3SG”). The semantic models “zoonym + somatism” (26%) and “zoonym + landscape” (21%), which emphasize the role of visual analogies and connection with traditional economic activities are quantitatively prominent. It has been revealed that zoonyms are actively used in the Yakut language to nominate natural features of Yakutia, which reflects the northern component of Yakut culture. Thus, snow is metaphorized through images of fur-bearing animals (hare, fox) and birds (crow, snow-bunting), northern lights are associated through the zoonim *balyk* ‘fish’, and names of domestic (dog, cow, horse) and commercial (hare) animals are found in the nomination of bumpy terrain. These terms not only serve a nominative function but also encapsulate traditional ecological knowledge. The research underscores the importance of such lexicon in understanding the linguistic worldview of indigenous Arctic and Far Northern communities. Future research directions include a deeper investigation into the motivational features of inanimate nature lexicon in Yakut. The results contribute to the fields of Yakut lexicology and ethnolinguistics, enriching our understanding of the linguistic worldviews of Arctic and Subarctic peoples.

Keywords: Yakut language, inanimate nature vocabulary, meteorological vocabulary, landscape vocabulary, zoonyms, motivational feature, structural model, semantic model, nomination, metaphorization

Funding. This work was supported by the Russian Scientific Foundation project No. 25-78-30006, “Languages and Cultures of the Peoples of the North and Arctic of the Russian Federation: Comprehensive social and humanitarian research (based on big data analysis)”

For citation: Tokhtobina Ya. E. Inanimate nature vocabulary of the Yakut language with a zoonymic component: structural and semantic ways of nomination. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 2. Pp. 204–216. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-204-216

Введение

Республика Саха (Якутия) известна своей огромной территорией и суровыми климатическими условиями. Как отмечает Н. К. Антонов, якуты адаптировались к жизни на Севере во время совместного проживания с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими народами, о чем свидетельствуют языковые заимствования, связанные с адаптацией в условиях Крайнего севера и населением северной природы [1]. Кроме того, разнообразие природной системы региона способствовало развитию у якутов исключительной наблюдательности, что закрепилось в богатой диалектной лексике, детально описывающей природные особенности [2].

На сегодняшний день изучение лексики неживой природы якутского языка имеет несколько фрагментарный характер, несмотря на отдельные достижения исследователей. Работы Н. К. Антонова (1971), С. А. Иванова (2017), Г. Г. Левина (2013), Н. Багдарына (2001), А. Е. Шамаевой (2012), Н. В. Малышевой (2015), А. А. Кузьминой (2017) и других затрагивают лексические единицы, обозначающие элементы окружающей среды, однако комплексный анализ этой категории до сих пор не осуществлен. Частичное освещение получили специализированные группы терминов. Наиболее изученной областью является метеорологическая лексика якутского языка. Так, Н. И. Даниловой проанализированы наименования атмосферных явлений (грома, молнии, северного сияния) [3], а также систематизированы лексико-семантические группы, описывающие разновидности дождя, ветра и облаков в якутском языке [4–6]. Семантика и этимология лексем, обозначающих небо в якутском языке (на примере терминов *куөх*, *тангара*, *халлаан*), получили фундаментальное освещение в работе П. А. Слепцова [7]. В совместном исследовании Ф. Н. Дьячковского и В. Г. Попова, посвященном семантическому и сравнительно-сопоставительному анализу метеонима *хаар* 'снег', разработана классификация номинаций разновидностей снега [8].

Отдельным направлением в якутской лингвистике выступает изучение ландшафтной лексики. Базовые пространственные термины (открытое место, поле, равнина, долина) были детально описаны в совместном труде Н. И. Даниловой и Н. И. Поповой [9]. Соматизмы в географической лексике якутского языка изучены И. Н. Соровой и К. К. Неустроевым в сравнительно-сопоставительном аспекте с хакасским языком [10]. Орографические аппелятивы якутского языка, образованные от соматизмов, систематизированы и описаны Я. В. Стручковой [11–12]. Диалектные номинации рек и их семантика проанализированы Д. И. Чирковой и С. В. Григорьевой [13]. Лексико-семантические параллели между якутским и монгольским языками в когнитивной сфере «признаки водоемов и водных потоков» выявлены Н. В. Малышевой и Я. Е. Тохтобиной [14].

Формирование лексики неживой природы в различных языках нередко происходит через метафорический перенос, основанный на внешнем сходстве объектов. В качестве источника таких номинаций часто выступают названия частей тела человека и животных, элементов одежды и обуви, архитектурных сооружений, а также предметов быта, например, кухонной утвари, продуктов питания и других объектов, связанных с повседневной жизнью.

Примечательно, что в ряде языков зоонимы особенно активно используются в лексике неживой природы, прежде всего в народной метеорологии. Эта тенденция коренится в представлениях народа о взаимосвязи фауны и природных процессов. Например, названия животных интегрируются в метеорологические термины на основе фольклорных ассоциаций (поверья о влиянии животных на погоду), визуальных аналогий (снег как «заячья шерсть»), символической логики (птицы как маркеры сезонных изменений). Таким образом, зоонимы в таких конструкциях

выполняют не только номинативную, но и культурно-мировоззренческую функцию, отражая синтез языкового творчества и традиционных знаний.

В якутском языке зоонимы занимают особое место в словообразовательном процессе, выступая семантическим компонентом сложных слов. Например, большое количество зоосемизмов наблюдается в составе фитонимов якутского языка. Н. В. Малышева, проведя анализ 70 номинаций растительного мира, содержащих в своем составе компонент-зооним, приходит к выводу, что «компоненты-зоонимы в составе фитонимов отражают склонность якутов к ассоциативному мышлению, образованию наименований растений путем метафоризации» [15, с. 78]. В сравнительном анализе фитонимической лексики якутского и хакасского языков, проведенном М. А. Осоровой, выявлены их универсальные и этноспецифические особенности отзоонимных номинаций [16]. В лексике неживой природы якутского языка термины с компонентом-зоонимом, хотя и уступают по частотности фитонимическим номинациям, формируют семантически насыщенный пласт, реконструирующий архаичные слои мировоззрения.

В статье впервые системно исследуется пласт номинаций объектов неживой природы, содержащих зоонимы, что расширяет границы традиционной лексикологии якутского языка, где зоонимы ранее рассматривались преимущественно в контексте живой природы. Исследование демонстрирует функционирование зоонимов в качестве инструмента категоризации пространства.

Эмпирическая база исследования включает 25 лексических единиц с зоонимным компонентом, распределенных по двум ключевым категориям неживой природы: 1) метеорология и небесные тела; 2) ландшафт. В нашем исследовании метеорологические явления и небесные тела объединены в одну лексико-семантическую группу, хотя в традиционной классификации они относятся к разным категориям. Для якутского народа звезды выступают не только ориентирами для определения времени и направления, но и служат для предсказания погоды, что обуславливает их неразрывную связь с небом в культурной картине мира. Материал исследования выявлен методом сплошной выборки из Словаря якутского языка Э. К. Пекарского в 3 томах, Большого толкового словаря якутского языка в 15 томах, диалектологических словарей якутского языка. В работе использовались методы когнитивно-ономасиологического и компонентного анализа. В процессе анализа выявлены 15 зоонимов в составе номинации лексики неживой природы: дикая фауна (*тайах* 'лось', *чубуку* 'снежный баран', *бөрө* 'волк', *саһыл* 'лиса', *кырс* 'песец', *куобах* 'заяц'), домашние животные (*ынах* 'корова', *ат* 'лошадь', *ыт* 'собака'), орнитонимы (*тулук* 'пуночка', *тураах* 'ворона', *көччөх* 'молодая осенняя утка'), ихтионимы (*күөндэ* 'мелкий карась', *балык* 'рыба'), энтомоним (*бырдах* 'комар').

Лексико-семантическая группа «Метеорология и небесные тела»

Гром. В булунском говоре якутского языка зафиксирован уникальный диалектизм *бырдах түһэр этиңэ* (букв. комар + падать-AOR + гром-POSS.3SG), обозначающий 'гром без дождя, после которого появляются комары' [17, с. 58]. Данная лексическая единица показывает сложную семантическую модель «зооним + действие + природное явление», отражающую глубокую связь языка с природными особенностями района. Булунский район, расположенный в арктической зоне Якутии, отличается экстремальными климатическими условиями и обилием комаров, что контрастирует с центральными районами республики. Как известно, прогревание воздуха после грозы создает идеальные условия для вылета комаров. Таким образом, термин фиксирует наблюдение за причинно-следственной связью между погодой и биологическими циклами.

Облако. В колымском говоре якутского языка мощные кучевые облака обозначаются словосочетанием *көччөх былыт* (букв. молодая осенняя утка + облако). Здесь мы наблюдаем модель «зооним + природное явление», в котором прослеживается взаимосвязь между явлениями природы и традиционными промыслами якутов. Колымская низменность служит важным «перевалочным пунктом» для перелетных птиц, так как на ее территории хорошо развита гидросеть: крупные реки, образующие множество протоков и множество озер, соединяющихся между собой в единую систему. Якуты, чья культура пронизана уважением к природе, веками соблюдают строгие правила: весной, в период гнездования, охота на самок запрещена, чтобы сохранить популяцию. Осень же становится временем, когда промысел не только допустим, но и жизненно необходим. Само название *көччөх былыт* раскрывает метафорическое мышление местных жителей. Видимо, пушистые кучевые облака напоминают стаи уток, «плывущих» по небу.

Снег. В якутском языке и его говорах лексемы *куобах* ‘заяц’, *кыrsa* ‘песец’, *туллуk* ‘пуночка’, *тураах* ‘ворона’ служат основами для обозначения различных типов снега.

В Верхнеколымском районе Якутии пушистый снег передается словосочетанием *куобах кутуруга хаар* (букв. заяц + хвост-POSS.3SG + снег), а в ряде говоров (бод., лен., сунт.) *куобах туутэ хаар* (заяц + мех-POSS.3SG + снег) указывает на мягкий пушистый снег, последний термин также означает ‘снег, падающий мелкими мягкими хлопьями’ [18, с. 123]. Оба примера представляют семантическую модель «зооним + соматизм + твердые атмосферные осадки», где соматические компоненты *кутурук* ‘хвост’ и *туу* ‘мех’ подчеркивают качественные характеристики снега: белизну, пушистость и мягкость, ассоциирующиеся с заячьей шерстью.

В якутском языке широко распространен термин *кыrsa хаар* (букв. песец + снег), обозначающий снег, падающий крупными хлопьями и образующий плотный слой [18, с. 123]. Данный пример иллюстрирует более простую модель «зооним + твердые атмосферные осадки». Зимний мех песца, как и у зайца, белый и пушистый, однако отличается большей длиной шерсти. Это, вероятно, повлияло на ассоциацию с крупными, массивными хлопьями, формирующими толстый снежный покров.

Анализ показывает, что при номинации снега через образы зайца и песца ключевыми признаками выступают не только цвет и мягкость меха, но и длина его шерсти, определяющая визуальное восприятие осадков.

Особый интерес представляет модель «зооним + холодное оружие», зафиксированная в колымских говорах: *куобах баһаба* ‘мягкий пушистый как пепел снег, легший на землю’ [17, с. 92] (букв. заяц + разновидность стрелы округлой формы-POSS.3SG). Исторически это может быть связано с охотой на зайцев с помощью самострела. При попадании стрелы в цель шерсть животного осыпалась на землю, визуально напоминая мелкие снежные крупы. Форма стрелы (округлая) и результат ее воздействия (рассыпающаяся шерсть) метафорически передают структуру снежного покрова.

Как мы упоминали выше, во многих языках птицы выступают важными индикаторами сезонных изменений. В якутском языке ярким примером служит номинация весеннего снега через образы пуночки (*туллуk*) и вороны (*тураах*): *туллуk хаара* ‘мелкий весенний снег, выпадающий в период прилета пуночек’ [18, с. 125] (букв. пуночка + снег-POSS.3SG), *тураах хаара* ‘весенний снег, выпадающий большими хлопьями в период прилета вороны’ [18, с. 125] (букв. ворона + снег-POSS.3SG). В Якутии пуночка и ворона традиционно считаются предвестниками весны. Их прилет символизирует переход от суровой зимы к теплу, а ассоциация с типами снега отражает наблюдение за взаимосвязью природных

циклов. Мелкий снег (*тулук хаара*) соответствует ранней весне, когда пуночки только появляются, а крупные хлопья (*тураах хаара*) более позднему этапу, сопровождающемуся активным таянием. Словосочетания *тулук хаара* и *тураах хаара* образованы по семантической модели «зооним + твердые атмосферные осадки», где название птицы сочетается со словом *хаар* ‘снег’ в притяжательной форме. Это отличает их от конструкции *кырса хаар* (песец + снег), где компонент *хаар* употреблен в исходной форме. Мы считаем, что использование притяжательной формы в данных народных терминах служит для создания метафоры, где птица «владеет» погодным явлением, усиливая образность выражения.

Радуга. Э. К. Пекарский зафиксировал в своем словаре архаичные обозначения радуги с компонентом-зоонимом: *саһыл иигэ* (букв. лисица + моча-POSS.3SG) и *саһыл ииктээбит* (букв. лисица + мочиться-PERF.3SG). Вариант *саһыл иигэ* был отмечен в качестве диалектизма в Амгинском районе [19, стб. 204]. Первый пример *саһыл иигэ* образован по продуктивной для якутского языка семантической модели «зооним + соматизм (продукт жизнедеятельности)». Второй пример образован по модели «зооним + действие», которая встречается в структурно-образовательных моделях якутских топонимов.

Составитель якутского словаря привел пример с аналогичной номинацией радуги в бурятском языке – *унеген-еги шеге* (букв. моча самки лисицы). Как отмечает Марек Стаховский, эта параллель между якутским *саһыл ииктээбит* и бурятским термином указывает на общую концептуализацию атмосферного явления, что, по его мнению, «подразумевает связь, которая глубже, чем обычное заимствование» [20, с. 546].

Этимологию необычной метафоры проясняют этнографы. М. Н. Хангалов связывает бурятский термин с солярной символикой: в монгольской мифологии солнце иногда ассоциировалось с волком и лисцей, и буряты интерпретировали радугу как «выделение» солнца-лисицы [21, с. 263]. Подтверждение этой гипотезы находим в исследованиях М. М. Содномпиловой. Ученый отмечает, что бурятский фольклор действительно содержит указания на небесное происхождение лисы, что укрепляет ее связь с атмосферными явлениями [22, с. 49].

Северное сияние. В современном якутском языке северное сияние обозначают термином *дьукээбил уота*, что буквально переводится как ‘огонь юагира’. Н. И. Данилова отмечает, что это название может отражать представления якутов о связи природного явления с юагирами, которые, согласно народным воззрениям, могли освоить эти земли в более ранний исторический период [3]. А в северных говорах (жиганском, усть-янском, булунском) это оптическое явление имеет иные названия, в составе которых есть компонент «рыба», отличающийся семантической структурой:

– диал. (жиг.) *муора балыга оонньуур* (букв. море+рыба-POSS.3SG + играть-PRES.3SG) [17, с.127]. Семантическая модель: ландшафтный объект + зооним + действие;

– диал. (усть-ян.) *эбэ балыга* (букв. бабушка + рыба-POSS.3SG) [23, с. 318]. Семантическая модель: термин родства + зооним;

– диал. (бул.) *эбэ балыгын оонньуута* (букв. бабушка + рыба-GEN + игра-POSS.3SG) [23, с. 318]. Семантическая модель: термин родства + зооним + процесс действия.

Ключевым элементом в усть-янском и булунском вариантах выступает слово *эбэ* (букв. бабушка), которое в якутской культуре традиционно используется для обозначения сакральных природных объектов, в частности, водных источников. В прибрежных районах (Булунский, Усть-Янский) море именуется почтительным *эбэ*, тогда как в Жиганском районе, удаленном от побережья, употреблено заимствованное русское слово *муора* (море). Данный лингвистический нюанс,

возможно, указывает на различие в восприятии водных пространств: для жителей прибрежных территорий море – почитаемый «родной» объект, в то время как для обитателей внутренних районов он остается чуждым, экзотическим элементом ландшафта.

Звезда. В якутском языке зоонимы крайне редко используются для обозначения небесных объектов, что, по мнению исследователей, связано с фрагментарной сохранностью традиционных космологических представлений. На сегодняшний день зафиксированы лишь три примера с компонентом-зоонимом. Термин *тайахтаах сулус* (букв. лось-PROPR + звезда) отождествляется с созвездием Ориона [24, с. 145]. Семантическая модель термина строится по принципу «зооним + небесное тело», где компонент зоонима отсылает к мифологическому сюжету. Согласно легенде, три охотника, преследовавшие сохатого, поднялись на небо, где столкнулись с голодом и тяготами. После гибели одного из них оставшиеся двое, вместе с собакой и лосем, превратились в звезды, образовав созвездие *тайахтаах сулус*. Однако идентификация термина остается предметом дискуссий. Как отмечал этнограф В. Л. Серошевский, информаторы связывали *тайахтаах сулус* с разными группами звезд, чаще всего указывая на Орион, но без четкой трактовки [25, с. 637]. Эта неоднозначность может объясняться как вариативность устной традиции, так и постепенной утратой деталей космогонических мифов.

Два других примера демонстрируют модель «зооним + соматизм», где небесные объекты обозначаются через анатомические элементы животных: *ынах буута* ‘созвездие из пяти звёзд’ [19, стб. 575] (букв. корова + задняя нога-POSS.3SG), *бөрө тумса* ‘созвездие из четырех звезд’ [26, с. 457] (букв. волк + морда-POSS.3SG). Конструкция с притяжательным аффиксом (-а) указывает на принадлежность части тела животному, чей образ проецируется на звездную группу. Конфигурация звезд могла ассоциироваться с формой конечностей или морды.

Несмотря на малочисленность эти термины служат важным источником для реконструкции космогонической картины, где небо осмысливается как проекция земной экосистемы.

Лексико-семантическая группа «Ландшафт»

Бугристая, кочковатая местность. В процессе формирования названий неровной, бугристой и кочковатой местности в якутском языке наблюдается активное использование образов домашних (собака, лошадь, корова) и промысловых (заяц) животных. Лексикализация таких терминов происходит по семантической модели «зооним + соматизм», где части тела животных (внешние или внутренние) метафорически переносятся на особенности рельефа. Так, в таттинском говоре кочковатость в лесу обозначают сочетанием *куобах уоһа* [23, с. 124] (букв. заяц + губа-POSS.3SG). Ассоциация основана на сходстве кочек с формой заячьей морды.

В говорах Вилуйского и Верхневилуйского улусов словосочетание *ыт кэтэбэ* (букв. собака + затылок-POSS.3SG) используется для обозначения ‘лесистого кочкарника’ [23, с. 316]. Неровности рельефа в данном случае метафорически сопоставляются с мускулистой структурой затылка собаки, что подчеркивает ассоциативную связь сходства анатомии животного и характера местности.

Интересно, что в кобяйском и сунтарском говорах аналогичный термин для описания лесистой кочковатой местности также включает зооним *ыт* ‘собака’, однако второй компонент *кэтэх* ‘затылок’ заменен на лексему *сытыы*. Последняя в якутском языке обладает омонимичностью: *сытыы I* – ‘острый, остроконечный’; *сытыы II* – отглагольное образование от *сыт* ‘лежать’. Предположительно, в контексте номинации рельефа *сытыы* выполняет ту же функцию, что и *кэтэх*, выступая метафорой «выпуклости», но с акцентом на иную характеристику – либо на заостренность форм (*сытыы I*), либо на статичность, «лежачую» позицию кочек

(*сытыы II*). Поскольку лексема *сытыы* может подразумевать как острую часть головы собаки (например, заостренный контур затылка), так и ее тело (в значении «лежащая» позиция, от глагола *сыт*), термин *ыт сытыыта* правомерно отнести к семантической модели «зооним + соматизм». В данном случае оба значения – анатомическое («острая часть») и позиционное («тело в статике») – сохраняют связь с телесной метафорой, что соответствует базовому принципу модели: сочетание названия животного (*ыт*) с компонентом, описывающим часть тела или ее состояние.

Сочетание *ынах бугурэ* (букв. корова + почки-POSS.3SG) в БТСЯЯ зафиксирован как «неровная, бугристая, ухабистая местность» [27, с. 441], а в диалектологическом словаре якутского языка отмечен как «лесистый кочкарник» [17, с. 242]. Метафора объясняется анатомией коровы: ее почки многодольчатые, с выраженными бороздами, что визуально напоминает бугры на местности. Как демонстрируют примеры, неровности ландшафта ассоциируются не только с внешними, но и с внутренними органами животных, что подчеркивает глубину метафорического мышления.

Отдельную модель «зооним + ландшафт» представляет сложный термин *ат дулба* (букв. лошадь + кочка). Термин употребляется при обозначении высокого, труднопроходимого кочкарника и крупных кочек в сунтарском говоре. Здесь зооним *ат* «лошадь» выступает в значении «большой», усиливая характеристику элемента ландшафта.

Мы считаем, что выбор определенных животных в названии кочковатых местностей связан с хозяйственной жизнедеятельностью якутов: с охотой, скотоводством и коневодством.

Поле. Образ лисы в якутской культуре обнаруживает связь не только с небесной символикой, но и с характеристиками земного ландшафта. Термин *саһыл хонуу* (букв. лиса+поле) обозначает «ровное поле с хорошей почвой, поросшее густой нерослой травой» [28, с. 304]. Семантическая модель «зооним + ландшафт» может отражать метафорическое восприятие природы. Проводится аналогия между ценностью густого меха лисы и плодородием земли: плотный травяной покров, как и мех, символизирует богатство окружающей среды. Кроме этого, термин может указывать на место обитания животного. Как отмечают исследователи, в Якутии лисы проживают в местах с лесной растительностью (вблизи рек, озер, на открытых луговых пространствах). В таких местностях обитает большое количество мелких грызунов, которые являются основной пищей для лисы [29, с. 2218]. Так, связь термина *саһыл хонуу* с «хорошей землей» может отражать не только метафору, но и экологическую реальность: плодородные участки привлекают грызунов, а вслед за ними лис.

Однако интерпретация лексики с компонентом *саһыл* «лиса» неоднозначна. Так, Г. Г. Левин, анализируя топоним «*Саһыл Сыһыы*», предлагает альтернативную трактовку. Ученый указывает на связь якутского *саһыл* с древнетюркским корнем *jaɬ* «зелёный», отмечая, что в фольклорных текстах саха сохранилось архаичное значение «жёлтый» (возможно, как оттенок зелёного). Эту этимологию подтверждают параллели в родственных языках: алт. *дьашыл*, хак. *чазыл*, кирг. *жашыл*, уйг. *йешил* – все со значением «зелёный» [30, с. 131]. Кроме того, исследователь подчеркивает, что в топонимах с компонентом *саһыл* в значении «лиса» обязательно присутствуют аффиксы принадлежности (напр., -лаах), тогда как в случаях с цветовой семантикой такие маркеры отсутствуют. М. Стаховский также развивает идею цветовой семантики, привлекая данные уральских и енисейских языков. Исследователь отмечает ареальные семантические сдвиги между значениями «зелёный» и «жёлтый», которые могли повлиять на якутскую лексику [20, с. 544]. Но А. А. Бурыкин оспаривает тюркское происхождение слова. Он связывает якутский *саһыл* с чукотско-корякскими формами: чукотск. *ятъёл*, коряк. *яёл*, диал. *дяёл*,

алюторск. *татул* 'лиса'. Ссылаясь на реконструкцию О. А. Мудрака прачук. **šašjola* 'лиса', ученый полагает, что данная праформа ближе к якутскому языку, чем на современные чукотско-корякские языки [31, с. 34].

Таким образом, семантика слова *саһыл* балансирует между зооморфной метафорой и архаичным цветообозначением, что отражает сложное взаимодействие культурных, природных и языковых факторов в якутской традиции.

Возвышенный ландшафт. В якутском языке зафиксировано два примера использования зоонима *чубуку* 'снежный баран' для обозначения возвышенных форм рельефа: *чубуку таалата* 'возвышенное (ровное) место, избираемое диким бараном для отдыха' [19, стб. 2533] (букв. снежный баран + чистое поле-POSS.3SG), диал. (инд., ойм.) *чубуку олобо* 'цепь скалистых гор' [17, с. 235] (букв. снежный баран + местопребывание-POSS.3SG). Образование исследуемых номинаций следует единой модели: «зооним + ландшафтный объект» с обязательным маркированием притяжательной формы (-та/-о). Эта конструкция указывает не только на локацию, но и на функциональную принадлежность. Возвышенности метафорически осмысливаются как «места, принадлежащие барану», зоны его отдыха или постоянного обитания. Снежный баран в Якутии населяет горные массивы и скалистые плато, что отразилось в номинации как гористых участков (*чубуку олобо*), так и открытых возвышенностей (*чубуку таалата*). Таким образом, народные географические термины фиксируют не только физические черты ландшафта, но и этнобиологические знания о поведении вида животного.

Озеро. В рамках исследования обнаружен единичный пример использования зоонима в номинации озерного ландшафта. Это термин *күөндэ күөл* (букв. мелкий карась + озеро), зафиксированный в значении 'небольшое озеро' [19, стб. 1317]. Данный случай иллюстрирует семантическую модель «зооним + ландшафт», где название рыбы (*күөндэ* 'мелкий карась') выступает метафорой, характеризующей параметры водоема. Размер рыбы, ассоциирующейся с миниатюрностью, проецируется на физические свойства озера: малую глубину, компактную площадь или ограниченный объем. Этот лингвокультурный феномен демонстрирует, как зооморфное восприятие природы через призму фауны позволяет создавать емкие народные термины. В данном случае связь «животное → ландшафт» подчеркивает не только наблюдательность носителей языка, но и их стремление к образному представлению признаков окружающей среды.

Омут. Ранее нами был рассмотрен термин «корова + почки», где сочетание зоонима и анатомической лексемы метафорически обозначает кочкарник (рельеф с травянистыми кочками). В Нижнеколымском районе обнаруживается интересный диалектизм *ынах бүүрдээх* (букв. корова + почки-PROPR) [23, с. 311] в значении *омут*. Добавление аффикса принадлежности -лээх меняет семантику сочетания. Если в первом примере связь «корова+почки» отражает визуальную аналогию (кочки = почки коровы), то во втором конструкция приобретает признак обладания – «имеющий коровьи почки», что метафорически означает опасный *омут*. Идентичные лексемы в разных грамматических формах обозначают принципиально разные географические объекты – сухопутный рельеф и водный объект. Это явление подчеркивает, как морфологические различия в народной географической терминологии саха могут служить ключом к расшифровке сложных природных метафор, отражающих зооморфное восприятие ландшафта.

Заключение

В исследование включены 25 терминов, обозначающих объекты неживой природы — 20 двухкомпонентных и 5 трехкомпонентных номинаций. В процессе исследования выявлены пять структурных моделей среди двухкомпонентных терминов: 1) имя сущ. + имя сущ. с притяж. афф. 3-го л. ед. ч., 2) имя сущ. +имя

сущ.; 3) имя сущ. + имя прил. с афф. обладания -лаах; 4) имя сущ. + глагол прош. результ. вр. первого в 3 л. ед. ч.; 5) имя прил. + имя сущ. Из выявленных моделей «имя сущ. + имя сущ. с притяж. афф. 3-го л. ед. ч.» (52% случаев) является наиболее продуктивной. Все зафиксированные случаи трехкомпонентных терминов имеют двухсловное определение, но различаются структурно. Так, *куобах түүтэ хаар* и *куобах кутуруга хаар* имеют структурную модель «имя сущ. + имя сущ. с притяж. афф. 3-го л. ед. ч + имя сущ.». В конструкции *эбэ балыгын оонньуута* архаичный родительный аффикс -ын отражает исторические связи с тюркским изафетом, сохранившись лишь в сложных синтаксических единицах [32, с. 42]. Интересную структурную модель представляет термин *муора балыга оонньуур*, где определением является атрибутивное словосочетание II типа, а определяемым – глагол наст. вр. 3 л. ед. ч. Трехсоставный термин *бырдах түһэр этиңэ* представлен моделью «имя сущ. + причастие + имя сущ.», которая является весьма распространенной моделью терминообразования в якутском языке.

Выявлены три продуктивных семантических модели: «зооним + соматизм» (32%), «зооним + ландшафт» (21%), «зооним + твёрдые осадки» (17%). Высокая концентрация зоонимов в названиях разновидностей снега, диалектных синонимах северного сияния и ландшафтных терминах, описывающих кочковатую местность, демонстрирует, как лексическая система языка меняется в условиях суровой северной природы.

Всего зафиксированы 15 диалектизмов с компонентом-зоонимом, которые отражают локальную специфику. Например, образ зайца встречается в номинациях снега только в диалектных словах: (кол.) *куобах баһаба*, (в.-кол.) *куобах кутуруга*, (бод., лен., сунт.) *куобах түүтэ хаар*). Вероятно, это связано с промысловой активностью на зайцев в этих районах. Диалектные эквиваленты, обозначающие северное сияние, обнаружены исключительно только в северных районах Якутии. Интересен тот факт, что во всех народных номинациях использован ихтионим *балык* 'рыба', который, возможно, коррелирует с мифологией северных народов: юкагирские предания связывают сполохи с морскими животными [33, с. 112], долганы интерпретируют их как отражение «игры» морских рыб [34, с. 636]. Ярким примером служит номинация кочковатой местности, варьирующаяся в зависимости от района: Таттинский – *куобах уоһа*, Кобяйский и Сунтарский – *ыт сытыыта*, Вилюйский и Верхневилуйский – *ыт кэтэбэ*. Зоонимы фиксируют связь между ландшафтом, биоресурсами и традиционными практиками жителей конкретной территории.

Выбор конкретных зоонимов в номинации лексики неживой природы якутского языка связан с традиционным хозяйственно-культурным укладом народа. Зоосемизмы, такие как заяц, песец, волк, лиса, лось, осенняя утка, рыба, мелкий карась, отражают связь с охотой и рыболовством, тогда как домашние животные (собака, корова, лошадь) актуализируют скотоводческий и хозяйственный контекст. Отдельную группу составляют зоонимы экологического знания. Как показало исследование, индикаторами сезонных явлений являются птицы (пуночка, ворона) и насекомое (комар). Их фиксация в языке свидетельствует не только о наблюдательности носителей, но и о сложной системе взаимодействия с природной средой, где каждый биологический вид наделяется культурно-прагматическим значением.

Таким образом, лексические единицы с компонентом-зоонимом отражают глубокую связь якутской лексики с природными явлениями и традиционными промыслами, хозяйственной деятельностью, где наблюдения за животными служили основой для метафорического осмысления окружающего мира.

Л и т е р а т у р а

1. Антонов Н.К. *Материалы по исторической лексике якутского языка*. Якутск: Якутское книжное издательство; 1971:174.
2. Иванов С.А. *Лексические особенности говоров якутского языка*. Новосибирск: Наука; 2017:392.
3. Данилова Н.И. Названия атмосферных явлений в якутском языке. *Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири*. Абакан: 2016:179-183.
4. Данилова Н.И. Названия разновидностей ветра в словарях якутского языка. *Вопросы гуманитарных наук*. 2015;80(5):49-52.
5. Данилова Н.И. Репрезентация названий разновидностей облака в словарях якутского языка. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2015;42(11-4):15-17.
6. Данилова Н.И. Метеорологическая лексика в северных говорах якутского языка. *Эхо арктической Одиссеи*. Якутск: 2019:201-207.
7. Слепцов П.А. О словах күөх, танара, халлаан в якутском языке. *Урало-алтайские исследования*. 2009;1(1):92-95.
8. Дьячковский Ф.Н., Попов В.Г. Разновидности хаар 'снег' в якутском языке. *Современные проблемы гуманитарных и естественных наук*. Москва: 2015:46-53.
9. Данилова Н.И., Попова Н.И. Ландшафтная лексика в якутском языке. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2021;37(4):65-76.
10. Сорова И.Н., Неустроев К.К. *Соматизмы в географической лексике якутского и хакасского языков*. DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-67-74.
11. Стручкова Я.В. Анатомическая лексика в якутской оронимии. *Сибирский филологический журнал*. 2024;(1):177-191.
12. Стручкова Я.В. Якутские соматизмы, обозначающие элементы возвышенного рельефа. *Вестник СВФУ*. 2023;20(2):87-98.
13. Чиркочева Д.И., Григорьева С.В. Диалектные слова, обозначающие реку, в якутском языке. *Алтаистика*. 2022;7(4):21-30.
14. Малышева Н.В., Старостина Я.Е. Лексико-семантические особенности апеллятивов якутского и монгольского языков. *Балтийский гуманитарный журнал*. 2018;23(2):59-63.
15. Малышева Н.В. Отражение представлений якутов о животном мире в процессе номинации растений. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2022;21(9):78-88.
16. Осорова М. А. Фитонимы с компонентом-зоонимом в якутском и хакасском языках. *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева*. 2023;121(4):21-31. DOI 10.37972/chgpu.2023.121.4.003. EDN EWFKNB.
17. Диалектологический словарь якутского языка. Новосибирск: Наука; 1995:294.
18. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 томах. Т. 13: (Буква Х). Новосибирск: Наука; 2016:638.
19. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*. Ленинград: Изд-во АН СССР; 1959.
20. Stachowski M. Is the Yakut fox green? Or remarks on some colour names in Turkic, Uralic, and Yeniseic. Krakow: Jagiellonian University; 2010:10.
21. Хангалов М.Н. *Собрание сочинений*: В 3 т. Т. 1. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография»; 2004:508.
22. Содномпилова М.М., Нанзатов Б.З. Зооморфный код в контексте этногенетических связей: Лиса в традиционных представлениях монгольских народов. *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология»*. 2016;15:4863.
23. Диалектологический словарь якутского языка: содержит свыше 8500 слов. Москва: Наука; 1976:390.
24. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 томах. Т. 10: (Буква Т). Новосибирск: Наука; 2013:574.
25. Серошевский В.Л. Якуты: опыт этнографического исследования. Москва: РОССПЭН; 1993:744.
26. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 томах. Т. 2: (Буква Б). Новосибирск: Наука; 2005:910.
27. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан

тылдьыта: в 15 томах. Т. 14: (Буква Ч–Ы). Новосибирск: Наука; 2017:591.

28. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 томах. Т. 8 : (Буква С). Новосибирск: Наука; 2011:572.

29. Седалищев В.Т., Однокурцев В.А. К экологии обыкновенной лисицы (*Vulpes vulpes* L. 1785) Якутии. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2013;15(3-7):2218-2223. EDN SCLQEX.

30. Левин Г.Г. *Избранные научные труды*. Новосибирск: Наука; 2021:139. ISBN 978-5-02-041462-4.

31. Бурыкин А.А. О некоторых названиях диких животных в тюркских языках (к этимологии изолированной лексики и оценке характера эволюции тюркских языков в контексте алтайской теории). *Российская тюркология*. 2013;1(8):31-36. EDN XUONBB.

32. Убрятова Е.И. *Исследования по синтаксису якутского языка*. Москва: Ленинград: 1950:681.

33. Курилова Л.Г. Образ полярного сияния в поэзии Улуро Адо. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015;54(12) (54):110-115.

34. Попов А.А. *Религиозные представления долган*. Санкт-Петербург: МАЭ РАН; 2023:692.

References

1. Antonov NK. *Materials on the historical lexicon of the Yakut language*. Yakutsk: Yakutsk Book Publishing House; 1971:174 (in Russian).

2. Ivanov SA. *Lexical features of dialects of the Yakut language*. Novosibirsk: Nauka; 2017:392 (in Russian).

3. Danilova NI. Names of atmospheric phenomena in the Yakut language. *Preservation and development of languages and cultures of Indigenous peoples of Siberia*. Abakan: 2016;179-183 (in Russian).

4. Danilova NI. Names of wind varieties in Yakut language dictionaries. *Issues of Humanities*. 2015;80(5):49-52 (in Russian).

5. Danilova NI. Representation of cloud type names in Yakut language dictionaries. *International Research Journal*. 2015;42(11-4):15-17 (in Russian).

6. Danilova NI. Meteorological vocabulary in northern dialects of the Yakut language. *Echo of the Arctic Odyssey*. Yakutsk: 2019:201-207 (in Russian).

7. Sleptsov PA. On the Words kyuyokh, tangara, and Khallaan in the Yakut. *Ural-Altaic Studies*. 2009;1(1):92-95 (in Russian).

8. Dyachkovsky FN, Popov VG. Varieties of khaar ‘snow’ in the Yakut language. *Contemporary problems of humanities and natural sciences*. Moscow: 2015:46-53 (in Russian).

9. Danilova NI, Popova NI. Landscape vocabulary in the Yakut language. *North-Eastern Journal of humanities*. 2021;37(4):65-76 (in Russian).

10. Sorova IN, Neustroev KK. *Somatisms in the geographical vocabulary of Yakut and Khakass languages*. DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-67-74 (in Russian).

11. Struchkova YaV. Anatomical vocabulary in the Yakut oronymy. *Siberian Journal of Philology*. 2024;1(1):177-191 (in Russian).

12. Struchkova YaV. Yakut somatisms denoting elements of the elevated relief (in comparison with other Turkic languages). *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2023;20(2):87-98 (in Russian).

13. Chirkoeva DI, Grigorieva SV. Dialectisms denoting the names of rivers: a dictionary study. *Altaistics*. 2022;7(4):21-30 (in Russian).

14. Malysheva NV, Starostina YaE. Lexical-Semantic features of appellatives in Yakut and Mongolian languages. *Baltic Humanitarian Journal*. 2018;23(2):59-63 (in Russian).

15. Malysheva NV, Danilov IA. The Reflection of the Yakut Perception of the Animal World in the Process of Nominating Plants. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2022;21(9):78-88 (in Russian).

16. Osorova MA. Phytonyms with zoonymic component in Yakut and Khakass languages. *Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*. 2023;121(4):21-31. DOI 10.37972/chgpu.2023.121.4.003. EDN EWFKHB. (in Russian).

17. *Dialectological Dictionary of the Yakut Language*. Novosibirsk: Nauka; 1995:294 (in Russian).

18. Big explanatory dictionary of the Yakut language. Novosibirsk: Nauka; 2016:638 (in Russian).
19. Pekarsky EK. *Dictionary of the Yakut Language*. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House; 1959 (in Russian).
20. Stachowski M. Is the Yakut fox green? Or remarks on some colour names in Turkic, Uralic, and Yeniseic. Krakow: Jagiellonian University; 2010:10 (in English).
21. Khangalov MN. Collected Works: In 3 Vols. Volume 1. Ulan-Ude: Republic Printing House; 2004:508 (in Russian).
22. Sodnompilova MM, Nanzatov BZ. Zoomorphic Code in Ethnogenetic Context: Fox in Traditional Beliefs of Mongolian Peoples. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology, Ethnology, Anthropology*. 2016;15:48-63 (in Russian).
23. Dialectological dictionary of the Yakut language: contains over 8500 words. Moscow: Nauka; 1976:390 (in Russian).
24. Sleptsov PA. Big explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. 10: (Letter T). Novosibirsk: Nauka; 2013:574 (in Russian).
25. Seroshevsky VL. Yakuts. Experience of the ethnographic research. Moscow: ROSSPEN; 1993:744 (in Russian).
26. Big explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. 2: (Letter B). Novosibirsk: Nauka; 2005:910 (in Russian).
27. Big explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. 14. Novosibirsk: Nauka; 2017:591 (in Russian).
28. Big explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. 8: (Letter C). Novosibirsk: Nauka; 2011:572 (in Russian).
29. Sedalichev VT, Odnokurtsev VA. On the ecology of the red fox (*Vulpes vulpes* L. 1785) in Yakutia. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2013;15(3-7):2218-2223. EDN SCLQEX (in Russian).
30. Levin GG. *Selected scientific works*. Novosibirsk: Nauka; 2021:139 (in Russian).
31. Burykin AA. On some names of wild animals in Turkic languages (to the etymology of isolated vocabulary and evolution of Turkic languages in the context of the Altaistic theory). *Russian turcology*. 2013;1(8):31-36 EDN XUONBB (in Russian).
32. Ubryatova EI. *Studies on the syntax of the Yakut Language*. Moscow: Leningrad: 1950:681 (in Russian).
33. Kurilova LG. The image of aurora polaris in the poetry by Uluro Ado. *Philology. Theory & Practice*. 2015;12(54):110-115 (in Russian).
34. Popov AA. *Religious beliefs of Dolgans*. St. Petersburg: MAE RAS; 2023:692 (in Russian).

Сведения об авторе

ТОХТОБИНА Яна Егоровна – н. с. МНИЛ «Лингвистическая экология Арктики», ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-0232-5752, SPIN: 4052-7790, e-mail: ya.tokhtobina@mail.ru

About the author

Yana E. TOKHTOBINA – Researcher of the Arctic Linguistic Ecology Lab, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-0232-5752, SPIN: 4052-7790, e-mail: ya.tokhtobina@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interest

Поступила в редакцию / Submitted 03.03.2025

Принята к публикации / Accepted 07.04.2025

УДК 821.512.157

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-2-217-226>

Оригинальная научная статья

Рецепция личности и творчества Пушкина в лирике якутских поэтов XX–начала XXI века

Н. В. Чаунина

Технический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета
им. М.К. Аммосова, г. Нерюнгри, Российская Федерация

✉ chaunin@mail.ru

Аннотация

Влияние личности и творческого наследия А. С. Пушкина на современников и потомков – художников слова – невозможно переоценить. Как критики, так и сами авторы русской и национальных литератур (уже начиная с XIX в.) неоднократно отмечали, что опыт великого учителя и борца стал для них образцом и ориентиром в поисках собственного творческого пути. В данной статье предпринята попытка анализа рецептивного восприятия творчества и личности А. С. Пушкина якутскими поэтами XX–начала XXI вв. Цель данного исследования – рассмотреть тематические и мотивно-образные рецепции пушкинского творчества и биографии в произведениях якутских поэтов. В ходе анализа обнаружено, что в анализируемых стихотворениях ключевыми являются темы борьбы и свободы, рабского прошлого и свободного будущего, жизни и смерти, памяти и благодарности. Образ А. С. Пушкина воссоздан во всем величии его творческого гения: борец, проводник свободной воли, основоположник русской литературы и многих национальных литератур, в то же время он самый близкий собрат по перу. Все стихотворения объединены магистральной идеей прославления гения русской словесности. Материалом исследования послужили переведенные на русский язык стихотворения якутских поэтов, вошедшие в издание, посвященное 220-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Теоретической основой для данной статьи послужили работы Н. Н. Левакина и Е. Г. Мельниковой. Опираясь на труды отечественных и зарубежных литературоведов, авторы подчеркивают значимость рецептивного подхода для анализа художественного текста как носителя некоего набора отзвуков предшествующего культурного опыта. Поэт, создавая произведение, подспудно опирается на прочитанное им ранее, преломляя полученный опыт сквозь призму индивидуально-авторского мировоззрения. Получается оригинальный текст, в котором «просвечивается» «рецептивный опыт» автора. В свою очередь, восприятие художественного произведения зависит от объективных социальных и исторических факторов, а также от индивидуально-личностных особенностей реципиента.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, стихотворения о Пушкине, поэты Якутии, поэзия XX–начала XXI вв., темы, мотивы, образы, рецепция, личность, творчество, наследие

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Чаунина Н. В. Рецепция личности и творчества Пушкина в лирике якутских поэтов XX – начала XXI века. Вестник СВФУ. 2025, Т. 22, № 2. С. 217–226.
DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-217-226

Original article

Reception of Pushkin's personality and works in the lyrics of Yakut poets of the 20th – early 21st centuries

Natalia V. Chaunina

Neryungri Technical Institute (branch) of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Neryungri, Russian Federation

✉ chaunin@mail.ru

Abstract

The influence of the personality and creative heritage of Alexander Sergeevich Pushkin on his contemporaries and descendants – artists of words – cannot be overestimated. Both critics and the authors themselves of both Russian and national literature (since the 19th century) have repeatedly noted that the experience of the great teacher and fighter became for them a model and guideline in the search for their own creative path. This article attempts to analyze the receptive perception of creativity and personality of A.S. Pushkin by Yakut poets of the 20th – early 21st centuries. The purpose of this study is to consider the thematic and motif-figurative reception of Pushkin's works and biography in the literary output of Yakut poets. The analysis revealed that the key themes of the analyzed poems are the themes of struggle and freedom, slave past and free future, life and death, memory and gratitude. Image of A.S. Pushkin is recreated in all the greatness of his creative genius: a champion, a conductor of free will, the founder of Russian literature and many national literatures, at the same time, he is the closest brother of the quill. All poems are united by the main idea of glorifying the genius of Russian literature. The research material was the poems of Yakut poets translated into Russian, included in the publication dedicated to the 220th anniversary of the birth of A.S. Pushkin. This article's theoretical basis includes the works of N.N. Levakin and E.G. Melnikova. Based on the works of domestic and foreign literary scholars, the authors emphasize the importance of the receptive approach to the analysis of a literary text as a carrier of a certain set of echoes of previous cultural experience. The poet, when creating a work, implicitly relies on what he has read earlier, refracting the experience gained through the prism of the individual author's worldview. The result is an original text in which the author's "receptive experience" "shines through." Furthermore, the perception of a literary work depends on objective social and historical factors, as well as on the individual and personal traits of the recipient.

Keywords: A.S. Pushkin, poems about Pushkin, poets of Yakutia, poetry of the 20th–early 21st centuries, themes, motifs, images, reception, personality, creativity, heritage

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Chaunina N. V. Reception of Pushkin's personality and works in the lyrics of Yakut poets of the 20th – early 21st centuries. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 2. Pp. 217–226. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-217-226

Введение

Личность А. С. Пушкина, его творческое наследие, традиции и новаторство, влияние на развитие как русской, так и мировой литературы неоднократно являлись предметом исследовательского внимания. Так, например, рассмотрены связи творческих методов отдельных авторов и художественной практики

А. С. Пушкина [1–4], пушкинский «след» в мировой истории и прошлом российских регионов, национальных культурах и художественном творчестве [5–12], проблемы перевода пушкинских текстов на мировые языки и другие не менее важные аспекты.

Одним из актуальных аспектов современной пушкинистики является изучение рецепций биографии и творческого наследия А. С. Пушкина в русской и мировой культуре. Подвергаются анализу варианты интерпретации образа великого поэта в литературе XX–XXI веков, переосмысливают «пушкинский миф», созданный в критике и литературоведении, пушкинские традиции в европейской литературе и т. д. Проводятся научные семинары, лектории, юбилейные мероприятия, научные конференции, нацеленные на сохранение памяти и популяризацию значимости гения Пушкина для всей мировой культуры в целом и литературы в частности [13].

В рамках данного исследования предпринята попытка анализа рецептивного восприятия творчества и личности А. С. Пушкина якутскими поэтами XX–начала XXI в.

Под художественной рецепцией, вслед за Н. Н. Левакиным, мы будем понимать «восприятие и перевоссоздание» на основе воспринятого (прочитанного, пережитого, увиденного, осознанного) собственных текстов (мыслей, идей, впечатлений, картин) [14, с. 309]. «Исследование рецепции ... позволяет пролить свет на ретроспективный процесс восприятия и его соотношение с современной интерпретацией артефактов культуры», – добавляет Е. Г. Мельникова [15, с. 239].

Восприятие художественного произведения зависит как от объективных социальных и исторических факторов, так и от индивидуально-личностных особенностей реципиента. Отсюда можно сделать вывод о неограниченном количестве смыслов, возникающих при прочтении одного и того же художественного текста. В то же время поэт, создавая произведение, сознательно или неосознанно опирается на прочитанное им ранее, трансформируя, преломляя полученный опыт сквозь призму индивидуально-авторского мировоззрения. Получается оригинальный текст, в котором «просвечивается» «рецептивный опыт» автора.

По свидетельству архивных источников, знакомство якутских читателей с творчеством Пушкина приходится на первую треть XIX в. [10]. Первыми проводниками стали ссыльные декабристы, как лично знакомые с поэтом, так и просто почитатели поэта, ставшего классиком русской литературы еще при жизни.

А. С. Пушкин стал великим учителем для первых якутских писателей. Так, А. Е. Кулаковский писал, что «широта творчества давала возможность Пушкину переноситься в какую угодно эпоху не только русского, но и других народов <...> Пушкин обладал изумительной способностью понимать дух, положение, быт своей нации» [16, с. 6]. Еще одна отличительная черта Пушкина – использование живой народной речи для выражения в творчестве «разнообразных впечатлений, самых утонченных движений чувств» [16].

Вслед за Кулаковским к гению Пушкина апеллировали и другие якутские авторы. П. Ойунский, А. И. Софронов, Н. Д. Неустроев не только учились у русского классика стихосложению, но и вдохновились на переводы произведений А. С. Пушкина на якутский язык. Платон Ойунский подчеркивал интернациональный характер творчества поэта, неотделимого государственными границами.

Благодаря гению Пушкина на земле Олонхо стали развиваться как переводческая практика, позволившая приобщиться местному населению к лучшим образцам русской классической литературы, так и художественное творчество на русском языке. Пушкин научил выражать чувства и переживания, любить свой суровый край, самобытную природу, делиться личным опытом в поэтическом слове, украшая его разнообразными средствами художественной выразительности. Тематическое разнообразие и глубина затрагиваемых проблем также вдохновлены пушкинскими текстами, в которых он выступает как борец с несправедливостью

(«К Чаадаеву», «Во глубине сибирских руд»), поборник свободы («Свободы сеятель пустынный...»), философ, размышляющий о путях развития России («Клеветникам России»), пророк («К Чаадаеву», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»), страстно влюбленный («Я вас любил, любовь ещё быть может...») и т. д.

О значении Пушкина для развития литературы в Якутии емко и точно сказала З. К. Башарина: «А. С. Пушкин был и остается духовным учителем и наставником якутских поэтов, начиная с основоположников якутской литературы. Они учатся у Пушкина лучшим демократическим традициям: народности, патриотизму, гуманизму, художественному совершенству произведений. <...> А. С. Пушкина знали не только как поэта. Якутских писателей интересовали его взгляды на литературу и искусство. На авторитет Пушкина ссылались в полемике о назначении литературы, о роли фольклора в духовной жизни народа. <...> Его творчество воспринималось как идеал, к которому должна стремиться поэзия» [9, с. 60].

Цель данного исследования – рассмотреть тематические и мотивно-образные рецепции пушкинского творчества и биографии в произведениях якутских поэтов.

В работе использованы структурно-семантический и сравнительный методы. Вспомогательную функцию выполняет культурно-исторический метод.

Материалом исследования послужили стихотворения якутских поэтов (в переводе на русский язык) и русскоязычных авторов, вошедшие в юбилейное издание, посвященное 220-летию со дня рождения А. С. Пушкина, – «“Встретимся у Пушкина”»: поэты Якутии – Пушкину» [16].

Тематические и мотивно-образные отсылки к пушкинскому творчеству и биографии в лирике якутских поэтов

Первое стихотворение сборника принадлежит А. Абагинскому (перевод А. Тарковского). Эпиграфом к тексту автор избирает строки из пушкинского «К Чаадаеву» (1818).

Стихотворение было написано в 1937 г. и содержит отсылки к эпохе советского времени, для которой было характерно обращение «товарищ» и явная установка на прославление страны.

Ведущей темой стихотворения является тема памяти, которая реализуется как через прямые призывы сохранить память о великом поэте: «Помни, товарищ, громкий голос ...», «Помни о том, как он был застрелен...», так и через отсылки к творчеству Пушкина и его трагической гибели: «Пламя бессмертных творений не гаснет...», «Память об имени славном не умирает...», «Пал он, сражённый предательской пулей, / Приветствуя солнце, истекая кровью...» [16, с. 26].

Анафорический повтор звука «п» в каждой строке придает особый, «приказной», характер, а призыв «помни», которым начинается и завершается стихотворение, усиливает эмоциональное напряжение и агитационную направленность произведения.

Еще одной ведущей темой стихотворения является тема свободы. Она ассоциируется у Абагинского с образом жаворонка. «Жаворонком полевым» называет автор А. С. Пушкина. Это сравнение прочитывается на нескольких уровнях. Так, согласно народным поверьям, жаворонок – символ начала весны и новой счастливой жизни, по нему предсказывали погоду. Жаворонков считали святыми душами, пробуждающими землю от зимней стужи. В литературной традиции образ жаворонка ассоциировали с рассветом, добром, духовным развитием [17].

У Архипа Абагинского жаворонок становится символом свободы и творческого полета, который был прерван «предательской пулей». Автор призывает помнить о том, что Пушкин был певцом свободы, его стихотворения вдохновляли людей на борьбу, «звезда свободы» загорелась благодаря его гению. Абагинский подчеркивает, что пушкинские идеи вне времени, а его творчество – бессмертно.

Стихотворение Прокопия Григорьева «А. С. Пушкину» (перевод А. Загорского) представляет собой послание великому поэту. Автор также рассматривает пушкинское творчество в аспекте темы свободы и показывает, какой стала современная, свободная, а поэтому счастливая, жизнь: «Погляди, как летят ракеты / над землею, где счастлив якут...» [16, с. 42]. Пушкин не видел свободы, но теперь она стала возможной благодаря достижениям науки и техники. Лирический герой Григорьева чувствует себя счастливым и уверенным в своем будущем, несмотря на все трудности и препятствия. Вдохновителем для него является «добрый русский большой человек», чье творчество помогает победить «дух уныния» и обрести твердую опору в жизни. Важно отметить: автор отмечает, что лирический герой – якут, «у таяжной глухой опушки», а Пушкин – большой русский человек, тем самым он подчеркивает внациональный характер наследия великого поэта, в котором каждый человек, независимо от рода деятельности, найдет ответы на свои вопросы. Анафорический повтор местоимения «ты» в третьей и пятой строках подчеркивает дружеский характер лирического обращения к великому, но такому близкому собрату по перу, чья жизнь так рано оборвалась.

Тему доступности творчества А. С. Пушкина для всех народов продолжает Семен Данилов в стихотворении «На якутском языке» (в переводе Р. Моран). Это стихотворение является примером того, как литература может объединять людей разных национальностей и культур. Автор говорит о том, что произведения Пушкина настолько популярные, что стали частью культуры якутского народа благодаря переводам на родной, якутский язык: «Родной язык мой, как бы вновь рождённый, / В семье народов радостно зацвёл...» [16, с. 43]. Стихотворение показывает, как литература может влиять на людей и изменять их жизнь. Благодаря литературе люди могут приобщиться к мировому культурному наследию, стать его частью. Поэзия может объединить людей разных национальностей, стать не только средством общения между людьми, но и источником вдохновения. Так, произведения Пушкина вдохновляют Семена Данилова на создание собственных произведений. Данилов упоминает и о том, что Толстой и Маяковский также стали важными фигурами в якутской литературе.

Таким образом, данное стихотворение является не только выражением благодарности Пушкину и его творчеству, но и признанием роли русской литературы в формировании культуры и идентичности якутского народа.

В том же ключе тему пушкинского влияния раскрывает Алексей Платонов в стихотворении «Пушкину» (перевод Г. Семенова). Пушкин – великий учитель, чье наследие остается эталоном, «нерукотворным памятником», с которым потомки соотносят свое творчество: «Нерукотворный «Памятник» / Мне ясно говорит, / Что ты, великий Пушкин, / Слышишь наши песни» [16, с. 63]. Автор, некогда «дикий тунгус», а теперь свободный человек, подчеркивает, что Пушкин является символом свободы и справедливости, а его идеи продолжают вдохновлять людей по всей стране.

Пророчество Пушкина сбылось: все народы России стали свободными и счастливыми. Россия стала целой и неделимой для всех наций, проживающей на этой земле.

Стихотворение «Сказки Пушкина» Леонида Коноплянко представляет собой размышление автора о роли сказок в его жизни. Он вспоминает свои любимые пушкинские сказки и подчеркивает их способность волновать и увлекать читателя, независимо от возраста.

«Царства дальние», «хрустальные гробы», «ларцы злаченные», злая нечисть, колдовство создают атмосферу таинственности и приключения и отсылают к пушкинским сказкам о мертвой царевне и богатырях, царе Салтане, золотой рыбке

и др. Стихотворение словно погружает в волшебный мир, где все препятствия кажутся пугающими и непреодолимыми, но в итоге добро всегда одерживает победу над злом. Именно этого торжества добра и справедливости, веры в чудо не хватает лирическому герою.

Важно отметить, что автор не просто описывает любимые сказки, но и анализирует их влияние на свою душу («Волнуют сказки давние / Мне душу до сих пор...» [16, с. 54]), подчеркивая, что они помогают справиться с жизненными трудностями, являются источником мотивации и творческого вдохновения.

Названием для стихотворения Алексея Михайлова «Печаль моя светла...» послужила строчка из стихотворения А. С. Пушкина «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» (1829), посвященного теме любви. Пушкинские строки пронизаны спокойной грустью, вызванной безответным чувством. Лирический герой страдает, но эта боль сладостная, ведь без любви его сердце не может жить [18]. В стихотворении А. Михайлова тема любви тоже является одной из ведущих, но здесь она сопряжена с тревожным ожиданием, страхом быть отвергнутым, обманутым (ср.: «Встретимся у Пушкина», – ты мне говорила <...> И из снежной кутерьмы ты вдруг выходила...» [16, с. 59]). Образ метели, снега, словно пули, летящей в висок, являются проекцией душевного непокая лирического героя, преодолеть который помогают вечные пушкинские строки. Именно к ним обращается лирический герой в моменты отчаянья, только «черно-белая строка» способна успокоить, «обнять сердце» и повести за собой к солнцу.

Анафорический повтор «он» усиливает «деятельностную» составляющую образа Пушкина (ср. «Он ... ласково кивнёт <...> Он развеет, разметёт всю твою кручину, / Он спасёт и обоймёт, и тебя поймёт...») [16].

Реальный памятник Пушкину на Тверском бульваре в Москве выступает здесь как немой свидетель самых ярких и важных событий потомков: здесь назначают романтические свидания, здесь проходят встречи творцов-единомышленников, сюда приходят почитатели пушкинского гения за вдохновением. Не случайно рефреном проходит фраза «Встретимся у Пушкина...» [16, с. 59], словно в гостях у лучшего и самого верного друга. Для лирического героя Михайлова – это место тоже особенное, именно его, как место встречи с великим поэтом, словно завещает потомкам автор (ср.: «Мой потомок, ты в веках, где бы ни кружил, / Ты замрёшь и помолчишь над строкой поэта, / Над которой плакал я, и которой жил») [16]. Это стихотворение является ярким примером того, как Пушкин и его творчество могут вдохновлять людей на протяжении многих поколений.

Стихотворение Саввы Тарасова «Черные кудри Пушкина» (перевод Е. Самченко) выстраивается вокруг такой яркой олицетворенной детали образа поэта, как кудрявые волосы. Именно они символизируют буйство нрава и непокорность их обладателя, бунтаря и любимца женщин, обласканного самой красавицей Россией. Эти черные кудри никого не оставляли равнодушными, вызывая неподдельные эмоции: «Жаркие слезы на них проливались, / Страстными в них поцелуи остались / Дети его их, смеясь, шевелили, / Словно вспорхнувшую птичку ловили» [16, с. 74]. «Не успела коснуться черных кудрей седина...».

Безмятежное лирическое повествование резко сменяется описанием скорбных событий на Черной речке. Драматизм усиливается за счет использования ярких сравнений («пули, как волки голодные, были»), антитезы (черная речка, белый снег, на котором рассыпались безжизненные кудри), гиперболы и олицетворения («сердце России печалью пронзили»).

До последней минуты черные кудри умирающего поэта были в заботливых и верных руках любимой супруги Натали.

В стихотворении Владимира Федорова «Четыре шага к барьеру...» сам Пушкин рассказывает о роковой дуэли. В первом восьмистишии детально воссозданы ощущения поэта, сраженного пулей Дантеса: «И воздух свинцом распорот, / И гаснут деревьев свечи, / И главный окончен бал...» [16, с. 86]. Троекратный анафорический повтор, нанизывание метафорических воплощений темы смерти (гаснут деревья-свечи, «окончен бал» = окончена жизнь, парящий в небе ворон – предвещает беду) усиливают впечатление надвигающейся непоправимой трагедии.

Во втором восьмистишии обыгрывается мистическая история предсказания гибели и его отношение к смерти. Поэт не боится конца, он достойно жил и готов встретить предначертанное.

Третья строфа соединила в себе сразу несколько мотивов: мотив прощения («А ей будет Бог судьёю...» – явная отсылка к причине дуэли – слухи, бросившие тень на честь супруги Пушкина), мотив принятия судьбы («Судьба лишь рукой Дантеса / Уводит меня с земли»), мотив напрасной надежды («Как горько вздыхает...»), «Как рот холодит морошка», «Заплаканная Натали»).

Стихотворению предпослан эпиграф из произведения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта», которое словно дополняет скрытые смыслы текста В. Федорова.

В стихотворении Чагылгана «Пушкин» (перевод А. Шпирта) поэт представлен божественным изваянием на вершине священного Парнаса (известного в мифологии места обитания Муз). Пушкин-исполин – символ величия и значимости в мире поэзии. Великий поэт показан во всей его многогранности: поэт радости, «сын мятежной бури», обладающий неисчерпаемым богатством «жемчужных слов», которые он щедро раздаёт народам [16, с. 92].

Главная идея стихотворения заключается в том, что талант и поэзия Пушкина обладают силой, которая превосходит природные стихии (ср.: «Под ним скалу зловеще море гложет / Вздыхает волны и о берег бьёт / И даже солнце светлое не может / Утихомирить ярость бурных вод» [16, с. 92]).

Сила его песнопения сравнима с мощью природных стихий, которую он смог преодолеть и взойти на вершину. Щедрая раздача «вольных творений» всем народам символизирует доступность и открытость Пушкина к общению с людьми разных культур и национальностей. Отношение поэта к народу неизменно проявляется в готовности делиться своим творчеством со всеми. Образ солнца, который поэт приветствует, символизирует свет и истину, которые Пушкин несет в мир.

В стихотворении Элэя «Пушкин» (перевод С. Болотина) встречаем такое же «стихийное» прочтение творчества А. С. Пушкина. Символом мощи его поэзии является море. Стихотворение Элэя отсылает к «морским» стихотворениям Пушкина (ср.: «К морю», 1824; «Я помню море пред грозою...», 1824; «Земля и море», 1821), в которых автор восхищается красотой и могуществом морской стихии, чувствует с ней родственную связь и в то же время ее недостижимость и непостижимость. Водная мощь не пугает, не отталкивает лирического героя, она манит, словно приглашая к душевному разговору (ср.: «Моей души предел желанный! / Как часто по берегам твоим / Бродил я тихий и туманный, / Заветным умыслом томим!» [18]). Переменчивость обличия моря символизирует разнообразную палитру чувств и переживаний лирического героя, его бунтарский и свободолюбивый дух.

Ту же трактовку морской стихии обнаруживаем в стихотворении якутского поэта. Автор словно воспроизводит пушкинское «К морю», «иллюстрируя» его зримыми образами: «вздыхающийся пенный черноморский вал», «бушующий напор волны», «ликующий прибой стихов свободного певца». Бушующие волны, скалы, морские пучины, явно отсылают читателя к картинам И. Айвазовского, посвященным Пушкину у моря (ср.: «А. С. Пушкин на берегу Чёрного моря», 1868;

«А. С. Пушкин в Гурзуфе», 1880; «Пушкин на берегу моря», 1887 и др.). Море выступает олицетворением пушкинского свободолюбия, борьбы с тиранией: «– Прощай! – он говорил тебе. – Прощай! / Твой буйный вал к борьбе зовёт. / Мой край родной, мой угнетённый край, – / Когда ж над ним заря взойдёт!» [16, с. 93]. Эти строки знаменуют наличие в стихотворении мотивов борьбы и надежды на лучшее будущее. Эллэй подчеркивает, что вклад Пушкина в борьбу за свободу народов России, а также в развитие культур всех народов неизмерим. Каждый народ может с гордостью заявить: «Наш Пушкин!», потому что великий поэт говорит с каждым на его языке, языке свободы и независимости.

Стихотворение Эллэя является ярким примером гражданской лирики, где автор выражает свою любовь к свободе и борьбе за права угнетённых. Цель автора – подчеркнуть важность деяний и наследия Пушкина, а также выразить восхищение его гением и подчеркнуть роль в истории и культуре России.

Заключение

Подводя итог проведенному анализу стихотворений якутских поэтов, посвященных А. С. Пушкину, можно сделать следующие выводы:

1. Объединяющими для всех произведений являются темы борьбы и свободы, которые ассоциативно связаны с жизнью и творчеством А. С. Пушкина.

2. Тема памятника/памяти также частотна. Это обусловлено стремлением авторов подчеркнуть: о великих заслугах великого гения русской словесности помнят все поколения, его почитают все народы. А. С. Пушкин заложил основы многих национальных культур и литератур. К его «нерукотворному памятнику» всегда будет вести народная тропа.

3. Тема благодарности Пушкину за будущее, свободное от тирании, также звучит рефреном во многих стихотворениях сборника.

4. Трагической гибели поэта от руки злодея также посвящено немало строк. Трактовка темы смерти дана на разных уровнях: смерть поэта показана как невозполнимая утрата всемирного масштаба, как нарушение всеобщей природной гармонии, как посягательство на святыню, как политическая расправа, как личное горе каждого и др.

5. Не менее важной темой является тема рабского прошлого и свободного будущего, обретение которого стало возможным благодаря подвижнической деятельности А. С. Пушкина.

6. Ключевые мотивы стихотворений – мотивы борьбы и надежды на будущее.

Образ великого поэта в проанализированных стихотворениях, как правило, создан в проекции на природные стихии, подчеркивая буйный, непреклонный и свободолюбивый нрав великого поэта. Зачастую якутские поэты используют приметы родной северной природы. Все авторы сходятся в желании оказать почтение и отдать дань памяти великому русскому поэту, солнцу русской поэзии.

Л и т е р а т у р а

1. Трофимова Н.В. Образ орла в русской литературной традиции и творчестве А. С. Пушкина. *Русская словесность*. 2020;(3):3-11.

2. Щелокова Л.И. К вопросу о традиции исторической прозы А. С. Пушкина в повестях В. В. Быкова. *Константы русской литературы*. Сборник научных статей для магистрантов. Москва: МГПУ; 2020:139-146.

3. Лебеденко В.А. «Пушкинский след» в цикле С. А. Есенина «Персидские мотивы». *Современное есениноведение*. 2020;54(3):77-80.

4. Романов Д.А. О лингвопоэтической традиции развития одной темы в стихотворных текстах: А. С. Пушкин и Я. В. Смеляков. *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2023;48(1):302-313.

5. Debreczeny P. *Social functions of literature: Alexander Pushkin and Russian Culture*. Stanford: Stanford University Press; 1997:300.
6. Дорофеева Е.А. Пушкин и Швеция. *Альманах североевропейских и балтийских исследований*. 2019;(4):118-135.
7. Кравчук М.Н., Можган Ш.Р. Пушкин и Казахстан. *БМИК*. 2016;(5):506.
8. Осепаишвили Н.С. Пушкин и Кавказ. *Этнодиалоги*. 2014;45(1):82-86.
9. Башарина З.К. *Взаимодействие русской и якутской литератур в XX веке (история и проблемы взаимосвязей)*. Якутск: ИД СВФУ; 2013:279.
10. Башарин К. Пушкинское слово в современной Якутии. *Этнодиалоги*. 2014;46(2):149-153.
11. Виноградов С.Н. Пушкин и удмурты. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2009(1):288-290.
12. Воронько Д.Г. Отечественные и европейские литературные традиции в любовной лирике А.С. Пушкина. *Символ науки*. 2022;12(1):32-33.
13. Эпистола. *Филологический журнал*. 2024;4(7). URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=67318631>.
14. Левакин Н.Н. Художественная рецепция как литературоведческое понятие (к вопросу понимания термина). *Известия ПГУ им. В. Г. Белинского*. 2012;27:308-310.
15. Мельникова Е.Г. Понятие рецепции: исследовательские подходы к анализу текстов культуры. *Ярославский педагогический вестник*. 2012;1(3):239-242.
16. «Встретимся у Пушкина»: поэты Якутии – А. С. Пушкину: [стихотворения]: к 220-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Якутск: [б. и.]. 2019:104.
17. Жаворонок. Березовый лес. *Энциклопедия славянской культуры*. URL: <https://lan26.ru/zhivotnye/zavoronok> (дата обращения: 23.03.2024).
18. Пушкин А.С. Стихотворения. Предисловие А. Твардовского. Хабаровск: Книжное издательство; 1983:240.

References

1. Trofimova NV. The image of the eagle in the Russian literary tradition and the work of A. S. Pushkin. *Russkaya slovesnost*. 2020;(3):3-11 (in Russian).
2. Shchelokova LI. To the question about the historical prose of A. S. Pushkin in V. V. Bykov's novels. *Constants in Russian literature*. Collected works for master's students. Moscow: MCU; 2020:139-146 (in Russian).
3. Lebedenko VA. "Pushkin's trail" in the cycle in the S.A. Esenin's cycle "Persian motifs". *Contemporary Esenin study*. 2020;54(3):77-80 (in Russian).
4. Romanov DA. About lingvopoetic traditions of the development of one of the theme in poetic texts: A. S. Pushkin and Ya. V. Smelyakov. *Theory of Language and Intercultural Communication*. 2023;48(1):302-313 (in Russian).
5. Debreczeny P. *Social functions of literature: Alexander Pushkin and Russian Culture*. Stanford: Stanford University Press; 1997:300 (in English).
6. Dorofeeva EA. Pushkin and Sweden. *Nordic and Baltic Studies Review*. 2019;(4):118-135 (in Russian).
7. Kravchuk MN, Mozghan ShR. Pushkin and Kazakhstan. *Bulletin of Medical Internet Conferences*. 2016;6(5):506 (in Russian).
8. Osepaishvili NS. Pushkin and Caucasus. *Etnodiologi*. 2014;45(1):82-86 (in Russian).
9. Basharina ZK. *Interaction of Russian and Yakut literature in the 20th century (History and Problems of Interconnections)*. Yakutsk: Publishing House of NEFU; 2013:279 (in Russian).
10. Basharin K. Pushkin word in contemporary Yakutia. *Etnodiologi*. 2014;46(2):149-153 (in Russian).
11. Vinogradov SN. Pushkin and Udmurts. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2009;(1):288-290 (in Russian).

12. Voronko DG. Domestic and European literary traditions in A.S. Pushkin's love poetry. *Symbol of Science*. 2022;12(1):32-33 (in Russian).
13. Epistle. *Journal of Philology*. 2024;4(7):128. [online]: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=67318631> (in Russian).
14. Levakin NN. Art reception as a literary concept (on understanding the term). *Izvestia PGU V. G. Belinsky*. 2012;27:308-310 (in Russian).
15. Melnikova EG. The concept of reception: modern approaches to the analysis of cultural texts. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2012;1(3):239-242 (in Russian).
16. "Let's meet at Pushkin's": poets of Yakutia – to A. S. Pushkin: [poems]: to the 220th anniversary of birth of A.S. Pushkin. Yakutsk: 2019:104 (in Russian).
17. Zhavoronok. Birch forest. *Encyclopedia of Slavic Culture*. Available at: <https://lan26.ru/zhivotnye/zhavoronok> [Accessed 23 March 2024] (in Russian).
18. Pushkin AS. Poems. Foreword by A. Tvardovsky. Khabarovsk: Book Publishing House; 1983:240 (in Russian).

Сведения об авторе

ЧАУНИНА Наталья Владимировна – к. филол. н., доцент кафедры экономических, гуманитарных и общеобразовательных дисциплин, Технический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Нерюнгри, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-8999-4800, e-mail: chaunin@mail.ru

Information about authors

Natalia V. CHAUNINA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Economic, Humanitarian and General Education Disciplines, Neryungri Technical Institute (branch) of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Neryungri, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-8999-4800, e-mail: chaunin@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 29.01.25

Принята к публикации / Accepted 17.03.25

**К юбилею известного ученого,
литературоведа, профессора СВФУ
Прасковьи Васильевны Сивцевой-Максимовой**

Л. П. Григорьева, Т. Н. Васильева, С. И. Егорова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация

✉ grigormila@mail.ru

Прасковья Васильевна Сивцева-Максимова – доктор филологических наук, профессор кафедры якутской литературы Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института А.Е. Кулаковского СВФУ, главный редактор журнала «Вопросы национальных литератур».

Вопросы истории, закономерности становления и теоретические аспекты жанровых форм в якутской поэзии неразрывно связаны с именем Прасковьи Васильевны. Она широко известна в России и за ее пределами как ученый-литературовед, автор фундаментальных научных работ по истории якутской литературы.

После окончания в 1974 г. отделения русского языка и литературы историко-филологического факультета Якутского государственного университета Прасковья Васильевна работала

учителем в разных районах нашей республики и в г. Якутске. С 1982 г. работает в Якутском государственном университете (ныне СВФУ имени М.К. Аммосова). С 1990 по 2017 гг. – ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор, заведующий кафедрой якутской литературы. В 1990 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Становление и развитие жанра поэмы в якутской литературе», в 1999 г. – докторскую диссертацию на тему «Эволюция жанровой системы в якутской поэзии: типологические аспекты» в Башкирском государственном университете (г. Уфа).

За время руководства кафедрой якутской литературы (1999–2009 гг.) была открыта новая специализация «Литературная критика и редактирование», апробированы и получили утверждение федерального министерства учебные планы, паспорт специализации; в Якутском государственном университете была открыта аспирантура по специальности «Литература народов РФ (якутская литература)» и получены лицензии по аспирантуре и докторантуре МОиН РФ. В 1987 г. был открыт диссертационный совет по литературе народов РФ, который успешно проработал более 20 лет, Прасковья Васильевна была ученым секретарем. Также она является членом диссертационного совета по литературоведению Бурятского государственного университета и диссертационного совета по педагогическим наукам Д 212.306.02 СВФУ. Принимала участие в диссертационных советах Башкирского государственного университета, ИЯЛИ АН Республики Татарстан, ИМЛИ РАН и Бурятского государственного университета.

Прасковья Васильевна – руководитель учебно-научной лаборатории «Современные аспекты исследования художественного и научного наследия А.Е. Кулаковского», программы магистратуры по филологии «Текстология и литературная критика», научной школы «Якутская литература: поэтика жанров, проблемы текстологии и литературной критики», более двадцати лет руководит студенческим научным кружком «Байанай алгыһа». В 2015 г. научная школа под ее руководством получила сертификат конкурса Российской академии естествознания, посвященного 20-летию РАЕ.

Под руководством Прасковьи Васильевны защищено 10 кандидатских диссертаций по актуальным проблемам литературоведения, в том числе научной биографии А.Е. Кулаковского, поэтике драматических поэм, проблемам текстологии двух редакций романа «Весенняя пора» Амма Аччыгыһа, поэтике твердых форм в якутской лирике, по творчеству Леонида Попова, Сергея Васильева-Борогонского. Научной школой проводятся семинары, мастер-классы для молодых филологов, всероссийские, республиканские конференции студентов и аспирантов с публикацией материалов. Существенное значение имеет участие самой Прасковьи Васильевны в организации и проведении международных и всероссийских конференций. Ее доклады и статьи неизменно привлекают интерес новизной и актуальностью поставленных проблем, убедительными научными обоснованиями положений.

Прасковья Васильевна – автор более 300 опубликованных учебно-методических и научных работ, в том числе девяти учебников, учебных пособий и хрестоматии, трех монографий, в числе авторов четырех коллективных монографий по проблемам якутской литературы, в том числе «Очерков истории якутской литературы XX века», 6 авторских прав. Учебные издания Прасковьи Васильевны являются первыми пособиями в аспектах аналитики и представления основ теории литературы на материалах якутской литературы. Она является научным редактором значительных монографических трудов «Литература Якутии XX века», «Научная биография А.Е. Кулаковского», монографий молодых ученых (Т. Н. Васильева, Е. М. Ефремова, С. И. Ефремова), членом редакционной коллегии рецензируемых журналов ВАК «Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова», «Эпосоведение» и редакционной коллегии рецензируемого журнала «Известия Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Серия: История. Филология. Культура», а также межвузовского научного журнала «Проблемы востоковедения» (Уфа).

Основные направления исследований Прасковьи Васильевны: история якутской литературы, герменевтика жанров и жанровых форм, текстология, литературная

критика, наследие А.Е. Кулаковского-Өксөкүлээх Өлөксөй в аспектах новых направлений литературоведения. Она является ведущим исследователем по изучению жизни и творчества А.Е. Кулаковского и ответственным редактором по подготовке к изданию томов его полного собрания сочинений. Опубликованы с научными комментариями I, II, III тома: «Поэтические произведения» (2009), «Рукописные варианты, списки, неопубликованные произведения и dubia» (2018), «Якутской интеллигенции. Из раннего архива» (2024) в издательстве «Наука» (Новосибирск), общий объем которых составляет более 114 п.л. Идет плановая работа над подготовкой рукописей комментариев IV тома. Научная деятельность профессора по увековечиванию имени А.Е. Кулаковского, пропаганда его творчества за пределами Якутии есть образец диалога культур и литератур в евразийском пространстве. Так, Прасковья Васильевна выступала с циклами лекций, докладами на конференциях и симпозиумах в США (1997), Японии (2009), Казахстане (2013), Азербайджане (2013), Сербии (2019). В 2010–2011 гг. ею выигран Грант РГНФ «Поэзия А.Е. Кулаковского: сравнительно-историческое изучение редакций в аспекте текстологического анализа произведений, их вариантов и «dubia»; была исполнителем Гранта РФФИ 2019–2021 гг. «Источниковедческие аспекты изучения роли христианской культуры в становлении якутской письменности и литературы».

Прасковья Васильевна внесла большой личный вклад в развитие высшей школы и науки в Республике Саха (Якутия), в дело подготовки специалистов с высшим образованием, научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации. Награждена знаком «Отличник просвещения Российской Федерации» (1994), Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации (2004), знаком «За заслуги в области науки» Министерства науки и профессионального образования Республики Саха (Якутия) (2007), знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2009), «Заслуженный деятель науки Республики Саха (Якутия)» (2011), медалью Министерства образования и науки Российской Федерации «За вклад в реализацию государственной политики в области образования» (2021), знаком «Почетный ветеран Северо-Восточного федерального университета» (2024).

Прасковья Васильевна пользуется заслуженным уважением коллег, ее отличает исключительно добросовестное отношение к работе, высокая грамотность, эрудиция. Нас восхищает ее постоянный творческий и научный энтузиазм, неугасающий запас идей и проектов.

От имени коллег, учеников поздравляем уважаемую Прасковью Васильевну с 75-летним юбилеем, желаем крепкого здоровья, счастья, дальнейших успехов в работе и новых научных достижений!

Сведения об авторах

ГРИГОРЬЕВА Людмила Павловна – к. филол. н., доц. каф. якутской литературы Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, e-mail: grigormila@mail.ru

ВАСИЛЬЕВА Татьяна Ниловна – к. филол. н., доц. каф. якутской литературы Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, e-mail: vtatyanan@yandex.ru

ЕГОРОВА Саргылана Ивановна – к. филол. н., доц. каф. якутской литературы Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, e-mail: sargi@mail.ru

About the authors

Lyudmila P. GRIGORIEVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Yakut Literature, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

Tatiana N. VASILIEVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Yakut Literature, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

Sargylana I. EGOROVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Yakut Literature, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

**To the anniversary
of Praskovya Vasilievna Sivtseva-Maksimova,
a famous scientist, literary critic, and professor of NEFU**

Lyudmila P. Grigorieva, Tatiana N. Vasilieva, Sargylana I. Egorova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ grigormila@mail.ru

Praskovya Vasilievna Sivtseva-Maksimova is a Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Yakut Literature, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (NEFU), Chief Researcher at the A.E. Kulakovskiy Research Institute of NEFU, and Editor-in-Chief of the journal "Issues of National Literature".

Issues pertaining to the history, developmental patterns, and theoretical aspects of genre forms in Yakut poetry are closely linked to the name of Praskovya Vasilievna. She is widely recognized in Russia and beyond as a literary scholar and the author of foundational scholarly works on the history of Yakut literature.

After graduating in 1974 from the Department of Russian Language and Literature, Faculty of History and Philology, Yakut State University, Praskovya Vasilievna worked as a teacher in various regions of the republic and in Yakutsk. Since 1982, she has been associated with Yakut State University (now M.K. Ammosov NEFU). From 1990 to 2017, she progressed through the ranks, holding the positions as Assistant, Senior Lecturer, Associate Professor, Professor, and Head of the Department of Yakut Literature. In 1990, she defended her Candidate of Science dissertation on "The formation and development of the poem genre in Yakut literature", and in 1999, she defended her Doctoral dissertation on "The evolution of the genre system in Yakut poetry: typological aspects" at Bashkir State University (Ufa).

During her tenure as Head of the Department of Yakut Literature (1999-2009), a new specialization, "Literary criticism and editing" was established. Curricula and specialization guidelines were developed, tested, and approved by the federal ministry. Graduate studies in "Literature of the peoples of the Russian Federation (Yakut Literature)" were initiated at Yakut State University, and licenses for graduate and doctoral programs were obtained from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. In 1987, a dissertation council in the literature of the peoples of the Russian Federation was established, which operated successfully for over 20 years, with Praskovya Vasilievna serving as its Academic Secretary. She is also a member of the dissertation council in literary studies at Buryat State University and the dissertation council in pedagogical sciences D 212.306.02 at NEFU. She has participated in dissertation councils at Bashkir State University, the G. Ibragimov Institute of Language, Literary and Art of the Academy of Sciences of the Republic Tatarstan, the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, and Buryat State University.

Praskovya Vasilievna leads the Educational and Scientific Laboratory "Modern aspects of researching the artistic and scientific heritage of A.E. Kulakovskiy", the master's program in philology "Textology and literary criticism", and the research school "Yakut literature: poetics of genres, problems of textology and literary criticism". For over twenty years, she has supervised the student research circle "Bayanai algyha". In 2025, the research school under the leadership received certification in a competition held by the Russian Academy of Natural Sciences to celebrate the academy's 20th anniversary.

Under the supervision of Praskovya Vasilievna, ten Candidate of Sciences dissertations have been defended on pressing issues in literary studies, including the scholarly biography of A.E. Kulakovskiy, the poetics of dramatic poems, textual problems in two editions of Amma Achchygya's novel "Springtime", the poetics of fixed forms in Yakut lyric poetry, and the works of Leonid Popov and Sergei Vasiliev-Borogonsky. The research school organizes seminars and master classes for young philologists, as well as all-Russian and republic-level conferences for students and graduate students, with

publication of proceedings. Praskovya Vasilievna's own participation in the organization and conduct of international and all-Russian conferences is of considerable importance. Her reports and articles invariably attract interest through their novelty and relevance, as well as compelling scholarly foundations of their premises.

Praskovya Vasilievna is the author of over 300 published teaching aids and scholarly works, including nine textbooks, teaching manuals, and anthologies; three monographs; and contributions to four collective monographs on problem in Yakut literature, including "Essays on the History of Yakut literature of the 20th century", as well as holding six copyrights. Praskovya Vasilievna's educational publications are the first resources in the analysis and presentations of the fundamentals of literary theory based on materials from Yakut literature. She is the scientific editor of significant monographic works such as "Literature of Yakutia of the 20th century" and "Scholarly biography of A.E. Kulakovsky", monographs by young scholars (T.N. Vasilieva, E.M. Efremova, S.I. Efremova), and a member of the editorial boards of the peer-reviewed VAK journals "Vestnik of North-Eastern Federal University" and "Epic studies", as well as the editorial board of the peer-reviewed journal "Izvestia of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Series: History. Philology. Culture" and the interuniversity scholarly journal "Problems of Oriental studies" (Ufa).

Praskovya Vasilievna's primary research interests include: the history of Yakut literature, the study of genres and genre forms, textology, literary criticism, and the legacy of A.E. Kulakovsky in the aspects of new directions in literary studies. She is a leading researcher on the life and works of A.E. Kulakovsky and the responsible editor for the preparation of volumes of his complete collected works for publication. Volumes I, II, and III, "Poetic works" (2009), "Manuscript versions, lists, unpublished works and dubia" (2018), and "To the Yakut intelligentsia. From the early archive" (2024), have been published with scholarly commentaries by the Nauka Publishing House (Novosibirsk), with a total volume of over 114 printer's sheets. Work is proceeding according to plan on the preparation of manuscripts of commentaries for Volume IV. The professor's scholarly activities to preserve the name of A.E. Kulakovsky and to promote his work beyond Yakutia provide a model for the dialogue of cultures and literatures in the Eurasian space. Praskovya Vasilievna has presented lectures and reports at conferences and symposia in the United States (1997), Japan (2009), Kazakhstan (2013), Azerbaijan (2013), and Serbia (2019). In 2010-2011, she won a Grant for "The poetry of A.E. Kulakovsky: a comparative-historical study of editions in the aspect of textological analysis of works, their variants, and 'dubia'"; and she was a performer on an Grant from 2019-2021, "Source studies aspects of studying the role of Christian culture in the formation of Yakut writing and literature".

Praskovya Vasilievna has made substantial personal contributions to the advancement of higher education and science in the Sakha Republic (Yakutia), as well as to the training of specialists with higher education and highly qualified scholarly and teaching personnel. She has been recognized with the distinction of "Excellent Worker of Education of the Russian Federation" (1994), a Certificate of Honor from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (2004), the "For merit in the field of science" badge from the Ministry of Science and Vocational Education of the Sakha Republic (Yakutia) (2007), the "Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation" badge (2009), the title of "Honored scientist of the Sakha Republic (Yakutia)" (2011), the Medal "For contribution to the Implementation of State Policy in the field of Education" from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (2021), and the "Honorary Veteran of North-Eastern Federal University" badge (2024).

Praskovya Vasilievna commands the well-deserved respect of her colleagues and is distinguished by her exceptionally conscientious approach to work, high level of scholarly literacy, and extensive erudition. We are inspired by her unwavering creative and scholarly enthusiasm and her inexhaustible source of ideas and projects.

On behalf of colleagues and students, we congratulate the esteemed Praskovya Vasilievna on her 75th birthday and with her robust health, happiness, continued success in her activities, and new scholarly achievements!

Резолюция Всероссийской научно-практической конференции «Эмиссия метана из экосистем Севера: методы, инструменты, результаты»

***В. С. Казанцев¹, Л. А. Кривенко¹, Н. И. Тананаев^{2,3}, С. А. Кураков⁴,
Н. Е. Баишев^{2,3}, С. А. Агафонова⁵***

¹Институт физики атмосферы им. А.М. Обухова РАН, г. Москва, Российская Федерация

²Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация

³Институт мерзлотоведения им. П.И. Мельникова СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация

⁴Институт мониторинга климатических и экологических систем СО РАН,
г. Томск, Российская Федерация

⁵Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация

Конференция состоялась на площадке Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова 12–13 марта 2025 г. В конференции приняли участие исследователи, представляющие Институт физики атмосферы им. А.М. Обухова РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва), Институт мониторинга климатических и экологических систем СО РАН (г. Томск), Югорский государственный университет (г. Ханты-Мансийск), Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Институт мерзлотоведения им. П.И. Мельникова СО РАН (г. Якутск).

В выступлениях участников были представлены фактические результаты измерения потоков метана, его эмиссии и поглощения в наземных экосистемах и водных объектах Севера, в том числе на территории Республики Саха (Якутия). В докладах участников конференции также были освещены методические вопросы применения камерного метода для изучения потоков метана, типичные трудности и распространенные ошибки применения этого метода, обсуждались существующие инструменты измерений. Конференция завершилась технической дискуссией о перспективах научных исследований метана как важного элемента углеродного баланса территорий.

Участники конференции отметили важность и значимость применения камерного метода для изучения эмиссии метана как основного прямого метода измерений, в полной мере отражающего разнообразие микроклиматических и почвенно-гидрологических условий и позволяющего учесть различия между отдельными элементами экосистем. По результатам состоявшихся дискуссий участники конференции пришли к следующим заключениям, вынесенным в резолюцию конференции:

1. Изучение потоков метана в экосистемах Севера камерным методом актуально, однако на данный момент отсутствуют методические рекомендации, обобщающие корректные практики применения камерного метода для измерения эмиссии метана в различных типах экосистем. Необходимо в короткие сроки разработать такие методические рекомендации для российских исследователей.

2. В публичных выступлениях, научных докладах и публикациях по проблематике потоков метана часто не уделяется достаточного внимания техническим аспектам проведенных авторами исследований: не приводятся характеристики почвенных камер, использованные алгоритмы аппроксимации

измеренных данных, в том числе по причине отсутствия свода наилучших практик, понимания принципиальной важности технических деталей. Участники конференции призывают себя и коллег-исследователей уделять этим аспектам необходимое и достаточное внимание в своих выступлениях и публикациях.

3. Применение камерного метода имеет свою историю, однако с ростом актуальности привлекает новых исследователей, нередко повторяющих ошибки предыдущих научных поколений. В этой связи особенно важным становится следование единой стандартной терминологии, сформировавшейся в последние три десятилетия (см. работы научной школы М. В. Глаголева).

4. Необходимо развивать и поддерживать региональные научные школы по изучению цикла и потоков метана в экосистемах Севера, максимально приближенные к основным объектам исследований, в первую очередь в регионах, расположенных в криолитозоне, где широко распространены различные формы деградации ее верхних горизонтов.

5. Вместе с региональными научными школами необходимо развивать региональные сети стационарных наблюдений за потоками метана в экосистемах Севера с использованием современного инструментария: высокоточных портативных газоанализаторов, автоматических почвенных камер, автосэмплеров. Некоторая номенклатура оборудования уже сейчас производится на базе Института мониторинга климатических и экологических систем СО РАН, г. Томск.

Участники конференции приняли решение провести II Всероссийскую научно-практическую конференцию «Эмиссия метана в экосистемах Севера», посвященную изучению потоков метана камерными методами, в 2026 г. на базе Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова.

г. Якутск, 13 марта 2025 г.

Сведения об авторах

КАЗАНЦЕВ Владимир Сергеевич – к. б. н., зав. лаб., с. н. с. лаборатории парниковых газов (ЛПГ), Институт физики атмосферы им. А.М. Обухова РАН, г. Москва, Российская Федерация

КРИВЕНОК Людмила Алексеевна – н. с. лаборатории парниковых газов (ЛПГ), Институт физики атмосферы им. А.М. Обухова РАН, г. Москва, Российская Федерация

ТАНАНАЕВ Никита Иванович – к. г. н., зав. лаб. НИЛ по изучению климата и экосистем северных регионов, в. н. с. ИМЗ СО РАН, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова; Институт мерзлотоведения им. П.И. Мельникова СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация

КУРАКОВ Сергей Анатольевич – к. т. н., с. н. с., Институт монито-ринга климатических и экологических систем СО РАН, г. Томск, Российская Федерация

БАИШЕВ Нюргун Егорович – н. с., Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова; Институт мерзлотоведения им. П.И. Мельникова СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация

АГАФОНОВА Светлана Андреевна – к. г. н., с. н. с. кафедры гидрологии суши, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

About the authors

Vladimir S. KAZANTSEV – Cand. Sci. (Biology), Head of Laboratory, Senior Researcher, Greenhouse Gas Laboratory, A.M. Obukhov Institute of Atmospheric Physics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Lyudmila A. KRIVENOK – Researcher, Greenhouse Gas Laboratory, A.M. Obukhov Institute of Atmospheric Physics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Nikita I. TANANAEV – Cand. Sci. (Geography), Head of Laboratory, Research Laboratory for the Study of Climate and Ecosystems of Northern Regions, Leading Researcher, P.I. Melnikov Permafrost Institute of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

Sergei A. KURAKOV – Cand. Sci. (Engineering), Senior Researcher, Institute of Monitoring Climatic and Ecological Systems, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tomsk, Russian Federation

Nyurgun E. BAISHEV – Researcher, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, P.I. Melnikov Permafrost Institute of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

Svetlana A. AGAFONOVA – Cand. Sci. (Geography), Senior Researcher, Department of Land Hydrology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Resolution of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Methane Emission from Northern Ecosystem: Methods, Tools, and Results”

***Vladimir S. Kazantsev¹, Lyudmila A. Krivenok¹, Nikita I. Tananaev^{2,3},
Sergei A. Kurakov⁴, Nyurgun E. Baishev^{2,3}, Svetlana A. Agafonova⁵***

¹A.M. Obukhov Institute of Atmospheric Physics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

²M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

³P.I. Melnikov Permafrost Institute of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yakutsk, Russian Federation

⁴Institute of Monitoring Climatic and Ecological Systems of the Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences, Tomsk, Russian Federation

⁵Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

The conference took place at the campus of M.K. Ammosov North-Eastern Federal University on March 12-13, 2025. Participants included researchers from the A.M. Obukhov Institute of Atmospheric Physics of the Russian Academy of Sciences; Lomonosov Moscow State University (Moscow); the Institute of Monitoring Climatic and Ecological Systems, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk); Yugra State University (Khanty-Mansiysk); M.K. Ammosov North-Eastern Federal University; and the P.I. Melnikov Permafrost Institute, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk).

Presentation showcased empirical finding on methane fluxes, including emission and uptake, in terrestrial and aquatic ecosystem of the North, with a particular focus on the Sakha Republic (Yakutia). Methodological considerations pertaining to the application of the chamber method for studying methane fluxes were also addressed, including common challenges and frequently encountered errors. Furthermore, existing measurement tools were discussed. The conference concluded with a technical discussion regarding future research directions concerning methane as a crucial component of regional carbon budgets.

Conference participants emphasized the importance and value of the chamber method for studying methane emissions, recognizing it as a primary direct measurement technique that effectively captures the heterogeneity of microclimatic and soil-hydrological conditions and allows for differentiation between individual ecosystem components. Based on the discussions held, the conference participants reached the following conclusions, which were incorporated into the conference resolution:

1. Employing the chamber method to investigate methane fluxes in Northern ecosystem remains highly relevant. However, there is a current lack of standardized methodological guidelines that consolidate best practices for the application of the chamber method in measuring methane emissions across diverse ecosystem types. The expedited development of such methodological guidelines for Russian researchers is deemed essential.

2. Public presentations, scholarly reports, and publications addressing methane flux dynamics often lack sufficient attention to technical aspects of the conducted research. Specifically, detailed specifications of soil chambers and the algorithms used for approximating measured data are frequently omitted, due in part to the absence of a compendium of best practices and a comprehensive understanding of the fundamental

importance of technical details. Conference participants urge themselves and fellow researchers to dedicate appropriate and adequate attention to these aspects in their presentations and publications.

3. While the chamber method has a well-established history, its increasing relevance has attracted new researchers who, at times, inadvertently replicate errors made by previous generations of scientists. In this context, adherence to a standardized terminology, as developed over the past three decades (see works by the M.V. Glagolev research group), becomes particularly crucial.

4. It is imperative to foster and sustain regional research centers dedicated to studying the methane cycle and fluxes in Northern ecosystems. These centers should be strategically located in close proximity to key research sites, particularly in regions within the cryolithozone characterized by widespread degradation of its upper horizons.

5. Concurrent with the development of regional research centers, it is essential to establish and expand regional networks for long-term monitoring of methane fluxes in Northern ecosystems. These networks should leverage state-of-the-art instrumentation, including high-precision portable gas analyzers, automated soil chambers, and autosamplers. Notably, certain equipment in this category is already being manufactured by the Institute of Monitoring Climatic and Ecological Systems, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, in Tomsk.

Participants at the conference agreed to reconvene in 2026 for the II All-Russian Scientific and Practical Conference “methane Emission from Northern Ecosystems”, hosted by M.K. Ammosov North-Eastern Federal University. The focus will remain on the study of methane fluxes using chamber methodologies.

Yakutsk, 13 March 2025

Путь на Восток: к 25-летию юбилею кафедры восточных языков и страноведения ИЗФиР СВФУ

Е. С. Руфова, С. Н. Барашкова, Т. Н. Пермякова ✉

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,

г. Якутск, Российская Федерация

✉ ptuiara@mail.ru

Кафедра
восточных языков
и страноведения

В этом году кафедра восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета отмечает 25-летний юбилей. Предшествующий открытию кафедры период обучения восточным языкам в нашем университете насчитывает более чем 10-летнюю историю.

Первым восточным языком в Якутском государственном университете стал японский, что носило не случайный характер. Россия была первой страной в мире, где с 1705 года началось преподавание японского языка как иностранного. Второй школой после Санкт-Петербурга стала Якутская школа японского языка, где предположительно с 1748 года часть экипажа японского судна «Тага-мару», потерпевшего кораблекрушение, преподавала японский язык местному населению. Впоследствии школа была перенесена в Иркутск, став основой для развития российского японоведения. Именно данный вопрос заинтересовал будущего первого преподавателя японского языка и почетного профессора Якутского государственного университета Кацуки Хидэо, который согласился приехать в далекую суровую Якутию в начале 90-х годов XX века. Так, с 1990 года начинается история преподавания восточных языков на кафедре перевода факультета иностранных языков ЯГУ. Важно отметить, что основатель ФИЯ ЯГУ Аполлоний Иннокентьевич Семенов был одним из первых в республике, изучавших японский язык.

Практически одновременно с японским начинается преподавание китайского языка как второго иностранного. Первыми преподавателями были Галина Черных, окончившая институт Благовещенска, а также китайцы Володя и Миша, предприниматели с китайского рынка. Развитию корееведения в Якутии способствовал профессор Университета иностранных языков Хангук, позже почетный профессор СВФУ Канг Дуксу.

Большую поддержку развитию востоковедения в республике оказал первый президент Республики Саха (Якутия) М. Е. Николаев, начиная от решения жилищных вопросов для преподавателей-иностранцев до подготовки будущих профессиональных кадров. Благодаря работе Департамента по подготовке и расстановке кадров при Президенте РС (Я) по настоящее время работают во благо республики многие преподаватели кафедры (А. А. Григорьева, Т. Н. Пермякова, Е. С. Руфова, А. А. Васильева).

Вопрос о создании кафедры восточных языков как отдельного структурного подразделения разрешился при действенной поддержке и содействии Евгении Исаевны Михайловой, в то время занимавшей пост Министра образования РС (Я). Непосредственное участие со стороны университета приняли Ольга Алексеевна Мельничук, проректор ЯГУ, Людмила Софроновна Заморщикова, декан ФИЯ и

Светлана Николаевна Барашкова, которая стала первым заведующим кафедрой восточных языков и страноведения ФИЯ (2000–2006 гг.). Вторым заведующим была Татьяна Леонидовна Николаева, выпускница Хабаровского государственного педагогического университета, защитившая кандидатскую диссертацию по корейской филологии в Институте стран Азии и Африки при Московском государственном университете (2006–2014 гг.). С 2014 г. и по настоящее время кафедру возглавляет Елена Степановна Руфова, к. филол. н., доцент.

Коллектив кафедры представлен опытными преподавателями, в том числе высококвалифицированными специалистами со знанием региональной специфики и первыми выпускниками восточного отделения, которые в разные годы проходили языковые стажировки и окончили программы магистратуры в университетах Японии, Китая и Кореи, это З. Б. Степанова, В. В. Лебедева, Т. В. Ордахова, К. Г. Егорова. Среди преподавателей, защитивших кандидатские диссертации по методике преподавания восточных языков, можно выделить С. К. Ефимову, изучавшую проблему формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов-билингвов при обучении японскому языку (на примере Республики Саха (Якутия), А. А. Григорьеву, исследовавшую проблему обучения китайскому языку студентов языкового вуза на основе регионально-этнического подхода. Большим преимуществом кафедры с момента основания и по сегодняшний день является сотрудничество с зарубежными вузами-партнерами и такими научно-образовательными организациями, как Университет иностранных языков Ханкук, Университет Хоккайдо, Хэйлунцзянский университет, Московский городской педагогический университет и др., а также обязательное наличие иностранных преподавателей – носителей восточных языков. Благодаря сотрудничеству с ведущими международными центрами при поддержке кафедры проводились: ТОPIK – международный экзамен на определение уровня владения корейским языком (2016–2022); JLPT – международный экзамен по определению уровня владения японским языком (2018–2021).

Одним из значимых результатов развития китаеведения в республике являются организация и проведение преподавателями кафедры муниципального и регионального этапов Всероссийской олимпиады школьников по китайскому языку. Также А. А. Григорьева, доцент кафедры, является заместителем председателя, Т. В. Ордахова, старший преподаватель кафедры – экспертом предметной комиссии ЕГЭ по китайскому языку в Республике Саха (Якутия).

Приоритетными направлениями работы нашего вуза являются арктический и азиатский векторы развития. С сентября 2023 г. кафедра начала реализацию коммуникативного курса вьетнамского языка для студентов бакалавриата и специалитета любых направлений в качестве индивидуальной образовательной технологии.

Преподаватели и студенты кафедры оказывают переводческую поддержку мероприятиям нашей республики различных уровней, среди которых: Международные игры «Дети Азии» (2004–2024); «ЭКСПО 2005» (Япония); перевод олонхо П. В. Оготовева «Элэс Боотур» на корейский язык; строительство Саха-LG центра (2010); Фестиваль японской культуры «Ветка сакуры на земле Олонхо», посвященный 25-летию городов-побратимов Якутск–Мурояма и Всемирному дню побратимских городов» (2017); Форум АТУРК (2018); Третье совместное заседание Консультативного совета содействия российско-японскому межпарламентскому и межрегиональному сотрудничеству и японо-российскому Дискуссионному клубу Палаты советников Парламента Японии (2018); организация деятельности Института имени короля Седжона (2018–2023); Северный форум по устойчивому развитию (2019–2024) и др.

Подготовка специалистов со знанием восточных языков и культур является важной составной частью развития программы интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион, сотрудничества со странами Восточной, Юго-Восточной Азии. Среди выпускников кафедры специалисты, развивающие разные сферы деятельности нашей республики: Борисов К. А., постоянный представитель РС (Я) по ДФО; Максимов Н. Р., проректор по международному сотрудничеству СВФУ, Софронова М. И., заместитель директора Департамента государственной политики в сфере среднего профессионального образования и профессионального обучения Министерства просвещения России; Попов П. В., руководитель «Управы Автодорожного округа» МКУ ГО «Город Якутск»; Петрова В. И., главный специалист отдела внешних связей и дел народов Окружной администрации г. Якутска; Кобякова У., PhD, профессор университета Кемен (г. Тэгу, Республика Корея); Конова А. С., учитель китайского языка «СОШ №23 им. В.И. Малышкина», «Учитель года 2020»; Карамзина М. А., руководитель регионального центра обслуживания г. Якутск ООО «АЛРОСА Информационные технологии»; Дегтярева А. А., режиссер, сценарист, продюсер, маркетолог, член Союза журналистов России, победитель Международного фестиваля кинодебютов «Дух огня» (2024), Сутаков А. И., бренд-менеджер игровых продуктов в FunPlus, разработчик мобильных и компьютерных игр и многие другие.

Современный этап развития кафедры характеризуется переходом на качественно новый уровень подготовки бакалавров и магистров; совершенствованием процессов обучения, воспитания и научно-исследовательской деятельности; решением сверхзадач через реализацию креативных потенций в научно-образовательном пространстве. Стратегической целью кафедры, как и Института зарубежной филологии и регионоведения, является стремление стать одним из ведущих центров непрерывного полиязычного образования с обучением современным компетенциям (digital и soft-skills), активной научной, социально-культурной и международной деятельности для сохранения и популяризации языкового и культурного разнообразия Северо-Востока РФ.

Сведения об авторах

РУФОВА Елена Степановна – к. филол. н., зав.каф. восточных языков и страноведения, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация

БАРАШКОВА Светлана Николаевна – к. филол. н., доц. каф. восточных языков и страноведения, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация

ПЕРМЯКОВА Туяара Николаевна – к. филол. н., доц. каф. восточных языков и страноведения, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация

About the authors

Elena S. RUFOVA – Cand. Sci. (Philology), Head of the Department of Oriental Languages and Regional Studies, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

Svetlana N. BARASHKOVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Oriental Languages and Regional Studies, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

Tuyara N. PERMYAKOVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Oriental Languages and Regional Studies, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

**The Path to the East: Celebrating the 25th Anniversary
of the Department of Oriental Languages
and Regional Studies, Institute of Modern Languages
and International Studies,
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University**

Elena S. Rufova, Svetlana N. Barashkova, Tuyara N. Permyakova ✉

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ ptuiara@mail.ru

This year marks the 25th anniversary of the Department of Oriental Languages and Regional Studies, Institute of Modern Languages and International Studies, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University. Prior to the department's establishment, the university had a history of teaching Oriental languages spanning over a decade.

Japanese was the first Oriental language introduced at Yakutsk State University, a development that was not coincidental. Russian holds the distinction of being the first country worldwide to initiate the teaching of Japanese as a foreign language, dating back to 1705. Following St. Petersburg, the Yakut School of Japanese Language emerged, where, purportedly from 1748, members of the crew from the shipwrecked Japanese vessel "Taga-maru" instructed local inhabitants in the Japanese language. This school was subsequently relocated to Irkutsk, laying the foundation for the advancement of Russian Japanology. This historical context piqued the interest of Katsuki Hideo, the prospective first instructor of Japanese language and Honorary Professor of Yakut State University, leading him to accept a position in remote, rigorous Yakutia in the early 1990s. Thus, the history of Oriental language instruction at the Department of Translation, Faculty of Foreign Languages of Yakut State University, commenced in 1990. Notably, Apolloniy Innokentievich Semyonov, the founder of the Faculty of Foreign Languages, Yakut State University, was among the earliest individuals in the republic to study Japanese.

Concurrently with Japanese, instruction in Chinese as a second foreign language began. The initial instructors included Galina Chernykh, a graduate of the Blagoveshchensk Institute, and the Chinese entrepreneurs from the local market, known as Volodya and Misha. The development of Korean studies in Yakutia was facilitated by Kang Duksoo, a professor at Hankuk University of Foreign Studies and later an Emeritus Professor at M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

The establishment of the Department of Oriental Languages as an independent structural unit was facilitated by the active support and assistance of Evgenia Isaevna Mikhailova, who at that time held the position of Minister of Education of the Sakha Republic (Yakutia). Key figures within the university who played a direct role included Olga Alekseevna Melnichuk, Vice-Rector of Yakut State University; Lyudmila Sofronovna Zamorshchikova, Dean of the faculty of Foreign Languages; and Svetlana Nikolaevna Barashkova, who served as the inaugural Head of the Department of Oriental Languages and Regional Studies (2000-2006). The second Head of Department was Tatiana Leonidovna Nikolaeva, a graduate of Khabarovsk State Pedagogical University who defended her Candidate of Sciences dissertation in Korean Philology at the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University (2006-2014). Since 2014, the Department has been led by Elena Stepanovna Rufova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor.

The department's faculty comprises experienced instructors, including highly qualified specialists with expertise in regional specificities, and early graduates of

the Oriental studies program who have completed language immersion programs and master's degrees at universities in Japan, China, and Korea, such as Z.B. Stepanova, V.V. Lebedeva, T.V. Ordakhova, and K.G. Egorova. Among the faculty who have defended Candidate of Sciences dissertations on the methodology of teaching Oriental languages are S.K. Efimova, who investigated the development of foreign language communicative competence among bilingual students learning Japanese (with reference to the Sakha Republic (Yakutia)), and A.A. Grigorieva, who explored the application of a regionally and ethnically informed approach to teaching Chinese to language university students. A significant advantage of the department, since its inception, has been its collaboration with foreign partner universities and research institutions, such as Hankuk University of Foreign Studies, Hokkaido University, Heilongjiang university, Moscow City University, as well as the consistent presence of native-speaking instructors of Oriental languages. Through collaboration with leading international centers, the department has supported the administration of TOPIK (Test of Proficiency in Korean, 2016-2022) and JLPT (Japanese-Language Proficiency Test, 2018-2021), both international examinations for assessing language proficiency.

A notable outcome of the development of Chinese studies in the republic has been the organization and execution, by faculty members of the department, of municipal and regional stages of the All-Russian Olympiad for schoolchildren in Chinese. Furthermore, A.A. Grigorieva, Associate Professor at the department, serves as Deputy Chairperson of the examination board, while T.V. Ordakhova, Senior Lecturer, is an expert member of the Unified State Examination (USE) subject committee for Chinese in the Sakha Republic (Yakutia).

The Arctic and Asian vectors of development constitute priority areas for our university. Since September 2023, the department has implemented a communicative Vietnamese language course for undergraduate and specialist degree students across diverse disciplines, offered as an individualized educational technology.

Faculty and students of the department provide translation support for a variety of events in the republic, including: the International Children of Asia Games (2004-2024); "EXPO 2025" (Japan); translation of P.V. Ogotoev's Olonkho epic "Eles Bootur" into Korean; the construction of the Sakha-LG Center (2010); the "Sakura Branch on the Land of Olonkho" Japanese culture festival, commemorating the 25th anniversary of sister-city relations between Yakutsk and Muromiya and World Twin Cities Day (2017); the ATURK Forum (2018); the Third Joint Meeting of the Consultative Council for the Promotion of Russian-Japanese Inter-Parliamentary and Inter-Regional Cooperation and the Japan-Russia Dialogue Club of the House of Councillors of the Parliament of Japan (2018); the operation of the King Sejong Institute (2018-2023); and the Northern Forum on Sustainable Development (2019-2024), among others.

The training of specialists with expertise in Oriental languages and cultures constitutes a vital component of Russia's integration into the Asia-Pacific region and its collaborative engagements with countries in East and Southeast Asia. Among the department's alumni are professionals advancing various sectors of the republic, including: K.A. Borisov, Permanent Representative of the Sakha Republic (Yakutia) to the Far Eastern Federal District; N.R. Maksimov, Vice-Rector for International Cooperation at M.K. Ammosov North-Eastern Federal University; M.I. Sofronova, Deputy Director of the Department of State Policy in the Sphere of Secondary Vocational Education and Professional Training at the Ministry of Education of Russia; P.V. Popov, Head of the Avtodorozhny District Administration of the Municipal District "City of Yakutsk"; V.I. Petrova, Chief Specialist in the Department of External Relations and Ethnic Affairs of the Yakutsk City District Administration; U. Kobayakova, PhD, Professor at Kemyung University (Daegu, Republic of Korea); A.S. Konova, Chinese Language Teacher

at V.I. Malyshkina Secondary School No. 23 and “Teacher of the Year 2020”; M.A. Karamzina, Head of the Yakutsk Regional Service Center of ALROSA Information Technologies LLC; A.A. Degtyareva, film director, screenwriter, producer, marketer, member of the Union of Journalists of Russia, and winner of the “Spirit of Fire” International Debut Film Festival (2024); and A.I. Sutakov, Brand Manager for gaming Products at FunPlus, a developer of mobile and computer games, among many others.

The current stage of the department’s development is characterized by a transition to a qualitatively new level of undergraduate and graduate education; the enhancement of teaching, nurturing, and research processes; and the tackling of ambitious goals through the realization of creative potential within the scholarly and educational landscape. The strategic objective of the department, mirroring that of the Institute of Foreign Philology and Regional Studies, is to evolve into a leading center for continuous multilingual education, fostering modern competencies (digital and soft skills), and promoting active scholarly, socio-cultural, and international engagement to preserve and disseminate the linguistic and cultural diversity of Northeastern Russia.

Светлый образ Учителя

М. В. Тарабукина ✉, **Л. Н. Самсонова**

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,

г. Якутск, Российская Федерация

✉ tarabukina_1965@mail.ru

В 2025 г. исполняется 100 лет со дня рождения ветерана Великой Отечественной войны, кандидата филологических наук, профессора, академика Академии духовности, Почетного работника высшего профессионального образования РФ, лауреата республиканской премии им. Кирилла и Мефодия, Учителя учителей, заслуженного деятеля науки ЯАССР, почетного гражданина г. Якутска и РС (Я), отличника высшей школы СССР, отмеченного медалью «За заслуги в развитии науки РС (Я)», ученого с мировым именем Николая Георгиевича Самсонова.

Яркий представитель своего времени, разделяя с Родиной ее победы и невзгоды, Николай Георгиевич верно служил Отечеству. Вся его многогранная деятельность – яркий пример служения народу. Его называли воином, ученым, педагогом, журналистом. Да, это так. Но он остается в памяти тех, кто его знал, еще и Человеком, добрым, интеллигентным, открытым,

простым, скромным, с чутким сердцем и чистой совестью. Он проявлял себя как интересный собеседник благодаря своей широкой эрудиции.

Николай Георгиевич участвовал в войнах с немецкими захватчиками и японскими империалистами, как разведчик награжден двумя боевыми орденами, 16 медалями, из них двумя зарубежными, знаком «Отличный разведчик», имел благодарности от Верховного Главнокомандующего.

Спокойная, размеренная речь, высокая требовательность к себе и другим отличали его отношения с коллегами и студентами. Он неспешно входил в аудиторию – студенты сразу же смолкали, и спокойно, точно и ясно излагал сложнейшие вопросы курса историко-лингвистических дисциплин. Его научные труды характеризуются той же четкостью, ясностью, которые отличали его преподавательскую деятельность. Он был дисциплинирован, дорожил своим и чужим временем – никогда никуда не опаздывал, не заставлял себя ждать.

Богатый опыт, высокий профессионализм, исключительное трудолюбие, ответственность, требовательность, доброжелательность, которыми он обладал, снискали большой авторитет и уважение среди студентов, коллег, общественности и населения республики.

Более 60 лет отдал Николай Георгиевич обучению и воспитанию высококвалифицированных специалистов-филологов, 30 лет заведовал кафедрой русского языка и общего языкознания. Он – прирожденный педагог из знаменитой учительской династии Самсоновых, посвятивших всю свою жизнь служению своему народу и его просвещению, воспитанию нового поколения. Многие поколения студентов, выпускников филологического факультета обрели у него

фундаментальные знания по истории русского языка, которые, несомненно, помогли им в дальнейшей научной и профессиональной деятельности. Сегодня воспитанники Николая Георгиевича трудятся в разных областях Республики Саха (Якутия): в школах, в научных учреждениях, в журналистике, внося свой вклад в развитие образования и культуры нашей многонациональной родины.

Многое сделано Николаем Георгиевичем и на поприще многогранной общественной работы. Он постоянно находился в творческом поиске: был членом Совета по русскому языку при Президенте РФ (1995–2000 гг.), членом Совета по русскому языку при Правительстве РФ (2001–2012 гг.), являлся заместителем председателя Совета по языковой политике РС (Я) при Президенте РС (Я), 8 лет был членом редакционной коллегии многостраничной международной газеты «За буквите», издаваемой в Болгарии.

Николай Георгиевич известен в республике и как журналист, член Союза журналистов СССР и России. На страницах газет и журналов им регулярно затрагивались проблемные вопросы нашей действительности, которые широко обсуждались общественностью. Его выступления и статьи были своевременными и актуальными. Он прочно завоевал непререкаемый авторитет в научных кругах и широких массах не только как выдающийся ученый, но и как носитель национального духа, культуры, являясь связующим звеном русского, якутского и других языков республики. Весь свой незаурядный талант Николай Георгиевич сполна отдавал служению благородным идеалам консолидации и духовного единства народов.

Николай Георгиевич – известный ученый, высококвалифицированный специалист-славист, которого высоко ценят в России, ближнем и дальнем зарубежье. Круг его научных интересов – славянская филология, сравнительное языкознание, взаимодействие языков, русская диалектология, ономастика. Он относится к той группе профессоров-языковедов, которые закладывают фундамент лингвистической подготовки не только у многих поколений студентов и аспирантов своего факультета, но и далеко за его пределами. Им опубликовано 607 статей научного, научно-популярного, публицистического характера в России, ближнем и дальнем зарубежье, 59 монографий и учебных пособий. Его учебники и учебные пособия по историко-лингвистическим дисциплинам до сих пор пользуются большим спросом. В 2024 г. в издательстве «Флинта. Наука» (Москва) вышло 11-е издание учебного пособия «Старославянский язык», одним из авторов которого является Н. Г. Самсонов. Как высококвалифицированного специалиста-слависта Николая Георгиевича приглашали читать лекции университеты Чехословакии, Венгрии, Болгарии, ФРГ, США.

Ученый, педагог, воин, журналист – это составляющие, которые определяют личность Н. Г. Самсонова.

Идут годы, но они не умаляют заслуг большого ученого перед мировой лингвистикой, не пропали даром усилия основателя единственной в Российской Федерации системы учебных пособий по истории русского языка, до сих пор актуальных в подготовке филологов. Великое дело служения науке и обучению новых поколений филологов, которому посвятил Н. Г. Самсонов свою жизнь, продолжается в его талантливых учениках, в тысячах учителей русского языка, выпускников филологического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова.

Имя Николая Георгиевича Самсонова вписано золотыми буквами в историю нашей республики, ведь своими исследованиями он внес значительный вклад в филологическую науку. Мировое научное сообщество заслуженно признало его выдающимся ученым-языковедом нашей планеты. Благодаря таким, как он, о Республике Саха (Якутия) узнает общественность других стран.

В нашей памяти навсегда останется светлый образ Учителя, по книгам которого мы продолжаем работать с новыми поколениями студентов.

В юбилейный год Николая Георгиевича Самсонова при поддержке Правительства РС (Я), Министерства образования и науки РС (Я), Совета по языковой политике при Президенте РС (Я) планируется ряд юбилейных мероприятий, в том числе торжественное открытие в ГУК СВФУ кабинета им. Н. Г. Самсонова, будут проведены конференции, круглые столы, выставка работ и личных вещей профессора Н. Г. Самсонова.

Сведения об авторах

ТАРАБУКИНА Марфа Васильевна – к. филол. н., зав. каф. русского языка ФЛФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», e-mail: tarabukina_1965@mail.ru

САМСОНОВА Лариса Николаевна – к. филол. н., доц. каф. русского языка ФЛФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», e-mail: samsonova_fif@mail.ru

About the authors

Marfa V. TARABUKINA – Cand. Sci. (Philology), Head of the Russian language Department, Faculty of Philology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

Larisa N. SAMSONOVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Russian Language Department, Faculty of Philology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

The bright image of the Teacher

Marfa V. Tarabukina* ✉, *Larisa N. Samsonova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ tarabukina_1965@mail.ru

In 2025, we commemorate the centenary of the birth of Nikolay Georgievich Samsonov, a veteran of the Great Patriotic War, Candidate of Philological Sciences, Professor, Academician of the Academy of Spirituality, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, laureate of the Kirill and Mefodii Republic Prize, Teacher of Teachers, Honored Scientist of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic, Honorary Citizen of Yakutsk and the Sakha Republic (Yakutia), Excellent Worker of Higher School of the USSR, and recipient of the Medal “For Merit in the Development of Science of the Sakha Republic (Yakutia) – a scholar of global renown.

A prominent figure of this era, sharing in the triumphs and tribulations of his homeland, Nikolay Georgievich faithfully served his country. His multifaced career exemplifies a dedication to serving the people. He was lauded as a warrior, scholar, educator, and journalist. While all of these designations are accurate, he remains, in the memories of those who knew him, above all, a Human Being – King, intelligent, open, unassuming, modest, with a compassionate heart and a clear conscience. His extensive erudition made him a compelling conversationalist.

Nikolay Georgievich participated in the wars against German invaders and Japanese imperialists. As a reconnaissance officer, he was decorated with two combat orders, sixteen medals (including two from foreign nations), the “Excellent Scout” sign, and commendations from the Supreme Commander-in-Chief.

A calm, measured comportment and high expectations for himself and others characterized his interactions with colleagues and students. He would enter the lecture hall deliberately – the students would immediately fall silent – and proceed to present the most complex topics in historical-linguistic disciplines calmly, accurately, and clearly. His scholarly works are characterized by the same precision and clarity that distinguished his teaching. He was disciplined, valuing his own time and the time of others – never arriving late and never keeping anyone waiting.

His extensive experience, exceptional professionalism, unwavering work ethic, sense of responsibility, exacting standards, and benevolence inspired him great authority and respect among students, colleagues, the broader community, and the population of the republic.

Nikolay Georgievich devoted over 60 years to the education and training of highly qualified philologists and served as Head of the Russian Language Department and General Linguistic for 30 years. A natural pedagogue from the renowned Samsonov teaching dynasty, he dedicated his life to serving his people and advancing their enlightenment, cultivating a new generation. Multiple generations of students and graduates of the Faculty of Philology acquired from him a fundamental knowledge of the history of the Russian language, which undoubtedly aided them in their subsequent scholarly and professional pursuits. Today, Nikolay Georgievich’s graduates work in diverse fields throughout the Sakha Republic (Yakutia) – in schools, research institutions, and journalism – contributing to the development of education and culture in our multinational homeland.

Nikolay Georgievich made significant contribution through his extensive public service activities. He consistency engaged in creative pursuits, serving as a member of the Council on the Russian Language under the President of the Russian Federation

(1995-2000) and under the Government of the Russian Federation (2001-2012). He also held the position of Deputy Chairman of the Council on Language Policy of the Sakha Republic (Yakutia) under the President of the Sakha Republic (Yakutia) and served for eight years on the editorial board of the multilingual international newspaper *Za bukvite*, published in Bulgaria.

Nikolay Georgievich was also recognized in the republic as a journalist and a member of the Union of Journalists of the USSR and Russia. He regularly addressed pressing issues of contemporary society on the pages of newspapers and magazines, prompting widespread public discussion. His articles and pronouncements were timely and pertinent. He firmly established an unassailable reputation in scholarly circles and among the general public, not only as an outstanding scientist but also as a bearer of national spirit and culture, serving as a bridge between Russian, Yakut, and other languages of the republic. Nikolay Georgievich dedicated his extraordinary talent fully to serving the noble ideals of consolidating and fostering the spiritual unity of peoples.

Nikolay Georgievich was a renowned scholar and highly qualified specialist in Slavic studies, highly valued in Russia and abroad. His scholarly interests encompassed Slavic philology, comparative linguistics, language interaction, Russian dialectology, and onomastics. He belonged to that select group of linguist-professors who laid the foundation for linguistic training not only for many generations of students and graduate students within his department but also far beyond its confines. He published 607 articles of scholarly, popular scientific, and journalistic nature in Russia and internationally, along 59 monographs and textbooks. His textbooks and teaching aids on historical-linguistic disciplines continue to be in high demand. In 2024, the 11th edition of the textbook *Old Church Slavonic*, co-authored by Nikolay Georgievich Samsonov, was published by “Flinta. Nauka” publishing house (Moscow). As a highly qualified specialist in Slavic studies, Nikolay Georgievich was invited to lecture at universities in Czechoslovakia, Hungary, Bulgaria, Germany, and the United States.

Scholar, educator, soldier, journalist – these facets define the multifaceted individual of Nikolay Georgievich Samsonov.

Years pass, but they do not diminish the contributions of this eminent scholar to global linguistics, nor have the efforts of the founder of the Russian Federation’s sole system of teaching aids for the history of the Russian language, which remain relevant to the training of philologists, been in vain. The noble endeavor of serving science and educating new generations of philologists, to which N.G. Samsonov dedicated his life, continues through his talented students and the thousand of Russian language teachers who are graduates of the Faculty of Philology at M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Nikolay Georgievich Samsonov’s name is inscribed in golden letters in the history of our republic, for his research has made a significant contribution to philological science. The global scholarly community has appropriately recognized him as an outstanding linguist of our planet. Thanks to individuals like him, the international community learns about the Sakha Republic (Yakutia).

In our memory, the image of the Teacher, whose books we continue to use with new generations of students, will forever remain.

In this anniversary year honoring Nikolay Georgievich Samsonov, a series of commemorative events are planned with the support of the Government of the Sakha Republic (Yakutia), the Ministry of Education and Science of the Sakha Republic (Yakutia), and the Council on Language Policy under the President of the Sakha Republic (Yakutia). These include the formal opening of the N.G. Samsonov Room in the Main Academic Building at the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, as well as conferences, round tables, and an exhibition of Professor Nikolay Samsonov’s works and personal effects.

**ВЕСТНИК
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал

Том 22 № 2 2025

Редакторы

Н. В. Дмитриева, А. И. Олесова

Компьютерная верстка *В. А. Максимова*

Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 25.06.2025

Формат 70×108/16. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная.

Печ. л. 21,9. Уч.-изд. л. 27,4

Тираж 150 экз. Заказ .

Дата выхода в свет 30.06.2025

Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского дома СВФУ
Адрес типографии: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58